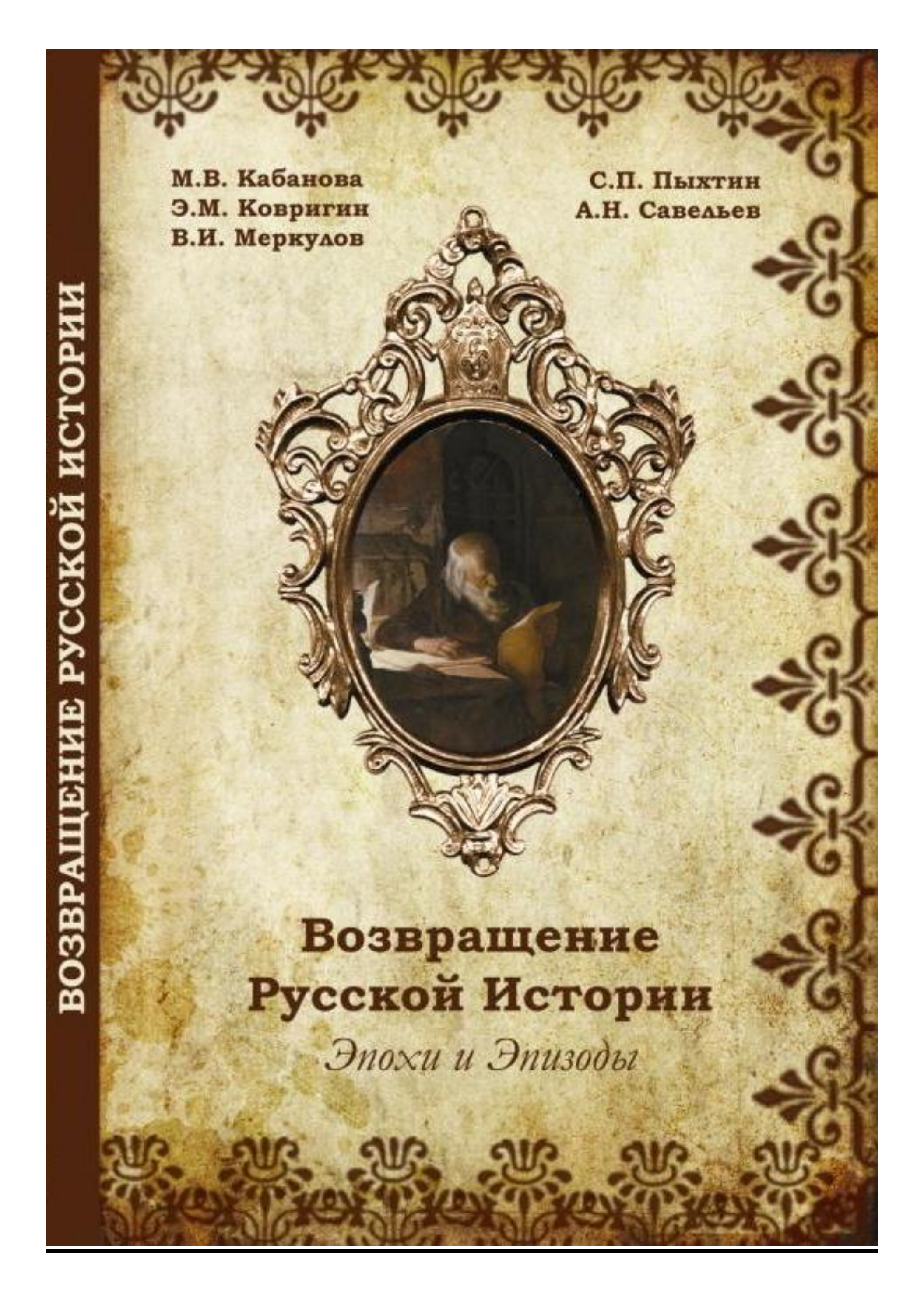

Аннотация

Книга «Возвращение русской истории» иллюстрирует историю России в эпизодах – как хорошо известных, так и еще недостаточно изученных. Целью авторов является сохранение исторической правды, которая защищает величие России от поругания со стороны фальсификаторов. Русская история, как показывают авторы, даже в эпизодах предстает как величественная эпопея, полная триумфов и трагедий, загадок и откровений.

Большинство статей ранее публиковалось в сокращенных версиях в журналах «Русский дом», «Москва», «Золотой лев», историческом ежегоднике «Клиония».

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

IV. XX век. Советская эпоха

Кронштадт: мятеж уставших от войны *(А.Н.Савельев)*
Антоновщина – трагедия бессмысленного бунта *(В.И.Меркулов)*
Убийство Кирова: крах романтического большевизма *(А.Н.Савельев)*
За десять лет до войны *(А.Н.Савельев)*
Алексей Стаханов. Жизнь, загубленная пропагандой *(А.Н.Савельев)*
У истоков чеченского мятежа *(А.Н.Савельев)*
Русско-финская война в исторических интерпретациях *(С.П.Пыхтин)*
Начало Великой войны *(В.И.Меркулов)*
Танк с русской душой *(А.Н.Савельев)*
Неправда о войне *(С.П.Пыхтин)*
Цена Победы 1945 года *(С.П.Пыхтин)*
Нюрнбергская ловушка *(С.П.Пыхтин)*
Потсдам: попытка «демократического» передела мира *(А.Н.Савельев)*
От разоблачения Сталина до разоблачения Хрущева *(М.В.Кабанова)*
Оружие космического века: от искусственного спутника к ядерному щиту *(А.Н.Савельев)*
Августовский путч и распад Советского государства *(М.В.Кабанова)*

V. В защиту русской истории

Русофобские эксперименты с историей *(А.Н.Савельев)*
Граненая ложь *(А.Н.Савельев)*
Навет на русскую историю *(С.П.Пыхтин)*
Правовые манипуляции и селективное сострадание *(С.П.Пыхтин)*
Какая история нужна государству Российскому? *(В.И.Меркулов)*

Авторы:

Краткое предисловие

История России еще не написана и не усвоена современным российским обществом. Она разорвана идеологическими предпочтениями, искажена злобными хулителями, опошлена литературными выдумками.

Авторы ставят своей целью соединение русской истории, осмысление ее как величайшего достояния России. Наша история – это Божий дар, данный нам для будущего. Принять этот дар – значит оживить современность как продолжение опыта предков. Наше богатство столь велико, что каждый год мы можем отмечать памятные даты своей истории, увязывая с ними свои планы и осмысливая текущие события.

История России наполнена могучими фигурами государственных деятелей, для которых слава Отечества и польза народа – высшие задачи государственного управления, а православная вера – источник моральных мотивов, лежащих в основе любого государственного решения. Они должны быть отмечены по достоинству.

Авторы

I. Красная нить русской истории. Перекличка эпох

Смысл русской истории

Русская религиозная и философская мысль давно уже определили судьбу русских как народа, удерживающего мир от торжества “тайны беззакония”, а потому переваривающего в себе все локальные “апокалипсисы”. Именно поэтому русские видение истории – трагический оптимизм, в котором присутствует понимание неизбежности локальных поражений и уверенность в финальной победе Христа в Своем Пришествии. От этого и традиционный образ русского человека как воина и пахаря, на котором “вся тяга земная”.

Путь России, как его видел Г.П.Федотов, - не латинство, не басурманство, а эллинство: «Наш дикий черенок привит к стволу христианского человечества именно в греческой ветви его, и это не может быть незначащей случайностью». «Именно в Греции и больше нигде связываются в узел все пути мира. Рим — ее младший брат и духовный сын, ей обязанный лучшим в себе. Восток и на заре, и на закате его истории — и в Микенах, а в Византии — обогащает своей глубиной и остротой ее безукоризненную мерность, залог православия. Чем дальше, тем больше мы открываем в эллинизме даров Востока. Нам не страшен ни Восток, ни Запад. Весь мир обещан нам по праву, нет истины, нет красоты, которой бы не нашлось места во вселенском храме. Но каждому камню укажет место и меру тот зодчий, который подвесил в небе «на золотых цепях» купол святой Софии».

Россия соединила в себе (точнее, обязана соединить, исполняя свою историческую миссию) проект римской имперской государственности и проект мировой эллинической культуры, которые в иных местах существовали порознь. В русской истории и русском правящем сословии отразилось величие Рима – наше преемство не только от Византии. Рим вознесся над профанной историей – войнами полисов, размытостью этических принципов, поверхностной логике событий. Рим вознесся над всем этим в своем государственном смысле, уступив в художественных достоинствах греческой культуре, но не потеряв ее. Без Рима древнегреческая культура осталась бы археологическим достоянием потомков, Иерусалим - историческим захолустьем, и даже Египет был бы затянут песками истории. Рим связал прошлое с современностью единым смыслом, открывшимся во всем великолепии в Византии и переданном по наследству Москве.

Древность русского рода объясняет и оправдывает русский мессианизм, который есть смысл русской истории. По мнению Бердяева «мессианизм есть основная тема истории — истинный или ложный мессианизм, открытый или прикрытый. Вся трагедия истории связана с действенностью мессианской идеи, с постоянным двоением ее в человеческом сознании». Ложные толкования русского мессианизма, разумеется, должны преодолеваться, истинные – собираться и складываться в концепцию, порождающую русскую национальную мифологию.

Смысл современной русской истории отражен в мысли Н.Я.Данилевского: «Прогресс состоит не в том, чтобы все шли в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности, исходить в разных направлениях». Россия исходила это поле вдоль и поперек, найдя для себя и других впечатляющие исторические уроки. Проблема состоит в том, чтобы усвоить эти уроки.

Вероятно главный урок русской истории – трагедия утраты русскими собственного государства, своей веры и непрерывности своей истории. Последние сто лет – это история отпадения русских от понимания задач государства, от православной веры и памяти предков, история трагических последствий этого отпадения и их осознания.

Смута в русском духе произошла от увлечения европейскими идеями Просвещения, либерализма и гуманизма. Внесенные на русскую почву они дали ядовитые плоды – денационализированную разночинскую интеллигенцию, породившую марксистские кружки и чудище большевизма.

Большевики не только столкнули русских между собой в гражданской войне, не только уничтожили цвет нации - ведущие сословия, но и смутили русское самосознание интернационализмом. В результате страна была перепахана этническими границами, по которым и была расчленена в 1991. К власти прорвались русские нигилисты, китайские добровольцы, еврейские “образованцы”, латышские стрелки и сонмище прочих участников вселенского интернационала оторвавшихся от собственной культуры.

Русской идее глубоко противен всякий интернационализм. Свое вселенское служение Россия обретает как самобытная страна и уникальное государство – империя, соединяющая многие народы под водительством

русских. Утверждение Достоевского о “всечеловечности” русских к интернационализму не имеет никакого отношения. В “Дневнике писателя” Достоевский недвусмысленно дает понять, что всечеловечность – это власть русских. На этом стояли все русские философы XX века – от К.Леонтьева и С.Булгакова до Г.Федотова и И.Ильина, для которых государственное измерение русской идеи всегда означало русское лидерство, выверенное не по крови, а по духу.

Большевики осуществили разрыв русской истории изуверской ритуальной казнью Николая II, его семьи и верных слуг. Растоптать русскую историю, русское понимание государства как Большой Семьи и понимание роли Самодержца как отца для своих подданных, заставить видеть в истории только кипение масс, движимых собственным эгоцентризмом, лишить русских понимания Отечества – вот цель, которую ставили перед собой разорители Русской Земли. Они многого достигли, пока сами не легли под поднятый ими же топор. И Россия возродилась как советская империя – без русского национального начала, но с властью, знающей ценность суверенитета и готовой биться за него.

Теоретическим «достижением» большевиков, предопределившим болезни не только советского периода, но и современные, стало уничтожение такого понятия, как «великоросс». В результате смешались понятия об этнической и национальной природе русских. Оказалось, что малороссы и белорусы – уже не русские. До сих пор мы не можем восстановить нормального понимания того, что русские – это нация, состоящая из трех основных русских этносов (великороссы, малороссы и белорусы), ряда малых этносов (русины, поморы и др.), а также из обрусевших представителей иных этносов.

Спасением России от погибели в мировой революции и мировой войне стал приход на смену большевикам когорты сталинских «меченосцев», искрошившей прежний интернационал, но оставивших многое из прежних догматов большевизма – прежде всего, его нерусскую сущность, его изобретение «новой общности», «нового человека», его бюрократический характер в управлении. Только в годину испытаний Великой Отечественной войны на словах Сталин вспомнил русских полководцев. Празднуя Победу он поднял тост за великий русский народ. Русскими жизнями в мире и войне оплачивался авантюризм и некомпетентность советской номенклатуры. Мы должны помнить это, склоняя головы перед военным подвигом русского солдата, гражданским подвигом русского ученого и инженера, трудовым подвигом русского рабочего и крестьянина. Русский гений в послевоенные годы обеспечил технологический прорыв СССР и его ведущую роль в мировых событиях. Но советская антинациональная бюрократия выхолостила этот успех, надорвала силы русских, опоила русских лицемерием застойных лет и породила «демократическую революцию» и стремительное разрушение русского исторического и хозяйственного достояния, сохранившегося под спудом советской власти.

Утрата Традиции не может не ощущаться как конец Истории. Тому, кто осознает опасность гибели своего народа и своего государства продолжение истории без них теряет всякий смысл. Россия не раз походила к краю пропасти,

ощущая всем своим существом возможность небытия. Обращение к опыту преодоления Смут, отражения самых страшных нашествий дает нам силы верить, что история России не исчерпана.

Ответственный гражданин не может не понимать, что государства и цивилизации смертны точно так же, как и люди. Поэтому признаки упадка государства – бесспорный сигнал опасности. Сравнивая нынешнее положение России с тяжкими периодами ее истории, мы надеемся, что Россия спасется, как это не раз бывало. Но не стоит ли при этом не уповать на стойкость русского народа, а взять опыт истории как прямую рекомендацию для сегодняшнего дня? Увы, на такой шаг ни власть, ни общество сегодня не могут решиться.

Проще всего объяснить упадок государственности как следствие упадка нравственности. Такое объяснение истинно, но очень опасно остановиться на нем, не проявив понимания того, откуда берутся нравственные нормы и как они воплощаются в хозяйственных и общественных институтах. «Общечеловеческие», как будто исходно существующие нормы жизни – это выдумка. Таковых никогда не существовало. Нравственность всегда соответствует Традиции, устоявшимся, а иногда вводимым самыми жесткими мерами, правилам. Традиции государственного управления представляют собой совокупность проверенных рецептов, которые необходимы для жизни данного государства и наиболее эффективны именно для него.

Переживая эпоху «реформизма» - нигилистического отношения к государственной Традиции, мы проводим опасный эксперимент, дав убаюкать себя сказками о перспективах «модернизации» - якобы, стоит только отбросить все традиционное, и условия жизни тут же изменятся к лучшему. Как это всегда бывает в истории, результат оказался обратным.

Особенное положение России сегодня – это присутствие в глобализированном мире, который не просто отрекается от национальных традиций, но и стремится уничтожить государство – дом, где традиция может быть восстановлена, сохранена и защищена. Разгосударствление мира выдается за его освобождение. Эта концепция – всего лишь иная интерпретация прежних идей о «конце истории», объявивших о том, что поиски правильного устройства человеческого общества завершены и нашли совершенную форму в западном либеральном государстве. В нем же, как полагают либеральные теоретики, только и можно спастись от смешения с дикарями, отразив их набег в «столкновении цивилизаций» и устроив жизнь «золотого миллиарда» - полноценного общества среди неполноценного человечества.

В рамках этой концепции традиционное государство с его национальной культурой и собственным историческим опытом считается уходящей сущностью, поскольку стирание границ между народами кажется либералам естественным и гуманным. Вместе с тем, выгода от неуклонной деградации национальных суверенитетов распределяется далеко неравномерно в грядущем «мировом государстве». В нем уже наметились иные границы, которые имеют не только пространственное, но и национальное выражение.

Русские вряд ли смогут согласиться отдать свое историческое достояние в руки невесть откуда взявшихся ценителей, которые выберут из него что-то по своим критериям, а остальное отбросят. Обменять место для избранных в

«золотом миллиарде» в обмен на отказ от собственной истории и культуры для нас дело невозможное. Наша Традиция сообщает нам совершенно другую миссию – миссию «удерживающего» от вселенского хаоса. То есть, русское дело состоит как раз в обратном – в сопротивлении глобальному культурному и политическому выравниванию мира, в сохранении собственной самобытности, не отгороженной от остального мира, но и не растворенной в нем. Русская вселенскость и православная соборность подготавливается русской самобытностью, в которой вечные ценности отражены в частных, национальных. Обустраивая в опоре на эти ценности ядро русской цивилизации, мы можем разворачивать и собственный политический проект как образец возрождения Традиции.

При этом Традиция не должна истолковываться исключительно как культурное явление – только как хранитель заветов умерших цивилизаций. Традиционализм – это внутреннее направление мировоззренческого служения Традиции. В политическом «срезе» мировоззрения возникает национальная форма консерватизма внешняя форма мировоззрения.

Православные прекрасно знают, что ценности современной либеральной демократии идут вразрез с нашей традицией. Напротив, идея Царства, православной монархии, идея симфонии Церкви и Государства более всего отражены в христианском мировоззрении. В этом смысле Традиция в современной России может проявляться только как *реакция* – системно выстроенный ответ на революционные мутации социума. Истинная традиция противостоит не только социальной революции, но и социальному модернизму.

Чтобы иметь перспективу установления в России традиционной государственности – пусть не впрямую монархии, но строя, основанного на монархических принципах – следует понять паразитическую сущность как либерализма, так и социализма, возвышающихся только за счет низложения традиционных форм жизни и подрыва государственного могущества.

Для русского интеллекта всегда было непросто объяснить и взвесить сочетание самобытности и вселенскости русского народа, а для государственных мужей – уберечь страну от уклонений либо от вселенского, либо от родного. Проблемы мировоззрения всегда вращались вокруг неоднозначной идеи «народа» и «народности». Между тем, идея народа всегда и всюду является заведомо незрелой, покуда он воспринимается как этнографический субстрат, оформленный государством. Зрелое содержание идеи народа состоит в представлении о родовой солидарности и священной родовой истории, которая может быть сохранена от разрывов только под сенью Церкви – в общине «народа Божиего», где народ вызревает в нацию - сверхродовое единство в культе и культуре.

Русский национализм имеет следствием русское национальное государство, но не замкнутое в себе и враждебное другим народам, а открытое имперскому строительству. В русской православной империи Россия обустраивается для русских, но не только для них. Имперский противовес узкоэтническому национализму и вселенский противовес православной веры, смиряющий заносчивость элит, создают национал-имперский синтез, когда

обустройство России для русских становится одновременно обустройством России и для других коренных народов.

Имперская константа в русской идеологии важна тем, что дает священству и церковному народу то поприще, на котором невозможно впасть в «протестантизацию» и утратить размах русской духовной миссии. Теократический характер идеи Империи содержательно наполняет Государство, обогащает его смыслами, восстанавливает центростремительные процессы, собирает Русь после очередной Смуты и дает силы для нового геополитического и мировоззренческого наступления, реванша русской государственности.

В этом в*и*дении пути от либеральной демократии к русской Империи обозначается политический проект возрождения исторической России, отличный от прочих имперских проектов (прежде всего – от проекта «либеральной империи» США). Имперский проект для России – это одновременно и возвращение к своей миссии, и шанс для человечества не допустить «конца истории», измельчания политики до ничтожных дрязг и мышиной возни частных эгоизмов. Православная Империя – это универсалистский проект, противостоящий глобализму, глобальной Антиимперии, нивелирующей все культурные различия и стирающей все традиции.

Для условий современности самая напряженная идея русского бытия – идея воссоединения. Воссоединение территориальное – как политическая задача, воссоединение истории – как нравственная задача. Внутреннее воссоединение – как преодоление «титульного» федерализма, внешнее воссоединение – как возвращение в единое государство Российской Федерации, Белоруссии, Украины и Казахстана, а затем и других самостийных частей прежней русской Империи.

Воссоединение России в любых его формах – это путь из Смуты, возвращение исторически обусловленных рубежей русского мира, возрождение русской цивилизации как явления, определяющего судьбы человечества.

Ужаснувшись масштабам утрат для Русской цивилизации, мы не должны впадать в пессимизм, ибо у русской истории есть и оптимистическое прочтение, а значит – оптимистическое продолжение. Оно - в возрождении традиций православной веры, имперской государственности и национальной самобытности.

Русским нет смысла выдумывать свою историю. Она насыщена до предела, она выверена русской исторической наукой в предшествующие периоды и полностью готова для современного осмысления. Главное, чтобы русские историки, мыслители, образованные слои общества видели бы правду на стороне монархии в феврале 1917, на стороне советской армии в Великую Отечественную войну, на стороне СССР во время Беловежья, на стороне защитников Конституции в октябре 1993, на стороне российской армии в Чеченской войне.

Судьба России на переломе. В будущем веке Россия может быть только русской (русским национальным государством, преемницей исторических

форм общежития и права Российской Империи, русского самодержавия) или ее не будет вообще.

Реконкиста по-русски

Окраины могут быть только у великих держав. Казалось бы, мысль эта до банальности проста. Но мы, русские, так к ней привыкли, что уже не замечаем, каким глубоким смыслом она для нас обладает. Понятие окраины может возникнуть лишь в политическом самосознании нации, обладающей государством с большими, многотысячекилометровыми пространствами. Помимо России они были на Западе только у Речи Посполитой (до ее раздела в XVIII веке) и на Востоке – у Китая.

Наличие пространственных окраин создает условия для возникновения и осознания – как простолюдинами, так и господствующими классами – государственного центра. Это такая территория, которую традиционно обживал и заселял преимущественно государствообразующий народ «откуда есть пошла русская земля», как указывала русская летопись.

Понятие центра при этом не надо понимать буквально. Это не геометрический центр с географической точки зрения. Но именно с него начинается отсчет создания государства. Для Франции это область Франш-Конте, для Испании – Кастилия и Арагон, для Германии – земля Бранденбург, для современной России, современный суверенитет которой может отсчитываться с 1480 года («стояние на Угре», окончательно избавившее Русь от вассальной зависимости от Орды), – это Владимиро-Суздальское княжество, частью которого является и Москва. Для русских «как известно, вся земля начинается с Кремля». *Обретая политический центр, государство становится главным строителем нации.* Если государство является отцом нации, то жизненное пространство – ее мать.

Отношения, возникающие между центром и окраинами, всегда достаточно сложны и, как правило, необыкновенно противоречивы. Тиши и глади между ними никогда не бывает. Как показывает опыт истории, жители окраин, если их не обуздывать, всегда стремятся к той или иной степени самостоятельности, автономности и, при подходящих обстоятельствах, сепаратизму. Окраины всегда либо оказываются на периферии развития государства, частью которого они являются, либо становятся объектом первоначальной экспансии, если становятся объектом вооруженного нападения. Все внешние опасности, с которыми может столкнуться государство в случае агрессии, сначала испытывает на себе его окраина, и лишь потом, если обстоятельства неблагоприятны, – центр. Во всяком случае, так было до тех пор, пока не появились мобильные средства ведения военных действий, что на гораздо более мелких объектах агрессии продемонстрировали войны конца XX – начала XXI столетий.

Окраины трудно приобрести, но легко потерять. И если между государствами возникает длительное противостояние, перемежающееся войнами с неопределенным исходом или договором о «вечном мире», который

нарушается при первой возможности, то такие области зачастую переходят по нескольку раз из одного государства в другое. В истории послеордынской России такой была судьба ее западных, южных и северо-западных окраин, которые являлись объектом передела после каждой русско-польской, русско-турецкой или русско-шведской войны. Война в защиту окраин, как правило, не знает компромиссов. Вот почему не центр страны, а именно окраина оказывается зачастую государственным символом. И если борьба за удержание окраины или за ее возвращение перестает воодушевлять нацию или вдохновлять ее правящий класс, то это верный признак утраты ими пассионарных качеств, знак усталости, предпосылка неизбежных поражений государства.

Окраины всегда населяют инородцы, которые, в силу исторических причин, могут относиться даже к иным расам, нежели та, к которой принадлежит главный народ государства. И если окраины обживает государствообразующий народ (такой процесс свойствен прошлым эпохам, но теперь он уже невозможен, поскольку на земле не осталось незаселенных или необжитых пространств, пригодных для заселения больших человеческих масс), то из ее жителей мало-помалу складывается некий субэтнос. Его культурно-психологические особенности могут настолько сильно отличаться от качеств, присущих народу-донору, что в известном смысле, далеком, впрочем, от научной точности, можно говорить о новом народе.

Так, к примеру, в сепаратистской и либеральной русской и в иностранной прессе до сих пор муссируется версия о казачестве как особом этносе, противоположном русскому народу. Существует даже специальный закон США, в котором декларировано стремление этого государства к предоставлению казачеству, проживающему в пределах России, наряду с другими русскими этносами, политического суверенитета. Заметим, что наличие такого закона, враждебного России, и прежде и теперь само по себе делает невозможным нормальные, тем более дружественные отношения между Москвой и Вашингтоном, между Государством Российским и США. Надо ли доказывать, насколько неискренни и беспредметны любые разговоры о «дружбе» между ними?

Субэтносы, о которых здесь упомянуто, дают внешние поводы говорить о появлении нового народа: традиции, обычаи, говор, который принимают за национальный язык, антропологические особенности, свой костюм и кулинария. Даже деревенский фольклор выдается за национальное искусство – в качестве жертв подобных спекуляций можно привести так называемых украинцев, поскольку враги России на протяжении двух столетий внушали *русскому* населению Юго-Западного края лживое представление о том, что они и есть украинцы – особый народ, угнетаемый и подавляемый русскими.

Наличие центра и окраин создает материальные условия для формирования в нации имперского сознания, а у ее правящего слоя – имперского мышления. Что значит имперское мышление? Это значит – способность оперировать категориями пространства, времени и истории. Если эти категории, соответствующим образом представленные в литературе, а значит и в системе воспитания и образования, оказываются за пределами

интереса нации или если их подменяют искусственными доктринами, как это произошло в случае с марксизмом-ленинизмом, империя утрачивает идейные основания для своего существования и рано или поздно подвергает себя риску крушения. Именно такой вывод следует из факта распада (расчленения) Союза ССР.

После 1991 года мы живем в политически распавшемся государстве. Поэтому истинные знания о его прошлом, ценность которых состоит в том, что из них становятся ясными закономерности национально-государственного развития и основания наших притязаний, приобретают для национального сознания гораздо более важное значение, нежели когда бы то ни было. Понимание того, *что* оказалось утраченным, должно стать теперь источником консолидации Русского мира. Прежде чем русский и другие союзные ему народы начнут сообща возвращать себе Россию, свою страну, восстанавливая ее политическую и территориальную целостность, им придется сделать это сначала на теоретическом уровне, вернуть ее себе в виде своей собственной истории.

В России борьба за историческую истину всегда была частью политической борьбы с врагами русского единства, русской солидарности, русской государственности. Отнюдь не случайно одна из первых ценностей, которая была повержена на последнем этапе существования правившего Россией коммунистического режима, оказалась именно история. В каждом номере практически всех толстых журналов середины 80-х годов XX века, издававшихся миллионными тиражами, во множестве радио- и телепрограмм центральных каналов ТВ можно было обнаружить какую-нибудь пакостную статью или передачу, обливавшую Россию и ее прошлое потоком грязных измышлений. Заметим, то же самое, что делают либералы в наше время, проклиная на словах коммунистов, десятками лет творили как раз пролетарии-коммунисты, захватившие власть в России в 1917 году.

Усиленная «обработка» сознания зрителей, слушателей и читателей, стремившихся познать истину, якобы скрывавшуюся от них цензорами коммунистического режима, не могла пройти бесследно. Чем еще можно объяснить безрассудство граждан страны уже в 1991 году, когда состоялся заговор с целью разрушения Советской России (СССР). Волю миллионов парализовала ложь о России, отравившая и разложившая их сознание. И когда наступил момент для решительных действий, чтобы ликвидировать заговор и уничтожить заговорщиков, никто ничего не предпринял. Что веками не удавалось сделать над Россией силой оружия, вторжениями и интервенциями, было исполнено на протяжении 1991–1993 годов оружием клеветы.

Тысячу лет назад из-за *феодальной* и удельной раздробленности Россия, простиравшаяся тогда между Тисой и Окой, потерпела поражения от совпавших по времени интервенций татаро-монгол с Востока и германцев с Запада, утратив суверенитет на три с лишним столетия. Теперь, чтобы не допустить нового ига, русским необходимо преодолеть *либеральную раздробленность*, которая обрушилась на нее внезапно, но долго подготавливалась.

Какой части России предстоит исполнить миссию объединения всех русских земель, сплочения многочисленных русских окраин с ее *географическим* центром, рождения русской нации, пока что трудно сказать. К тому же иной раз окраина и центр меняются местами. История других стран, в которых происходили аналогичные процессы, дает парадоксальные примеры. Освобождение Иберийского полуострова от мавров (реконкиста), продолжавшееся семьсот лет, началось с Арагона и Каталонии, расположенных на северо-востоке, прижатом к Пиренеям. Знамя преодоления государственной раздробленности Италии (рисорджименто) было поднято Пьемонтом, который располагался на северо-западной окраине Апеннин.

Все повторяется, и, быть может, движение русского освобождения и «русского рисорджименто» начнется не в *историческом* центре России, одновременно и обезлюженном в провинции и перенаселенном в мегаполисах, а на отдаленных окраинах, где, как мы видим, восстановление национального самосознания, следовательно, и понимание необходимости национального единства, происходит гораздо быстрее, чем в Москве или в Санкт-Петербурге. Русское население, проживающее на окраинах исторического Российского государства, собственной судьбой познало, к чему приводит утрата Россией ее окраин, свершившаяся в начале 90-х годов XX века, которая, как теперь становится очевидным для большей части русского населения, неизбежно ставит под вопрос существование самой России как таковой.

Без окраин у русской государственности, а значит и у русской нации, нет будущего. Но будущее не есть некая абстракция, возникающая из ничего. Будущее является результатом, продолжением, творением прошлого, соединить которые в единое целое может только настоящее. Вот почему, чтобы понять, каким должно быть будущее, во имя которого только и стоит жить, каждое поколение обязано усвоить и правильно понять прошлое.

Наши поражения, если брать проблему в целом, вытекают из предвзятости и невежества, которые овладели слишком большим числом русских людей. Увы, русские не знают вообще или знают в искаженном виде прошлое своей страны, ее истинную природу, закономерности, определявшие характер становления и развития Государства Российского, смысл исторических процессов и заметные, символические факты его истории. Что привело к такому положению вещей? Если не вдаваться в подробности, то это, с одной стороны, нерусский и антирусский характер государственной власти, чья политика вела к катастрофам, а с другой – черты русского народа.

Если под перьями вивисекторов от истории русская государственность расчленяется на множество не связанных между собой эпизодов, то в руках подлинно русских историков должна быть восстановлена цельность русской государственности, доказывающая, что ни одна окраина России не была чужда ей, и каждая из них вошла в русский мир, став ее составной, неотъемлемой и драгоценной частью.

Чем величественнее становилась пространственная определенность Российского Государства, тем ожесточеннее становились борьба с ним со стороны явных и тайных его врагов. Россия в ее естественноисторических границах, простирающихся от Вислы, Тисы, Прута и Дуная на западе до

Аляски на востоке и от Шпицбергена на севере до Карса и Кушки на юге, Россия как великая держава, сверхгосударство – для них страшное явление, предвестник Армагеддона. И поэтому отторжение от России ее окраин – их вожделенная задача, против реализации которой надо бороться не только в политике, но и в исторических трактатах и в публицистике на темы русской и мировой истории.

Конечно, для подробного изложения русской истории, подлинной истории окраин России, для вытеснения из современного русского сознания искаженных представлений в этом вопросе, невозможно ограничиться одной книгой, несколькими брошюрами или десятком статей. Потребуется титанический труд. Необходимо создать новую Историю Государства Российского, которая должна продолжить дело великого русского историка Николая Михайловича Карамзина и вместе с тем превзойти его творение, опираясь на события, происшедшие с тех пор, и на факты, которые не были и не могли быть известны два века тому назад.

Русская традиция и русская революция

Русская история динамична и насыщена событиями. Россия не Китай, прошлая тысячелетняя «недвижность» которого стала общим местом историософских рассуждений. Россия в постоянном движении. Только так ей удалось превратиться из загнанной на северо-восточный край Европы Владимиро-Суздальской земли, данницы монголо-татар до конца XV века, в великую мировую державу, Российскую империю. Смысл русских революций поэтому ничего общего не имеет с тем, что происходило под тем же названием в Европе. В отличие от Европы, каждая революция в которой ниспровергала государственность, русские революции ее укрепляли и развивали. Если Европа совершала модернистские революции, то Россия – консервативные. В русском сознании для революций европейского типа принят иной термин – смута.

В русской истории, к сожалению, имели место не только консервативные революции, являвшиеся ответами на вызовы и угрозы времени, после чего Российское государство поднималась на гораздо более высокий уровень развития, но и революции модернистские. Первая из них произошла в начале XVII века. Ее назвали «Смутным временем», и народная память предала анафеме ее активных деятелей, вроде Лжедмитрия, бунтовщиков-булавинцев, тушинских воров, семибоярщины Московии, как ее пренебрежительно называли в Европе, тогдашних олигархов. Когда мы говорим о преодолении этой «смуты», то надо иметь в виду, что эту модернистскую революцию, подогреваемую папской курией, подавил сам русский народ. По собственному почину создав ополчение, изгнавшее польских интервентов и крамольников, к ним примкнувших, он восстановил в 1613 году монархическую традицию. Попытка модернистской революции, замышленная прозападным дворянством, произошла в 1825 году, но решительными мерами Николая I она, слава Богу, была подавлена в самом начале.

Происходившие в России в XX столетии революции, в результате которых с неизбежностью наступали смутные времена, также были по своей природе модернистскими. И если первую из них (ее принято связывать с событиями 1917 года) русскому народу удалось в основном преодолеть за последующие двадцать лет, и тем обеспечить России победу в Великой отечественной войне и превратить страну в мировую сверхдержаву, то вторая, ультралиберальная революция (пик ее пришелся на 1991 год), пока еще бушует на русских просторах, превращая все ценное и основательное, само русское будущее, в прах и тлен. Обе революции XX века, одну из которых принято датировать 1917 годом, вторую – 1991, вопреки их взаимному отчуждению, принципиальной несовместимости, имеют одну общую черту – отрицание Традиции, свойственной многовековой истории России.

Что значит следование традициям в жизни политического социума Московии, как ее пренебрежительно называли в Европе, прежде народа, а ныне нации? Верность традициям соединяет их будущее и их Прошлое через настоящее. Традиция придает жизни нации смысл. Следовательно, процесс преодоления традиции – это попытка нации сменить смысл своего существования в мире, смысл своего государственного бытия. Но чаще всего такой акт, именуемый революцией, оборачивается утратой национальной государственности, а вместе с государством прерывается и само национальное существование как таковое. Опыт нового времени показывает, что вне государственной формы, игнорируя государство или пренебрегая им, нация не может ни существовать, ни развиваться. Тем более такая закономерность проявляется в истории крупных, ведущих наций мира, к которым, безусловно, принадлежат и русские.

В отличие от многих мировых революций прошлого, прежде всего Английской и Французской, русским революциям XX столетия как раз свойственна именно такая тенденция. Они радикальны не только тем, что пронизывают все сферы человеческого существования, ниспровергая старый и воздвигая новый политический режим, экономический строй и государственный уклад. Они стремятся перевернуть само традиционное мировоззрение, духовный мир, который обеспечивает создание и сохранение национальной культуры.

А ведь человеческий мир, являясь частью всеобщего мира естественной природы, в свою очередь обусловлен им и не может не быть связан с нею множеством нерасторжимых нитей. И поскольку природа земли чрезвычайно разнообразна, изменчива и самобытна, то точно так же разнообразна, изменчива и самобытна природа людей, человеческих сообществ, в которых, с одной стороны, отражается и преломляется история развития природы, а с другой – она дополняется и обогащается их собственным развитием. Так сначала в человеческой истории появляются народы, обладающие самобытным образом жизни, а затем и нации с неповторимым национальным характером и собственным государством.

Народ и нация – явления одного порядка: это социумы. И все же отождествлять их нельзя. Если *народ* – устойчивая этно-социальная группа, возникшая в результате естественноисторического развития, сложившаяся на

основе племенного родства, общего языка и общности территории обитания, то *нация* – устойчивая этно-социальная, культурно-историческая и духовная общность, которая сложилась в процессе формирования современного государства и укоренения высокоразвитой экономики и культуры. Обычно нация формируется вокруг народа или группы родственных народов, несущих на себе основную нагрузку государственного строительства и создания единого хозяйственно-экономического и культурного мира. Ядром русской нации, которая находится в настоящее время в фазе становления, является русский народ, и она включает в свой состав многочисленные народы, тесно связанные с русской культурной, духовной, экономической и государственной традицией, а русским является народ, состоящий из великорусов, малороссов и белорусов, сообща сформировавших экономические, хозяйственные, общественные, культурные, духовные и государственные традиции России. Русская уникальность, отличающая ее от того, что, к примеру, имеет место в Европе, состоит в том, что ее история есть история ее государственности. Это подтверждает труд Н.М. Карамзина и мнение А.С. Пушкина. Само бытие России совершенно немыслимо вне, помимо или отдельно от полноценных государственных форм.

Отрицание, высмеивание, упразднение и уничтожение традиций в России поэтому, с одной стороны, обязательно посягают на ее государственные институты, а с другой, имеют своим объектом единственный системообразующий субстрат русской нации – русский народ. В самом деле, о какой России может идти речь, если будут утрачены традиции русской государственности, если русский народ забудет сам себя, если он потеряет собственную идентичность?

Никакая другая революция, известная современной истории, не отличалась таким радикализмом и нигилизмом, как русская революция начала XX века. Ее фундаментальной идеей было тотальное, безоговорочное отречение от традиций, от народности, от национальности, от государственности, даже от естественных особенностей природы – климата и почвы – свойственных России. Именно такая мысль превратилась в ее лозунг. Именно эта цель воодушевляла ее вождей. Именно эту задачу ставила перед собой ее интеллигенция. Слава Богу, программа, с которой социал-демократия овладела государственной властью в России, была нежизнеспособной. Ее осуществление, решительное на словах, пришлось столь же решительно опровергать на деле. Разумеется, не все, не всегда и не сразу.

Во всяком случае, оказалось отвергнутым, правда частично, мнимое право любого народа на самоопределение вплоть до отделения. Если в 1917 году с необыкновенной легкостью большевики без каких-либо видимых причин, в силу одной лишь партийной идеологии, отказались от суверенитета Российского государства над Финляндией, Карелией и Лапландией, имеющих общее официальное название Великого княжества финляндского, то уже в 1920 году они направили свои армии на захват Польши и Бухары. А когда исчезли какие-либо иллюзии в отношении возможности «мировой пролетарской революции», бывшей одной из краеугольных марксистских догм, в пропасть которой большевики были уже готовы бросить первую «завоеванную» ими

страну, то возникла объективная потребность в хозяйственном и культурном развитии России. При этом некоторые выводы «научного коммунизма» не противоречили традициям и особенностям русского государственного развития.

Что имеется в виду? Ну хотя бы «экспроприация земельной собственности» и «обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов», о чем говорится в «Коммунистическом манифесте». Русская земля никогда в полной мере не являлась частной, а превращение земельных угодий поместий и крестьянских общин в собственность дворян и крестьян являлось главной причиной аграрных беспорядков, бунтов, восстаний, в конце концов – самой революции. Или «централизация транспорта в руках государства» и «общественное и бесплатное воспитание всех детей», о чем также указано в манифесте Маркса-Энгельса? А также ставка на крупное, централизованное производство, вообще на развитие производительных сил, на прогресс промышленности и науки? Все эти условия имели место в России имперской, традиционной, тем более они приобрели главенствующее значение в России «социалистической».

Что менее всего сохранилось в результате первой русской революции XX столетия от традиций, так это внутренний, духовный мир, система идеологический отношений, словом – политическая и художественная культура. Территориальная целостность государства была восстановлена, но понятие «Россия» оказалось упраздненным. На ее месте возник, хотя и виртуально, Советский Союз, состоящий сначала из шести, а затем из пятнадцати мнимых государств, так называемых республик. Государственное единство было обеспеченно, но вместо унитарного, неделимого государственного устройства, каким являлась Российская империя, власть создала, в угоду своим предубеждениям, искусственные государственные образования, до неузнаваемости перестроив внутренние отношения в стране. Все традиционно русское, включая русский народ, было предано официальному забвению, даже запрету, его сменило «советское»: советская власть, советская литература, советский человек, советский народ.

Но никакая революция, даже если ее отличает слепой фанатизм, не в состоянии отменить устойчивые, неизменные условия самой жизни, такие как природа и климат, способы осуществления первичной по времени появления формы производства – земледелия – и систему трудовых привычек, основанную на земледелии. Прибавим к этому исторический процесс, насчитывающий никак не меньше пятнадцати веков, и возвышающийся над ним грандиозный результат совокупных усилий сотни поколений, известны как русская культура и русская цивилизация. Как ни старались большевики вытравить из русского сознания русское содержание, им это плохо удалось. Противоречия, возникшие между субъективными идеологическими канонами и объективными потребностями, между иностранной теорией и отечественной практикой, между безжизненным словом и живым делом, между космополитизмом догмы и патриотизмом духа, между интернационализмом формы и национализмом содержания, были так или иначе разрешены в пользу объективной потребности, правда – только через 20 лет после Октябрьского

переворота. Последние залпы Первой русской революции XX века прозвучали не в октябре 1917, а в 1937 году.

Вряд ли кто-то может всерьез сомневаться в том, что дальнейшее развитие России, в том числе ее выдающаяся победа в Великой Отечественной войне, последующее восстановление разрушенного на оккупированных территориях, научно-техническая модернизация 60–70-х годов, прорыв в космос, ракетно-ядерная мощь, словом – превращение России в сверхдержаву было результатом соединения русских традиций и революционной энергии, которая всегда и везде имеет своим источником большие надежды, веру масс в реальную возможность жить лучше. О каких объективно обусловленных традициях, присущих России, идет речь?

В сфере хозяйственно-экономических отношений прежде всего надо отметить очевидное преимущество, которое оказывалось обычаем, законом и властью – производителю по сравнению с посредником; заводчику, фабриканту, мастеровому по сравнению с купцом, стряпчим или ростовщиком. В русской жизни деньги никогда не играли доминирующей роли в качестве источника развития, его стимулом служили власть и обычаи. Поэтому не кредит или долг был источником капиталовложений, как это имело место в Европе, и конечно же, в Новом Свете, а накопления, не банки, не ссудные конторы, а сберегательные кассы.

На протяжении 300 лет существования русской промышленности, начало которой положила революция Петра Великого, ее основой, если угодно стержнем, всегда были крупные и средние предприятия, по преимуществу казенные, а не мелкий частный бизнес, государственная монополия, а не частная конкуренция, экономические отношения, основанные на аренде имущества, принадлежащего государству, а не на изначальной приватности, порожденной денежными спекуляциями.

Наконец, налоги. Их система исходила из того очевидного факта, что русское самосознание, отдающее предпочтение прямым налогам перед косвенными, не видит ничего выдающегося в том, чтобы возводить в гражданскую добродетель уплату налогов. Вот почему налоги уплачивали преимущественно ассоциации, юридические лица, тот же крестьянский мир, а не индивиды, лица физические. Добавим, что логика подсказывает еще одну особенность русской налоговой системы перед западной: при этих условиях ее базой должны быть не доходы, источники и размеры которых на огромных русских пространствах ни один фиск не в состоянии обнаружить, а расходы, которые невозможно сохранить в тайне. Даже если очень стараться.

В сфере политических традиций, присущих России, следует указать на отсутствие в ее истории того, что в Европе именуют гражданским обществом, то есть системы самостоятельных институтов, отчужденных и противостоящих государственным институтам. Русское общество никогда не было и никогда не будет гражданским обществом, а русское государство – надстройкой или «ночным сторожем» при нем. Для этого у России нет главных условий, которые всегда имелись в наличии в Европе и на известном этапе в Северной Америке, – избытка денег и населения. Наоборот, Россия всегда испытывала дефицит в этих специфических ресурсах, являющихся основным материалом для

строительства гражданского общества. Вот почему русская традиция состоит не в противопоставлении государства и гражданского общества, а в их слиянии, не в противоречиях между городом и деревней, таковых в России никогда не было, а в их взаимном дополнении, не в эгоистическом индивидуализме, а в преимуществах, которые приобретают различные виды коллективизма.

В личной жизни род и семья, а не индивид; не обособленный труд на свой страх и риск, а артельность; общинная форма организации поселений и соборность в государственном устройстве и управлении, где неприемлема формальная демократия, в которой интерес 51 процента перевешивает и может пренебречь интересами 49 процентов.

Наконец, безусловный авторитаризм, а если необходимо – и диктатура верховной власти, соединенная с практически ничем не ограниченным или минимально ограниченным местным самоуправлением общин. Идеал не в сухом, формальном законничестве, не в судейских тяжбах, не в правах индивидов, а в справедливости, в принципиальном, искреннем отрицании лжи, в обязанностях.

Результатом этих особенностей в России явился специфический жизненный уклад, такие социально-экономические формы существования и духовно-нравственные основы, которые отдают предпочтение не *уровню жизни*, что предполагает распространение роскоши и удовольствий, а значит и массовой нищеты на противоположной стороне, зависимых от размера доходов, а *качеству жизни*, которое определяется величиной и направлением расходов, средствами и ресурсами, концентрируемыми государственной властью.

Все до сих пор известные во всемирной истории революции не отрицали традиций – они их развивали. Они не являлись орудиями варварского разрушения, их задача была – созидать, они не ввергали политически социумы в безумие междоусобиц, их миссия – быть локомотивами истории. Русские революции, которые историкам достаточно хорошо известны, мало чем отличались ото всех остальных. Революция Ивана Третьего, покончив с политической зависимостью Руси от татаро-монголов, возродила русскую государственную независимость, революция Ивана Четвертого, преодолев княжеский удельный сепаратизм, расширила пределы государства до Тихого океана, превратив Московию в Россию, революция Петра Первого дала ей возможность стать европейской державой и вернуть себе все прежде утраченное на Западе и Юге, революция начала XX века позволила, «вопреки очевидности», построить из европейской державы сверхдержаву.

Революция конца XX столетия, свершившаяся в России, – исключение. Вот уже почти двадцать лет она разрушает, ничего не созидая. Она не сплачивает нацию в общей борьбе, а создает бесконечные поводы для всевозможных внутринациональных конфликтов – то этнических, то территориальных, то имущественных, то религиозных, в которых погибло уже больше 10 миллионов нерожденных детей и преждевременно скончавшихся стариков (наши ужасные демографические потери). Она не раскрывает новые возможности для использования имеющихся в наличии производительных сил и интеллектуальных ресурсов, она, словно обезумевший Молох, обращает их в прах.

Что происходит? Почему историческая закономерность, предполагающая поступательные свойства революции, дала сбой, породила процесс, чреватый очевидной деградацией, разложением и распадом? Причины такой мутации, *которой вряд ли есть аналог*, следует искать не только вне русских пределов, они были выращены и в самой России. Прежде всего большие ожидания, господствовавшие в обществе в середине 80-х годов и давшие первоначальный толчок революционному движению, пробудили как социальные силы, готовые к творчеству, к положительному участию в строительстве новых отношений (как оказалось – достаточно безынициативные), так и силы, стремившиеся, и весьма активно, к одному лишь разрушению. Ожило и пришло в движение то, что было создано вопреки русским традициям: сепаратисты-чиновники, выпестованные властью в так называемых союзных и автономных республиках, этнические шовинисты, воспитанные советской школой и советским вузом, органически ненавидящие не только русское, но и «советское», наконец, расплодившийся во множестве «мыслящий пролетариат», у которого, как известно, «нет и не может быть отечества», но десятилетиями паразитирующий на стране, которую ненавидит.

Конечно, Советский Союз конца 80-х годов прошлого века принципиально отличался от исторической России, даже от той советской России, которая была победительницей во Второй мировой войне и которая вышла в космос. Проблема состояла не в «классическом» несоответствии между наличными, многократно умноженными на протяжении этого столетия «производительными силами» и обслуживающими их «производственными отношениями», не в противоречии, которое надлежало преодолеть. Не они привели систему к краху. Распад государственной власти, утрата социальной общности и их следствие – дезорганизация экономики и деградация культуры – произошли из-за того, что ведущая роль в новой русской революции досталась не интеллектуалам, а интеллигенции, хронически и неизлечимо больной ксенофилией – любовью к чужому. И если в предыдущую революционную эпоху события заставили руководящие силы страны говорить одно, а делать другое, клясться в верности мировой революции, а строить национальное государство, толковать о его скором отмирании, а на деле укреплять все его элементы, славословить марксизм, а на практике опровергать чуть ли не все его заповеди, то теперь слова не разошлись с делами. Фантомы, дремавшие в прежнем строе, химеры, содержавшиеся в его законодательстве, призраки, бродившие в его сознании, ожили и пришли в движение, словно нечисть из гоголевского «Вия».

В Первой русской революции Ленин-политик постоянно противоречил Ленину-публицисту, а Ленин-премьер чуть ли не ежедневно опровергал Ленина-революционера. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на практику революции и ее теорию, изложенную в «Государстве и революции». Вторая революция в России, наоборот, есть буквальное воплощение того, что проповедовали ее идеологи: Гавриил Попов в «Что делать», Александр Солженицын в «Как нам обустроить Россию», Андрей Сахаров в «Проекте конституции». Каждый из этих «властителей дум» по-своему был олицетворением «мыслящего пролетариата», презирающего Россию и ее

традиции, являясь кумиром антисоциальной группы, состоящей из людей, получивших образование, но не научившихся профессии. Преподаватель, захотевший стать политиком, беллетрист, претендующий на роль пророка, физик-теоретик, возжелавший стяжать славу законодателя. А на самом деле они демонстрировали хаос в мыслях, неизбежно порождающий хаос в поступках.

Однако генетические разрушители, прежде всего засевшие в электронных средствах информации, могут встретить в обществе должный и организованный отпор. Раболепное влечение к чужому может сменить в сознании большинства интерес к своему. Понятию «русский» легко возвратить его подлинное значение. В голове, сердце и душе русских по происхождению, крови или воспитанию может воскреснуть «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Политику легкомысленного и высокомерного отрицания традиций высшие институты власти могут сменить на их настойчивое, последовательное и повсеместное утверждение. Россия способна к смене сложившихся в конце XX века тенденций, русские готовят эту смену, русские способны преодолеть смуту.

Нации давно пора раз и навсегда вылечить застарелую болезнь, которая называется «интеллигенцией». И тогда у революционного процесса, покончившего со смутой и бунтом без смысла, появится возможность возродить, восстановить, усилить и возвеличить Россию. Так что ошибочно, малодушно, даже преступно полагать, что все потеряно. Ничего не потеряно, если остается традиционное для русских желание сражаться с врагами Отечества, тем более что их не так уж и мало. Как утверждал Петрарка, «жизнь человеческая на земле не просто воинское служение, а бой».

Конец династии или конец истории?

Царей в русской истории не только прогоняли с трона, но и убивали, а цареубийство не было чем-то особенным. Но оно никогда не было и «точкой отсчета» сверхновейшей истории, в которой всенародное предательство обрывало преемственность власти. Такой «точкой отсчета» стал либеральный переворот февраля 1917 года, неизбежным следствием которого было выкорчевывание не только царской фамилии, но и всего духовного строя русской жизни. С этого момента бытие России пошло вкривь и вкось. Моральное уродство всенародного предательства собственной истории, предательство Отечества влекло за собой уродство общественного бытия, уродство воспитания и образования. В результате новый советский тип человека обрушил государственность, в которой сам же и вырос. Глубинная причина крушения СССР – в том, что с жизнью Государя Николая II была прервана традиция передачи власти, мистически предопределяющая жизнеспособность русской цивилизации.

Разумеется, с этим не хотят согласиться ни те, кто начинает отсчет истории с августа 1991 года, ни те, кто считает своим Отечеством только страну, образовавшуюся после октября 1917 года. И те и другие пытаются

превратить историю России – в предысторию. Для этого приходится всячески принижать русскую традицию, олицетворенную в российской монархии. Приходится выискивать причины для того, чтобы вопрос о судьбе династии Романовых в русской истории и в современной России считать второстепенным. Именно поэтому проблема захоронения «екатеринбургских останков» (будто бы, обнаруженных под Екатеринбургом в тайном захоронении останков расстрелянной Августейшей семьи и ее верных слуг) стала поводом для фантастической лжи о личности Николая II и ситуации в предреволюционной России. Мол, если царь был не так уж хорош, то нечего носиться с его останками как с писаной торбой, нечего мучиться с идентификацией – захороним останки и избавимся от проблемы раз и навсегда.

Стремление развенчать русскую традицию – симптом космополитической ориентации в государственном строительстве. Развенчание идет как от люмпенского «простонародья» (нам все равно, что это будет за государство, лишь бы вволю было хлеба и зрелищ), либо от поверхностной образованности, полагающей, что история движется интересами социальных групп, классов, партий; а не борьбой Добра со Злом. Для укорененного в национальной традиции гражданина ответственность не ограничивается лишь настоящим и ближайшим будущим, для православного человека очевидно, что мы несем ответственность перед Богом, а значит – перед вечностью, включающей потомков и предков.

Наследие наших предков – это клятва верности династии Романовых в 1613 году: «Заповедано, чтобы избранник Божий, Царь Михаил Федорович Романов был родоначальником Правителей на Руси из рода в род, с собственностью в Своих делах перед Единым Небесным Царем. И кто же пойдет против сего Соборного постановления – Царь ли, патриарх ли, и всяк человек, да проклянется таковой в сем веке и в будущем, отлучен бо будет он от Святой Троицы».

Так вот же, воскликнет радостно хулитель памяти Николая II, ведь Царь-то и пошел против Собора – отрекся от престола, а потому он, считаем, уже отлучен от Церкви! Не стоит торопиться. Взглянем на текст отречения и увидим, что Николай (напомним, находящийся под арестом, в полной изоляции и одиночестве) не отрекался от утвержденной грамоты Собора 1613 года: «Мы признали за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть. Не желая расстаться с Сыном Нашим, мы передаем наследие Наше Брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского». Михаил же Александрович подписал свой манифест об отказе от Престола в пользу Учредительного Собрания, которое должно быть избрано на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, а потом решить вопрос об образе правления. И вот это и было смертным грехом – согласием на пресечение верховной власти династии Романовых. Николай II в своих дневниках отреагировал на поступок Михаила: «Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!» Всем им была отныне уготована мученическая смерть.

Предательство дорого обошлось не только династии, но и самому русскому народу, преступившему клятву и отдавшему страну на растерзание заговорщикам, бунтовщикам и разбойникам. Все по анекдоту: «В 1913 году Россия стояла на краю пропасти. С тех пор она сделала большой шаг вперед». Действительно, в последние годы эпохи Романовых население Империи выросло наполовину, производство хлеба – вдвое, промышленность увеличила продукцию вдвое, постепенно разворачивалась политическая система и народное представительство, начался «золотой век» русской философии, построено 10 тысяч церквей и десятки монастырей... Это было настоящее русское чудо!

Но Империя разлагалась изнутри революционной пропагандой и интеллигентскими поисками истины, которая разошлась бы с исторической правдой Отечества. Число «столыпинских галстуков», затянутых на шеях террористов и бунтовщиков, оказалось мизерным, к марксистам власть относилась достаточно лояльно, позволяя им распространять подрывную литературу, а в последние годы Империи – прямую порнографию, оскорбляющую Царя, его семью и приближенных. Либералы и вовсе были в моде и привычно фрондерствовали, подмывая устои собственного государства, по которому они потом плакали в эмиграции, зачастую так и не поняв собственных заблуждений.

Общество в России не успевало быть современным, политическая нация не успела созреть – от необсуждаемой, интуитивной лояльности Государю и господину мы не смогли перейти от осознанной и глубокой свободной лояльности к Отечеству и всему, что закреплено в его истории. Нам нужно было двадцать лет мира. Война обрушилась на Россию в 1914-м году именно поэтому. Прогноз развития Империи показывал, что к середине века она станет сверхдержавой, которую уже ни одна страна мира не сможет догнать.

Самым современным посреди несозревшей в нацию массы подданных оказался Николай II, который понимал трагизм ситуации и предчувствовал свою судьбу. При этом Государь оставался не только рыцарем Традиции, но и автором множества новаций в государственной жизни. Показательно, что именно его вмешательство переломило ход войны в 1916 году. Русское экономическое чудо должно было продолжиться в чуде русской победы. Но либеральная фронда, заговорщики-нигилисты из социалистических партий не дали этой победе состояться. Для них Учредительное собрание казалось важнее славы Отечества, Интернационал – важнее победы над врагом.

Накануне краха Империи обстановка в тылу была вполне мирная, благополучная. Но практически все преданные России люди находились на фронтах, а власть не располагала для подавления беспорядков достаточными силами, которые имеются в мирное время. Февральская трагедия стала следствием цепи случайностей, нелепых поступков доброхотов, стремившихся к укреплению государства, но подорвавших его основу – самодержавие. Даже готовая во всем военная победа, скрупулезно рассчитанная и ожидавшаяся в наступлении лета 1917 года, была сорвана.

Масштабы выступлений публики в Петрограде в феврале 1917 года мы вполне можем оценить по событиям 1991 и 1993 гг. в Москве. Разница лишь в

том, что война в 1917 году дала в поддержку публике роты новобранцев, которые, не желая воевать, начали убивать офицеров в казармах. В условиях военного времени оружие расползалось по рукам и оказалось в распоряжении возбужденной толпы. Февральский переворот оказался успешным лишь потому, что этого захотели «верхи» общества – изменники и предатели, которые в дальнейшем в большинстве своем были уничтожены большевиками или бежали из страны.

Предательство, обморочно охватившее все российское общество в феврале 1917 года, не осуждено и не преодолено в народном сознании до сих пор. Но предательство это не отпускает, не дает забыть себя. Оно заставляет воспроизводить себя раз за разом. Оно воспроизведено разрушением в 1976 году дома купца Ипатьева, в котором был расстрелян последний российский Император, и мистической связью этого акта с будущим президентом России Ельциным - разрушителем не только Ипатьевского дома (в бытность первым секретарем свердловского обкома КПСС), но и единого государства в 1991 году. В 1998 году именно Ельцин стал инициатором еще одного акта исторического предательства – надругательства над национальной историей в ритуальном захоронении «екатеринбургских останков». Накануне этого акта Ельцин посетил Ипатьевский монастырь, прослеживая путь династии Романовых (от Ипатьевского монастыря к Ипатьевскому дому) и намереваясь пресечь его окончательно.

Только предательством следует считать присутствие на церемонии захоронения более полусотни потомков династии Романовых. Большинство из них не говорит по-русски, служит интересам других государств и не имеет никакой связи с Россией. И только Российский Императорский Дом в лице Великой Княгини Марии Владимировны и ее семьи отказался от соучастия в предательстве, продолжив свое служение и полностью разделяя позицию Церкви по отношению к «екатеринбургским останкам».

Предательством было поведение российской общественности, которая в сотнях статей и телеинтервью торопила: «Закопать! Ну что там еще не ясно православным?!». И все это безобразие творилось лишь на основании того, что власть, якобы, доподлинно установила принадлежность обнаруженных под Екатеринбургом костей царской фамилии. Между тем доверие к власти таково, что в фальсификации можно подозревать любую проводимую ей экспертизу. Тем более, когда эта экспертиза была элементом шоу, подготовленного к «красной дате» – годовщине цареубийства, в которую Ельцин намерен был окончательно «закопать» династию.

Следствие по делу об убийстве царской семьи основывалось не на достоверных фактах, а на записке душегуба Юровского, командовавшего расстрелом в доме Ипатьева. Причем эта записка – явная фальшивка, подготовленная большевистскими идеологами вместе с другими «подтверждающими место захоронения» документами. Масса нестыковок в связи с этими документами не остановила председателя госкомиссии Немцова (одного из самых известных либеральных «ультра» того периода), который административным решением свернул работу следствия. Вероятно, по тем же причинам, по которым Керенский, а потом и Ленин, отказались от суда над

Николаем II. Керенский в своих воспоминаниях не может избавиться от ощущения собственной неадекватности: его ненависть к Государю стала ощущаться совершенно нелепой после кратковременной встречи с Николаем II. Изменник взглянул в глаза праведнику и не выдержал взгляда. Точно так предатели прячут глаза по сей день.

Фальсификация следствия готовилась многие годы. В цепи событий не только фальшивки чекистов, но и участие в деле известного деятеля эпохи перестройки А.Яковлева (еще в 1964), и разрушение дома Ипатьева Б.Ельциным (в 1976), и попытки закрыть дело в 1993 году со стороны одного из ведущих пропагандистов либеральных реформ, разрушающих Россию, – А.Собчака.

В ходе следствия, начатого в 1991 году, было очень много странных совпадений и несуразиц. Версия о злонамеренной подтасовке материалов дела следствие не рассматривало. Пробы для экспертизы брались без свидетелей и без описи. Сама экспертиза проводилась почему-то за рубежом. Под заключением американских и британских экспертов стоит лишь одна подпись российского эксперта. Иностранные исследователи ограничились описанием методологии исследований в специальных статьях, предпочитая не делать никаких выводов. Генетическая экспертиза проводилась вне всякого контроля, образцы костной ткани, взятые для анализа останков, могли быть подменены в любой момент, в работу беспрепятственно могли включиться представители западных спецслужб и т.д. Выводы генетической экспертизы через несколько лет были поставлены под сомнение японскими исследователями, которые получили в своих опытах иные результаты.

Очевиднейшие факты ельцинской следственной комиссией просто не брались во внимание. Например, правительственные эксперты проигнорировали необходимость обнаружения на черепе, который приписывался Николаю II, костной мозоли от удара самурайской саблей 29 апреля 1891 года, когда медиками в ране был обнаружен осколок кости 2,5 х 2 см. След от раны наблюдался врачами Государя вплоть до 1918 г.

Нелишне упомянуть, что дело о расстреле большевиками Михаила Романова было также фальсифицировано. После ритуальной казни в целях ее сокрытия чекисты долгое время вели фиктивное дело о похищении Великого Князя из пермской гостиницы «Королевские номера». Чуть раньше чекисты Войков и Родзинский фабриковали письма к царской семье, пытаясь спровоцировать ее на побег из дома Ипатьева.

Не случайно гробы для захоронения «екатеринбургских останков» сделаны так, что открыть их невозможно. Ельцин и организаторы похорон хотели, чтобы вопрос был закрыт раз и навсегда, а тех, кто задумает провести повторную экспертизу, можно будет обвинить в кощунственном стремлении взломать гробы.

Не забудем того факта, что убийство царя готовилось многие годы. Для целого поколения революционеров цареубийство стало вожделенной целью. Убийство царя было тождественно убийству исторической России. Сегодня в российском обществе (и в политике, и на высоких государственных постах) тоже немало людей, испытывающих ненависть или пренебрежение к русской

истории и культуре и мечтающих лишь об одном – как бы растворить страну в «мировой цивилизации» или использовать ее ресурсы для личного обогащения.

Сторонники «демократической» версии гибели царской семьи говорят, что вопрос Православной Церкви о ритуальном характере убийства бессмыслен, ибо даже в известном «деле Бейлиса» не удалось доказать, что у иудеев такого рода убийства вообще практикуются. Между тем с библейских времен известно, что вблизи Иерусалима существовали капища, где приносились человеческие жертвы. Позднее, после уничтожения жертвенников, эта территория получила название «геенны огненной». Человеческие жертвы разного рода сатанинские секты приносят и по сей день, о чем постоянно сообщается в прессе. Что же касается «дела Бейлиса», то в нем ритуальный характер убийства был полностью доказан, присяжные согласились с доводами следствия. И лишь в отношении доказанности вины самого Бейлиса их голоса разделились поровну – под давлением фантастической по тем временам войны журналистов против следствия и суда.

Убийство Царя и его семьи произошло в обстановке, когда превратить его в ритуал не представляло особого труда. Само убийство не было случайным уголовным преступлением, а тщательно планировалось – вплоть до деталей операции по сокрытию следов. Помимо того что любое цареубийство в принципе имеет для его организаторов ритуальный характер, заметим, что большевики упорно стремились извести всех Романовых – вплоть до малых детей. Это злодеяние, несомненно, сопровождалось не только соображениями политического характера (которые не могли быть существенными после февраля 1917), но и сатанинским удовлетворением от надругательства над Помазанником Божиим.

Версия о том, что в сейфе у Ленина стояла заспиртованная голова Николая II, не лишена оснований. В начале XX века спиртовать части человеческого тела в «просвещенных» кругах не считалось чем-то особенным. В Москву в качестве доказательств присылались, например, заспиртованные головы убитых главарей басмаческого движения. Вполне возможно, что из кремлевских подвалов голова царя перекочевала сначала в захоронение на Коптяковской дороге, а потом стала «образцом» для экспертизы.

Возможен и другой оборот дела. Якобы изъятые из захоронения, а потом возвращенные туда в 1979 году два черепа могли на самом деле изыматься из какого-то другого источника. (Кстати, тогда костная мозоль на одном из черепов была зафиксирована, а потом почему-то исчезла.) В этом случае можно говорить об использовании останков в ритуальных целях, а далее – в целях фальсификации следствия.

Версия с сожжением части трупов убиенных членов царской семьи заставляет задуматься, не была ли попытка сожжения намеренным способом повести следствие по ложному пути, не было ли здесь имитации? Если трупы не удалось сжечь до конца, то где они? Не используются ли они по сю пору в качестве ритуальных предметов сатанинских культов?

Комиссия Ельцина-Немцова работала аврально, фактически оборвав следствие в разгар работы. Торопливость с захоронением вполне понятна. Здесь сыграло свою роль не только и не столько желание Ельцина чем-то снова

удивить обывателя. Организаторам похорон было прекрасно известно, что значительная часть православных верующих почитает Николая II как святого. Объявление останков неизвестного происхождения останками Николая II должно было вынудить верующих к почитанию их в качестве мощей. Между тем, если эти останки являются псевдо-мощами, то подмена равнозначна невольному соучастию в игре инфернальных сил. Все сопутствующие «екатеринбургским останкам» факты, вся подоплека состоявшегося события их захоронения говорят о намеренном изничтожении памяти об исторической России, намеренной агрессии против русской духовной традиции. Упорное игнорирование властью Российского Императорского дома, продолжающего свое тяжкое служение в изгнании, свидетельствует о том же.

Вытоптать память о династии Романовых, которой русские принесли свою клятву, превратить русских в беспамятных клятвопреступников – цель, достижение которой равносильно уничтожению России. Русские люди не могут допустить, чтобы наша история закончилась столь позорно – на посмешище всем врагам Империи!

Формула русской жизни

Прошлое России, как и истории всех великих наций, из которых складывается история мира, переполнено незабываемыми событиями, свершение которых связано с выдающимися, гениальными русскими деятелями. Всего не перечесть, но можно вспомнить «Горе от ума» Александра Грибоедова, «Соловья» Александра Алябьева и «Конька–Горбунка» Петра Ершова; победу русского флота во главе с Алексеем Орловым при Чесме в 1770 году; замечательный бой русской эскадры под командованием адмирала Павла Нахимова с турками у Синопа в 1853 году; Блистательную деятельность генерала Николая Юденича во главе Кавказской армии во время Первой мировой войны; разработку танка Т-34, созданного Михаилом Кошкиным и пистолет-пулемёт АК–47, сконструированный Михаилом Калашниковым; открытие радио Александром Поповым и полёт в космос Юрия Гагарина. Каждое из этих событий, за которым стоит конкретная личность, обогатило Россию или талантливым произведением искусства, или выдающимся достижением в науке, или безоговорочной военной победой.

В этом же ряду русской истории находится и имя графа Сергея Семеновича Уварова (1786–1855), президента Императорской Академии наук с 1818 по 1855 гг., министра народного просвещения с 1833 по 1849 гг. Этой чести он должен быть удостоен за открытие естественноисторического закона развития России. Следуя этому закону, русский народ и государственная власть предопределяют судьбу и само существование Отечества. Сформулированный во всеподданнейшем докладе Николаю I от 19 ноября 1833 года, он сводится к утверждению, что «собственными началами России являются Православие, Самодержавие и Народность, без коих она не может благоденствовать, усиливаться и жить» и что «в соединенном духе с этими началами должно осуществляться в России и народное воспитание».

Поясняя значительно позже смысл своего открытия, Уваров писал: «Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, в виду печальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежало укрепить Отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения».

Без любви к Вере предков, – утверждал Уваров, – народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них Веру – то же самое, что лишить их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении. Это было бы измена в пространном смысле. Самодержавие, полагал Уваров, представляет главное условие политического существования России в настоящем ее виде. Русский Колосс упирается на него, как на краеугольный камень своего величия. Россия живет и охраняется спасительным духом Самодержавия, сильного, человеколюбивого, просвещенного. Наконец, «дабы Трон и Церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство Народности, их связующее».

По мнению известного русского философа Арсения Владимировича Гулыги, нашего современника, уваровская триада является «формулой русской культуры», то есть фундаментальным основанием, на котором покоится благоденствие России как нации, государства и цивилизации. В этом качестве уваровский закон содержит в себе все возможные вариации Русской идеи. И православный патриотизм, и имперскую идеологию, и русский национализм, составляющие в совокупности идеологию русской национальной политической мысли, практическим воплощением которой является русский миропорядок – Государство Российское.

Именно поэтому открытие Уварова было пренебрежительно встречено как либералами, презрительно относившимися к России за якобы отсталость от Европы, так и социал-демократами, затем коммунистами, унаследовавшими от марксизма-ленинизма жгучую русофобию. На протяжении последних ста семидесяти лет с их стороны мы встречаем по отношению к идеям, сформулированным Уваровым, одну лишь критическую хулу. В момент появления «уваровской триады», квинтэссенции русского консерватизма, ее разделяли, увы, немногие государственные деятели России, но основная часть так называемого общества осталась к ней равнодушна, а разночинцы и интеллигенция – откровенно враждебно.

Долгие годы понятие «консерватизм» имело в России негативную, ругательную окраску, являясь синонимом понятий «ретроград», «мракобес» и т.п. Основной идеей консерватизма, якобы, является «приверженность к старому, отжившему и вражда ко всему новому, передовому». Но не это главное. Неприязнь к уваровским идеям была обусловлена их мировоззренческой несовместимостью с европейским просвещением, взрастившим как либеральный цинизм, так и коммунистический нигилизм.

Появившаяся в начале 30-х годов XIX века, уваровская формула противостояла распространявшейся по Европе атеистической революции.

Самая главная, заветная свобода сторонников идей просвещения – либералов и коммунистов - есть свобода вероисповедания; она позволяет внедрить в массовое сознание мысль, что Бога нет. Эта свобода, санкционируя равноценность всех вероисповеданий, уравнивая веру, ересь, секту и безверие, тем самым подводит к мысли об их всеобщей ложности. Мысль Уварова, напротив, показывала терявшей веру Европе, что истинная вера есть, и это – Православие.

Придавая особенное значение роли государственной власти, Уваров полагал, что в России служба должна опираться на закон о чинах, ибо «гражданское значение всех и каждого зависит от степени, которая определяется по усмотрению высшей власти». С уничтожением этого закона служба Отечеству утратит «нравственное привлечение», станет бесчестной, в ней исчезнет одухотворенность. В конституционном или демократическом государстве, где должности не освящены сакральной связью с верховной властью, «быстро образуется новый разряд людей с особенными понятиями, с особенными предрассудками и мечтами, менее привязанных к правительству, а более занятых собственными выгодами». В этом случае служба «вся перейдет в руки так называемых чиновников, составляющих уже у нас многочисленное сословие людей без прошедшего и будущего, <...> похожих на класс пролетариев, единственных в России представителей неизлечимой язвы нынешнего европейского образования». Слова из 1847 года, а звучат так, словно написаны в наши дни.

Являясь министром просвещения, Уваров прежде всего примерял открытый им закон к сфере своей административной деятельности. Профессорам и студентам он неоднократно говорил о «необходимости быть русским по духу прежде, нежели стараться быть европейцем по образованию». Его стратегия русификации была гибкой: для западных окраин иная, чем для народов Прибалтики; для христиан отличная, от той, что для мусульман; разная для не говорящих по-русски и для говорящих плохо; для девочек одна, для мальчиков другая.

Формула Уварова подразумевала различные формы проявления: социальные, политические, экономические, идеологические, литературные и даже философские. Ее можно было понимать и как «церковь, монарх, народ», и как «поп, царь, мужик», и как «духовенство, дворянство, крестьянство», и как «церковь, власть, земля», и, если очистить фразу от ее русской конкретики, как «вера, закон, нация». В виде «за веру, царя и отечество» она стала боевым девизом русской армии Российской империи. В любом виде речь шла о нерушимом союзе этих главных начал, предохранявшем Россию от поражений и обеспечивавшим ей победы.

В своей государственной, научной, административной деятельности граф Уваров был продолжателем трудов таких выдающихся русских консерваторов, как Ломоносов, князь Шербатов, Татищев, Державин, его современников Карамзина и Пушкина. В значительной мере его мысли созвучны тому, что уже после него писали и делали Данилевский, Победоносцев, Менделеев и многие другие русские люди, трудившиеся на пользу Отечества. Феномен Уварова, крупного сановника Империи, дает основание думать, что счастливо то время,

когда чиновник формулирует такие мысли, которые определяют сущность народа, в котором тот живет, на долгие годы. И несчастливо то время, когда от чиновника остаются одни только сальные анекдоты и тяжкие последствия недальновидной деятельности.

Болезнь столетия

Отношения, существующие между большими группами людей, именуемых народами, мы называем этническими. Если в государстве существует более одного коренного народа, а таких государств в современном мире абсолютное большинство, то секрет его стабильного, устойчивого развития заключается в том, насколько разумно оно устроено.

Главное, что должно заботить современных политиков, заключается в том, чтобы предотвращать какие-либо межэтнические конфликты внутри государства и иметь волю для их подавления, если они, тем не менее, возникают.

Вся история последних 200 лет вращалась вокруг передела мира между политическими общностями и строительства национальных государств. Маркс, исхитрившийся разглядеть бродящий по Европе призрак мирового коммунизма и предсказавший эпоху социальных революций, оказался никчемным пророком-софистом. Нас он интересует не сам по себе, а лишь вследствие роли, которую сыграл в судьбе России XX столетия. Он не увидел процесса строительства наций. В свою очередь, принципы, на которых было сооружено государственное здание, названное Советским Союзом, представляли собой демонстративное пренебрежение «техникой государственной безопасности». Его возводили «марксисты», бредившие мировой революцией и классовой борьбой, но оставшиеся равнодушными к «национальному вопросу», отождествив нации с классами и приписав им качества, присущие народам.

Обычно коммунистов во власти обвиняют в недооценке кибернетики, психоанализа и генетики. Для самой науки такое пренебрежение со стороны власти, возможно, носит характер тривиального высокомерного невежества. Но в конце концов здесь можно и наверстать упущенное, мобилизовав ресурсы и интеллект. Но нельзя наверстать упущенное время.

Режим, создавший СССР, прошел мимо двух наук, которым, как оказалось, нет цены: этнологии и политологии. Первая изучает отношения между народами, вторая – между нациями. Лишь используя их законы, можно построить современные государства, подобно тому как современное здание можно создать лишь на основе владения секретами архитектуры, инженерного дела и человеческой психологии.

Тот факт, что «конструкция» СССР просуществовала 70 лет и ухитрилась выдержать испытание Мировой войной, скорее всего должно быть отнесено к парадоксам истории. Оно не вписывается в общую парадигму исторического процесса, а опровергает ее. В то время как остальной мир консолидировал многочисленные народы земли, формируя из них нации, в Советской России и

ряде других стран, оказавшихся после 1945 году в зоне его влияния, сложившиеся нации превращались в конгломерат народов.

В чем заключены основные ошибки, допущенные в конструкции Советской России? В целом комплексе противоречий, которые содержатся в самом «проекте» и в том, как он реализовывался. Их предпосылки можно найти в далеком прошлом: в дворянском либерализме власти, проявившемся в царствование Александра I (1801–1825). Автономия, предоставленная Финляндии и Русской Польше, черта оседлости и самоуправление, дарованные евреям, скрытое поощрение нигилизма и масонства, обернувшееся мятежом в декабре 1825.

Февральский заговор 1917 года, в котором объединились либеральное дворянство, республиканский генералитет и социализированная буржуазия, не ограничился свержением монархии. Он привел власть к хаосу и утрате ею способности государственного управления. Как только власть в России исчезла, оказавшись в руках никчемных болтунов, вроде Керенского, начался ее этнический и территориальный распад.

Реакции разложения оказалась тем более интенсивной, что она была спровоцирована в условиях тяжелейшей мировой войны, действиями германской, австрийской и турецкой агентуры в тылу, распространением пораженчества с помощью социал-демократов.

Впрочем, все эти факторы были не определяющими, а второстепенными. Главная проблема заключалась в другом. В России к началу XX века не сложилась русская нация. Население Империи все еще состояло из совокупности народов. Процесс образования наций только начинался. Сами народы, входившие в состав государства Российского постепенно, по мере его территориального расширения, находились на различных ступенях развития, исповедовали различные религии, принадлежали к неоднородным расовым, антропологическим, культурным и языковым группам. Институты власти служили не России, а исключительно монарху, считавшемуся ее исчерпывающим олицетворением. Основная часть жителей вела сельский образ жизни, принадлежа к сословиям крестьян, дворян и духовенства. Даже горожане в своей основной массе представляли собой крестьян-ремесленников, а русские города — особую форму сельских усадебных поселений, мало чем отличавшихся от сельского быта и не имевших ничего общего с городами европейского типа. Буржуазия в собственном смысле этого слова отсутствовала. Следовательно, не было ни – человеческого материала – , ни производительных сил, ни соответствующих идей, благодаря которым возникают и создаются нации.

Не будем забывать, что русские народы на несколько веков моложе главных народов Европы, где современные нации возникли в XVII–XIX вв. Этот процесс сопровождался не только слиянием народов, что имело место в Италии или Германии. Скандинавия непрерывно распадалась. Агония Австрии и Османской Империи продолжалась все XIX столетие.

Словом, для кризиса Российской Империи имелись все необходимые предпосылки. Недоставало лишь разложения власти, чтобы страна оказалась в состоянии «бессмысленного и беспощадного русского бунта», что на языке

образованной публики именовалось «социальной революцией» или «гражданской войной». Заговор, уничтоживший власть императора и верховного главнокомандующего в самый разгар мировой войны, открыл дорогу и бунту, и революции, и гражданской войне. Но та самая власть, крах которой разорвал и разорил страну, могла, обязана была страну спасти и сформировать русскую нацию. Не успела.

Особенности, в которых протекала гражданская война 1918–1922, заставили центральную власть, оказавшуюся у большевиков-коммунистов, использовать для победы малые народы России, расплачиваясь предоставлением этим народам политической автономии в земельных уделах. Белые, пытавшиеся оказать новой власти сопротивление и состоявшие главным образом из русских, имели против себя в качестве противников инородцев (башкиры, татары, горцы Кавказа) и иностранцев (евреи, китайцы, венгры, чехи). Гражданская война, таким образом, приобрела характер не социального или религиозного, а межэтнического и межнационального конфликта.

Когда война закончилась, оказалось, что большая часть России – это «союзные», «автономные», «народные» и тому подобные республики (коммуны, округа и т.п.) с собственными законами, правителями и властными кланами, состоящими, само собой разумеется, из инородцев. Пришлось изобретать СССР, интриги вокруг которого достаточно отчетливо прослеживаются в дискуссиях среди руководства РКП и в партийной публицистике. Написанного в то время вполне достаточно для того, чтобы исчезли всякие иллюзии относительно того, почему военно-хозяйственная диктатура должна была пойти на нарочито-вызывающий децентрализм в государственном устройстве.

Суть идеологии, которую исповедовал режим, заключалась не только в *показном* пролетарском интернационализме. В качестве своего главного врага он рассматривал никогда не существовавший «великодержавный русский шовинизм».

По крайней мере до 1936 года, Советская Россия представляла собой страну, в которой официально отрицалось предшествующее историческое развитие и все русское подвергалось беспощадному запрету и уничтожению. Запрещалось преподавание истории, она фальсифицировалась «исторической школой Покровского», искоренялось православие, уничтожались храмы и русская архитектура, переименовывались города и улицы, преследованию подвергалась русская интеллигенция, она выселялась из столиц, усиленно создавались инородческие руководящие кадры, которым прививалась ненависть к русскому. При желании можно продолжить этот список «мероприятий», в результате которого должен был возникнуть новый человеческий вид: вместо русского так называемый «советский человек».

Не приходится удивляться, например, тому обстоятельству, что академик А.Д.Сахаров, родившийся в 1922 году, исповедовал антинациональные, русофобские взгляды. Он так воспитывался не только семьей, но и школой, институтом, самим обществом. В его воспоминаниях можно найти признание, что впервые он услыхал слово «русский» только в 1937 году.

Ситуация несколько изменилась в 1941 году накануне войны и продолжала колебаться в сторону национального строительства вплоть до 1953 года. Затем эта тенденция окончательно прекратилась, сменившись идеями «дружбы народов», «социалистического содержания в национальных формах», «новой исторически сложившейся общности людей», «общенародного многонационального государства», «строительства материально-технической базы коммунизма», «развитого социализма» и тому подобных чисто схоластических конструкций. Марксистско-ленинские схемы, являвшиеся теоретической основой управления, превратившись в догмы, перестав развивать как науку, так и практику. В конце концов государственные институты СССР рухнули под давлением внутренних обстоятельств. Они не выдержали нагрузки. Что именно послужило их падению?

Обобществление всего хозяйственного комплекса не превратило его элементы в один «концерн» и не допустило членов общества к присвоению той части процента на основной капитал, который должен реализовываться в качестве фонда личного потребления. Вновь созданный «концерном» валовой внутренний продукт, представляя собой общественный фонд, не распределялся между производственным населением в соответствии с принципом трудового участия.

Режим на протяжении всего периода своего существования так распределял (через фонды и лимиты) и обменивал (через цены и дотации) материальные ресурсы, что перекачивал их большую часть для потребления из русских территорий, где они создавались, в инородческие, где они потреблялись. Благодаря такой политике в русском населении постепенно утрачивалась экономическая потребность в общенациональном хозяйстве. Чем мощнее оно становилось, тем меньшая доля ею произведенного доставалась русскому населению. По сути дела в СССР реализовывался экономический закон абсолютного и относительного обнищания русских и обогащения инородцев.

Чем больше сил тратилось русскими в производстве, тем меньшая доля произведенных продуктов возвращалась им в виде предметов потребления. Соответственно в зонах преимущественного проживания инородцев происходил противоположный процесс. Чем меньшая их часть вовлекалась в непосредственное производство, тем большая доля средств потребления оказывалась в их распоряжении. Например, в течение десятилетий на трудоемкий картофель, производимый в русских территориях, цена за 1 кг составляла 0,1 руб., а за нетрудоемкие цитрусовые, производимые в Закавказье инородцами, – 3 руб.

На протяжении 30 лет, предшествующих падению «коммунистического» строя, косвенные формы неэквивалентного обмена, дополнились формами непосредственной эксплуатации. На инородческих провинциях страны развертывались новые производственные мощности, для работы на которых из русских территорий специально завозилась рабочая сила, которую в дальнейшем, в процессе и после распада СССР, подвергли еще и политической дискриминации (промышленные комплексы Эстонии, Латвии, Литвы, Татарии, Башкирии, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Якутии и др.).

Центральная, Северная, Северо-Западная части России, Урал и Сибирь обезлюживались, разорялись, спивались и вымирали, тогда как инородцы Прибалтики, Бессарабии, Украины и Новороссии, Кавказа, Закавказья и Туркестана накапливали денежные и материальные средства и усиленно размножались. Возникло имущественное неравенство не только между отдельными территориями, но и между отдельными этносами. Русские всегда оказывались в положении бедных продавцов и бедных покупателей, а инородцы – богатых продавцов и богатых покупателей.

Таковы в общих чертах экономические предпосылки, создававшие нестабильность. Она усиливались благодаря этнополитическим факторам.

Официальная декларация в начале 70-х годов о создании общенародного государства и советской общности людей, проживающих в пределах СССР, не сопровождалась какими-либо государственно-правовыми мерами. Союзные и автономные республики не упразднялись. В Конституции 1977 года сохранилась норма о свободном выходе «союзной» республики из состава СССР, превращающая, таким образом, государство в конфедерацию временного типа. Поскольку против СССР с 1948 году велась странами НАТО Холодная война[1], подобная конституционная норма создавала возможность взрыва противника изнутри, открывала «легальный» способ выращивания внутри СССР «пятой колонны».

Коммунистическая доктрина, взятая на вооружение властью после 1917 года, и требовавшая, с одной стороны, «диктатуры пролетариата», а с другой - постепенного «отмирания» государства, так и не реализовалась. Теория, которая требовала для коммунистического проекта высшей формы развития производительных сил и всемирного масштаба реализации, доказывала недопустимость эксперимента в масштабе отдельно взятой страны, но эксперимент над страной и сотнями миллионов людей тем не менее проводился. Поэтому, оказавшись во враждебном окружении, обобществление хозяйства не превратило ее в «хозяйство-государство». Страна все время своего существования продолжала оставаться «государством-хозяйством», то есть сначала государством, и во вторую очередь – хозяйством.

Этнополитические отношения, которым не придавалось значения, оказались более важными, чем экономический базис. Поскольку теория, формально составлявшая символ веры Советской России, в действительности была выброшена с «парохода современности», как и «безнадежно устаревший» Пушкин, беспристрастную науку должна была сменить схоластика, «служанка богословия». Пропаганда, воспитание и образование, труды и монографии твердили о преимуществах базиса над надстройкой, а в жизни надстройка диктовала свои условия базису. Политика господствовала над экономикой,

---

[1] Обычное написание закавыченного термита «холодная война» склоняет к представлению о соответствующем периоде истории как о напряженном, опасном, но мирном. В то же время, особенность современной войны отражена в необязательности военных действий. По прошествии времени стоит говорить не о мнимой войне, а о периоде Холодной войны, в котором прямые столкновения на поле боя отсутствовали. Холодная война, впрочем, не раз была отмечена военными действиями, которые противоборствующие силы вели на территории третьих стран.

уровень сознания определял, каким должно быть бытие, народы и нации сокрушали сословия и классы. Маркс продолжал оставаться великим, но это было величие фантаста, создавшего отвлеченную от реальности утопию.

Хозяйственно-экономическое развитие, опережавшее по темпам остальной мир, вместо того, чтобы стирать внутригосударственные перегородки, лишь укрепляло их. Различия между народными привычками, образом жизни, языком, культурной ориентацией нисколько не исчезали, а по мере развития общего, специального и высшего образования усиливались.

Чем дальше от своего революционного триумфа находилась партия, всецело определяющая жизнь общества, народа и государства, чем ближе она оказывалась к своей официально декларируемой цели, тем меньшим авторитетом она пользовалась и тем слабее она сама верила в правильность своего дела, выискивая различные хитроумные способы, чтобы подвергнуть ревизии «основы марксизма-ленинизма».

Корень проблемы состоял в том, что посеянные в первые годы существования строя зубы дракона дали обильные всходы. За 60 лет сменилось и было воспроизведено три поколения руководящих кадров, которым навязчиво прививали идеологию «национальной интеллигенции» с комплексом ненависти к «русскому». Пятая колонна внутри правящей номенклатуры создавалась вне зависимости от того, велась или не велась Холодная война. Такова была «генетика» политической системы.

Капитализм, как известно, по мере развития выращивает и умножает силы своего могильщика – пролетариата. Практика пока что не подтвердила столь смелое теоретическое предположение. О могильщике России, насколько известно, теории не разработано, но ее успешно заменила практика. «Коммунистический режим» позаботился о нем в результате своего развития, возвышения и гибели.

Как только «национальные территории» России обеспечили себя, благодаря безумной экономической политике партии в области национальных отношений, первоначальным капиталом, достаточным для самостоятельного государственного «плавания», национальная номенклатура тут же проявила «пунийскую верность» и покинула своего великорусского «донора». Для такого маневра условия готовились давно. А «донор», обездвиженный наркозом пропаганды общечеловеческого братства, не смог преодолеть болезнь, лишившую его сил и здоровой реакции на сепаратизм, этношовинизм, измену.

Восстание русского от наркотического сна происходит на наших глазах. В русских все больше обнаруживаются спасительные инстинкты самосохранения. Русская история продолжается с восстановлением русского национального интереса, способного спасти Российскую государственность и обеспечить коренным народам России достойное существование в будущем.

Модели русской государственно-общественной организации

Что бы ни происходило в мире или в России, какой бы строй, политический режим или экономический механизм ни определяли жизнь той

или иной страны, всегда и везде остается проблема взаимодействия власти и населения, власти и подданных, власти и граждан. Рискнем предположить, что вне зависимости от географических, исторических, религиозных, этнических или каких-либо еще отличий, объективно существующих между государствами, ныне украшающими политическую карту Земли, алгоритм решения этой задачи всегда одинаков.

Наверху располагается власть. Назовите ее тиранической, монархической, демократической или олигархической, от этого ничего не меняется. Какие бы одежды она на себя ни надевала, какой бы риторикой ни пользовалась, какие бы цели ни ставила, какие бы идеалы ни исповедовала, ее функция остается одной и той же на протяжении веков. Власть обеспечивает политическое руководство обществом. Иногда это ей удается лучше, иногда хуже или не удается вовсе. Тогда власть либо гибнет сама по себе, либо ее низвергают. Конечно, власть имеет и качественные отличия, но в данном случае не о том речь.

Общество – вот где возможны различия. Они могут быть количественными, но гораздо интереснее, когда речь идет о его качественных характеристиках. Не вдаваясь в этот сложный предмет, которым социальная наука занимается, преимущественно безуспешно, все время своего существования, отметим, что все его разновидности и формы укладываются в три класса. Это зависит от того, какую модель организации общество предпочло и каким организационным инструментарием преимущественно пользуется. На этот счет история не очень-то разнообразна.

Она дает возможность либо опираться на естественную форму общественной организации – тогда главную роль в обществе занимает семья. Речь, конечно же, идет не о той вырождающейся *модели семьи*, которую предпочитает современное законодательство, тем более не о семьях, состоящих из одного человека, и разумеется, не о семьях, где есть мать–одиночка. Все это, скорее, псевдо–семьи, фальсификация самого понятия «семья». Настоящая семья – это фамилия, состоящая из нескольких поколений, живущих вместе, или целый род. Если естественной и основной ячейкой общества является семья, то общество можно квалифицировать как традиционное или консервативное. Модифицированной формой такой модели организации является корпоративное общество, в котором семьи так или иначе объединяются более сложной системой социально-производственных и религиозных интересов.

Новой истории известен пример модернистской формы общественной организации. Это связано с коммунистическим экспериментом, предпринятом в различных странах в XX столетии. Обобществление всех средств производства, упраздняющее легальное существование частной собственности и его следствие – частные интересы, упраздняет какое-либо социальное значение института семьи. За семьей в таком случае остаются лишь духовно-биологические функции личного общения, и она постепенно превращается в форму, которая имеет тенденцию к вырождению, что естественным образом влияет и на процесс снижения воспроизводства самого человека.

Но социальный характер этого вида общества, главной задачей которого становится материальное производство, предопределяет и кандидата на главную его ячейку. Им становится *предприятие*. Завод или фабрика в промышленности, колхоз в сельскохозяйственном производстве, полк или корабль – если дело касается вооруженных сил, институт – то же предприятие в сфере образования или науки, и т.д. Общество, члены которого распределены по тем или иным предприятиям, члены общества, которые не могут не быть в штате предприятия, – такова качественно иная, чем семья, форма общественной организации.

И, наконец, форма распадающегося, атомизирующегося, современного общества, в котором нет ни полноценной семьи, ни стабильных предприятий, где главным, первичным институтом организации становится отдельно взятый *индивид*, где отношения между членами общества определяются страстями, интересами, настроением и поведением совокупности отдельно взятых личностей.

Как обеспечивается связь власти и общества? Понятно, что многое зависит от их природы, от уровня развития того, что называется производительными силами, от характеристики экономического строя, политического режима или социального уклада, которые Маркс именовал производственными отношениями. Да, нельзя не увидеть, как резко различаются они между собой не только во времени или пространстве, но даже принадлежа к одной и той же формации или цивилизации. Но в любом случае остается неизмененной потребность в институте, который должен соединять власть и общество, быть между ними промежуточным звеном.

Посмотрим на те общества, модели которых мы описали.

Что соединяет общество, основой которого является семья, с властью? Религия и традиции. Какой институт выполняет функция связи общества и власти? Церковь.

Если же первичным институтом общества становится предприятие, на котором работники, образующие коллектив, организуются и субординируются, то главным, что их соединяет, оказывается профессия. Понятно, что религия и традиции могут даже мешать целесообразной деятельности, подчиняющейся производственно-экономическим законам. Такое общество поэтому заменяет религию естествознанием, веру в Бога верой в математические, физические или химические формулы. Но какой институт в состоянии обеспечивать связь такого общества с властью? Профессиональные союзы.

Наконец, общество индивидуумов, не связанных ни семейными узами, ни производственными отношениями. Что и кто в состоянии обеспечивать все те же связи? Идеология и средства массовых коммуникаций, которые, начиная со второй половины прошедшего столетия, принято обозначать аббревиатурой СМИ (главным образом электронные).

Следовательно, социальная структура во все времена, во всех цивилизациях и формациях была, есть и, видимо, будет состоять из трех элементов - власти, общества и «приводных ремней», соединяющих первое со вторым.

Что касается России, то периоды ее новой и новейшей истории вполне укладываются в описанную схему. Ее можно изобразить в виде следующей таблицы.

Элементы	Царский период 1721–1917	Партийный период 1921–1991	Президентский период с 1991 по настоящее время
Органы государственной власти	Император, министры, губернаторы	Генсек, министры, секретари обкомов	Президент, министры, губернаторы
Основная структура общества	Семья	Предприятие	Индивид
«Приводной ремень»	Церковь	Профсоюз	Электронные СМИ

Какие обстоятельства кладут предел существованию той или иной политической организации нации, которую принято называть государством? Если не считать военного поражения или поглощения одного государства другим, то – разложение, перерождение или смерть указанных выше базовых институтов. Крушение Российской Империи не было вызвано какими-либо внешними причинами. Наоборот, в военном отношении 1917 год должен был быть победоносным годом Первой мировой войны для русского оружия. Тем не менее все рухнуло. Почему? Два элемента из трех - церковь и власть – перестали должным образом исполнять свои функции. Почему был сокрушен СССР? По той же самой причине: совершенно разложились два элемента государства из трех – власть и профсоюзы.

Примечательно, что в обоих случаях базовый элемент самого общества – в первом случае семья, во втором предприятие – не подвергался эрозии. Семья в условиях революции 1917 года и предприятие образца 1991 года сохранились лучше всего. Но в результате революционных изменений как раз они-то и стали первыми жертвами этих изменений, именно по ним новый строй и наносил главный удар. Потому что всякое новое общество может возникнуть лишь на могиле предыдущего, а гибель старого общества не может произойти без гибели его основополагающего, системообразующего элемента.

Русские территориальные уступки

Современная Российская Федерация занимает 17 млн. кв. км, что составляет 11% земной суши. Казалось бы, баснословная величина. Но из общего пространственного достояния России 11 млн. кв. км – или 65% – вечная, непригодная для заселения мерзлота, где практически невозможно не то что постоянно жить, но даже добывать содержащиеся в этой земле богатства,

так как они обходятся слишком дорого. Примерно 145–150 млн. населения РФ реально владеют менее чем 6 млн. кв. км суши, так или иначе пригодной для оседлой жизни. И судьба распорядилась так, что природные и климатические условия даже на этих пространствах весьма суровы. Они протянулись на одиннадцати часовых поясах по 56-му градусу северной широты, где вести земледелие можно не более 4 месяцев в году. На изготовление сельскохозяйственных и промышленных продуктов на Русской равнине приходится затрачивать в два, три, пять раз больше времени и сил, чем в Калифорнии, Андалузии, Ломбардии или Провансе, в долинах Теннеси, Рейна, Сены или По.

Но так было не всегда. Еще в 1990 году территория России, ставшей по названию Советским Союзом, была на 5,19 млн. кв. км больше (всего 22,27 млн. кв. км), а накануне революции 1917 года Российская Империя имела площадь сухопутных владений в 21,7 млн. кв. км, то есть больше на 4,62 млн. кв. км, чем сейчас. Много или мало было уступлено? Территориальные потери России равняется 10 Франциям, 15 Германиям или 17 Италиям. Аналогов подобных территориальных метаморфоз мировая история не знает.

После территориальных уступок 1991 года за пределами России оказывались ее самые развитые, самые благоприятные в хозяйственном и военно-стратегическом отношении территории. Если производственный потенциал СССР накануне его расчленения был равен примерно 60% производственного потенциала США, то в масштабах РФ, после состоявшегося раздела, он снизился до 3%.

Сто лет назад, имея в распоряжении 15% мировой суши, Россия обладала 10% населения и 9,5% общемирового производства. 20 лет назад – примерно такой же территорией, 6,4% населения и примерно 15% ВВП. Теперь же на ее 11% земной суши, принадлежащей Российской Федерации, проживает 2,4% населения Земли и производит не более 2,6-2,8% мирового ВВП.

Легко отказавшись от территориальных приобретений последних трех веков, возвратившись к временам царя Федора Михайловича, Россия в 5-6 раз сократила свою долю в мировом производстве и почти в 20 раз уменьшила свой стратегический потенциал (совокупная мощность государствообразующих предприятий), что уже обошлось ей в 16 миллионов реальных демографических потерь (10 млн. – за счет превышения смертности над рождаемостью, плюс 6 млн. – за счет утраты расширенного воспроизводства численности населения, необходимой для устойчивости процесса заселения и освоения пространств России).

Между тем жизненные пространства, в которых наилучшим образом развиваются нации, достаются им не случайно, не как находка, а лишь невероятными усилиями, железом и кровью. Такова история каждого современного великого государства. Что же касается народов, которым не хватало мужества и мудрости отстоять свою территорию, то они либо исчезали с политической карты мира, либо становились колониями или сателлитами великих держав.

Одна лишь история России знает исключения. И хотя за одиннадцать столетий для защиты своего отечества русским пришлось выдержать не одну

сотню войн, отбиться от вражеских нашествий, защитить, вернуть себе свое же, присоединить и обустроить земли на трех континентах, тем не менее лишь Россия совершала беспрецедентные по масштабам и расточительству территориальные уступки. Причем не в каком-то далеком прошлом, а в течение последних двух столетий, и не в отношении покоренных, нещадно эксплуатируемых колоний, таких у России вообще не было. Их предметом становились то исконные русские земли, то пространства, присоединенные к Государству Российскому в результате труднейшего освоения.

Только однажды в русской истории власть добровольно отказалась от территорий, отошедших к России в качестве военной добычи. Это были финляндские губернии (около 340 тыс. кв. км). Большевистское «временное правительство» в декабре 1917 года пошло на этот шаг легко. В этом решении нетрудно разглядеть циничное желание иметь под боком у Петрограда, тогдашней русской столицы, дружественное государство, где при неудаче «мировой революции» ее вожди могли получить надежное политическое убежище. Убежище не потребовалось, зато настоящая себестоимость этой уступки стала понятной уже через 22 года – во время советско-финской войны.

Однако не большевикам принадлежит сомнительное первенство в подобных территориальных предприятиях. Уступать принадлежащие России земли ее правительства начали в XIX веке в Америке, где они простирались от Берингова пролива до Калифорнийского полуострова. Нуждается в объяснении уступка 1,7 млн. кв. км под предлогом разграничения владений с США и Великобританией в 1824 и 1825 гг., на чем особенно настаивали тогдашние управляющий министерством иностранных дел Нессельроде и министр финансов Конкрин. Отчего Петербург пошел на этот жест доброй воли, не стоивший Лондону и Вашингтону ни цента? Потом некоему бизнесмену достался Форт-Росс. Но обещанные им 30 тыс. долл. так и не были получены. Пока передача форта оформлялась, Мексика из испанской колонии превратилась в суверенную республику. А когда в 1867 г. пришла очередь Аляски с Алеутскими островами, то их оценили в 5 копеек за гектар.

Даже теперь трудно вообразить более темную историю. Тайна, впрочем, при продаже или уступке существовала для русских, тогда как американцы дебатировали вопрос вполне открыто – в прессе и в Конгрессе. Самое удивительное, что инициатива исходила из Петербурга. И главным «лоббистом» был брат царя – Великий Князь Константин Николаевич, глава либеральной партии того времени, сначала управлявший морским министерством, затем ставший председателем Государственного Совета.

Доводы в пользу продажи, подготовленные русскими государственными мужами, кажутся высосанными из пальца – настолько их легко опровергнуть. Видите ли, «управляющая компания не приносит существенной пользы акционерам», «возможны столкновения с предприимчивыми торговцами и мореплавателями», что будет «необходимо содержать с большими на это расходами военные и морские силы в северных водах Тихого океана», надо «сосредоточить внимание на развитии Приамурского края», «в случае войны колонию нет возможности защищать», сохранение этих владений принесет «вред дружественным нашим отношениям к Соединенным Штатам»!

Беспардонным враньем представляются донесения посланника Стокля в Петербург, в которых он все переворачивал с ног на голову: «Акт продажи наших колоний, — утверждал он в одном из них, — никогда не был популярен в Соединенных Штатах. Вся пресса высказывалась против этого территориального приобретения. Газеты всех направлений заявляли, что Соединенные Штаты, которые обладают территорией, способной прокормить население численностью в 200 млн. человек, не имеют никакой необходимости расширять свои границы за счет районов, лишенных ресурсов и не подходящих для сельского хозяйства, особенно в момент, когда страна обременена колоссальным долгом». Только по официальным данным за 1868–1890 годы из Аляски было вывезено мехов, золота и серебра, китового жира и уса, мамонтовой кости на сумму 75,2 млн. долл.

Все эти «страхи» и «сообщения» были блефом. Время показало, что США заключили самое дальновидное в их истории внешнеполитическое соглашение, а Россия – самое опрометчивое. Русская Америка оказалась богата ресурсами, включая нефть, морепродукты и золото. Все то, что русские землепроходцы, промышленники, моряки и православные миссионеры на протяжении почти 150 лет создавали в Новом Свете для России, даром досталось янки и было ими эффективно использовано. Аляска теперь – это четверть всех подземных и морских богатств США. Занимая выгодное военно-стратегическое положение, она обеспечила Штатам преобладающее влияние на севере континента и на пути к азиатскому рынку. Вместе с Алеутскими островами и Гавайями (в свое время Россия и от них отказалась) теперешняя Аляска позволила США доминировать на всем пространстве Тихого океана.

Остается лишь сожалеть и удивляться, насколько вредит России отсутствие во власти и в образованной части общества глубокого геополитического, геоэкономического и геостратегического мышления, вместо которого она усвоила лишь примитивные догмы европоцентризма, не уставая клясться в своей принадлежности Европе. Причем без какой бы то ни было взаимности с ее стороны.

Удивительно, но факт: в русском национальном сознании не осталось никаких следов от неблагоприятных последствий уступки русских колоний в Америке. А ведь сохрани их Россия, и вектор развития был бы существенно изменен. Русское освоение всего Дальнего Востока носило бы тогда и иное направление, и другие темпы. Баснословные выгоды, которые достались Штатам, усилили бы Россию за 30–40 лет до такой степени, что могло бы избавить ее и от войны с Японией, начатой в 1904 году (либо ее результат оказался бы иным), и даже от участия в Первой мировой войне, предотвратить которую в Европе вряд ли было возможно.

Не откажись большевики от русского суверенитета над Финляндией в декабре 1917 года, и по иному развивались бы события на северо-западном участке фронта Великой Отечественной войны, если бы она вообще началась. А вот в чем не приходится сомневаться, так это в том, что не было бы необходимости в финской кампании 1939–1940 гг., да и немецко-финскую блокаду Ленинграда можно было бы предотвратить.

Беловежские соглашения 1991 года, по которым тоже уступались огромные русские территории, как и уступка Русской Америки, готовились в тайне. Хотя Вашингтон был задолго «в курсе». Ничуть не лучше были и аргументы, которые озвучивали архитекторы Беловежского заговора. «Общечеловеческие ценности», «право наций на отделение», «союзные республики сидят на шее у России» и тому подобные глупости. Как полагают эксперты, в совокупности последствия этого решения превышают человеческие жертвы и материальный ущерб, причиненный нашему Отечеству гитлеровским нашествием. Предвидеть их, впрочем, не составляло особого труда.

Главный источник современного кризиса – территориальный распад государства. А он стал возможен, когда в массовом сознании возобладала философия булгаковского героя Бунши. Зачем нам какая-то «Кемская волость», вроде Средней Азии, Закавказья, Прибалтики или западных русских земель, названных «Украиной» и «Белоруссией». «Пусть забирают!» Но если не сохранять свою государственную территорию, не беречь ее как зеницу ока, то ее утрата с неизбежностью обрушивает хозяйственные связи, рвет экономические отношения, деморализует и разлагает общество, коррумпирует власть. Зато появляются новые тысячекилометровые государственные границы, таможни, суверенные правовые системы и самодовольная бюрократия.

Если в результате продажи Русской Америки предметом уступки оказалось 1,5 млн. кв. км, или 6% суши тогдашнего Российского государства (не считая морских территориальных вод, составлявших тогда лишь 3 прибрежных мили), то с 1990 по 2004 год включительно Россия уступила еще 5,5 млн. кв. км, или почти 24% суши. В Прибалтике уступлено 174 тыс. кв. км, в Западном и Юго-западном крае 850 тыс., в Закавказье 190 тыс., в Южной Сибири и Степном крае 2710 тыс., в Туркестане 1280 тыс. кв. км. К этому надо прибавить континентальный шельф и прилегающую к утраченному побережью полосу морской экономической зоны площадью 200 английских миль. В эту ведомость не входит значительная часть Берингова моря, площадью в четыре Польши, безвозмездно подаренная президентом СССР М.Горбачевым и его доверенным лицом Э.Шеварднадзе Соединенным Штатам Америки в том же 1990 году.

Однако, если прямая государственная измена, совершенная Горбачевым и Шеварднадзе, тогда министром иностранных дел СССР, так и осталась не наказанной, не возбуждалось даже уголовного дела, есть ли гарантия, что не может произойти нечего подобного в дальнейшем? И если неизвестно или известно недостаточно, как были утрачены американские владения России, если массовое сознание относилось прежде и относится теперь к этому историческому факту безразлично, то разве не может с таким же точно чувством отнестись оно и к повторению таких уступок? Тем более что территориальные потери 90-х годов происходили если и не с согласия, то при очевидном поощрении русского населения России.

Раздача земель продолжается. Уступка президентом Ельциным полуострова Даманский на Амуре продолжилась следующим актом государственной измены – уступкой в 2005 году группы крупных островов рядом с Хабаровском – ключевым стратегическим центром на Дальнем

Востоке. На очереди Курилы, Калининградская область, земли на Кавказе? Что может последовать потом? Весь Кавказ, Сибирь?

В событиях 1867 и 1991 годов, внешне похожих, есть важные отличия. Нет, например, сомнения в том, что Александр II, отказываясь от права на колонии в Америке, не хотел зла России. Но, доверившись своему брату и министрам, он совершил ошибку, и ошибку такого рода, что она была хуже преступления. Горбачев, Ельцин и приближенные к ним либерал-демократы, готовившие вместе с Кравчуком и Шушкевичем отделение «союзных республик» от России, учиненное ими в Беловежской пуще, но никогда не ратифицированное, никаких ошибок не совершали. Это была с их стороны целенаправленная, сознательная деятельность, политика, от которой они не отрекаются и поныне. Общественное спокойствие, последовавшее за уступкой Аляски, можно объяснить авторитетом царской власти, которой русское общество середины XIX века полностью доверяла. Но объяснимо ли народное безмолвие 1991 года, сохраняемое до сих пор?

Равнодушно бездействуя, разве Россия не рискует пережить трагическую судьбу Восточно-Римской империи? А ведь именно к этому ведет ее логика уступок по всем направлениям, которая стала для Кремля путеводной звездой начиная с 1985 года, политической линией правительства, сущность которой выражает формула трусости и измены: «лишь бы не было войны». Между тем хорошо известно, что на свете есть идеалы и ценности поважнее мира, который ничего не стоит, если нарушена справедливость.

М.В. Ломоносов и сбережение русского народа

О Михаиле Васильевиче Ломоносове, ставшем настоящим символом образованной России XVIII века, написано немало. С его именем связано зарождение русской академической науки, он был одним из создателей русского литературного языка, поэтом и выдающимся общественным деятелем. Знаменитый немецкий ученый Леонард Эйлер, восхищаясь его трудами, писал, что «все научные мемуары Ломоносова не только хороши, но даже превосходны». А.С. Пушкин видел в нем «самобытного сподвижника просвещения», который стоял у истоков первого российского университета и «сам был первым нашим университетом». Главное, что заботило Ломоносова на протяжении всей его жизни, – это судьба страны и русского народа.

Нелегко писать о человеке, который своими трудами и служением Родине сделал бессмертным не только свое имя, но и возвеличил имя России и русской науки. Ломоносову посвящены тысячи публицистических статей, сотни научных исследований. Непросто к ним добавить что-то новое. Кажется, что о Ломоносове и его жизни уже все известно. Его научные идеи стали прочным фундаментом для последующего развития самых разных академических дисциплин. Ломоносов был настоящим ученым-энциклопедистом, проявив свои таланты в философии, физике, химии, геологии, филологии, истории и во многих других областях научного познания.

Многие взгляды Ломоносова остаются актуальными и по сей день, даже при современном уровне развития науки. Большое внимание Ломоносов уделял проблеме прироста и сбережения народа, справедливо полагая, что от этого зависит процветание и могущество государства. Он не отделял демографию от государственной политики. И в этом решении Ломоносов был первым, тогда как его современники смотрели на вопросы народонаселения через призму философии, создавая, как, например, Л. Эйлер, «общие исследования о смертности и об умножении человеческого рода». Во времена Ломоносова, в первой половине XVIII века, демография как самостоятельная научная дисциплина отсутствовала не только в России, но и во всем мире. Но Ломоносов мыслил именно как ученый-демограф, обосновывая необходимость государственных мер, направленных на увеличение численности населения. В этом смысле он стоял еще и у истоков русской демографической политики.

В то же время Ломоносова волновало не «общечеловечество», а русский народ, на плечах которого издревле покоилось государственное величие Российской империи. Ученый прекрасно понимал, что наука – это не отвлеченная от жизни теория, а средство, создавая которое, конкретный народ обеспечивает себе земное существование. Русская наука должна служить, в первую очередь, русскому народу и его процветанию. В противном случае ее достижения будут использованы многочисленными врагами против России и русских, как это зачастую происходит в последнее время.

По мнению Ломоносова, сбережение русского народа является первоочередной целью, которую должно преследовать государство. Эта цель в полной мере сохраняет свою актуальность и сегодня. Пока еще Россия держится созидательной волей русских людей, без которых она просто не мыслима. Однако страна непременно начнет утрачивать и свои территории, и свое влияние, если численность русских будет снижаться. Но при сохранении и преумножении русского народа Россия, при ее ресурсах и геополитическом положении, способна занять ведущее место среди мировых держав и обеспечить безбедное будущее грядущим русским поколениям.

В наши дни пересекающиеся кривые показателей рождаемости и смертности как будто ставят крест на будущем русских людей. И если мы не хотим считать свою историю завершенной, то уместно вспомнить идеи Ломоносова о сбережении русского народа и сделать все, чтобы остановить собственную гибель. Когда читаешь его строки, первым делом проникаешься чувством непоколебимой гордости. Ломоносов был русским человеком, который душою болел за продолжение русского рода.

Ломоносов родился 8 ноября 1711 года в поморском селе Архангельской губернии, на русском Севере, исконных землях, и никогда не забывал своих корней. Его характер закалила северно–русская природа и суровые морские просторы. Решив заниматься науками, Ломоносов без ведома отца отправился в Москву, где поступил в Славяно-греко-латинскую академию. Вскоре его в числе наиболее способных учеников отправили продолжать образование в Германию. Именно немецкие годы жизни сделали из Ломоносова ученого и мыслителя европейского масштаба. Его мировоззрение сформировалось под влиянием выдающихся немецких философов.

В 1761 году Ломоносов написал графу Шувалову письмо «Рассуждение о размножении и сохранении российского народа», в котором высказал мысли о сбережении русского народа. Он считал, что «для обильнейшего плодородия родящих», то есть для увеличения деторождения, необходимо принять несколько срочных мер. Также он разобрал факторы, которые тормозили рост населения, и одновременно с этим предложил, что нужно сделать, чтобы устранить их вредное влияние.

Во-первых, Ломоносова беспокоила разница в возрасте среди вступающих в брак. Он писал, что «невеста не должна быть старее, разве только двумя годами, а жених старее может быть пятнадцатью летами…». «Женщины, – продолжал Ломоносов, – родят едва далее 45 лет, а мужчины часто и до 60 лет к плодородию способны». А поэтому он предлпоагал оптимальную разницу в возрасте между супругами 7–10 лет.

Важно, что законодательное утверждение приемлемых возрастов для бракосочетания, то есть фактическое устранение брачных отношений между лицами несоответствующих лет, позволило бы избежать многочисленных фиктивных браков. И тем самым удастся избежать не только многочисленных фактов мошенничества, но и снизить угрозу национальной безопасности России, так как именно посредством фиктивных браков в страну проникает множество нелегальных мигрантов, которые начинают жизнь на новом месте с нарушения закона.

Во-вторых, Ломоносов предлагал отменить брак по принуждению, а также упразднить закон, запрещающий сочетаться браком более трех раз. Он полемизировал с расхожим в то время мнением, что «первый брак - закон, второй – прощение, третий – пребеззаконие». С горечью отмечая высокую женскую смертность при родах, Ломоносов не мог разделить это мнение, отмечая, что «сие никакими соборными узаконениями не утверждено».

Конечно, в понимании ученого разрешение на четвертый брак было не разрешением на «свободу личной жизни». Брак в любом случае утверждался Церковью и считался священным. Но Ломоносов выступал за то, чтобы не лишать супружества мужей, которые лишились жен в результате несчастных случаев, каковые отнюдь не были редкостью. О том же было и его предложение разрешить молодым овдовевшим священникам вступать в брак вторично. Кроме того, для стимуляции рождаемости Ломоносов предлагал запретить мирянам принимать монашеский постриг до 45–50 лет.

Весьма обстоятельно мыслитель рассматривал вопрос о снижении смертности, и главным образом детской смертности. Как беду он описывал «детское душегубство», то есть убийство матерями своих незаконнорожденных детей, чтобы скрыть позор. Ломоносов предлагал учредить специальные дома, которые принимали бы «зазорных» детей. Вместе с тем он предлагал развивать медицину, чтобы бороться с болезнями и смертностью среди новорожденных.

Для снижения смертности вообще Ломоносов призывал к просвещению народа, чтобы снизить уровень бытового пьянства и невоздержанности и насаждать разумный и здоровый образ жизни. Кроме того, государство, по мнению ученого, должно бороться с причинами, которые увеличивают смертность населения, – с пожарами, эпидемиями и потоплениями. Он

удрученно писал, что в русских деревнях почти нет врачей, «отчего смертность особенно увеличивается».

Ломоносов мечтательно рассуждал о желательной перемене укоренившихся в народе обычаев, в том числе и о несоответствии русскому климату установленных когда-то в Греции и на Святой Земле постов и церковных праздников. Он доказывал, что Великий пост приходится в России на самое суровое время года, что создает большую нагрузку на здоровье людей. «Если б наша Масленица положена была в мае месяце, - рассуждал Ломоносов, - то Великий пост был бы в полной весне и в начале лета, а Святая неделя около Петрова дня».

В это время бремя поста было бы связано не с повышенной нагрузкой на физический организм, а со здоровым аскетизмом крестьянского труда, укрепляющим дух и здоровье народа. «Ради исправления (*т.е. осуществления – прим.*) таких нужных работ, – продолжал Ломоносов, – меньше было бы праздности, матери невоздержания, меньше гостьбы и пирушек, меньше пьянства… А сверх того, хотя бы кто и напился, однако, возвращаясь домой, не замерз бы на дороге, как на Масленице бывает, и не провалился бы под лед, как случается на Святой неделе». Это говорил, конечно, рационально мыслящий ученый, а отнюдь не богослов. Он призывал созвать для введения соответствующих изменений Вселенский собор, но, к сожалению, безуспешно.

В упомянутом письме к графу Шувалову Ломоносов не забыл упомянуть и о миграции - явлении, которое напрямую связано с демографией и сопутствует ей. Он называл тех русских, которые уезжают жить заграницу, «живыми покойниками» и считал необходимым предпринимать меры по возвращению людей из-за границы, так как Россия «в состоянии вместить их в свое безопасное недро». То есть фактически Ломоносов призывал и к репатриации наших сограждан. Итак, в его концепции сбережения русского народы были указаны меры по трем главным направлениям – демографии, миграции и репатриации.

В наши дни именно исследования и государственные реформы по этим направлениям позволят приостановить смертность русских и создать условия для будущего его прироста. Гений Ломоносова предвидел это два с половиной столетия назад. Тогда его записка попала «под сукно», так как граф Шувалов вскоре потерял свое влияние при дворе. Если сегодня не прислушаться к советам великого ученого, то в вымирающем народе вряд ли уже когда-то появятся люди, по силе мышления сравнимые с Ломоносовым. Меры по сбережению русского народа должны стать для государства главными, ведь от этого зависит «сохранение жизни столь великого множества людей»…

Этногенез праславян

Главным источником этногенеза на европейском пространстве, образовавшим современные народы, была арийская экспансия, продолжавшаяся во II – начале I тыс. до н.э. и известная нам по именам племен, объединенных культурой полей погребальных урн в Центральной Европе. Более поздние ее следы отмечены западнее именем кельтов, на юге Европы они стали известны как иллирийцы, италики и ахейцы, другие арийские племена задержались в центре Европы и назвались германцами, вслед пришли руссы-венеды. О близком родстве всех этих племен говорит путаница с их именами и топонимами, охватывающими все центрально–европейское и часть восточноевропейского пространства.

Что наши предки жили в этих лесах – вопрос, кажется, уже однозначно решенный наукой. Об этом с уверенностью говорят лингвисты, указывающие, что общеславянским признаком является обилие в лексиконе слов для обозначения флоры и фауны лесов, водоемов и болот. В то же время славянские языки бедны лексикой, связанной с морем, степью и горами. Наши предки, разместившиеся в прибалтийской зоне, не знали таких пород дерева, как бук, лиственница, пихта, тис. Границы распространения этих пород указывают на срединную Россию как нашу прародину. В верховьях Днепра речная и озерная топонимика дополнена славянскими суффиксами, что означает вытеснение одних (условно балтских) племен другими (условно праславянскими).

Другая гипотеза говорит о происхождении славянского языка в качестве периферийного варианта древнебалтийских языков, что связано с южной границей лесной зоны, где состоялось периферийное смешение задержавшихся кочевников-руссов и оторвавшихся от материнского этноса периферийного населения древних балтов. Ранние дославянские культуры: лужицкая («вендская») (XIII–IV до н.э.), днепро-двинская (VIII в. до н.э. – III в. н.э.), милоградская (VII в. до н.э. – I в. н.э.) и штрихованной керамики (VII в. до н.э. – V в. н.э.) считаются отдельными от балтских и близкими к более поздним славянским культурам. В то же время культурные и антропологические границы тех времен редко совпадали. Скудный археологический материал не позволяет отделять культовую утварь от бытовой, что не дает возможности определить также и этнические границы, связанные с картиной мира, мифологией, а вовсе не с модой, которой иногда приписывают решающее значение при определении культурных ареалов (скажем, культура височных колец и т.п.). Дославянские культуры Европы часто приписывают праславянам или прагерманцам или тем и другим вместе. В то же время длительность существования дославянских культур говорит о том, что этнический состав в соответствующем ареале мог меняться не раз, но имел общий в целом близкородственный антропологический состав, гарантирующий, что соседи и мигранты не воспринимаются как враги.

Наиболее ранний из достоверно известных нам этногенетических «котлов» в Восточной Европе, отражающий всплеск этногенеза на этой

территории, относится к II в. до н. э. – I в. н.э., связан с зарубинецкой культурой (Северная Украина и Южная Белоруссия, Верхнее Поднепровье). Считается, что это культура преимущественно германского происхождения, но с сильным влиянием кельтов. Это были скорее разбойники, чем ремесленники, пахари или скотоводы. Причем их агрессия была направлена в сторону лесной зоны, что свидетельствует о сильном «арийском следе» – продолжении в уменьшенных масштабах прежней экспансии, но развернутой к северу. Поэтому, вероятно, здесь следует вести речь не о смеси германских и кельтских культурных признаков, а о материнской культуре, в которой такого разделения еще не было – предки зарубинцев просто еще не добрались до Европы, где их разделило ландшафтное разнообразие полуостровных, прибрежных и материковых зон.

Тот же самый подход можно было бы применить и в отношении пшеворской культуры Висло-Одерского междуречья (II–IV вв. н.э.), где обычно усматривают совместное проживание славян, германцев и кельтов. Праславянский компонент относят в большей степени к восточной части пространства пшеворской культуры. В то же время нет никаких препятствий к тому, чтобы считать соответствующие признаки всего лишь территориальной особенностью единого в расовом отношении сообщества арийских племен.

Во II в. н.э. зарубинецкий этногенетический котел был погашен нашествиями сарматов и готов, а остатки носителей этой культуры (вероятно, выступающие у римских историков под именем «бастарны») вынуждены были отступить глубже в лесную зону, где неизбежно вступили в жесткую конкуренцию с местным населением, отодвинув его к побережью Балтики. Другая часть зарубинцев, напротив, продвинулась южнее и оставила свой след в киевской культуре Среднего Поднепровья.

Ослабленные готы и сарматы перемещаются в конце II в. в Причерноморье, где на значительном пространстве складывается новый этногенетический котел, связанный с развитой земледельческой культурой, названной археологами «черняховской». Черняховская антропология сильно дифференцирована (различия особенно заметны между западными и восточными сериями), но не более, чем среди других этнических групп средневековой Европы. При этом черняховцы достоверно отличимы от германцев. Земледельческая технология обещала соединить разнородное население черняховцев (скифо-сарматы, готы, гепиды, даки, славяне-анты) и, возможно, примыкающие к ним с севера раннеславянские племена, чье существование отмечено зубрицкой, а впоследствии пражско-корчакской культурой Верхнего Приднестровья. Но история не дала шанса черняховскому котлу «провариться».

Разгром гуннами черняховской культуры и последующий разгром гуннов на всем завоеванном ими пространстве (с участием многих народов, включая, видимо, праславян) освободили пространство для южной экспансии племен лесной зоны. Самые ранние славянские древности археологи относят к III–IV вв. н.э. и левобережью нижнего Дуная (с германским названием «венеды»). На рубеже IV и V вв. на прежнем пограничье леса и степи (Малая Польша, Волынь и Житомирщина) на основе более ранней, пшеворской, культуры утверждается пражско-корчакская культура с характерными признаками утвари и

возникшими несколько позднее курганными захоронениями, а также имеющая некоторую связь с черняховской культурой. В византийских источниках южнославянские племена выступают под именем с(к)лавены. В дальнейшем идет мощное расселение славян на запад, юг и юго-запад, освоение ими территорий Моравии и Словакии, Среднего Поднепровья, междуречья Дуная и Днестра.

В V–VII вв. образуется также иное культурное объединение протославянских племен, включившее в себя часть черняховской культуры и получившее наименование «пеньковская культура». Протославянские имена соответствующего пространства между нижним течением Дуная и Северным Донцом сегодняшние историки предпочитают называть «антами». Анты, скорее всего, были периферийным племенем, имевшим тот же родовой корень, что и ранее ушедшие из прикаспийских пространств протославянские, проторусские племена. Антское переселение в Приазовье и Причерноморье относится к IV–VI вв. Считается, что из антской среды вышли хорваты (Северо-Восточное Прикарпатье), уличи (лесостепь от Днестра до Днепра) и тиверцы (Поднестровье). Здесь курганных захоронений не знали, что должно говорить также о разъединении протославян различными культами, а значит в дальнейшем – и о заметном антропологическом различии. Вместе с тем объединяет пеньковскую культуру с пражско-корчакской единый обряд трупосожжения и грунтовых погребений, а также полуземляночное домостроительство.

Об этническом кризисе антов говорит появление на рубеже VII–VIII вв. на территории их расселения в Среднем Поднепровье инородных волынских древностей, привнесенных, как считается, населением именьковской культуры Среднего Поволжья (IV–VII вв.), где сочетались признаки пшеворской-зарубинецкой и черняховской культур. Последнее обстоятельство вполне может указывать также на источник или одну из перевалочных баз миграций с востока, где культурная среда носила признаки материнской по отношению к более западным культурам. Заселение приволжской территории обычно связывается с нашествием гуннов и вытеснением черняховцев из Северного Причерноморья. Но возможно и иное предположение: вытеснение материнского по отношению к западным племенам населения из южноуральских пространств.

Второй «антский» кризис в VIII в. разорил пеньковско-волынецкую культуру новой волной мигрантов. Вероятно, та же волна прекратила и пражско-корчакскую культуру. На их месте образовались идентичные культуры типа роменской. Истоки новой волны мигрантов до сих пор не ясны. Можно лишь сказать, что причерноморский регион еще раз сменил как этнокультурную, так и расовую идентичность. Сохранить прежние системы не удалось и переселенцам, продвинувшимся на север, где их встречали и поглощали родственные племена, которые, в свою очередь, сдвигали все севернее финно-угорский «субстрат».

Антропологическое единство славяно-русского пространства обеспечивалось беспрерывными волнами переселения на юг и с юга, где прокатывались волны безжалостных кочевников. Ушедшие из одной зоны

славянского пространства переселенцы потом попадали в другую зону – волны миграции перекрывались. Так, оседлое население приобретало качества кочевого. Этногенетический котел подогревался на юге, а «варился» в лесной зоне – до времени незаметно для общеевропейской истории, которая была сосредоточена в блистательной Византии и медленно вызревала в германских болотах (куда медленнее, чем в славянских лесах).

Этногенетические процессы шли значительно спокойнее у придунайских праславян. Русская летописная традиция размещает славян на Дунае в византийском пограничье. В Повести временных лет (ПВЛ) говорится: «по мнозех же временех сели суть словени по Дунаеви». Святославу летопись приписывает слова: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, поволоки, вина и овощеве различныя, из Чех же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скора и воск, мед и челяд». Современные племенные имена «словенцы», «словаки» у южных славян также говорят в пользу миграции племенных имен в силу ошибок хронистов и историков, с одной стороны, и в силу общности языка и культуры, с другой.

Дунайская прародина славян, как предполагал выдающийся русский лингвист О.Н.Трубачев, является источником миграционных потоков в статичной картине расселения народов на европейских пространствах в течение III–I тыс. до н.э. Одно из обоснований этой гипотезы – распространенность в географии и языках Европы названий, созвучных «Киеву». Считается, что это производное от личного имени Кий. Следов этого названия в северных Причерноморье и Прикаспии не обнаруживается, что позволяет сделать вывод о том, что славян там исторически не было. В то же время можно предложить иной подход.

В степных пространствах кочевники не имели необходимости фиксировать раздел земли. Только переходя к оседлому образу жизни, они начинали именовать земли, обозначая границы между ними. «Кий» означает «палка» – этого лингвисты не отрицают. Вовсе не обязательно, чтобы это было личное имя. Распространенность этого названия, скорее, свидетельствует именно о закреплении земли: ее «застолбили», обозначили «кием». Именно поэтому разнообразные «кии» очерчивают пограничье степной зоны. Примечательно, что «киев» нет на левом берегу Дуная, где они были бы доступны волнам кочевников. Севернее «киев» нет, поскольку миграции рассекались Карпатами: одни кочевники вливались в миграционный коридор и шли в северном направлением, другие постепенно заселяли пространство Подунавья. «Киевы» столбились там, где напор кочевников исчерпывался и происходила этническая дифференциация. Нет сомнений, что оседлое население могло мигрировать на север от «кия» к «кию», но изначальный процесс «застолбления» земель, очевидно, связан с миграциями вендов-руссов (одной из позднейших волн арийских миграций) и их древним языком.

При расселении славян до Волыни и киевского Поднепровья в X–XI вв. сформировались этнонимы волынян, древлян, полян, дреговичей, продвинувшиеся далее на север вместе с культурой курганных захоронений до левых притоков Припяти, нижнего течения Березины, верховий Немана. При

расселении славяне проводили своеобразную «этническую чистку» остатков древнебалтского и финно-угорского населения. Беспрерывные наступления славян на балтийское пространство буквально «расплющили» автохтонные этносы вдоль морского побережья, а добивало его также резкое изменение климата: с IV в. в Европе стало заметно холоднее, земледелие затруднилось резким увлажнением. Славянам также пришлось сжать свой ареал, двинуться на восток – к своим исходным территориям расселения. Так образовалась дифференциация славян по широтному признаку и оборванность славянского пространства на западе, где в Средней Европе разыгрывалась своя историческая драма противостояния варварского Севера и имперского Юга, в которой славяне были лишь второстепенным периферийным элементом.

В этом большом славянском котле этногенетический взрыв произошел в VIII–IX вв. в связи с заметным потеплением климата, исчезновением болот и открытием плодородных пойм. В сочетании с более прогрессивными методами земледелия это дало резкий рост материальной культуры и демографический всплеск. Славяне вышли из лесов многочисленным и сплоченным в племенные союзы народом. Им не доставало только военного опыта, чтобы удерживать занимаемые пространства и подавить внутренние склоки. Этот опыт и силу дали славянам руссы – одно из родственных им племен с особым укладом жизни и складом характера. Руссы сыграли роль «закваски», почти мгновенно кристаллизовавшей славянские пространства в огромную империю.

Славяне и русь

В «Повести временных лет» проблема происхождения варяжской руси не отражалась, поскольку широко известные тогда сведения не могли интересовать летописца. Тем не менее локализация варягов определена достаточно точно. В X в. летописец указал их место по побережью Варяжского (Балтийского) моря, но к востоку – до «предела Симова» и к западу – «до земле Аглянски». Под «Симовым пределом» еще византийский хронисты понимали Каспийское море, «земля Аглянска» – место обитания аглян=англян=англо-саксов до их переселения на острова. В германской земле Шлезвиг-Гольштейн до сих пор сохранилось название одной из провинций – «Ангельн». На востоке от англо-саксов жили племена варинов-вагров, то есть, варягов. Это имя распространилось затем на множество других прибалтийских племен.

Столь широкий географический охват заставил многих сомневаться в том, что русь могла одновременно существовать и на Каспии, и на Балтике. Потому, мол, «Симов предел», скорее, обозначает Волжскую Булгарию. Но в этом случае не может быть никакого смысла в «призвании варягов», которые и без того занимали весь северо-славянский ареал.

О том, что прикаспийское пространство было старой русской вотчиной, говорит поход князя Святослава против хазар. Это был поход явно с политическими целями. И путь Святослава до Хазарии был, скорее всего, хорошо известен русским.

В VI в. южнее антских пространств располагался ареал иной культуры, не оставившей достоверных археологических памятников. Отзвуки в истории остались лишь в угасавших при антах городах Боспора. Но именно там сохранились следы индо-арийского языка – признак происхождения из общеарийской прародины. Тот же язык прослеживается в топонимах и языке тавров Крыма, населения Восточного Приазовья, низовий Днепра и Южного Буга.

В Приазовье и в Крыму присутствует исторически протяженное бытование топонимов и этнонимов с корнем «рос». Этот факт заставляет предполагать в первой половине I тыс. н.э. наличие однородного этноса росов, которым, вероятнее всего, по праву должна принадлежать слава походов на Константинополь. Если верить летописной дате призвания варягов в 862 году, то появление руси под стенами Константинополя в 860 году не может быть отнесено к руси варяжской. Южные росы-руссы должны рассматриваться обособленно от более поздней славянской руси и пространственно отдаленной варяжской руси.

Византийский историк Лев Диакон упоминает о требованиях императора Цимисхия к Святославу «удалиться в свои области и к Киммерийскому Боспору», а также другие обстоятельства, связывающие присутствие руссов (в тогдашнем именовании также «скифов») с областью вблизи Керченского пролива. Договор 945 года Игоря с греками свидетельствует, что интересы руси распространялись восточнее Херсонеса-Корсуня. К этим свидетельствам можно добавить множество достаточно смутных упоминаний – от князя Рос в Библии до сирийских источников, где говорится о народе hros, соседствующем с амазонками (то есть, в западном Предкавказье).

В одном из договоров XII в. императора Византии с генуэзцами называется город «Россия» рядом с Таматархой (Тмутараканью). Другой источник говорит о городе Русия в Крыму (у ал-Идриси). Возможно, Крым в целом обозначался в восточных источниках как «остров Русия» (ар-Русийа). Ибн Русте говорит об острове руссов длиной в три дня пути. Восточные источники также говорят об островах руссов в море Майотис (Меотида, Азовское море). В баварском географическом источнике IX века упоминается народ ruzzi по соседству с хазарами.

Славянское племя северяне размещается на юге восточнославянского ареала. Свое имя северяне, как и название реки Северский Донец, получено, очевидно, от южных соседей. Племя северян также известно между Дунаем и Балканами и относится к южным славянам, отмечая, скорее всего, традиционный миграционный путь на запад. Связь Тмутаракани с Черниговом показывает, что на юге северяне имели свои колонии. Или же, напротив, северяне получили свои колонии при движении к северу. Славянские тиверцы явно происходят от тавро-руссов (тавроскифов), о чем свидетельствуют и географические данные, и лингвистика.

Лингвистика утверждает, что датировка имени «Русь» удревняется именно к югу славянского ареала. Таким образом, Боспор и Таврия как нескифский и неиранский ареал явно претендуют на место пребывания южной (понтийской) руси.

Можно предположить, что русь действительно имела исходный ареал в прикаспийских территориях, а затем прошла хожеными тропами всех кочевников – до Балтики. Согласно летописным источникам, одной из прародин руси являлась «Черная (чермная=красная) Русь» в Понеманье. Сохраняя присутствие в своих древних вотчинах, русь обрела силу на побережье и затем заселила и более восточные территории Прибалтики – вплоть до основания Новгорода, население которого составляли, судя по летописи, именно «людие от рода варяжьска».

Немецкие и русские источники XV–XVI вв. именуют земли в окрестностях Любека «Русской землей». Историкам и летописцам того периода (и русским, и немецким) было ясно, что обитатели Вагрии говорили на русском языке и были одной веры с русскими. Данные о том, что Любек находится «в Руси» встречаются в западноевропейских источниках также в XI и XIV вв.

Вытеснение русских племен из Вагрии постепенно привело к тому, что под «варягами» на Руси стали понимать «немцев» – варяжский этноним не прижился, а русский стал главным на территории государственного образования. Варягами называли иноязычных пришельцев из Вагрии, где русский язык постепенно был вытеснен немецким.

Вопрос о языке варягов, судя по древнерусской летописи, решается однозначно: «славеньский язык и рускый одно есть». Правда, верно, скорее, обратное: славянский язык есть язык русский. Вендский язык по немецким словарям XVII–XVIII вв. воспроизводит множество русских слов, понятных современному русскому человеку. Новгородские берестяные грамоты XI в. написаны на русском языке и в большинстве своем совершенно понятны сегодняшним читателям. Именно русские дали восточным славянам язык, а вовсе не наоборот.

В восточных источниках IX в. (Ибн Хордадбех) имеются свидетельства, что русские купцы есть «вид славян», которых в Багдаде в качестве переводчиков сопровождают «славянские рабы». В X в. восточные источники (Ибн ал-Факих) отмечали присутствие «славянских купцов». Эти источники явно пользовались более ранними известиями и одновременно смешивали и разделяли славян и руссов. Источники X в. говорят о трех группах руссов: население вокруг города Куйаба, примыкающее к Булгару (вероятно, Киев или один из «киевов»); отдаленная группа ас-Славия («славянская земля», возможно вокруг Новгорода); группа ал-Арсанийа (с неизвестной локализацией). Варяжское море называлось на Востоке и варяжским, и славянским.

Возникшая путаница в цепи варяги-руссы-славяне связана с тесным переплетением судеб этих племен и смешением этнонимов и топонимов. В то же время смешение означает и близкое родство, которое к X в. оказалось достаточно глубоким, чтобы иностранцы путались, а летописцы видели неразрывную связь этих племен.

На рубеже I и II тысячелетий многочисленные источники упоминают не только Киевскую Русь, но и Прикарпатскую, Приазовскую (Тмутаракань, Лукоморье), Прикаспискую, Подунайскую (Ругиланд-Русия). Ядро Русского мира к тому моменту располагалось на юге Балтийского моря: окрестности

Ростока-Любека, остров Рюген (Русия, Ругия, Рутения, Руйания), устье Немана, побережье Рижского залива, запад Эстонии (Роталия-Руссия), острова Эзель (Сааремаа) и Даго. Славянскому пространству, порожденному русской миграцией, еще предстояло стать новым ядром Русского мира – за счет переселения варяжских и подунайских руссов на восток, в обход болот Полесья, и слияния этих двух переселенческих потоков.

Самые западные руссы в VIII–IX вв. локализовались на территории от юга Ютландии до р. Рокинтицы и состояли из ободритских племен: вагров, полабов, древлян, глинян, смолян, рарогов-ререгов, варнов. Восточнее и южнее – до р. Одры обитали лютичи (велеты, вильцы-волки): хижане, руяне (руги, русские – о. Рюген), черезпеняне, доленчане, ратаре, моричане, речане, брижане, стодоряне (гаволяне), глиняне, любушане, шпреяне, плоняне и др.; между Одрой, Вислой, Вартой и Нотецею жили поморяне, среди которых – кашубы и словинцы; южнее лютичей проживали объединения полабских славян: сербы-лужичане.

Немецкое именование балтийских руссов исходило из знакомства преимущественно с соседними племенами – венедами или виндами (иначе называемые «вандалы»), а пространство, занятое руссами и их племенными союзами, именовалось Винланд или Виндланд. Жители Вагрии, венды, отличали себя от немцев вплоть до XVIII в. От вендов–венедов – происходят Вена и Венеция – еще один след сопутствующего руссам племени (немцы именовали прибалтийский венедский город Волин как Wenetha). В ряде северо-немецких источников Русь называлась Вандалией, а русские династии возводились к вандальским королям. Вандалами обобщенно называли варягов, герулов, ободритов-ререгов, велетов и др. В Новгороде сохранились фольклорные предания о царе Вандале. Известна роль вандалов в разрушении Рима, а также образование вандальского королевства на севере Африки с областью Рузика.

VIII в. был периодом расцвета варяжской Руси, о чем свидетельствует огромное количество арабского серебра, найденного в кладах. Русская торговля захватила огромные пространства, в крупнейшем святилище Поморья стоял отлитый из золота бог Радегаст. Главные торговые центры Рерик, Штеттин (Щецин), Волин и другие были известны на Западе и в Азии. Волин, раскинувшийся на 50 гектаров и населенный 5–10 тыс. жителей, уступал в торговле только Константинополю. Именно здесь обнаружена треть всех поморских кладов той эпохи. В Волине, как и в других городах варяжских руссов, были деревянные мостовые и 2-3-этажные дома, крепостные валы и частоколы. Здесь не было нищих, а бедняки презирались. Именно у русских мореходов скандинавы научились многим приемам морского дела и переняли множество слов (ладья, торг, безмен, толк, печать и др.). Скандинавский быт той эпохи выглядит бедным и убогим.

Торговля и война были главным делом руссов, а варяжские пираты грабили побережье Дании, лютичи добирались до Англии и даже создавали там свои колонии. Но руссы не раз вступали в союз с датчанами против шведской, норвежской и немецкой экспансии, а также совместно осуществляли морские набеги (VIII в.). Русская и датская знать зачастую роднились, давая начало

княжеским и королевским династиям. Прибалтийские руссы (редари, лютичи и др.) были лидерами в союзе с немцами против польской экспансии (начало XI в.). Датчане с огромным уважением относились к русскому богу Святовиту, храм которому был возведен в Арконе на о. Рюген. Но в XI в. датчане перехватывают военное лидерство – Волин переходит из рук в руки, начинается вытеснение руси из южной Прибалтики. В XIII в., когда крестоносцы захватили южно-балтийские земли и разгромили прусские племена, произошло массовое переселение варяжской руси в Новгород и Псков. Руссы в Пруссии упорно сопротивлялись германизации. След этого сопротивления остался на гербе Пруссии в виде надписи «Arma rutenorum» (оружие руссов).

Помимо восточного переселения, руссы заполнили территории и в Скандинавии, где до XV века сохранилась традиция славянских имен. Западнославянские древности IX–XI вв. обнаруживаются в Южной Швеции, южно-балтийская керамика широко распространена в Средней Швеции.

Еще в XII в. русская летопись свидетельствует о противостоянии новгородцев и датчан. (Напомним, что новгородцы были переселенцами из Вагрии). Затем датская экспансия сменилась немецкой. При этом в католических документах XII–XIII вв. Ливония и Латгалия назывались «Руссией» и «Рутенией». Северорусская антропология указывает на признаки смешения близкородственных племен. Вместе с тем ожидания найти германский антропологический элемент в черниговских и киевских захоронениях знати не оправдались. Скорее всего, русское переселение захватило некоторые народы Скандинавии, но вовсе не привело к внедрению в русскую аристократию немецкого и скандинавского элемента.

Близкое родство русских и германских племен обнаруживается только в более глубокой древности. Для Пшеворской культуры бассейна Вислы и Висло-Одерского междуречья (II в. до н.э. – V в. н.э.) характерен обычай порчи захваченного у врага оружия. Этот обычай приписывается германскому влиянию. Антропологические данные в этом же ареале показывают существование среди населения некоего промежуточного типа, проявлявшего как германские, так и славянские черты более позднего периода. Позднее скандинавский культовый элемент внедряется в германские племена, но полностью отсутствует у русских.

Германская экспансия была своего рода реваншем за вытеснение германцев руссами еще в VI в. Именно тогда часть германского элемента восточнее Эльбы была ассимилирована и позднее соответствующие признаки объявились на севере Руси вместе с русскими переселенцами.

«Повесть временных лет» свидетельствует о завоевании волохами (франками, галлами) придунайских славян. Затем завоеватели были изгнаны уграми (венграми), образовавшими «землю Угорьску». Это говорит о том, что во второй половине I тысячелетия н.э. южнославянская периферия была объектом конкуренции между восточными (кавказоидными) и западными (арийскими) племенами. На южном направлении славян теснила Византия, где sclavus означало «раб». Арийский компонент был уже достаточно ослаблен ближневосточными мигрантами, среди которых было распространено

понимание славян как потомков библейского Хама (так указывали средневековые еврейские хронисты).

Русь в сравнении со sclavus понимается хронистами иначе. Русь как племя было подобно венграм – завоевателям, основавшим «землю». Русь не числится среди рабов. В «Повести временных лет» русь вместе с многими другими народами относится к колену Иафета, а в еврейском хронографе «Иоссипон» (X в.) - к потомкам Тираса, сына Иафета. При этом русь соседствует с северными германцами, а также размещается «на реке Кива» (Киев?), которая впадает в море Гурган (Каспийское море). О народе ар-рус говорится в арабских хрониках. В 844 году. зафиксировано его нападение на Севилью, затем – поход на Хазарию (969 год) и в земли ар-Рум (Византия, ср. Арзрум или Рум-Рим) и ар-андалус (Испания, Андалусия).

Византия в 860 году неожиданно обнаружила огромную флотилию росов под Константинополем, впервые встретившись с народом, о котором до сих пор среди византийцев ходили слухи и легенды. До этого о руси, вероятно, говорили наряду с легендарными амазонками, псоглавцами и людьми с огромными конечностями, проживавшими где-то на севере. Позднее византийцы связывали регулярные (в течение двух веков) появления этого племени в своих пределаъ с пророчеством Иезекииля, в книге которого поминается князь Рос (Рош).

Таким образом, северный народ русь, соврешавший морские походы вдоль северного и южного побережья Европы сухопутные походы вглубь континента – до Каспия, к концу I тыс. был известен всем европейским племенам, историкам и государям.

Из родовых специализаций руси – войны и торговли – при миграции на восток сохранилась лишь первая. На основе руссов были созданы княжеские дружины, чья миссия на славянских просторах была государствоустроительной. «Откуда есть пошла Русская земля?» – летописный вопрос, отражающий не этническую историю, а историю государства. В летописной традиции русь связывается с призванными в Новгород варяжскими князьями. При этом несомненно родство руси и славян: «А словеньскый язык и рускый одно есть, от варяг бо прозвашася русью, а первое беша словене». Разделение между «своими» и «чужими» в летописи ясно прослеживается по языку: «Се бо токмо словенеск язык в Руси: поляне, древляне,… А се суть инии языци, иже дань дают Руси: чудь, меря, мурома». На родственность руси и славян указывает тот факт, что под этим именем они известны греческим и византийским авторам с VI в., размещавшим русь в Среднем Поднепровье.

Внутренняя распря между славянскими племенами и русью иллюстрируется хорошо известной историей с гибелью Игоря Старого, посмевшего лишний раз взять дань с древлян. Русь признавалась именно как племя устроителей государства – князь с дружиной становились высшим арбитром в споре, преодолевая конфликтный племенной обычай и устанавливая свой «ряд» и «устав». Пример Игоря Старого показывает, что эту функцию отдельные правители пытались узурпировать и гипертрофировать. В дальнейшем аналогичные намерения были заимствованы варягами – уже не русью, а военными наемниками из германизированных территорий. Поздние

призвания варягов в Новгород рассматривались уже не как родственные. Они призывались именно как наемники, которые при невыполнении условий призвания изгонялись новгородцами (862, 1015 гг.).

Имя «русь» в славянском обиходе более древнее, чем «варяги». Русь и варяги продолжают одну и ту же линию на консолидацию славянского мира, но в разные периоды времени. Первоначальное значение слова «варяг» – «наемник, принявший клятву верности». Но на Руси исходное значение слова «варяг» отнесено к родовой общности. В «Повести временных лет» русь – дружина князя Игоря, который в 941 г. призывает с собой варягов в совместный поход на греков. Постепенно слово «варяг» стало означать «чужой» и полностью отделилось от понятия «русь». Варяги остались лишь пришельцами из чужой уже земли – прежней вотчины руссов, варяжской руси.

Определенные трансформации происходили и с понятием «русская земля». В «Повести временных лет» (начало XII в.) «Русская земля» еще обозначает только все русские земли в целом. Затем (не ранее чем со второй четверти XII в.) только Киевское, Черниговское и Переяславское княжества стали именоваться «Русской землей». В Новгородской летописи XIII в. (Новгородская первая летопись младшего извода) понятие «Русская земля» соотносилось с окрестностями Киева, а «русский князь» в Киеве противопоставлялся новгородскому князю. Так исчерпывалось собственно «русьское» влияние и распадался русско-славянский монолит.

Конкуренция Юга и Севера в славяно-русском пространстве объяснялась периодом славянской раздробленности. Северорусской общности предстояло утвердиться в Киеве по-настоящему. Владимир Святой и Ярослав Мудрый как новгородские князья захватывали Киев силой с участием варягов. Киев рассматривался как столица, подверженная чуждым хазарским влияниям. Неприятие южан приводило к размежеванию княжеских династий – потомки Рюрика воздерживались от браков с представителями южан, предпочитая родниться с боярством Новгорода и Суздаля.

Характерно также различие северных и южных славян в отношении к русскому летописному наследию. Тексты XI–XIII вв. сохранились только на севере. «Слово о полку Игореве» сохранилось в псковской рукописи XVI в., найденной в Ярославле. Древнейший список «Повести временных лет», Лаврентьевский, создан в Суздале в конце XIV в. Практически вся история Руси известна нам только из северо-русских летописных сводов. История русского государства была для южных славян чужой. Отчасти мы видим отражение этого отчуждения и в современной Украине.

Продвижение руси в хазарские земли (хазарские Белая Вежа и Тмутаракань) включило тюркский фактор во внутреннюю политику Русской земли. Признание князей Владимира Святого и Ярослава Мудрого «каганами» отражает хазарское влияние. О том же говорят имена иранских богов в языческом пантеоне Владимира. Хазары оказываются на стороне Мстислава в противостоянии с Ярославом Мудрым, опиравшимся на варягов – уже не как государствоустроителей, но опытных воинов родственного племени.

Киев как «мати градом русьским» связан, вероятно, с более древним русским элементом – южного и западного происхождения. Новгородское

первенство определено присутствием более позднего, но и более сильного русского элемента. Давление германцев ослабляло Новгород и возвышало Киев, но позднее Киев сдал свои позиции Москве, укрытой в глубине Руси от тюркского разорения. И все же Киев сохранил свое значение как место пребывания изначальной русской культуры, которая затем распространилась на север. Не варяжская, а киевская русь дала русскую культуру русскому государству. Можно сказать, что русский Север дал России антропологический тип и родословные русской аристократии, а русский Юг – культурное наследие изначальной арийской руси.

Юг упорно сопротивлялся русской доминанте, идущей с севера. Южные славяне одинаково относились как к представителям руси, так и к хазарским ставленникам. Киевским правителям приходится это учитывать. Вероятно, именно этим обусловлено достаточно позднее принятие в название государства слова «Русь» – с XV в. в именовании Московской Руси. До этого Русь – лишь страна, место обитания руси или русьская вотчина.

Север, начиная с «Русской правды» Ярослава Мудрого, быстро утверждал общерусскую идентичность. Если там славяне были собраны дисциплиной руси, то южные и западные славяне, напротив, постоянно воевали между собой и шли от предательства к предательству славянского мира в пользу иных племенных союзов. Поляки издевались над русской Украиной, а ополяченные украинцы все время метались между Польшей, Турцией и Россией; болгары предавали русских в обеих мировых войнах. К концу XIX в. славяне представляли нечто единое только в рамках Российской Империи, а к концу XX в. многократно раздробились и обособились – разошлись политически и культурно. Наследниками древнеславянской цивилизации остались только русские, великороссы.

Русь сделала восточных славян особым племенем, создав государство, уравнявшее антропологический тип на значительных пространствах. Поэтому прародину русских следует искать не в географическом, а в историческом пространстве. Русская миссия создала единство «своих» против «чужих», чтобы потом это единство было восстановлено после тяжких испытаний и измен – на Куликовом поле, где русичи защищали уже не каждый свой род, а Отечество и веру Христову.

Об одном названии Руси и русских в источниках

Одним из общих названий русских и Руси в средневековых латиноязычных источниках было «рутены» (Ruteni, Rutheni) и производное от него «Рутения». Будучи исключительно книжным термином, интерпретация которого изначально не вызывала сомнений, в название Ruteni вкладывался однозначный смысл – русские, население Руси. В договоре с Тевтонским орденом русский князь Даниил Галицкий, например, именовался «primus rex Ruthenorum». Однако наравне с употреблением названия «рутены» для обозначения народа, сама страна, как правило, именовалась Russia. Так, польский хронист Матвей Меховский, описывая в трактате 1517 г. Карпатскую Русь (Russia), писал, что

«у Сарматских гор живет народ русский (Ruthenorum)». Однако в средневековых источниках существовало также название «Рутения», которым обозначали как Московскую Русь, так и другие русские земли, в том числе те, которые входили в состав Польши или Великого княжества Литовского.

Профессор А.Г. Кузьмин справедливо писал, что «“Русь” имеет в источниках разные обозначения. В латинской традиции, сохраняющейся и в средневековой литературе, преобладает написание Rutenia или Rhutenia. В собственно германских источниках это чаще всего Rugia со множеством вариантов».

Сегодня преобладает мнение, что термин Ruteni был заимствован средневековыми авторами именно из римской традиции, в которой так обозначали древнее население области Родез (нынешний французский департамент Аверон). Название Родез сохранялось до конца XVIII в., и только французские революционеры переименовали его в Аверон, но наиболее древним названием Родеза-Аверона было Segodunum Rutenorum. Во французском языке по сей день житель Родеза именуется Ruthenois.

Зачастую упоминание древних рутенов в источниках сопровождалось эпитетами Russus Rutheni и Flavi Rhuteni, т.е. *красные*, *рыжие* или *златокудрые*, что можно точнее интерпретировать на русский язык как *русые*. В индоевропейских языках слова *красный*, *рыжий* и *русый* однозначно связаны с близкими корнями *rus* и *rut*.

В латыни rutilus значит *красноватый, желто-красный, золотистого цвета*. Показательно, что в одном из балтских языков – латышском – осень называется rudens, т.е. дословно «красно-золотистое время года». Во французском языке rousseur – рыжий, а rouge – «красный». Известно, например, что русскую принцессу Анну Ярославну во французских источниках называли Анной Рыжей.

Красный цвет символизировал могущество и воинственность, и упоминание в источниках Руси и руссов зачастую сопровождалось упоминанием эпитета «красный». Средневековые латинские авторы переносили римский термин Ruteni на русских с приблизительным смыслом «красные руссы». Кроме того, необходимо учитывать и заметный антропологический признак – русый цвет волос, который также мог определять внешнее восприятие руссов. При этом, как известно, русый цвет обычно называли рыжим, огненно-красным или просто красным.

Обозначение красного цвета и его оттенков в европейских языках этимологически в то же время прочно связано с воинской тематикой. Так английское russet – *красновато-рыжий, бурый*, а roster – *военный порядок*. В немецком языке rot – *красный*, а Rüstung – *вооружение*. Французские слова Roussin – *боевой конь*, rosser – *бить* и rouge – *красный, злой* явно связаны. В итальянском ruggine – *ржавчина*, а rosso – *красный*. По-шведски rost – *ржавый*, rutin – порядок. А в датском языке слово ruste означает одновременно *ржаветь* и *вооружать*.

Близкая этимология позволила, например, некоторым авторам предположить, что руссы были не этнической группой, а всего лишь особым военным сословием. С.А. Гринев полагал, что название Русь является готским и

обозначало военно-конное сословие, от него будто бы произошли немецкие наименования Russ (конь) и Reuter, позднее Ritter (всадник, рыцарь). Профессор В.А. Брим считал, что Русь – это скандинавское слово, которое в переводе означает *дружина*. Подобные точки зрения, сохраняясь, скорее, как историографическое наследие, мало что проясняют и в проблеме начала Руси, и в вопросе об истоках российской государственности.

Между тем сложно говорить о преемственности Руси от древних рутенов, хотя такое предположение существует. Е.И. Классен, связывая начало Руси с временами Троянской войны, писал, что «рутенские» названия во Франции связаны с руссами. Но данная точка зрения также представляется слабо аргументированной и основанной, по большей части, на созвучии названий. В противном случае ее сторонникам придется доказать и отношение к Руси, например, дагестанской народности рутулов.

Рассматривая термин Ruteni, В.Н. Татищев отмечал, что «от латин рутены нам имя дано, но неправильное, думаю, потому что имя рутены у Плиния, Птоломея и других известно было. Но Птоломей указывает их во Франции и главный их город Руезиум; а в Лексиконе историческом рассказывает, что оного народа во французской провинции Руверже в Гвиенне город главный Родес, а в латинском доныне Рутена именуем, из которого видно, что оное нам латинисты ни по чему, как по подобию только знаемого им имени, русь в рутены превратили; но притом есть такое сходство, что в латинском рутены, в сарматском русь едино значат». За неверную интерпретацию Татищев критиковал и далматинского историка Мавро Орбини, который «руссов в рутенов превратив, во Францию на 120 кораблях перевез и населил».

Но так или иначе в средневековой латыни термин Ruteni стал обозначением Руси и русских. Очевидно, название Ruteni является самым близким латинским искажением имени «русины» (Ruszeni), которое доносят до нас летописи и «Русская Правда». По всей видимости, западноевропейские авторы воспринимали на слух именно название «русины», записывая его в соответствии с особенностями средневековой латыни (при отступлении от классического латинского написания «ци» как «ti», при котором читаемое «руцины», т.е. «русины», могло быть записано не только как rutini, но и как ruteni или даже rutheni). А.В. Назаренко, который в свое время анализировал группу «русских» этноконов из «Баварского географа», признавал, что Ruzzi – это «одно из древнейших упоминаний имени “русь”».

Однако впоследствии, под влиянием определенных политических обстоятельств, термин «рутены» приобрел двоякую интерпретацию, которая по сей день зачастую встречается в историографии. С середины XIX в. власти Австро-Венгрии, пытаясь противодействовать народному движению карпатских русинов как движению, направленному на союз с Россией, и стремясь разобщить русских, широко распространяли «теорию», что русские в Закарпатье – это не русские, а некий другой народ – рутены. Из этого, видимо, должен был следовать вывод, что у русинов нет исторической причины симпатизировать России и поддерживать ее. Эта мифологема распространялась несмотря на то, что сами русины никогда не называли себя рутенами, но только русскими, русским народом. На позиции т.н. «рутенизма» встала разве что

«Головна Руска Рада» – национально-представительный орган русинов, созданный под полным контролем австро-венгерских властей при содействии губернатора Галиции графа Ф. Стадиона.

В 1848 г. в противовес «Раде» было создано общество «Рускій Соборъ», которое начало издавать газету «Dnewnyk Ruskij». Впоследствии, в 1866 г., другая русинская газета – «Слово» прямо писала, что несмотря на все попытки представить русинов особым народом – рутенами, очевидно, что Карпатская Русь исторически связана и с Киевской, и с Московской Русью.

Вокруг карпатских русинов с середины XIX в. не утихали политические страсти (которые сегодня вновь возобновились). Трагическим итогом австро-венгерской фальсификации вокруг названия Ruteni стали десятки тысяч русских мучеников в концлагерях Талергоф и Терезин. Сегодня же мы обязаны противостоять подобным историческим мифам хотя бы ради того, чтобы не допустить кровопролития в будущем.

Между тем дословное переложение термина Ruteni на русский язык, порождая путаницу, стало распространяться и в научной литературе. На страницах многих работ наравне с руссами и русинами также появились «рутены», после чего в историографии к сложнейшей проблеме о начале Руси прибавилась и мнимая проблема о происхождении «рутенов», которых некоторые вовсе не отождествляли с Русью.

Со временем противоречие, связанное с различной интерпретацией термина Ruteni, лишь усугублялось. По мнению Г. Ловмяньского, например, имя Ruthenia возникло, «вероятно, в Киеве». Стремясь избежать явного противоречия и понимая, что латинское название вряд ли могло появиться у славяноязычных, Ловмяньский уточняет, что оно появилось в среде норманнов, «которые с начала IX в. оседали в Киеве». Однако и такая трактовка далеко не бесспорна, так как Ловмяньский отождествлял норманнов с варягами. Но в отличие от варягов, выходцев с южного побережья Балтики, скандинавские норманны появились на Руси достаточно поздно (по крайней мере, название Ruthenia в источниках уже существовало).

Очевидно, что рутены – это традиционное *латинское* название руссов. Идет речь о Киевской Руси или о какой-либо другой Русской земле, в данном случае можно понять только из самого контекста источника. А.Г. Кузьмин, пожалуй, первым осмыслил этимологическое родство имени «Русь» и производных от него (руги, роги, рузы, руцы, рутены), сделав вывод, что руссы разных областей Европы оказываются родственниками.

Таким образом, пора отказаться от дословной интерпретации обозначения Ruteni в средневековых латиноязычных источников. Оно существует только в оригинальном тексте произведения и нуждается в корректном переводе. Точно так же мы не оставляем неизменным немецкое Deutsch при переводе на русский и не пишем «народ дойч», а переводим это слово как «немцы», «немецкий народ». Аналогично Deutschland не переводится как «страна дойч», а только Германия.

Необходимо стремиться к тому, чтобы понимание источника и его интерпретация были предельно точными. В противном случае ученый рискует

породить в своем воображении народы, которых никогда не существовало в истории.

Правдива ли летописная легенда о Рюрике?

О Руси писали и античные авторы, и средневековые хронисты, и арабские путешественники. Сотни исторических свидетельств составляют сегодня бесценную сокровищницу, из которой историки черпают знания о древнерусском прошлом. Датский священник Саксон Грамматик рассказывал о русах даже при описании событий до Р.Х. Очевидно, что история Руси-России уходит корнями в глубокую древность и не ограничивается последним тысячелетием, засвидетельствованным в документальных источниках.

Летописная традиция связывает начало Руси с варягами. Так, «Повесть временных лет» рассказывает, что Русское государство возникло после того, как к славянам были призваны править трое варяжских братьев:

«(862 г.) И избрались три брата со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к словенам первым, и срубили город Ладогу, и сел в Ладоге старейший Рюрик, а другой – Синеус – на Белом-озере, а третий – Трувор – в Изборске». Но откуда пришли и кем были по происхождению варяги, давшие начало русской государственности? Ведь в историографии они успели побывать и шведами, и датчанами, и скандинавами в целом; одни авторы считали варягов «норманнами», другие, наоборот, – «славянами». И снова невнимательность к проблеме, поставленной в самом историческом источнике, явилась причиной возникновения противоречащих друг другу утверждений.

Для древнего летописца происхождение варягов было очевидно. Он помещал их родину – Вагрию – на южнобалтийском побережье «к западу до земли аглянской», т.е. до области Ангельн (земля англов в Гольштейне). В наши дни земли древней Вагрии вошли в состав современной немецкой земли Мекленбург – Передняя Померания. Но в варяжские времена население этих мест было другим. Каким именно? – об этом говорят сохранившиеся по сей день названия населённых пунктов: Варин, Руссов, Рерик, Москов и многие другие.

Однако несмотря на всю ясность летописного свидетельства, вопрос о происхождении варягов (а значит, и о корнях русской государственности) стал дискуссионным для потомков. Путаницу внесла появившаяся в политических кругах при дворе шведского короля версия о происхождении Рюрика из Швеции, которую впоследствии подхватили некоторые немецкие историки. Объективно говоря, эта версия не имела ни малейших исторических оснований, зато была полностью обусловлена политически.

Ещё в годы Ливонской войны между Иваном Грозным и шведским королём Юханом III разгорелась острая полемика по вопросу о титуловании. Русский царь считал шведского правителя выходцем из «мужичьего рода», на что тот отвечал, что предки самой русской династии происходили будто бы из Швеции. Эта мысль окончательно оформилась как политическая концепция накануне Смутного времени в начале XVII в., когда шведы претендовали на

новгородские земли, пытаясь оправдать свои территориальные претензии неким подобием летописного «призвания». Предполагалось, что новгородцы должны были направить посольство к шведскому королю и пригласить его на правление, как некогда они призвали варяжского, т.е. «шведского», князя Рюрика. Вывод о «шведском» происхождении варягов в то время был основан лишь на том, что они пришли на Русь «из-за моря», а значит, вероятнее всего, из Швеции.

Впоследствии, в первой половине XVIII в. к варяжской теме обратились немецкие учёные из Петербургской Академии наук, которые по той же логике стремились обосновать немецкое господство в России времён регентства Бирона. Они же сформулировали так называемую «норманнскую теорию», согласно которой варяги, основатели Древнерусского государства, признавались выходцами из Швеции (т.е. «немцами», как тогда называли всех иностранцев). С тех пор эта теория, облачившись в некое подобие научности, закрепилась в отечественной историографии.

В то же время многие выдающиеся историки, начиная с М.В. Ломоносова, указывали на то, что норманнская теория не соответствует реальным фактам. Например, шведы не могли создать на Руси государство в IX в. хотя бы потому, что сами не имели в это время государственности. В русском языке и в русской культуре не удалось обнаружить скандинавских заимствований. Наконец, внимательное чтение самой летописи не позволяет подтвердить измышлений норманистов. Летописец отличал варягов от шведов и других скандинавских народов, писав, что «звались те варяги – русь, как другие зовутся шведы, иные же норманны, англы, другие готы». Поэтому при заключении мирных договоров с Византией языческие дружинники князей Олега и Игоря (те самые варяги, которых норманисты считают шведскими викингами) приносили клятву именами Перуна и Велеса, а вовсе не Одина или Тора. А.Г. Кузьмин отмечал, что только один этот факт мог бы опровергнуть всю норманнскую теорию. И подобных противоречий в буквальном смысле сотни.

Понятно, что в таком виде норманнская теория не могла быть жизнеспособной в академической науке. Но к ней снова и снова обращались в том случае, когда нужно было нанести удар по идее российской государственности. Сегодня эта разрушительная теория приобрела новую форму и современные норманисты, подкармливаемые грантами многочисленных зарубежных фондов, говорят не столько о «скандинавском происхождении варягов», сколько о своеобразном разделе «сфер влияния» в Древнерусском государстве. По новой версии норманизма, на северные области Руси будто бы распространялась власть варягов-«викингов», а на южные – хазар (между ними якобы существовал некий договор). Для русских же не предполагается сколько-нибудь значимой роли в собственной ранней истории.

Однако само развитие русского государства полностью опровергает все домыслы политических врагов России. Смогла бы Древняя Русь стать могучей Российской империей без выдающейся исторической миссии русского народа? Великая история состоялась вместе с великим народом, происходившим от славного варяжского начала. Единственно, следует уточнить, что именно русь –

это исконное родовое имя народа, а варяги – всего лишь территориальное обозначение (от индоевроп. «вар» – вода), т.е. живущие у воды, поморяне.

Австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Москве в начале XVI в., писал о варяжских корнях династии Рюриковичей: «…Славнейший некогда город и область вандалов, Вагрия, была погранична с Любеком и Голштинским герцогством, и то море, которое называется Балтийским, получило, по мнению некоторых, название от этой Вагрии, и при том само оно и тот залив, который отделяет Германию от Дании, равно как Пруссию, Ливонию и, наконец, приморскую часть Московского государства от Швеции, и доселе ещё удерживает у русских своё название, именуясь Варецкое море, т.е. Варяжское море. Сверх того, вандалы в то же время были могущественны, употребляли, наконец, русский язык и имели русские обычаи и религию. На основании этого мне представляется, что русские вызвали своих князей скорее от вагрийцев, или варягов, чем вручили власть иностранцам, разнящимся с ними верою, обычаями и языком».

С. Герберштейн выразил мнение, бытовавшее в просвещённых кругах Европы того времени. (Некоторые авторы и позже называли Московскую Русь «Вандалией».) С развитием научной генеалогии стали появляться труды о связях русской царской династии с древним королевским родом вандалов, правившим на южнобалтийском побережье (современная земля Мекленбург). Название «вандалы» было, видимо, общим для нескольких близкородственных племён – варягов, герулов, ободритов (ререгов), велетов и других, которых немцы позднее стали называть «вендами». В Померании о варяжских и вандальских предках и исторических связях с Россией помнили вплоть до XIX в. По сей день в Мекленбургской области Германии сохраняется множество следов пребывания донемецкого населения. Очевидно, что «немецкой» она стала лишь после того, как варяги и их потомки были вытеснены на восток или онемечены католическими орденами.

В 1526 г. учёный Николай Маршалк издал труд по истории древних вандалов, в котором он утверждал об их отношении к России. Традиция сохранялась и в последующих работах. Мекленбургский проректор Фридрих Томас к свадьбе герцога Карла Леопольда и дочери Ивана V Екатерины в 1716 г. опубликовал Гюстровскую оду, в которой воспевалось родство «вендов и ободритов» (жителей Мекленбурга) и «вандалов», т.е. русских.

Позднее путешественник К. Мармье записал в Мекленбурге народную легенду о Рюрике и его братьях: «В VIII веке племенем ободритов правил король по имени Годлав, отец трёх юношей, одинаково сильных, смелых и жаждущих славы. Первый звался Рюриком, второй Сиваром, третий Труваром. Три брата, не имея подходящего случая испытать свою храбрость в мирном королевстве отца, решили отправиться на поиски сражений и приключений в другие земли. Они направились на восток и прославились в тех странах, через которые проходили. (…) После многих благих деяний и страшных боёв, братья, которыми восхищались и благословляли, пришли в Руссию. (…) Тогда Рюрик получил в княжение Новгород, Сивар – Псков, Трувар – Бело-озеро. Спустя некоторое время, поскольку младшие братья умерли, не оставив детей, Рюрик

присоединил их княжества к своему и стал главой династии, которая царствовала до 1598 года».

Как видим, эта легенда из Северной Германии созвучна Сказанию о призвании варягов из «Повести временных лет». Однако внимательный анализ фактов позволяет в некоторой степени усомниться в точности летописной хронологии, по которой Рюрик с братьями начали править на Руси с 862 г. А. Куник вообще считал эту дату ошибочной, оставляя неточность на совести «позднейших переписчиков Повести».

Очевидно, что события, о которых кратко сообщали русские летописи, получают историческое наполнение по немецким источникам. В германской традиции бытовала легенда, согласно которой Рюрик с братьями были сыновьями князя Годлава (Годлиба, Годелайба), погибшего в 808 г. в битве с данами. Учитывая то, что старшим из сыновей Годлава был Рюрик, можно предположить, что он родился *не позднее* 806 г. (после него и до гибели его отца в 808 г. должны были появиться на свет двое младших братьев, которые не были одногодками), т.е. около тысячи двухсот лет назад. Конечно, Рюрик мог родиться и раньше, около 800 г., но об этом у нас пока нет достоверных сведений. В то же время 806 г. можно считать условной датой начала Русского правящего Царского (Императорского) Дома.

По немецким источникам, Рюрик с братьями были «призваны» около 840 г., что представляется весьма правдоподобным. Таким образом, варяжские князья могли появиться на Руси в зрелом и дееспособном возрасте, что выглядит совершенно логично.

С другой стороны, допуская ошибку в хронологии, летопись более точно указывает на место «призвания». Вероятнее всего это был не Новгород (как по немецким данным), а Ладога, которая была заложена варягами ещё в середине VIII в. А Новгород Рюрик «срубил» позднее, объединяя земли братьев после их смерти (об этом свидетельствует и название города). По археологическим данным Новгород был основан не ранее IX в.

Родословную Рюрика от древних вандальских королей признавали знатоки и исследователи генеалогий. Мекленбургский историк Матиус Иоганн фон Бэр писал, что у «короля русов» Витслава одним из сыновей был Годлав, ставший отцом Рюрика. Сам Витслав хорошо известен по франкским хроникам. Он был союзником Карла Великого и участвовал в его многочисленных походах. Во время одного из них он был убит саксами, попав в засаду при переправе через реку.

Важно, что в северогерманских родословных указывается на родство Рюрика с Гостомыслом, который действует и в летописном Сказании о призвании варягов. Но если скупые строки летописи о нём почти ничего не сообщают, то во франкских хрониках он упомянут под 838 г. как противник императора Людовика Немецкого.

Почему Рюрик с братьями отправились с южнобалтийского побережья на Восток? Дело в том, что у вандальских королей со времени «завещания» Гензериха (V в.) существовала «очередная» система наследования, по которой власть всегда получал старший представитель правящего рода. (Позднее «лествичная» система наследования княжеской власти стала традиционной на

Руси.) При этом сыновья не успевшего занять королевский трон правителя не получали никаких прав на престол и оставались вне главной «очереди». Годлав был убит раньше своего старшего брата и при жизни так и не стал королём. По этой причине Рюрик с братьями был вынужден отправиться в периферийную Ладогу, где с этого времени началась славная история государства Российского.

Князь Рюрик был полноправным правителем Руси и выходцем из «рода Русского», а вовсе не иноземным властителем, как желают представить те, кто всю русскую историю мыслит только под иностранным господством.

Не посрамим земли Русской!

Князь Святослав вошел в нашу историю как крупный полководец, возвеличивший своими деяниями Русь, ставшую отныне великим европейским государством. Историк Николай Михайлович Карамзин писал о нем так: «Сей князь, возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылал ревностью отличить себя делами и возобновить славу оружия российского… Древняя летопись сохранила для потомства прекрасную черту характера его: он не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну народам, повелевая сказать им: иду на вас! В сии времена общего варварства гордый Святослав соблюдал правила истинно рыцарской чести». Одним из подвигов древнерусского князя стала битва с византийцами у болгарской крепости Доростол…

В 968 и 969 годах Святослав предпринял два успешных похода на Болгарию, после чего стал готовиться к войне с Византией, обеспокоенной быстрыми победами русских войск. Константинополь был серьезным и опасным противником, умело сочетавшим военное мастерство с дипломатическими приемами. Набеги руссов на Византию были известны с давних времен и приносили империи немало хлопот, но только при Святославе Русь стала серьезно угрожать византийской гегемонии в низовье Дуная.

Военные походы Святослава в Болгарию и в Причерноморье обычно называют русско-византийской войной. Благодаря стремительности и военной храбрости русской армии эта война началась для Руси вполне успешно, и первое крупное поражение византийцы потерпели в битве под Адрианополем в 970 году. Византийский император, ошеломленный разгромом, пообещал Святославу мир.

В Константинополе руссов считали «варварами», которых можно было если не победить военной силой, то подкупить дорогими подарками и заверениями в «вечной дружбе». Однако верность договору давно была попрана в римской политике, в которой ценились больше право сильного в сиюминутный момент. Доверившись, руссы оставили открытым устье Дуная, дав византийскому императору повод прибегнуть к коварству. И тот не замедлил воспользоваться шансом, выступив против русской дружины с сильным флотом в триста судов, снаряженных «греческим огнем», с конницей и личной гвардией «бессмертных». Главные силы руссов оказались в осаде в крепости Доростол.

Император Иоанн Цимисхий подступил к крепости весной 971 года, взяв ее в полное окружение. С суши русская рать оказалась блокированной превосходящими по численности византийскими войсками, а с реки - византийскими кораблями. Однако руссы не только храбро отражали все приступы, но и сами делали вылазки. Однажды ночью они на ладьях незамеченными прошли мимо византийского флота и, разгромив сильный отряд осаждающих и захватив большое количество трофеев, вернулись обратно в крепость. Но в Доростоле начался голод и болезни, многие были ранены, и Святослав был вынужден срочно предпринять решительные действия.

Крупное сражение по снятию осады началось 20 июля. Русские воины вышли из крепости, чтобы дать решающий бой. Сначала на поле битвы все складывалось удачно, но когда был убит один из русских военачальников, дружинники отступили. После неудачного прорыва Святослав собрал совет, на котором произнес слова, ставшие воплощением русской воинской доблести: «Выбирать нам не из чего. Волей или неволей мы должны биться. Не посрамим же земли Русской, но ляжем костьми – мертвые сраму не имут!»

22 июля руссы решились на последнюю схватку и снова вышли из Доростола. Но византийцы пошли на хитрость. Иоанн Цимисхий разделил свое войско на две части, одна из которых должна была притворным бегством выманить руссов подальше от крепости на открытую равнину, а другая – зайти с тыла и отрезать им путь назад. Дружина Святослава выстроилась «стеной» и яростно атаковала византийскую фалангу – терять русским воинам было нечего! И они отважились на честную смерть в бою, считая ее более достойной, чем медленная и бесславная гибель от голода и болезней за крепостными стенами.

Неистовая атака руссов, как и предполагал опытный византийский военачальник, привела их в окружение, и воинская доблесть сразилась с воинской хитростью. С флангов на русских воинов обрушились мощные удары конницы. В сражении князь Святослав сам был ранен, но не покинул строй, вдохновляя дружинников своим примером. Руссы сражались окруженными со всех сторон противником, превосходившим их по численности более чем в два раза. И судьба отметила их отвагу: окружение было прорвано, и руссы вышли назад к крепости Доростол. Битва затихла сама собой к вечеру.

Император Иоанн был поражен волей к победе, проявленной русским войском. Несмотря на тяжелые потери, Святослав и его дружина одержали верх в схватке своим духом, даже находясь в таких условиях, когда иные бойцы смирились бы с поражением. На следующий день начались переговоры.

Так война Святослава с Византией закончилась заключением мирного договора, утвержденного после личной встречи русского князя с византийским императором на берегу Дуная. Свидетелем переговоров был византийский хронист и один из приближенных Иоанна Цимисхия Лев Диакон, который описал встречу. Византийский император подъехал в окружении всадников, а Святослав пристал к берегу Дуная на ладье.

Лев Диакон описал Святослава так: человека среднего роста, с голубыми глазами, без бороды, но с длинными висячими усами и с выбритой головой. Внешность и взгляд русского князя показались византийцам весьма суровыми.

В одно ухо у него была вдета золотая серьга, украшенная драгоценными камнями. «Сидя в ладье на скамье для гребцов, – записал хронист, – он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал. Так закончилась война ромеев со скифами».

В византийских источниках руссов часто именовали скифами. Печально, что после легкомысленного сравнения в одном известном стихотворении Блока, для многих слово «скифы» стало синонимом слову «азиаты». В действительности, мы скифы, но не азиаты! Русские корни уходят в скифскую древность, но русские всегда были и остаются типичными европейцами по своему антропологическому облику, были и остаются связанными с Европой значительно более крепкими культурными связями, чем с Азией. Русь всегда была надежным европейским щитом перед азиатским нашествием, тем щитом, которым не смогла стать Восточная Римская империя – Византия, погрязшая в интригах и поверженная турками.

В.Н. Татищев отмечал, что мирный договор, заключенный Святославом и Иоанном Цимисхием, подтверждал прежние договоренности Руси с Византией. Кроме этого Святослав был признан «римским другом и союзником», что было в те времена безусловным признанием международного статуса. Но Византия и на этот раз нарушила договоренность. Как только Святослав отплыл из Болгарии на Русь, Иоанн Цимисхий повелел направить посла к печенегам и сообщить им, что руссы малым войском и с богатой добычей возвращаются домой. Кочевники перекрыли днепровские пороги, на которых состоялась последняя битва в жизни великого русского князя Святослава, получившего в письменной традиции прозвище «Храбрый».

Военные походы Святослава сделали Русь крупнейшей державой своего времени. Разгром Хазарии, завоевание восточной Болгарии, победы от Поволжья до Каспия, создание русских военно-торговых форпостов в Причерноморье – все это обеспечило дальнейшее развитие Руси, ставшей в последующем тысячелетии мировой империей. Кроме того, будущая Россия переняла у Византии право называться великим православным государством, быть опорой всего Православного мира, оплотом православной веры.

Введение христианства на Руси

Взаимоотношения язычества и христианства в Древней Руси носили сложный и противоречивый характер. Осмысление их специфики, начавшееся еще в первые века христианства на Руси, было первоначально достаточно односторонним. Само церковное понятие «язычник» означало «чужой», «посторонний», «прочий». Идея неприятия язычества проводилась в большинстве средневековых письменных источников, объединяя «Сказание о распространении христианства на Руси», Изборник Святослава 1073 года, «Повесть временных лет», «Память и похвалу князю русскому Владимиру» Иакова Мниха, жития святых и др. Из этого ряда выпадает разве что «Слово о полку Игореве», само по себе величайшее и неповторимое произведение, автор которого прекрасно знал языческую мифологию. Вообще упоминания о

языческих обычаях, противных христианству, приходили на Русь с переведенными богословскими трудами, но встречались они и в светской литературе. Представление о языческих богах как о бесах было присуще также и летописям наиболее ранних редакций.

«Слова», направленные против язычества, были настолько широко употребляемы древнерусскими книжниками, что их фрагменты встречаются в различных документальных памятниках Древней Руси и, как следствие, в многочисленных документах XIV–XVII вв. В «Домострое», знаменитом своде правил, регламентирующем положение и поведение свободного человека, можно встретить главу «О волховании и о колдунах», где приводились разъяснения правил Шестого Константинопольского и Анкирского соборов.

До революции большинство исследователей придерживалось той точки зрения, что язычество неотъемлемо от чего-то варварского и дикого. Историк С.М. Соловьев, например, писал, что «русское язычество было так бедно, так бесцветно, что не могло с успехом вести спора ни с одною из религий, имевших место в юго-восточных областях тогдашней Европы, тем более с христианством». В советское время к русскому язычеству относились как к некоему народному наследию, неотделимому от фольклора. Правда, многие авторы были склонны видеть во взаимоотношениях язычества и христианства жесткое противоборство, свидетельства которого академик Б.А. Рыбаков находил даже в эпических произведениях. М.Ю. Брайчевский писал о некой «языческой реакции», которая проявлялась время от времени.

Скорее всего, борьба между язычеством и христианством, действительно, имела место и, возможно, первое время шла с переменным успехом. По крайне мере в Киевской Руси со второй половины IX века христианские правители чередовались с языческими. Каким же было утверждение христианства на Руси?

Источники крайне скупо говорят о реальных событиях периода сосуществования язычества и христианства в X веке. В агиографической литературе есть рассказ об уничтожении княгиней Ольгой языческих святилищ после принятия крещения из рук византийского патриарха. Иаков Мних писал об этом так: «И потом требища бесовския сокруши и начя жити о Христе Иисусе, возлюбивши Бога».

Не совсем ясно при этом, почему Ольга, приняв христианство восточного обряда, направила посольство к германскому королю Оттону I с просьбой прислать на Русь проповедников. В итоге в «королевство ругов» был направлен миссионер Адальберт, который достиг Киева около 961–962 гг. Но он встретил такой прием, что едва спас свою жизнь, а германские хронисты винили во всем «вероломных» руссов. «Не исключено, – считал А.Г. Кузьмин, – что на заезжих христиан язычники реагировали острее, нежели на домашних».

Оба приведенных свидетельства отражают синхронные события, однако, ясности по поводу взаимоотношений между язычеством и христианством они не прибавляют. Не понятно, прежде всего, кто с кем боролся и боролся ли вообще.

Христианство начинает проникать в русскую среду задолго до официальной даты принятия крещения. Возможно, этому способствовали

устойчивые контакты с христианскими государствами. Арабский писатель Ибн-Хордадбех в конце IX века писал о русских купцах, приезжавших в Багдад, подчеркивая, что «выдают они себя за христиан, и платят джизию (*т.е. пошлину – прим.*)». Не ясно, правда, были ли они христианами, или только представлялись таковыми. В некоторых странах пошлина взималась в зависимости от вероисповедания торговца, так что выдавать себя за христиан тоже был смысл. В любом случае христианство проникало на Русь различными путями. Е.Е. Голубинский писал, например, о том, что на службу к киевскому князю переходили варяги из Константинополя, уже принявшие крещение. Варяжские князья Аскольд и Дир, отделившиеся от дружины Рюрика и совершившие поход на Византию, приняли после этого похода крещение и обратились к православной вере.

Вопрос о времени более или менее широкого распространения христианства на Руси остается в известной мере спорным. Достоверные сведения о наличии в Киеве христианской общины относятся к середине X в. и почерпнуты из помещенного в летописи договора князя Игоря с греками 944 года. Очевидно, при этом, что христианство проникало на Русь различными путями: из Причерноморья, с Балтики, из подунайских областей. До вхождения западных Карпат в состав государства Пястов там существовал, вероятно, мощный «плацдарм православия», с которого со времен Кирилла и Мефодия религиозные идеи могли распространяться на восток.

Важно, однако, помнить, что теоретически само по себе язычество не было тупиковым развитием мировоззрения и духовности. Ко времени крещения Руси русское язычество представляло собой достаточно сложную богословскую систему с верой в Бога-творца и триединство божественной сущности. На острове Рюген в Балтийском море русское язычество сохранялось почти до того времени, когда восточная Русь столкнулась с монголо-татарским нашествием. И утверждение христианства здесь происходило только с глубоким включением в новый культ прежних обычаев и верований. В Киевской и Новгородской Руси происходило то же самое, породив целую эпоху под названием «двоеверия». При этом, «двоеверие» – это не одновременное существование в обществе языческих и христианских воззрений, независимых друг от друга, а их сосуществование преимущественно в рамках единой культовой системы поклонения.

Конкуренция язычества и христианства происходила, главным образом, не в народной среде, а на уровне власти – среди духовных и военных вождей. Языческие волхвы имели большое влияние на народ, о чем свидетельствуют, например, многочисленные источники по балтийской Руси. Христианские священнослужители претендовали на ту же роль в обществе, и утверждению христианства зачастую сопротивлялись именно волхвы. Но отнюдь не всегда и не везде язычество и христианство непримиримо противостояли друг другу. Со временем христианство пустило на Руси глубокие корни и с начала X века через свои общины приобретало влияние на общественную жизнь. Но большую роль в распространении христианства играла и Византия. Император Константин Багрянородный (867–886 гг. правления) говорил, что его дед Василий Македонский не щадил усилий и богатств для христианизации руссов.

С IX века Русь начинает утверждаться на международной арене. «Помните ли вы ту мрачную и страшную ночь, – вопрошал патриарх Фотий у современников в связи с походом руссов на Константинополь, – когда жизнь всех нас готова была закатиться вместе с закатом солнца и свет нашего существования поглощался глубоким мраком смерти?» И, конечно, в ход шел испытанный прием – христианизировать воинственных соседей и тем самым обезопасить себя от них. И на Руси нетерпимость к язычеству привносилась, прежде всего, византийским духовенством. Но Русь восприняла не византийскую уловку, а свет истинной веры, который сделал ее полноправной преемницей Империи. Русское православие впитало в себя многие языческие черты, обеспечив последовательное духовное развитие народа и государства.

Отдельные группы руссов, по всей видимости, приняли крещение уже в IX веке. Но при этом вряд ли возникла серьезная конфронтация между руссами-христианами и руссами-язычниками. Из текста договора князя Игоря с Византией очевидно, что руссы-христиане и руссы-язычники были равны в правовом отношении, хотя и несколько обособлены друг от друга. Клятву верности договору они приносят в разных местах, и язычники клянутся своим оружием и именем Перуна, а христиане – в церкви св. Ильи. Кстати, именно пророк Илья считается наиболее близким христианским аналогом Перуна.

Принятие христианства в 988 году было естественным следствием развития русской духовной жизни того времени. Конечно, язычество долго еще жило в народной среде, с ним по сей день связаны многочисленные суеверия. Но только с крещением Русь стала поистине могущественной мировой державой, унаследовавшей свое величие от Рима и Константинополя.

Как Киев стал окраиной Руси

После разорения северо-восточной Руси в 1237–1238 гг. монголо-татарские орды, ведомые жаждой наживы и новых завоеваний, устремились к богатым южнорусским землям… Огненный вихрь нашествия снова прошёлся по Руси, оставляя за собой дымящиеся развалины некогда богатых и процветающих городов. Католический архиепископ Плано Карпини, проезжавший там позднее записал: «Когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мёртвых людей, лежавшие на поле». Русское сопротивление было столь же яростным, не позволив окончательно сломить Русь…

В декабре 1240 г. пал Киев – крупнейший город средневековой Европы, древняя столица Руси. Летопись отмечает: «Подошёл Батый к Киеву в силе тяжкой, и окружил град, и подступила сила татарская». Битва шла днями и ночами, за одной волной штурмующих накатывала новая волна. На защиту города, охваченного пламенем, вышли все его жители, и стар и млад: «один бился с тысячей, а двое – с тьмою». Татары использовали осадные орудия, и через провалы в стенах бесчисленные орды хлынули на улицы, неся с собой разграбление и разрушение. «И взят был град безбожными на Николин день» – написал летописец.

Вслед за столицей Батый «иных градов много русских взял, им же и числа несть». Археологи обнаружили пепелища тысяч городов, о которых сегодня мы не знаем ничего, даже былых названий. Монголо-татарское разорение нанесло чудовищный удар по культурному и государственному развитию русского народа. Киевская Русь погибла, но её смерть была столь же героической, как и славное существование. О твердыню Киева разбилось азиатское наступление на Европу и на северорусские земли, и этот подвиг самопожертвования не должны забывать ни у нас, ни на Западе.

С истории древнего Киева начинается подлинная русская история. Наравне с Новгородом он был государственным центром Руси, вокруг которого складывалась древнерусская держава. Ещё каких-то пару десятилетий назад, в конце XX века, это не вызывало сомнений ни у школьников, ни у именитых профессоров. Казалось бы, здесь и не может быть иного мнения – столь существенными представляются исторические факты.

Но сегодня всё чаще и чаще слышатся реплики, что древний Киев не принадлежит к русскому прошлому, дескать, он был столицей совсем другого государства – Украины. К сожалению, официальная позиция России в этом вопросе не всегда звучит однозначно, и это вызывает серьёзные опасения в том, что нынешняя власть словно стремится отречься от Киева, угождая «оранжевой» Украине, которая расторопно претендует на роль преемницы Киевской Руси.

Между тем, любому честному историку известно, что государства под названием «Украина» никогда не существовало (и уж тем более никогда не существовало *независимого* украинского государства). Для русского языка традиционно поэтому сочетание «на Украине», то есть *на* приграничной территории, *на* «окраине», в отличие от претенциозного новшества «в Украине». Отношения окраинной периферии с Российской империей никогда не складывались, да и объективно не могли сложиться, как межгосударственные. Но это не означает, что Украина всегда была верной «окраиной» России, надёжным порубежным кордоном.

После чудовищного монголо-татарского опустошения, огромная территория Поднепровья, называемая прежде «Русской землёй», в буквальном смысле превратилась в «дикое поле». Русская цивилизация, издревле наступавшая на юг, вновь откатилась к родному северу, а южные земли, ставшие русскими в IX веке (а скорее, намного раньше!), оказались «окраиной». По ней кочевали разбойничьи орды, окончательно истребляя и вытесняя уцелевшие остатки прежнего населения.

Русские пришли сюда вновь лишь спустя несколько веков, вместе с войсками Московского царства. С XV века, после ослабления Степи, «окраина» стала спорной территорией, на которой столкнулись интересы нескольких соперничавших держав – Руси, Польши и Крымского ханства. Вслед за этим в украинские степи хлынул поток переселенцев со стороны Карпат: одни стремились колонизировать плодородные земли, другие бежали от угнетения польских панов, стремясь начать свободную жизнь. Новое «украинское» население уже не имело преемственности с древним населением Киевской Руси. Не случайно былины о Киевской Руси, князе Владимире и богатырях

записаны на русском Севере, преимущественно в Архангельской и Олонецкой губерниях, а украинский фольклор не помнит древнего Киева и вообще событий до XVI века.

Главным идеологом несуществующего украинского государства был политический деятель начала XX века Михаил Грушевский. Он стремился исторически обосновать самостоятельную значимость территории, называемой сейчас Украина. Для этого Грушевский шёл даже на подмену фактов, называя Киевскую Русь древним украинским государством и отрицая монголо-татарское разорение (однозначно зафиксированное археологией!), чтобы обеспечить «преемственность» между Киевской Русью и позднейшим территориальным образованием – «козацкой окраиной» – Украиной. Грушевский, конечно, преследовал отнюдь не научные цели. Для него было важно создать антирусскую историческую концепцию, востребованную врагами России на Западе.

Известно, что в начале прошлого века по заданию австрийских властей Грушевский также работал над созданием «научного» украинского языка. Методы были простые и надёжные: нужно было избавиться от русских слов и заменить их польскими или выдуманными. Он же позднее предложил выбрать в качестве герба самопровозглашенной в 1918 году Украинской Народной Республики «трезубец» Рюриковичей (сохранившийся и на теперешнем украинском гербе), отмечая, что «постоянного герба Украина никогда не имела». Подложный герб должен был подчёркивать идею мнимой преемственности Украины и Киевской Руси.

Современные украинские политики, почитая прежних «самостийников» вроде Петлюры или Бандеры, в полной мере восприняли и их методы – фальсификацию и преступления против истории. Международные силы, враждебные России, стремятся в очередной раз за счёт русского прошлого оправдать «историческое право» некоторых новоявленных «держав» на существование. В действительности же, конечно, понятно, что «независимые страны» СНГ станут, и уже становятся, плацдармом антирусского влияния, и Украина здесь не является исключением. Именно для этого сегодня вновь реанимируют исторический миф об «украинской» Киевской Руси.

Главное, чтобы в самой России все чётко и ясно продолжали осознавать, что Киевская Русь – это древнее *русское* государство, существовавшее в IX–XIII вв. на территории Среднего Поднепровья и уничтоженное монголо-татарским нашествием. И что современная Россия обязана своим существованием в том числе и древнему Киеву. Такова наша историческая правда.

Князь Александр и Невская битва

1240 год… Русь почти полностью разорена и опустошена монголо-татарами. Волна нашествия не докатилась лишь до северорусских земель, до древних и славных городов Пскова и Новгорода. Тяжелые и скорбные лишения обрушились на наше Отечество в те годы. Но защитив своей жертвой Европу от

азиатского порабощения, обескровленная Русь показалась неблагодарному Западу лакомым куском. И вскоре новая угроза нависла над русскими землями, которых не коснулась кровавая вакханалия монголо-татарского разорения. Северо-западная Русь встретилась лицом к лицу с новым врагом, шедшим на этот раз с Запада, – с католическими завоевателями.

После восшествия молодого Александра Ярославича на княжеский престол на западных рубежах начала складываться мощная коалиция для похода на Русь. Новгород должны были одновременно атаковать и шведы, и немцы. Еще в 1238 году шведский король Эрих Картавый получил от папы римского Григория IX «благословение» на крестовый поход против Руси. Всем, кто соглашался принять в нем участие, было обещано «отпущение грехов», а павшим в бою – «вечное блаженство». На словах рыцари стремились «крестить» православных русских, приравнивая их к язычникам, в действительности же – добить ослабленную войнами Русь и прибрать к рукам земли, выходившие к балтийскому побережью. «Воистину, – взывал папа в одном из посланий, – если бы все поднялись против подобных людей и, невзирая на возраст и пол их, целиком истребили, то это не было бы для них достойной карой!» За средневековой католической экспансией всегда шло покорение, а то и полное истребление народов.

И вот в мае 1240 года в Новгород прибыли с посольством «прехитрые» кардиналы Гальд и Гемонт, чтобы предъявить окончательный ультиматум о перемене веры. После разговора с папскими легатами юный Александр отрезал: «От вас учение не примем!» Несмотря на всю тяжесть испытаний, постигших русскую землю, выбор был сделан.

Тем временем папские послы отправились в… Швецию. И в первых числах июля шведы пятитысячным войском под командованием ярла Биргера, «в силе велице, пыхая духом ратном», вошли на кораблях в Неву и разбили лагерь в устье Ижоры. Дозорные незамедлительно доложили об этом князю Александру. Биргер стремился первым делом захватить крепость Ладогу, чтобы с этого плацдарма атаковать Новгород. Медлить было нельзя, и русский князь принял решение двинуться на врага, используя преимущество внезапного нападения.

На заре 15 июля 1240 года наши войска напали на шведов. Александр действительно застал врага врасплох. Он сражался среди своих воинов, воодушевляя их и показывая героический пример. Из Жития князя известно, что ему удалось сразиться с самим ярлом Биргером, которому он «возложил печать на лице острым своим копием». Потери новгородцев составили двадцать человек, тогда как враг был разбит наголову. Летописец указал, что «множество многа их паде». В этот роковой день судьба всего русского государства и православной веры зависела от двадцатилетнего князя Александра и силы духа его малочисленной дружины. Победа показала русским людям, что еще жива Русь, что она не покорилась «поганым» ни с Востока, ни с Запада. В честь славной битвы на Неве новгородский князь Александр Ярославич получил прозвание «Невский». В 1547 году он был причислен к лику святых Русской Православной Церкви.

Александру Невскому пришлось быть осторожным и дальновидным политиком, чтобы не погубить Русь, зажатую в тиски злобными и

кровожадными противниками. Порой этот факт вызывает в литературе странные, мягко говоря, суждения и оценки. Так, Лев Гумилев представил князя основателем мифического союза Руси и Золотой Орды против Запада. (Не эти ли «союзники» отравили в Орде его отца, а позже, по некоторым предположениям, и самого Александра Невского?) Английский историк Дж. Фенелл, вслед за Гумилевым, вообще показал Александра предателем интересов Руси и прислужником монголо-татар. Прискорбно, что подобные измышления ныне широко тиражируются, вводя в заблуждение доверчивых читателей.

Невская битва еще раз красноречиво показала иноземным захватчикам, что с Россией нельзя разговаривать на языке силы. Жаль, что опыт позорных поражений быстро забывался на Западе, откуда впоследствии враг не раз шел на Русь. Александру Невскому было суждено вскоре снова встретиться с католическими рыцарями на льду Чудского озера, и снова победа была на стороне русского воинства.

Нелегко приходилось России отстаивать свои западные области. Иван Грозный позднее будет вести кровопролитные войны с Ливонским орденом, но так и не сможет выйти к Балтике. Новгород переходил из рук в руки в лихолетье Смутного времени. И лишь спустя долгие годы Петру Великому ценой огромных усилий и после тяжелейшей Северной войны со Швецией удалось вывести русский флот в Балтийское море. Борьба на западном направлении при этом всегда сопрягалась с тем, что Россия была вынуждена выдерживать чудовищный натиск с Востока и с Юга, жертвуя тысячами своих лучших сынов. Но Русь умела стоять на три фронта.

В самые тяжелые времена Россия получала удар в спину. Это был подлый удар со стороны тех, кого она героически защищала от азиатских орд. Откуда же бралась на Западе ненависть к России, жертвовавшей собой ради европейского благоденствия? Конечно, это непростая тема. Ради справедливости следует сказать, что часто Россия находила в Европе верных друзей, и тогда наступали времена мира и спокойствия, как после знаменитого «союза трех императоров». Но зачастую сама Европа, страшась русского духа и величия, шла на коварное предательство. И тогда стране становилось тяжелее вдвойне.

«Правление Александра Ярославича, – писал как-то профессор А.Г. Кузьмин, – надолго вошло в историческую память русского народа. Он не знал поражений на поле боя, побеждая с меньшими силами. У него трудно усмотреть и дипломатические ошибки. А судить его потомкам следует не столько по достигнутым результатам, сколько по препятствиям, которые пришлось преодолевать». Главное, чтобы русские люди хорошо понимали и помнили, за что клали свои жизни наши предки, за что шел на жертву святой князь Александр Невский. А врагам России достаточно не забывать его пророческих слов: «Кто на Русь с мечом придет – от меча погибнет!»

Вехи на пути к Третьему Риму

Путь к национальной идее России, идее Третьего Рима представляет собой опыт всей предыдущей истории русской нации, отраженный в таких эпохальных событиях, как развал Киевской Руси, нашествие Батыя, Куликовская битва, стояние на реке Угре. Четыре столетия наполнили «чашу исторических ошибок и побед», которую пришлось испить русскому народу. Великая русская нация смогла пройти этот путь, выстоять и, поднявшись с колен, утвердиться на своих исторических землях. Этот опыт побед и поражений, помноженный на выстраданную идею, сделал русскую нацию ярчайшим явлением мировой истории.

Государственное устройство, которое «Русь изначальная» получила у истоков своего исторического пути, мы могли бы назвать «конфедерацией». В этот «конфедеративный» период наша страна вошла при Святополке II, правившем в Киеве в 1093–1113 гг. Великий Князь провел ряд экономических реформ, пригласив из разных стран ростовщиков с правом поселения в Киеве. В древней столице появились новые люди со своим укладом жизни, своим отношением к хозяйственной жизни. Дух стяжательства обуял киевлян. Жажда обогащения завладела умами настолько сильно, что многие нравственные устои были забыты. Участившиеся военные походы стали осуществляться не для расширения территорий или защиты своих интересов, а с целью грабежа и продажи пленников в рабство.

Социальное расслоение, падение веры и отсутствие единой цели среди враждующих княжеских группировок привело к княжескому съезду в 1097 году в Любече. На съезде с целью прекращения междоусобиц и споров о том, кому быть во главе государства, закрепили за каждым князем земли, которые перешли им от их отцов. Тем самым было положено начало образованию конфедерации независимых государств.

Дробление прежде единого государства на удельные княжества ослабило не только могущество страны, но и уменьшило влияние князей в своих собственных уделах. Народ, изнемогая в братоубийственных войнах, перестал уважать власть. Стало расти недовольство сложившимся порядком, когда приток иностранных денег и засилье заморских торговцев привели к ухудшению положения большей части населения.

Со смертью Святополка начались массовые волнения и погромы еврейских лавок в Киеве. Только приход к власти Владимира Мономаха остановил погромы и укрепил на некоторый период государственность, сплотив «конфедерацию». Пришельцы под охраной были выселены, а хозяйственные законы скорректированы введением ограничений на максимальный годовой процент, взимаемый за денежные средства, представляемые в заем. Материальные ценности при выселении инородцев не изымались, что обеспечило безболезненное и быстрое решение проблемы накопившихся долгов. Народ, трудящийся на своей земле под покровительством власти, вновь зажил надеждами на достаток и спокойствие.

Раздробленность русских княжеств, непродуманность хозяйственной и государственной политики вызвали резкое сокращение численности населения

на берегах Днепра. Вследствие этого и появилось новое действующее лицо на запустевших просторах – кочевые племена монгольских ханов.

История знает несколько исходов великих воинов с территории современной Монголии, получивших у летописцев различные имена. Хунны, проиграв решающие битвы в войне с Китаем, разделились на две части. Одна осталась на своих землях, вторая кинулась искать счастья в чужих краях. Кочевники, пройдя огромные расстояния, породнившись и перемешавшись со множеством племен, достигли Волги под именем «гунны». Многочисленный и воинственный народ опустошил и захватил обширные территории Восточной Европы и двинулся в Западную Европу. Но со смертью вождя Аттилы в 453 году военное могущество гуннов ослабло, империя гуннов распалась. Через 700 лет после этих событий произошло новое вторжение воинственного народа, и в Европе о нем услышали как о «монголо-татарах». Легендарный Чингисхан основал новое единение степных племен и создал боеспособную армию, которая, разгромив своих противников в степи, вновь пошла на запад.

Когда передовой отряд монголо-татарского войска подошел к южным границам русских земель, из степи под защиту русских дружин бросились половцы. Они уже имели дело с армией Чингисхана, унося от нее ноги из степей Средней Азии. Теперь степнякам-половцам приходилось искать дружбы с вечно враждебными им русскими князьями.

Прибывшее к русским князьям посольство от монголо-татар предложило мир в обмен на разрыв русско-половецкого союза. Князья, правившие в южных областях Руси, приняли решение продемонстрировать свою силу и безнаказанность – убить послов и воевать на стороне половцев. Три князя – Мстислав Удалый из Галича, Мстислав Киевский и Мстислав Черниговский стали собирать войско и выступили в поход.

Вместе с половцами княжеские войска имели, по меньшей мере, трехкратное преимущество перед противником, но не сумели им воспользоваться, и, действуя вразброд, были разбиты в сражении на реке Калке. Каждый князь хотел проявить себя и получить все лавры победителя и трофеи. Мстислав Галицкий вместе с половцами начал битву, не дождавшись подхода всех войск. Спешка и алчность до добра не довели: союзники половцы не только первыми не выдержали удара противника и побежали, но еще и мародерствовали при отступлении, убивая русских воинов и забирая их одежду и лошадей. Отсутствие единого управляющего центра в стране привело к отсутствию и единоначалия в битве.

В 1223 году на реке Калке «конфедерация» потерпела крах. Но до отказа от губительной децентрализации дело тогда не дошло. Русские княжества оказались не готовыми к новому нашествию, которое пришло с востока под началом монгольского полководца Батыя. Все города на Руси, которые оказывали сопротивление, были разорены, а те, кто предоставлял провиант или воинов, не подвергались насилию и жестокости. Многие князья решили использовать силу врага для того, чтобы отомстить тем, кто воевал против них в неутихающих междоусобицах.

Монгольское нашествие фактически силой принудило русские княжества к единству. Золотой Орде вовсе не нужна была разоренная страна, в которой не

собрать дани. Дальнейшая война против русских изнуряла Орду. К тому же умер великий хан Угэдэй, которому подчинялся Батый, успевший перессориться со многими своими соратниками. Поэтому не позднее 1242 года сложился военно – политический союз Северной Руси и Золотой Орды.

В 1242 году состоялась известная битва на берегу Чудского озера между войском князя Александра Невского и рыцарями Ливонского ордена, которые шли на русские земли с целью насильственного введения католицизма. Если вспомнить, что в 1204 году крестоносцы захватили и разграбили Константинополь, создавая Латинскую империю, то угроза для православной Руси была вполне реальной. Для раздробленных северных княжеств нужен был сильный союзник, и им стал хан Батый с его Золотой Ордой.

В 1251 году Александр Невский был объявлен приемным сыном хана Батыя, побратавшись с его сыном Сартаком. Это был чрезвычайно выгодный русским родственный союз с символическим признанием верховенства Орды при сохранении русской самобытности и значительной самостоятельностью русских князей. Постепенно дань Орде вылилась в своеобразное сложение сил для содержания армии, действующей в общих интересах.

Александр Невский сумел заглянуть далеко вперед, сохранив Святую Русь и ее духовную независимость, заключив союз с веротерпимым противником ради победы над нетерпимым к русским латинством. Этот союз обрек на неудачу попытки Папы Римского Александра IV организовать в 1256 году крестовый поход против монголов и русских.

До того момента, как власть перешла к Москве, на Руси продолжался период раздробленности. После смерти Александра Невского отсутствие настоящего лидера, способного объединить своим авторитетом русские земли, привело к возвышению ордынской власти, разрешавшей споры между князьями. Первенство на Руси попеременно приобретали разные города – в зависимости от того, кто из князей более возносился при ханском дворе.

Резиденция митрополита с 1299 года находилась во Владимире, и это было определенным символом и преимуществом города в иерархии раздробленных удельных княжеств. Однако после того как возник конфликт между митрополитом Петром и местной знатью, митрополит стал отдаляться от владимирской и тверской элиты. Москва, все чаще посещаемая первосвященником, начала приобретать новый статус. В период раздробленности княжеств ключевым объединяющим признаком русского народа была его православная вера. Внимание митрополита к Москве имело впоследствии колоссальное значение, ибо митрополит на Руси был один, а князей – много, митрополит умиротворял, а князья враждовали.

При Иоанне Даниловиче, прозванном Калитой, произошел переезд резиденции первосвященника в Москву (1325 год). При митрополите Алексии (митрополит с 1354 по 1378 год) потомки Калиты становятся правящей династией, а великое княжение преобразуется в наследственное право московских князей.Политика Алексия, направленная на подчинение власти ордынских ханов (лояльных к православной церкви) и недопущение западных держав (проводивших экспансию католицизма), дала возможность окрепнуть Московскому княжеству.

Ордынцы в большей степени предпочитали уделять внимание собственным внутренним конфликтам, чем следить за склоками между русскими князьями. Поэтому Золотая Орда вместе с вручением ханской грамоты на великое княжение поручала князю и сбор денежных средств – дани. Вопрос уплаты этого «налога» стал дополнительным связующим звеном экономического характера, объединяющим земли вокруг Москвы.

Москва, используя удобное местоположение, сумела правильно распорядиться сложившейся ситуацией, сосредоточившись на организации хозяйственной жизни и условий русского единения. Окрестности Москвы - реки стали активно заселяться. Терпимость города к различным вероисповеданиям привела к притоку людей разных религиозных верований, а также тех, кто не захотел принять мусульманство или католичество в сопредельных землях. Суглинки вокруг Москвы давали, пусть небольшой, но стабильный урожай.

Став духовным центром, центром торговли и финансов, Москва также стремилась к объединению под своим началом боевых дружин княжеств для защиты граждан от вооруженной агрессии извне и подавления междоусобиц. Только при наличии всех этих составляющих могло родиться новое централизованное государство.

Возвышение Москвы совпало с ослаблением Орды, власть которой распалась на два враждующих лагеря. Один лагерь возглавил сторонник традиционного пути развития – хан Тохтамыш, а второй – отколовшийся от орды темник Мамай, сторонник союза с Западом, поддерживавший отношения с католической Европой. Финансовые европейские круги преследовали в союзе с ним свои интересы, надеясь получить торговую монополию и право на природные богатства северных регионов. Распространение католицизма было еще одним обязательным пунктом их плана.

Мамай нуждался в союзниках для борьбы с Ордой и поначалу пытался переманить на свою сторону Русь. Но из этого ничего не вышло. Отказ от подчинения латинству произошел еще при Александре Невском. Невозможность допуска на Русскую землю Мамая и его союзников латинян была очевидна, а посему война стала неминуемой. Преподобный Сергий Радонежский благословил князя Дмитрия на бой с Мамаем.

Темник Мамай и князь Дмитрий спешили опередить неприятеля и не дать ему объединиться с союзниками. Хан Тохтамыш двигался из Сибири для усмирения взбунтовавшегося темника (по сути, на помощь князю Дмитрию), а на помощь Мамаю шел литовский князь Ягайло. В 1380 году на Дону, на Куликовом поле произошла битва - побоище русских с войском Мамая, которое состояло из татар, половцев, ясов и генуэзцев, нанятых крупными торгово-финансовыми магнатами Европы. Князь Дмитрий, имея меньшее войско, сумел одержать победу и был прозван «Донским».

В Куликовской битве столкнулось множество интересов – латинян – генуэзцев с их мусульманским союзником Мамаем, с одной стороны, и Руси православной, имевшей ту же задачу, что и Орда – остановить зарвавшегося темника. Победа Руси сыграла решающую роль в дальнейшем ее объединении и возвышении. Русский народ осознал свою силу в единстве, когда войска

различных княжеств, вышедших на битву с отборным воинством, сражались в одном строю и победили. А вот хан Тохтамыш «отплатил» союзной Москве набегом на молодую столицу в 1382 году. Хан не посчитался с тем, что Москва вынесла на своих плечах тяжесть борьбы с общим противником, разорил ее набегом (вероломно уговорив москвичей открыть ему ворота города) и перечеркнул стремление удержать зависимость Руси на прежних условиях. В дальнейшем татары то давали войско для предотвращения вторжений в русские земли, то сами нападали на Русь, попеременно объединяясь с теми или иными удельными князьями. Военно-политический союз Руси с Ордой распался.

Куликовская битва породила новое понимание русской миссии и новое государство Московское. Авторитет Москвы, сумевшей соединить в себе все необходимые функции для борьбы с вооруженной силой противника, становился непререкаемым.

Укрепление суверенного положения Руси сопровождалось оформлением ее как центра православия. С момента принятия православия Русь принимала митрополитов только по благословению Константинополя (Царьграда), но с того момента, как произошло резкое ослабление Византии, Русь становилась все более самостоятельной и в вопросах духовного строительства. Тем более что Константинополь под угрозой турецкого нашествия пытался найти себе союзников, выбрав католическую Европу и поставив вопрос о преодолении разделения христианства в политическую плоскость. На Флорентийском соборе 1439 года была провозглашена уния о соединении греческой церкви с римской на условии верховенства римского первосвященника – главы вселенской церкви. Митрополит Исидор участвовал в этом процессе выработки унии. И после ее подписания, приехав в Москву, стал служить литургию по новому образцу, вознося имя папы ранее имени Патриарха. Возмущение новыми порядками, которые пытался установить Исидор, привело к его изгнанию. На соборе русских владык в 1448 году Рязанский епископ Иона был поставлен в сан митрополита. Русская церковь стала самостоятельной и административно независимой (автокефальной). В то время Великим Князем был Василий Темный, который мудро правил при помощи своих верных помощников и сына, будущего Иоанна III.

Отступление от истины православия не помогло Константинополю, который был покорен турками в 1453 году. Римский первосвященник и латинская Европа не оказали реальной поддержки своему союзнику. Падение царской власти в Константинополе было слишком символично. Иметь церковь и не иметь царя, которые должны находиться в неразрывном союзе, – такое положение подрывало в глазах православных на Руси величие Византии. Необходимость перехода в Москву священных прав и обязанностей Византии стала очевидной.

Великий Князь Иоанн III Васильевич (правитель в 1462-1505 гг.), сочетавшись браком с племянницей последнего императора Византии Константина Палеолога Софией, основал новую династию нового Рима. Произошло это в 1472 году. Католическая церковь, пытаясь распространить свое влияние на Россию, поставив ее на позиции Флорентийской унии, выступила посредником в этом браке, но, как бывает в политике, обещания

послов были одни, а на деле Великий Князь поступил по-иному. После свадьбы русским гербом стали соединенные воедино византийский двуглавый орел и московский Георгий Победоносец – всадник, попирающий дракона. Изменяется быт двора и приближенных. Теперь государь даровал титулы и их отнимал. Великий Князь стал самодержцем всея Руси. Самодержец – это и оттиск с титула византийских царей, что означало полную независимость от всякого подданства.

Золотая Орда не захотела признать сложившуюся реальность и необходимость перехода первенства к Москве, окрепшей политически и экономически, завоевавшей статус духовного центра православия. Конфликт разрешился в противостоянии русских войск и войск хана Ахмата на реке Угре в 1480 году. Войска Ахмата оказались не готовыми принять генеральное сражение. Постояв на реке Угре на виду у грозного русского войска, они повернули на Литву и, пройдя рейдом по окрестным селениям, ушли обратно в сторону степей.

Так закончилось время татарского влияния на Русь, длившееся несколько столетий и соединившее воедино общие союзные интересы Руси и Орды и иго – тягостную и жестокую зависимость русских от басурман. Золотая Орда, не имея более поступления денег от Русских земель, прекратила свое великодержавное существование уже к 1502 году.

Лишившись зависимости от внешней силы, Русь должна была научиться подавлять силы разложения внутри себя. Только так могла укрепиться национальная идея.

«Ересь жидовствующих» – такое название было дано тем русским людям, которые стали распространять на Руси иудейские взгляды, утверждающие первенство закона Моисея и опровергая историю Христа. «Жидовствующие», следуя соблазну рационального обоснования догмата, предпочитали искать истину в Ветхом Завете, который весь, якобы, состоит из зашифрованных посланий и иносказаний, расшифрованных каббалой. Выстраиваемая «философия» основывалась на иудаизме с вкраплением идей зарождающегося протестантизма. Мистическое толкование Ветхого Завета было с большим интересом принято на православной земле и взято на вооружение противниками православия и сильного централизованного государства.

Ересь начиналась еще при царствовании Иоанна III, в 1470 году с приездом в Новгород некоего человека по имени Схариа. Он был очень деятелен, убедителен в риторике и легко привлек к себе сторонников. В круговорот начинавшейся мировоззренческой распри быстро втягивались люди, не искушенные в духовных традициях – кто по недоразумению, кто по праздному интересу, а кто в поисках выгоды. Новгород, являвшийся оплотом старых олигархических родов, втянулся в этот процесс, имея необходимость отстаивать свою независимость от Москвы. Невестка царя княгиня Елена Волошанка также была вовлечена в этот раскол, имея определенные взгляды на будущее свое и своего сына в борьбе за престол против будущих детей Софии. Раскол подогревался и европейскими кругами, страшащимися нарастающего могуществе Руси. Так государство, только начинавшее крепнуть и имевшее

неоспоримые успехи в борьбе с внешним врагом, ввязалось в тяжелейшую внутреннюю борьбу.

Приверженцы ереси поначалу имели определенное преимущество - за счет привлекательности «новых идей» и наличия активных лидеров их «партии». Даже Московский митрополит Зосим был тайным сторонником ереси. Первосвященник, не выступая публично в пользу ереси, удалял от церкви священников и диаконов, усердных к православию и не принявших «новые идеи».

Победе над ересью предшествовала кропотливая теоретическая и практическая работа. Архиепископ Новгородский Геннадий отправил Димитрия Герасимова, владевшего латинским языком, в Италию для сбора материалов, способных помочь в теоретических спорах. Как результат этих поисков и родилась идея Третьего Рима. Основой идеологии стали идеи «Вечного Рима» и «богоизбранности Руси на всем пространстве христианского мира». Наша Россия – Третий Рим, она стала наследницей православной Византийской империи, канувшей в небытие еще до нашествия турок – с принятием Флорентийской унии. Геннадий Новгородский и помогавший ему в непростой борьбе за истину преподобный Иосиф Волоцкий не раскрыли для себя в полной мере всю силу простой формулы, но ближайшее поколение ее раскроет и дополнит. Развил эту концепцию старец псковского Елеазарова монастыря Филофей, опиравшийся на теорию о четырех мировых монархиях, которыми будет исчерпан ход мировой истории человечества и передвижения символов власти и истинной церкви «из Рима в Рим».

Россия взяла на себя эту миссию Православного Царства и подняла флаг православия, выпавший из рук правителей Византии. Против этого была выставлена стройная «теория» ереси. Страна и народ встали перед выбором: либо продолжить путь державного строительства и духовного взросления нации, либо каждый индивидуально для себя будет выбирать «конфедерацию» и преследовать личную выгоду. По сути, предлагалось вновь решать вопрос, поставленный еще в Любече, когда единство Руси распалось. Опыт народа на этот раз подсказал правильное решение.

Первую народную победу над ересью можно отнести к 1478 году – году окончательного подчинения Новгорода воле московского государя. Город потерял независимость, противники централизованного государства были казнены, представители купечества, как носители идеологии союза с Западом, принудительно расселены в различные города страны, а вечевой колокол, как символ непокорности, был снят с колокольни.

Вторым успешным этапом в борьбе с ересью следует назвать 1494 год, когда Великий Князь удалил митрополита Зосима в монастырь и новым митрополитом стал Симон. Окончательно точку в борьбе с ересью русские поставили в 1504 году, когда при активном участии Василия (сына от брака Иоанна III и Софии) были казнены несколько «вольнодумцев», а невестка Иоанна III Елена и внук царский Дмитрий были посажены в тюрьму. Партия ереси была обезглавлена. Так закончилась попытка идеологического захвата Руси через разложение духовной основы общества и государства – православной веры.

Победы в битвах, одержанные русским воинством, никогда не были легкими. Но победы духа достигались русскими в борьбе с изощренным врагом. Оттого и их последствия настолько велики, что открывают путь многим поколениям, идущим вслед. Сильнейшее духовное противостояние и постоянная внешняя угроза, направленная на уничтожение духовного мира православного народа, сплотили людей и вылились в грандиозную идею Третьего Рима, покорившую русские сердца и живущую по сей день.

Через Смуту к новой династии

Любое Царство уделяет огромное внимание происхождению династии, которую возводят либо к богам, либо к полулегендарным героям.

Династия Рюриков исчисляла свой род от Пруса – брата римского цезаря Августа. Произвольность такого выбора предка для вдумчивого исследователя древних хроник и генеалогий вполне очевидна. Рано или поздно в Царстве всегда появляется человек, который пытается в личных целях повторить «вольности» династических историй.

Так случилось и на Руси. Появился человек образованный и начитанный, посвященный во многие тайны власти. Звали этого человека Григорий Отрепьев, был он инок Галицкой обители и немало понял, состоя в окружении патриарха Иова. Изучив вопрос об убийстве царевича Дмитрия, поняв спорность воцарения Бориса Годунова и видя царский двор изнутри, инок Григорий, сопоставив свои возраст и внешность с убиенным царевичем, разработал хитроумный план. Испытав в обители на иноках свое самопровозглашение царевичем Дмитрием и осознав силу созданного впечатления, он решил действовать: уйти в Литву и искать поддержки у противников России.

Сначала в Литве, а затем в Польше и у папы римского возникло желание использовать «Дмитрия» ради достижения своей вожделенной мечты – контроля над Россией. Территориальные претензии Литвы и Польши, потребность финансово-торговых магнатов европейских стран в контроле над торговыми путями, поставками природных ресурсов из Азии и России, а также желание католической церкви подчинить православных воле папы – все это создало огромный соблазн и возбуждало надежды Григория Отрепьева стать ключевой фигурой в противостоянии Запада и Востока. Ему предстояло стать организатором распри, которая превратила бы Россию в легкую добычу очередного «крестового похода».

Умелое распространение слухов о выжившем царевиче Дмитрии закрепило надежды Григория Отрепьева и его хозяев на удачу их совместного предприятия. Заверения в поддержке новоявленный «Дмитрий» получил после заверений в верности Папе.

В 1604 году войско самозванца было сформировано и вступило на территорию России. Многие приграничные города и их гарнизоны стали переходить на сторону Лжедмитрия. Центральная власть потеряла остатки воли в попытках навести порядок, но только вконец деморализовав русское войско.

От Царя Бориса власть начала неумолимо ускользать. Смута в душах русских людей ослабила их рассудок и волю к сопротивлению агрессору. Военная сила не могла собраться без объединяющей идеи.

Отступление в Смуту началось с отступления от традиции организации власти. Борис Годунов был избран на царство Земским собором в феврале 1598 года. Народ просил Годунова стать царем, и тот после некоторых колебаний согласился. Но власть, хотя и избранная единогласно, всегда останется только избранной, а не данной от Бога. «Демократичность» выборов оборачивается дурной болезнью власти – неуверенностью в своем статусе, подчиненностью случайному настроению толпы. Народ будет требовать от избранного царя выполнения всех ожиданий и «манны небесной».

Годунов умно управлял при слабовольном царе Федоре, был дальновиден и укреплял страну. Но избранный должен постоянно доказывать народу, что в его выборе не было ошибки. Это умело использовали враги Годунова. Среди них были недовольные жестокостями опричнины, припоминавшие, что Годунов был среди тех, кто особенно злобствовал в разгроме прежней знати. И само воцарение Годунова выглядело как-то сомнительно при наличии множества Рюриковичей, имевших основание претендовать на трон.

Неурожаи два года подряд, скачок цен на хлеб и голод подталкивали суеверных крестьян к мысли, что выбрали «не того», что царь «несчастливый». И тут проходит слух, что жив сын Ивана Грозного! Эта мысль просто перевернула умы, суля избавление от напастей каким-то чудом.

На увещевания государевых людей, что царевич погиб и захоронен, народ ответил слухами, что на самом деле зарезали подставного ребенка, а истинный Дмитрий спасся. Смерть дочери царя Федора также теперь тяжелым грузом ложилась на Годунова, а все преследования людей, близких когда-то к царевичу Дмитрию, только усиливали смуту в умах. Неприятности, которые выпали на долю народа с введением крепостничества, стали еще одной причиной всеобщего неудовольствия избранным царем. Кто избран, тот мог быть и переизбран.

Финал этой истории трагичен. Царь Борис внезапно умер, как говорят, от сердечного приступа. Его жену и сына задушили подручные Лжедмитрия, который и заступил на царствование. Патриарха Иова свергли как приспешника и раба Годуновых. Поглумясь над ним и в храме и при народе, его отправили под стражей в Старицкий монастырь.

У новой власти во всем сквозило пренебрежение к православной вере и тяготение к западным порядкам, вплоть до ношения польских одежд. Все это вызывало непонимание в народе. Подозрение, что царь снова «ненастоящий», возникшее еще при Годунове, стало расти. Появились очевидцы, которые стали изобличать нового правителя в самозванстве. Открыто выступил против Лжедмитрия потомок Рюриков князь Василий Шуйский, знавший историю царевича Дмитрия, поскольку сам расследовал обстоятельства его гибели. Шуйского схватили и решили казнить, но казнь в самую последнюю минуту Лжедмитрий отменил, за что впоследствии и поплатился. Василий Шуйский возглавил народный бунт и сверг самозванца. Лжедмитрий был убит, народ ликовал, а потомок Рюрика, прославленный в народе как мученик, принявший

страдания в застенках лжецаря, стал народным героем и был возведен на российский престол 19 мая 1606 года. Игнатия, приспешника Лжедмитрия, объявили лжепатриархом, а новым патриархом стал митрополит казанский Гермоген.

Казалось, что историческая драма удачно завершена. Но история предпочитает продолжать сюжет, обращая его в трагедию. Впереди были новые раздоры и борьба за власть. На исторической авансцене появился новый самозванец – Лжедмитрий II, подлинное имя которого неизвестно. Появились и мнимые дети царя Федора.

Смута оставила свой след и в исторических хрониках. Кто за кого и кто с кем воевал, порой просто не разобрать. Шведы выставили небольшое войско в поддержку Шуйского. Поляки и литовцы примкнули к Лжедмитрию II. Русские были и с Шуйским, и с Лжедмитрием II, и просто ходили в рейды грабить что придется. Все прикрывались какими-то идеями об устройстве государства Российского. Если объявлялся очередной претендент на царство, к нему сразу стекались вооруженные люди – искать военной удачи и поживы.

Иван Болотников, получив в Польше грамоту от Лжедмитрия, прибыл в мятежный Путивль, возглавил местных мятежников и двинулся на Москву, обрастая дворянскими отрядами. Но счастье ему не улыбнулось, как и большинству «героев» смутного времени.

Власть Шуйского, которого в условиях Смуты не могли не считать слабым правителем, не получила поддержки в русских землях, которые то давали столице помощь, то не давали. Неприятие центральной власти привело к росту числа недовольных и в столице. Постоянные осады Москвы, действительные и мнимые угрозы от внешнего врага, отсутствие нормального оборота товаров и завоза продуктов питания привели к низложению Василия Шуйского 17 июля 1610 года.

Смена власти произошла почти как курьез. Собрались сторонники царя и его противники и вместе решили отказать в доверии царю Василию и Лжедмитрию II, стоявшему в ту пору с войском недалеко от Москвы. Противостояние надоело всем, и было решено искать третьего властителя, не участвовавшего в распрях. Василий Шуйский попал под домашний арест, а затем был пострижен в монахи, а Лжедмитрий II бежал в Калугу, где впоследствии и погиб.

Думные бояре решили призвать на престол 15-летнего польского царевича Владислава и, заручившись поддержкой московского люда, вступили в переговоры с гетманом Жолкевским. В результате этих переговоров гетман Жолкевский с польскими отрядами въехал в Московский Кремль и приступил к правлению от имени царевича Владислава. Дума принимала необходимые новой власти решения, чеканились монеты с изображением царевича, и за его здоровье молились в церквях. Многие знатные люди стали искать милости польских вельмож. Разложение правящей верхушки в столице стало свершившимся фактом.

Прошло время, но польский царевич так и не приехал в Москву. Его попросту не отпустил польский король Сигизмунд, ибо имел свои виды на будущее царевича. Его больше волновало восстановление прежних границ

Польши на восточных рубежах и присоединение Смоленска, чем надоевшие и непонятные московские распри. К Смоленску Сигизмунд и отправил свои войска, пытаясь воспользоваться неразберихой, которая царила в России.

Все пытались что-то «оторвать» от страны. Даже шведы, побывав в союзниках царя Василия Шуйского, приступили к выделению себе земель и заняли Ладогу.

Как и раньше, православная вера не дала погибнуть России в раздробленности. Перед лицом крушения государства прозвучал голос иерархов церкви. Патриарх Гермоген, не противясь поначалу воле народа избрать себе на царство Владислава, начал рассылать по всей стране послания с призывом изгнать латинян. И его слово достигло цели. Люди стали публично на площадях и в церквях читать послания, переписывать их и распространять. В нескольких городах пытались создать ополчение и двинуться на Москву, но удалось это сделать только Нижнему Новгороду под руководством купца Минина и князя Пожарского. Слухом земля полнится, и весть о том, что в Нижнем Новгороде формируется ополчение, вызвала туда приток людей, готовых идти воевать. Нужны были деньги. Горожане поддерживали идею похода на Москву, но деньги давать не стремились. У всех были отговорки о временных проблемах, и Минин с выборными людьми взял силой жен и детей состоятельных людей, выставив их на продажу в холопы. Деньги сразу нашлись. Все стали выкупать своих родственников. Поход на Москву в ноябре 1612 года был успешно завершен, поляки изгнаны.

Василий Шуйский к тому времени умер в неволе на польской земле. Патриарха Гермогена уморили голодом поляки в Москве. Наступило новое время, и стране необходимо было вновь решать вопрос о том, кто же будет царствовать в Москве.

На Руси было много людей достойного происхождения, которые могли претендовать на царский трон. Так, герой со славой спасителя Отечества князь Дмитрий Пожарский мог быть царем. Он происходил от Всеволода III, был знатен и почитаем. Но длительная борьба за освобождение от поляков дала ему множество друзей и врагов. Бывшие сторонники одного и другого Лжедмитрия негативно относились к перспективе иметь над собой того, кто мог свести с ними счеты.

21 февраля 1613 года собравшийся Земский Собор назвал своим царем Михаила Федоровича Романова, которому было шестнадцать лет от роду. Выбор снова пал в пользу юноши, как и в предыдущий раз, когда призвали властвовать царевича Владислава. У юноши еще не могло быть личных врагов. Но коренное отличие заключалось в том, что Романов был православной веры, да еще не кровным родственником Рюриков. Он был не причастен к смуте, старым правителям, интригам и открытой вооруженной борьбе за власть. Михаил Романов был политически «бесцветным» молодым человеком, жившим в отдалении от Москвы, и вполне подходил всем группировкам, уставшим от затянувшейся борьбы за власть.

Михаил Романов был не просто родственником царя Ивана Грозного, а родственником по линии его первой жены Анастасии, о которой в народе сохранилась хорошая память и при которой не было ужасных бесчинств и

опричнины. От брата Анастасии Никиты Романовича (деда Михаила Романова) и шла ветвь Романовых, имевших популярность в стране. Опасаясь конкуренции, Борис Годунов стал преследовать этот род. Отец будущего царя Михаила Романова, Федор Никитич Романов, попал в опалу, как и все его братья. Он был разлучен с семьей, пострижен в монахи и под именем Филарета заточен в монастырь. Воцарение Лжедмитрия I дало свободу Филарету и его брату Ивану Романову. Трое братьев Романовых не пережили царской опалы.

Лжедмитрий I, стараясь укрепить свою власть, приблизил к себе тех, кого притесняли при Годунове. Ивану Романову было пожаловано боярское звание, а его брат Филарет получил сан Митрополита Ростовского. При царствовании Василия Шуйского Филарет участвовал в перезахоронении царевича Дмитрия и остался верен царю Василию при нашествии Лжедмитрия II, но из-за превратностей судьбы попал в Тушинский лагерь как пленник. Новый Лжедмитрий уговорил его не быть врагом ему, а стать патриархом. Филарет, не противясь открыто, спокойно перешел в стан «западников» и после низложения Шуйского и Лжедмитрия II поехал с делегацией в Польшу уговаривать Сигизмунда отдать своего сына в Москву. Миссия делегации провалилась, ибо вопрос принятия царевичем Владиславом православной веры перед вступлением на русский престол никак не подходил католическим традициям польских правителей. На момент воцарения Михаила Романова его отец митрополит Филарет находился в польском плену, искупая свои ошибки, и никак не влиял на пересуды вокруг освободившегося трона.

В Успенском соборе Московского Кремля 11 июля 1613 года произошло венчание на царство Михаила Романова, и совершено оно было митрополитом Ефремом, который выполнял в то время функции патриарха. Отпала необходимость дальнейшего выяснения, кто был прав, а кто нет, и страна приступила к восстановлению государства, изрядно потрепанного за период Смуты. Род Романовых стал царским родом нашей страны.

Помнить Петра Великого

Русский царь Петр Алексеевич из династии Романовых в народной памяти был последним монархом, о ком слагались былины, сказания и сказки. После него этой чести не был удостоен никто (исключая разве что сказание о Федоре Кузьмиче – якобы скрывшемся от дел под прикрытием ложной кончины императоре Александре II). Он был первым и в том, что его деяния, во всяком случае с началом Северной войны, имели чуть ли не поденную запись, и у следующих поколений осталось очень мало поводов, чтобы считать, что о Петре еще что-то остается неизвестным. О правлении Петра известно почти все. Казалось бы, отдаленная от нас на три столетия, эпоха Петра должна волновать одних лишь деятелей искусства. Для создания романов, картин или кинофильмов. Но нет, дело обстоит иначе.

Петр и его замыслы, то, что ему удалось и что не удалось исполнить, продолжают занимать умы политиков, публицистов, мыслителей и философов. В этом смысле он для нас столь же современен, как, например, Сталин, Хрущев или Брежнев. Противоречивые взгляды на реформы Петра, которые и поныне не умиротворены, зачастую становятся подспорьем в современных политических баталиях.

За время своего царствования Петр перепахал Россию реформами сверху донизу. Не было ни одной стороны государственной и народной жизни, которую бы они не затронули самым решительным, радикальным, революционным образом. Для многих Петр – революционер на троне. И в этой оценке нет никакого преувеличения. Другое дело, что Россия, если всмотреться во все века ее развития, – это страна революций, глубоких переворотов, фундаментальных изменений. Каждый великий правитель тем и памятен в русской истории, что им совершались великие перемены.

Предшественники Петра, занимавшие царский трон после завершения смуты (его дед Михаил Федорович, отец Алексей Михайлович и брат Федор Алексеевич), сосредоточились на укреплении государственности, создавая предпосылки для масштабной деятельности, которую выполнил Петр. Практически все, что характеризует его преобразования, было начато ими. Но Петр, энергия и настойчивость которого не знали границ, придал им определенность и развил их до соразмерных России масштабов.

Главная задача, стоявшая перед Россией в то время, заключалась в восстановлении исконных русских пределов на западных рубежах. Со всех точек зрения, словно воздух, ей были необходимы выходы к морям – Средиземному и Балтийскому, от которых Русь отодвинули агрессии Речи Посполитой, Турции и Швеции.

В чем незабвенная и великая заслуга Петра, утверждал выдающийся русский публицист М.О. Меньшиков, так это в том, что он выучил Россию воевать, он взял перед Богом и историей ответственность за бесконечную войну, лишь бы научить свой народ побеждать.

Конечно же, русские и до Петра владели этой наукой, сокрушая интервенции Витовта, Стефана Батория, Густава-Адольфа и Сигизмунда. Но в

конце XVII века стало понятно, что Россия находится на пороге нового этапа развития, что ей предстоит стать великой мировой державой, что предстоят новые войны. А для этого требуются армия нового типа, страна с промышленностью, наукой, грамотностью, ничуть не уступающая тому уровню, которого достигли самые развитые государства Европы. Если же этого не сделать, причем в самые короткие сроки (что подтвердили неудачные Крымские походы), то страну ждут серьезные опасности.

К 1700 году ситуация в Европе давала России исключительную в своем роде возможность вернуть свое. Основные европейские государства готовились к тому, чтобы на поле боя решить, как им поделить так называемое испанское наследство. Их притягивали заокеанские колонии. Восток Европы и сама Россия с ее проблемами оказались вне этого конфликта. И Петр решил этим воспользоваться. Отставив на время решение русско-турецких противоречий, он создал коалицию против Швеции, превратившей Балтику в свое внутреннее море. В коалицию, помимо России, вошли Дания, Польша и Саксония. Война завершилась блестящей победой. Как писал М.О.Меньшиков, «Петр двадцатилетней войной приучил страну к напряженной деятельности, постоянно бодрствующей, как на форпостах. (...) Целые поколения тогда рождались и созревали в мысли, что опасный враг у порога и что надо спасать царство. Невысказанный, но благородный лозунг одушевил народ, электризировал его высоким чувством. (…) Походы, лишения, приключения делались обычной жизнью. (…) Воинская повинность, совершив жестокий отбор свой, в лице избранных превращалась в призвание, а всякое призвание, хорошо выполненное, дает счастье. Петр первый добился того, что Россия наконец имела счастливую армию, бесстрашие которой поддерживалось заслуженною гордостью. За двадцать лет непрерывных военных действий выработалось военное поколение, национально-русское, как в армиях Тюренна, Морица Саксонского, Густава-Адольфа, Фридриха Великого. Сложилась русская военная культура, которой до Петра не было. (…) Он ввел в России военное искусство во всех его формах и успел напрактиковать в нем десятки тысяч людей. Он заложил великую школу. Миних упрочил ее, Суворов вознес до блеска двадцати двух побед, одержанных без одного поражения». Добавим к этому создание Петром русского военно-морского флота, дотоле не существовавшего, принципы жизни которого, сохраняемые и поныне, сделали его победоносным. За исключением несчастной Цусимы, он на протяжении трех веков не знал ни одного поражения.

Очевидные успехи России в период правления Петра не в последнюю очередь произошли вследствие того, что революционные изменения осуществлялись под руководством самого государя, по его предначертаниям, при энергичном правительстве, трудами множества его соратников и единомышленников, обладавших волей государственных деятелей.

Чтобы обеспечить решение основной задачи, России под скипетром Петра пришлось серьезно трудиться. Прежние установления, порядок вещей, сохранившиеся от Рюриковичей, уже не годились. И их пришлось менять. Внутренний строй управления страной был преобразован. На Балтике, в непосредственной близости от противника, возникла новая столица – Санкт-

Петербург. Это был символический жест, показавший Европе, что впредь ей придется считаться с Россией. И уже через несколько десятилетий без согласия России в Европе не могла выстрелить ни одна пушка. Петр не ждал, когда «невидимая рука рынка» или нечто подобное подвигнет купечество на создание столь необходимой стране промышленности, разовьет торговлю. Создавались они более сильным в России стимулом, чем деньги и присущая Западу страсть к наживе. То была государственная власть. *На совершенное Россией за десятилетия у Европы ушли века.*

Чего Петру не удалось? На что у России не хватило сил и средств? Создав военный флот, она не сумела создать флот торговый. Морская торговля зависела от судов под иноземными флагами, что больше помогало заграничной торговле, чем русской. «Правительство, двор, знать, чиновничество, проживающее в столице дворянство не имели нужды обращаться к внутренним фабрикантам, когда заграничные оказались на набережной Невы. Лондон, Амстердам и Гамбург сделались ближе к Петербургу, чем Москва и Киев». Пробивая окно в Европу для России, Петр в действительности пробил окно Европы в Россию. И часто его использовали не на пользу, а во вред русским интересам. Создав новую столицу, верховная власть не превратила ее в центр сложения сил власти и народа, что предохраняло бы страну от произвола бюрократии.

Невозможно отрицать противоречивость результатов коренных изменений в жизни России, совершенных Петром. Рискнем предположить, что все то, что было на пользу России, было связано с ее консервативной, охранительной частью. Но когда Петр-консерватор уступал место Петру-модернисту, результаты оказывались плачевными. Воспитанный кукуйскими немцами, находясь под их влиянием, он ждал и надеялся, что немцы помогут догнать Европу в том, в чем Россия отставала, главным образом в технике, в технической организованности труда. Но немцы обманули эти надежды. Не имея возможности сразу заполнить все вакансии на государевой службе образованными русскими, Петр был вынужден использовать иностранцев. Это обернулось немецким засильем, не преодоленным и через два столетия. Иностранцы глубоко внедрились в России, захватив преобладание в правящих классах (генерал Ермолов даже просил государя о «производстве его в немцы»), что задержало эволюцию русской государственности.

На решения Петра, которые больше всего критикуют, повлияла его первая поездка в Европу, так называемое «Великое посольство». Европа умеет пускать пыль в глаза. И 24-летний царь поразился тому, что ему показали в Пруссии, Голландии, Англии. Изменяя систему государственных учреждений, он не нашел в ней места для патриаршества, боярской думы, земского собора, составлявших органичный строй национальной русской жизни, спасший Русь от смуты и самозванства лжедмитриев. Но, обольщенный сначала своими иноземцами, а затем заграничными, Петр довольно грубо повредил родной национальный стиль, более совершенный плод русской политической культуры, чем формальное представительство и законничество, утвердившиеся в Европе.

Многое можно припомнить из того, что обычно относят к недостаткам Петровской эпохи. Но если взять главный, то им будет, без сомнения, возникший при Петре просвещенный класс, или интеллигенция. Сориентированная на Европу, она оказалась в духовном плену сначала у французов, позже у немцев, в наше время – у североамериканцев. Наверное, прав М.О. Меньшиков, утверждавший, что если бы при Петре и позже наше просвещение сложилось в Москве, а не в приграничном приморском Петербурге, наводненном инородцами, то оно, на манер английского, было бы национальным, более независимым и оригинальным. «В нем было бы более патриотизма и менее склонности к умственному бродяжеству, не помнящему родства». Кончилось же тем, что просвещенный класс чувствует себя дома иностранцем, заброшенным на чужбину.

По свидетельствам современников, в ответ на преподнесение ему после Ништадтского мира Сенатом звания Великого, отца отечества и императора, он призвал не забывать, отчего поднимались царства и отчего они падали. Военное искусство есть борьба за жизнь. Пренебрегающие этим искусством гибнут. Что вы кичитесь титулами православной и самодержавной монархии? И Византия была империей православной. И она управлялась самодержцами. Но, когда в распустившемся греческом обществе упало искусство войны, – явилась азиатская орда и смела собою древний трон Константина и гордую власть его среди трех материков. Не уставайте же совершенствоваться в военном деле! Идите в нем впереди народов, а не назади их! Остальное все приложится. Грозный непобедимым искусством меч обеспечит мир и добудет то, что дороже мира, – уверенность народа в самом себе, уважение к своей земле, высокую гордость чувствовать себя наверху, а не внизу народов. Побеждающий на войне народ продолжает побеждать и в годы мира: во всякой деятельности он остается победоносным. А в непрерывной победе над препятствиями и заключается настоящий прогресс.

Как глубоко прав был Пушкин, для которого «Петр Великий один есть целая всемирная история»!

Боярин Шеин – первый русский генералиссимус

В многовековой русской истории, переполненной вражескими нашествиями, войнами и победами, существует множество малоизвестных страниц. Одна из них связана с учреждением высшего воинского звания генералиссимус (от лат. generalissimus – самый главный). Во времена, когда Российское государство было названо Советским Союзом, просуществовавшим в этой форме 70 лет, его учредили 26 июня 1945 года, чтобы на следующий день присвоить И.В. Сталину – главе государства и верховному главнокомандующему в Великой отечественной войне. Но это было исключение: кроме Сталина, его никто не получил. Впрочем, для этого за 60 последующих лет не было ни повода, ни подходящих полководцев.

Да и в предыдущую историческую эпоху его присваивали всего лишь четырежды. Последний раз – полководцу Александру Васильевичу Суворову,

князю Рымникскому. Звание генералиссимуса ему пожаловал Павел I в 1799 году. Скорее всего, это был своеобразный жест, связанный с разрывом отношений с австрийцами, вероломными союзниками, не столько помогавшими, сколько вредившими Суворову в его Итальянской и Швейцарской кампаниях.

До этого звание генералиссимуса носил герцог Антон-Ульрих Брауншвейг-Люнебургский. Герцог был мужем Анны Мекленбургской, внучки царя Ивана V, и отцом императора Ивана VI. Иван находился на троне в младенчестве всего лишь тринадцать месяцев в 1740–1741 гг. и был свернут гвардией, возведшей на трон дочь Петра Елизавету. Антон-Ульрих звание получил от имени сына-императора, которому тогда было всего лишь три месяца.

Генералиссимусом был князь Александр Данилович Меншиков, выдающийся деятель Петровской эпохи, крупный военачальник в Северной войне, президент Военной коллегии. Соответствующий указ был издан в 1727 году уже Петром II. Но вскоре для князя наступило время опалы и ссылки, за которыми последовала кончина в 1729 году.

Первым генералиссимусом русской истории в 1696 году стал боярин Алексей Семенович Шеин. Он родился в 1652 году (о годе рождения Шеина в источниках существует разночтение, в одних указывается 1662, в других – 1652 год, но, судя по послужному списку, более верным представляется 1652 год, поскольку в 19 лет воеводами не назначают), а скончался в феврале 1700 года в возрасте 48 лет, за полгода до начала Северной войны. События длившейся больше двадцати лет войны с ее многочисленными баталиями, радикальные реформы Петра, привлекшего многих выдающихся деятелей, новый этап русской истории, истории империи, продолжавшейся два столетия, не могли не заслонить от потомков молодого военачальника, служение которого так внезапно прервалось.

А.С.Шеин – потомок старинного московского боярского рода, известного русским летописям с XIII века, правнук Михаила Борисовича Шеина, выдающегося полководца и защитника Смоленска в царствование Алексея Михайловича, которого несправедливо обвинили в измене и казнили. Мальчиком присутствовавший при казни Разина, он уже в 24 года стал стольником, в 29 назначен воеводой в Тобольск, пожалован боярином в 30, и в 31 года назначен воеводой в пограничный тогда Курск, а в 1682 году активно участвовал в коронации малолетних царей Петра I и Ивана V.

С детства готовившийся к военному поприщу, один из самых образованных русских людей того времени, в течение семи лет прослужив воеводой, Шеин участвует в двух Крымских походах 1687 и 1689 годов, командуя новгородскими полками. Эти походы во главе с князем Василием Васильевичем Голицыным, подготовленные в спешке, были предприняты Россией после того, как она присоединилась к коалиции в составе Австрии, Венеции и Польши (Священной Лиги), воевавшей с Турцией. Походы через безлюдное и безводное Дикое поле окончились отступлением. Обошлось без крупных сражений. Но они показали, что Россиф без серьезных преобразований не сможет победить даже крымских татар.

Прерванная на шесть лет, в том числе из-за внутренних русских неурядиц, война возобновилась Азовским походом 1695 года, где Шеин – к тому времени ближний боярин, один из трех командующих, наряду с Ф.А. Головиным и Ф.Я. Лефортом. Но и этот поход не принес победы. Был нужен флот. Флотилию, способную блокировать Азов с моря, построили через год, и в 1696 году военные усилия увенчались победой. Во втором Азовском походе Петр - командующий флотилией, Шеин – командующий сухопутными восками. Он провел против Азова «правильную осаду», и в июле турецкая крепость пала. За двадцать дней до капитуляции Петр, привыкавший к иностранным терминам, присваивает Шеину чин генералиссимуса, что соответствовало в тогдашней русской системе чину «воеводы большого полку».

Победа над турками, в сущности, первая после овладения тем же Азовом в 1637 году донскими казаками, отмечалась с размахом. Через два месяца в Москве состоялось триумфальное шествие войск, которое возглавлял на коне их командующий. Петр, произведенный из бомбардиров в капитаны, скромно шел в пешем строю. За взятие Азова царь наградил Шеина золотой медалью, памятным кубком, шитым золотом кафтаном и вотчиной в 305 дворов.

Вскоре после этого Шеин опять в Азове. Он руководит восстановлением крепости, строительством гавани в Таганроге. Победа над Азовом не прекратила войну с Турцией. Территория между Доном и Кубанью - тоже ханские владения. В августе 1697 Шеин отбивает нападение двадцатитысячного татарско-ногайского-калмыцкой орды, отбрасывая ее до Кагальника.

В этот год в Европу отправилось русское «Великое посольство». Его основной задачей первоначально и было создание широкой антитурецкой коалиции. Петр участвует в нем под именем Петра Михайлова. Во главе правительства в Москве поставлен князь Ромодановский. Шеин – главнокомандующий армией, возглавляет Пушкарский, Иноземный и Рейтарский приказы, фактически он военный министр.

В июне 1698 года – самочинный поход четырех стрелецких полков с литовского рубежа на Москву. Вместе с генералом П. Гордоном в коротком бою под Воскресенским монастырем (ныне г. Истра) Шеин разбивает бунтовщиков. Он быстро проводит следствие, в результате которого предаются казни 122 участника бунта, 140 наказывается кнутом, около двух тысяч высылают в дальние города страны.

Но спешно возвратившийся из Европы Петр заподозрил в стрелецком возмущении политический заговор, интриги сестры Софьи, бывшей правительницы. Он счел наказания мягкими, а казнь – поспешной. Вспыльчивый по натуре, 28-летний царь на обеде у Лефорта набросился на Шеина, обвинив его в плохом розыске и даже во взятках. Страсти так накалились, что Петр ранил шпагой Ромодановского, Зотова и Лефорта, пытавшихся успокоить царя.

Говорят, скандал не имел для главнокомандующего серьезных последствий. Но история сохранила эпизод, когда на второй день после возвращения из Европы Петр решил обрить ближних бояр на европейский манер. Первым под царские ножницы попал Шеин. Уверяют, с его же согласия.

И все-таки это был видимый знак опалы за «стрелецкий розыск», и, надо полагать, небезосновательный. Возможно, Шеин не хотел больших репрессий против стрельцов, которых спровоцировали сторонники бывшей правительницы. К тому же русскому боярину Шеину, скорее всего, далеко не все иноземные заимствования были по душе. Во всяком случае, современники утверждают, что Шеин не скрывал своих разногласий с Петром и они часто спорили.

Хотя о воеводе Шеине сохранились весьма скудные, отрывочные сведения, все-таки нет сомнения, что он принадлежал к первому по времени составу «птенцов гнезда Петрова», времени когда все еще только начиналось. И это предположение имеет серьезное доказательство. Его оставил нам сам Петр Великий. Сохранились его слова, сказанные незадолго до кончины. Император задумал возвести памятник Шеину, Гордону и Лефорту: «Сии мужи верностью и заслугами вечные в России монументы». Увы, этот замысел так и не был воплощен.

Царь нисколько не преувеличивал заслуг соратников своей молодости. Если в Северной войне предстояло прорубить окно в Европу на Балтике, то взятие ими Азова прорубило дверь к Черному морю. Победа ускорила окончание длительной русско-турецкой войны (началась в 1686 г.) и заключение в июле 1700 года Константинопольского мирного договора. Угроза войны на два фронта отпала на долгие десять лет и позволила России направить основной удар внешней политики против врага на Западе.

Можно лишь догадываться, как бы проявились военные и административные таланты первого генералиссимуса России. Не исключено, что он был бы столь же знаменит, как прославившиеся впоследствии боярин, граф Б.М. Шереметев, князь А.Д. Меншиков, граф адмирал Ф.М. Апраксин, князь М.М. Голицын. Но Шеин скончался 12 февраля 1700 года в Москве. Прах его покоится на территории Троице-Сергиевой лавры. Могила в хаосе революции начала XX века затерялась.

Россия: от царства к империи

После победы в затяжной Северной войне, прославленной Полтавской битвой, морскими сражениями у Гангута и Гренгама, Россия стала настоящей «сверхдержавой» тогдашнего мира, а ее главный противник – Швеция – навсегда перестала претендовать на европейское господство. Заключив мирный договор со шведами, Петр Первый стал именоваться «отцом Отечества» и «императором Всероссийским», а Московское царство было провозглашено Российской Империей. Впрочем, на деле вышло так, что наша держава лишь юридически закрепила за собой тот статус, которым давно уже обладала.

20 октября 1721 года Россия официально стала именоваться империей, и в истории нашей страны отрылась новая страница. Имперский титул был принят Петром Первым полностью обоснованно и подтверждал могущество созданного им государства, доказавшего свое величие на полях сражений.

Отношение к тому или иному титулу с древности было крайне важным. Споры о титуловании нередко заканчивались объявлением войны, а неуважение к титулу считалось тягчайшей обидой. В истории одни страны становились империями, другие никогда не обретали этого статуса, оставаясь лишь королевствами и княжествами, а иные и вовсе не имели высокого наименования, что всегда означало подчиненность более могущественным соседям. От титула государства напрямую зависела его международная значимость, а главное, им определялась та роль, которую государство играло в истории. Тот или иной титул во многом определял судьбу страны, и сегодня лишь немногие государства могут гордиться собственной имперской историей.

Еще Гегель в свое время писал об «исторических» и «неисторических» государствах, разделяя их именно по имперскому признаку. Сегодня прежняя иерархия европейских государств оказалась утраченной, и человеку, живущему в наше время, когда стерты границы сословий и отсутствует право по рождению, весьма непросто осознать смысл имперского титула, который прекрасно понимали наши предки. Империя – это не только судьба государства, но и судьба ее народов, разделенных на граждан и подданных, которая оберегается волей имперской нации. И, несмотря на зависть и наветы врагов и неудачников, имперская история стала великой судьбой России, предначертанной свыше.

Петр Первый, учреждая Российскую Империю, не мог не думать об этом. Рожденный в царской династии, он провозгласил для России тот титул, которым обладало Русское государство во времена его предшественников. Издревле русские правители назывались «великими князьями», что уравнивало их в правах с королями Западной Европы, а принятый позднее царский титул и вовсе был сродни императорскому. Само русское слово «царь», как и немецкое «кайзер», происходило от латинского «Caesar», то есть император, а правящая русская династия была кровно связана с императорской династией из Византии.

На заре европейской истории существовала только одна империя – Древний Рим. Все позднейшие империи унаследовали свой титул от него: и Византия, и Россия, и германские империи. Право на власть римского императора признавали все древние народы, даже те, на которые эта власть не распространялась. С Римом считались и северные племена, которые беспрестанно его атаковали, а северные короли сами стремились к принятию императорского титула. Но никто из них не мог позволить себе самозванства – они стремились повергнуть Рим в честной схватке, прежде чем его имперский титул перешел бы к победителю. Последнего римского императора Ромула Августула низложил в 476 году легендарный король руссов Одоакр. О нем с трепетом писали античные источники. Но через несколько лет Одоакра коварно убил готский король Теодорих, перенявший и императорский титул.

Русские короли считались одними из самых знатных в Европе. Первый известный по летописям князь Рюрик происходил из королевского рода, правившего в варяжских землях на южно-балтийском побережье. Поэтому он титуловался не просто князем, а «великим князем». Известные предки Рюрика были равноправными союзниками франкского императора Карла Великого. Даже позднейших русских великих князей на Западе считали равными королям.

Немецкий хронист называл св. княгиню Ольгу «Regina Rugorum», то есть королевой руссов. А в восточных источниках русских правителей именовали «хаканами» – титулом, выше которого восточные авторы не знали. По европейским меркам он был сравним с императорским титулом.

Древнерусская литература предлагала две версии обоснования знатности правящей династии, которые особенно ярко отразились в «Сказании о князьях владимирских». Согласно первой версии, князь Рюрик происходил от древнеримского правящего рода. Римский император Август будто бы послал своего родича Пруса править на берега Вислы и Немана. Позднее новгородские старейшины по совету Гостомысла отправили в Прусскую землю послов и призвали оттуда правителя из рода, восходящего к Августу. Новгородцы «умолили» править у них князя Рюрика, и тот явился с братьями Синеусом и Трувором и племянником Олегом.

По другой версии, киевский князь Владимир Мономах получил регалии царской власти от византийского императора Константина Мономаха. Обе версии существовали не только в древнерусской традиции, но получили развитие и в немецкой, и в польской литературе.

В царствование Ивана III в январе 1489 года в Москву прибыл посол германского императора Максимилиана I рыцарь Николай Поппель. Темой аудиенции стал вопрос о возможном браке русского великого князя с племянницей германского правителя, потому как речь шла о «любви и дружбе» между двумя государствами. Важно, что в числе прочего посол предложил Ивану III, в случае согласия, королевский титул. Но великий князь ответил отказом, и дело было вовсе не в личных мотивах.

Великий московский государь стремился к принятию титула «царя всея Руси». К тому времени это отразилось в грамоте в Ливонию, где фигурировал указанный титул, а датский король уже называл Ивана III не иначе как императором. В политических кругах Московского царства формировалась идея о Третьем Риме, и в таких условиях лестное для любого западного правителя предложение о королевском титуле было воспринято в России как попытка ограничить политическую самостоятельность русского государя. При Иване III Великое Московское княжество стало Московским царством.

Позднее, в годы Ливонской войны, резкая полемика о титуловании разгорелась между Иваном Грозным и шведским королем Юханом III. Спор начался с известных разногласий. Иван Грозный считал Юхана III выходцем из «мужичьего рода», опираясь на то обстоятельство, что его отец не был королевской крови. Среди архивных документов действительно не нашлось доказательств, что Швеция по общепризнанному рангу входила в число королевств. Поэтому Иван Грозный не считал шведских правителей равными себе. Но русско-шведским противоречиям суждено было разрешиться лишь спустя полтора столетия.

Право России на имперский статус постепенно признали все европейские государства, последним из которых была Швеция. Одержав победу над ней, Петр Первый смог с полным правом заявить на весь мир, что Россия вышла из всех битв победительницей, а значит – она вправе именоваться империей!

Главное, чтобы у России было не только имперское прошлое, но и имперское будущее.

Судьба России – это империя. Без империи нет России, и Россия не мыслима без своего размаха и мирового значения. Миллионы русских людей проливали кровь, понимая судьбу своей страны именно такой. Как однажды выразился генерал Петр Николаевич Краснов, Россия – это борьба. И это борьба за Империю.

Измаил – триумф русской армии

В русско-турецкой воне 1787–1791 столкнулись два мировоззрения, две концепции государственного строительства, две империи. Российская Империя стремилась закрепиться на территориях северного Причерноморья, и твердо стать на берегах Русского моря, как издавна называли море Черное. Русские стремились не только остановить экспансию с юга в свои родовые вотчины, но и защитить православных братьев и весь христианский мир от угрозы, опасность которой была едва ли слабее, чем ордынская. Оттоманская империя, образованная пришлыми племенами, утверждала свое владычество огнем и мечом, фактически сравняв с землей эллинизированный мир Ближнего Востока, разорив Византию и поработив балканские народы и народы Северной Африки. Под владычеством Блистательной Порты обширные пространства приходили в упадок.

Русская армия к тому времени еще не отметила даже своего столетия, во многом еще сохраняя признаки народного ополчения. Война с турками стала для нее и серьезнейшим испытанием, и славой, какой она еще не имела. Турецкая армия была многочисленной, вкусившей побед и военной добычи, а также поучительную горечь поражений. Эта армия жаждала рассчитаться с русскими за катастрофический разгром в войне 1768–1774 гг. и захваченный русскими Крым, преодолеть упадок своей империи. Турция сама объявила войну России.

Война началась для России в тяжелой обстановке. После неурожая 1787 года в центральной части страны начался голод. Казалось бы, естественные союзники, австрийцы считали «соседство тюрбанов менее опасным, чем соседство шапок» и в 1790 году вышли из войны с Турцией. Англия отказалась от помощи России в экспедициях флота в Средиземноморье. И, наконец, в мае 1788 г. Швеция начала войну против России, отвлекавшей русские силы до 1790 года.

Русским войскам в Придунавье приходилось действовать, не рассчитывая на поддержку из центральной России, в сложнопересеченной местности и в условиях многократного численного превосходства врага. Полтавской славы, когда Петр Великий разгромил измотанную и лишенную артиллерии шведскую армию, нам было не снискать. Но русские рассчитывали повторить победы, достигнутые Румянцевым, рассеявшим в недавней войне огромные полчища турок. Под руководством Суворова и других замечательных полководцев и командиров русские снискали эту славу. Именно благодаря победам под

Фокшанами и Рымником (1789) Суворову удалось удержать Крым. Немалую роль в том, чтобы война склонилась к триумфальной победе России, сыграл черноморский флот под командованием адмирала Федора Ушакова. Штурм Измаила окончательно показал, что русская армия превосходит турецкую по всем статьям.

Крепость Измаил считалась настолько надежной, что к ней оттянулись значительные силы турок, укрывшиеся за крепостными стенами от победоносных войск Суворова. Суворов, организовавший штурм, признавал крайнюю рискованность этой операции: «Не было крепче крепости, обороны — отчаянней, чем Измаил. Только раз в жизни можно пускаться на такой штурм».

Прибыв 2 декабря 1790 года под Измаил, Суворов вернул победный дух армии, остановил начавшийся было отход, шесть дней обучал войска штурмовать макеты стен и взял крепость в один день.

Следуя моде опровергать русскую славу где только возможно, иные современные историки пытаются принизить значение и этой победы. Считают, например, что Измаил не мог вместить 35-тысячного войска турок, что к этому числу приписывают также немало мирных жителей, что реальные потери русской армии серьезно занижены и т.д. Немалую роль в этой малоприличной деятельности сыграл исторический анекдот. Якобы, когда писарь спросил Суворова, сколько указывать потерь неприятеля, полководец, будто бы, ответил: «Пиши поболе, чего их, супостатов, жалеть!»

Сомневаться, что в турецкая армия понесла чудовищные потери – около 26 тыс. человек – не приходится, если учесть, что суворовская артподготовка велась почти сутки из 600 орудий по крепости, набитой турками до отказа. Русские потери были учтены с самой высокой точностью: убито 64 офицера и 1816 рядовых; ранено 253 офицера и 2450 низших чинов. Потери были незначительны лишь потому, что штурм состоялся до рассвета, в 5.30, а к 8 утра все укрепления были заняты. При этом турки отчаянно сопротивлялись, сражаясь до 16 часов в самых невыгодных для них условиях – когда Суворов использовал легкие орудия и картечью очищал улицы от противника. Показателен следующий эпизод боя: свыше тысячи союзных туркам татар под предводительством Максуд-Гирея бросились на русских казаков и сдались только когда их осталось не более 300. Отчаянию турок немало способствовало повеление султана казнить любого из гарнизона Измаила, где бы он ни был найден, если крепость будет сдана.

Итоговые потери русских впоследствии были учтены точнее, поскольку в первый момент, когда Суворов составлял донесение, из числа потерь были исключены потери иррегулярных сил. Кроме того, многие умерли от ран на следующий день. Считается, что общие потери армии Суворова при штурме составили около 4 тыс. убитыми и 6 тыс. ранеными.

Огромные потери турок подтверждаются множеством свидетельств. Так, в частном письме будущий выдающийся русский полководец М.И. Кутузов, командовавший под Измаилом одной из штурмующих колонн, на глаз оценивал потери турок не менее 15 тыс. убитыми. О масштабе победы русских войск говорит также тот факт, что захоронение столь большого числа трупов

оказалось невозможным. Русским солдатам ничего не оставалось делать, как три дня носить тела поверженных врагов к Днестру и отдавать их на волю волн.

Русские войска, включая легковооруженных казаков, показали при штурме Измаила, что они в ярости боя не уступают туркам. Но контрастом к турецкой свирепости выглядит троекратная попытка Суворова убедить Айдозле-Мехмет-пашу сдать крепость. Предвидя неистовость боя, Суворов написал в ультиматуме: «Я с войском сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление для сдачи – и воля; первые мои выстрелы – уже неволя; штурм – смерть, – чего оставляю вам на рассмотрение». В другом своем послании Суворов говорит: если крепость не выставит белого флага, то «будет взята приступом, а гарнизон сделается жертвою ожесточенных воинов».

После отклонения ультиматума турками и решения военного совета приступить к штурму, Суворов сказал своим соратникам: «Один день Богу молиться; другой день учиться; в третий день славная смерть или победа!» Суворов прекрасно знал, что предстоит крайне рискованная и сложная операция, в которой многим не сносить головы. Но полководец также прекрасно понимал, сколь велико будет значение этой победы.

Не будучи серьезным стратегическим пунктом, Измаил сыграл свою историческую роль. Взятие Измаила обеспечило скорый переход Турции к мирным переговорам и выгодные для России условия Ясского мира, заключенного в 1792 году. Россия окончательно закрепила за собой Крым, установила границу с Турцией по Днестру и укрепилась в Причерноморье от устья Днестра до Кубани (сюда были переселены запорожские казаки), на месте одной из турецких крепостей возник порт, впоследствии ставший городом Одессой, утвержден протекторат над Грузией. Но сам Измаил остался под властью турецкого султана и вновь был взят штурмом в русско-турецкую войну 1806–1812 гг. После Крымской войны Измаил отошел к Молдавскому княжеству, зависимому от Турции, а бастионы и стены крепости были взорваны. В результате победы в русско-турецкой войне 1877-1878 годов Измаил был вновь присоединен к России. В наши дни Измаил остался вдали от русских границ.

Иные радетели за «правду истории» стремятся представить русскую власть в Причерноморье как «иго», а Суворова выставить как человека нерусского, с причудливо перемешанной кровью, затрудненно говорившего по-русски и сделавшего себе имя прусскими и австрийскими похвалами. Истинные ценители русской истории знают, что Суворов, как и многие другие русские таланты, не собирался кичиться чистотой кровей, никогда не искал похвалы иностранцев и точно знал, что он – русский.

Александр Васильевич Суворов был и остается для нас образцом русского духа и русского гения в военном деле. Его возглас в минуту душевного порыва «Мы русские – какой восторг!» звучит для нас и сегодня как призыв к служению Отечеству. Завещание потомкам в его словах: *«Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека; но я заключал доброе имя мое в славе моего Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию».*

Слава Платову-герою!

Казачество всегда было цветом русского воинства, верным защитником пограничных рубежей Российской Империи. Из этого служилого сословия вышли сотни и тысячи прославленных героев, среди которых особенно выделяется генерал Матвей Иванович Платов. На Дону отношение к нему всегда было не просто почтительным, но почти благоговейным. Очевидно, что сегодняшнее возрождение казачества, да и русского государства вообще, невозможно без ясной памяти о великих делах этого полководца и верного сына России.

Матвей Иванович Платов родился 6 августа 1751 года в станице Старочеркасской в семье войскового старшины Донского казачьего войска. С детства он воспитывался в православных традициях и получил от отца наставление верно служить Отечеству и Государю. Как и подобает казаку, всю свою жизнь М.И. Платов провел в боевых походах, принимая участие во всех войнах и кампаниях, которые вела Российская Империя на протяжении его жизни. Он поступил на службу тринадцатилетним юношей и прошел воинский путь от простого казака до атамана войска Донского и кавалерийского генерала. Своим примером Платов показал, каким должен быть русский воин и честный защитник Родины.

Молодым казаком М.И. Платов участвовал в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. и тогда же за доблестные заслуги был произведен в офицеры. Почти сразу после победы и заключения мирного договора с Османской империей казачью часть, к которой был приписан Платов, срочно перебросили на Урал для подавления пугачевского бунта.

В 1787–1791 гг. Платов участвовал в новой русско-турецкой войне, был участником взятия Очакова и Измаила. Победоносные войны приносили славу и величие не только государству Российскому, но и его лучшим сынам, проливавшим свою кровь на полях сражений. К тому времени М.И. Платов дослужился до чина генерал-майора и был награжден Георгиевским орденом.

Молва о храбром командире распространялась в войсках, и вскоре М.И. Платова приняла императрица Екатерина Великая. Она беседовала с Платовым о казаках и отличила его перед другими генералами.

Но вскоре Екатерина II скончалась, и на российский престол вступил Павел Петрович. Новый император сперва тоже привечал М.И. Платова, но при дворе против него стала распространяться клевета. Боевой генерал стал жертвой вельможных интриг, был сослан в Кострому и даже пережил кратковременное заключение в Петропавловской крепости. Многих честных людей, служивших государству верой и правдой, постигала схожая участь. В этом, наверное, трагедия исторической судьбы России.

В январе 1801 г. Павел I направил казаков во главе с М.И. Платовым на завоевание Индии. Возможно, расчет придворной клики был на то, что Платов не вернется живым из этого тяжелого и далекого похода. Однако этого не произошло. В результате придворного заговора погиб сам Павел I и восшедший на трон Александр I вернул казаков обратно.

По возвращении М.И. Платов стал атаманом Великого войска Донского. Как никто иной он жертвовал собой ради родного казачества и, фактически, создал его и идейно, и организационно таким, каким оно просуществовало до большевистской революции. Со времени Платова у донских казаков появилась однообразная форма одежды: в качестве головного убора появился кивер, на шароварах было положено иметь широкие алые лампасы. Казачьи сотни удостоились доверия нести личную охрану Его Императорского Величества. Помимо этого М.И. Платов основал новую столицу Донского войска – город Новочеркасск.

Работа по созиданию служилого казачества, охраняющего приделы страны, неразрывно переплеталась у Платова с участием во все новых и новых сражениях. В 1806–1807 гг. он активно участвовал в войне с Францией. Во время заключения Тильзитского мира ему представился случай познакомиться с Наполеоном, который в знак уважения пожаловал атаману французский орден Почетного легиона. Но Платов не принял награды, сказав: «Я Наполеону не служил и служить не могу». Пожалуй, очень показательный пример для многих нынешних политиков и военачальников, не брезгующих получать награды из рук врагов страны.

Наполеон искренне восхищался воинскими качествами казаков. Ему приписывают фразу: «Дайте мне одних лишь казаков, и я покорю всю Европу». Неужели император при этом не понимал, что, начиная войну с Россией, он заведомо обрекал себя на поражение? Перед войной 1812 года Платов побывал на очередной русско-турецкой войне. Но его воинские таланты особо проявились, конечно, именно в войне с Наполеоном – войне, которая получила название Отечественной.

В заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. М.И. Платов командовал казачьим корпусом. Именно тогда про него сложилась бодрая песня:

Слава Платову-герою! Победитель был врагам!
Слава Платову-герою! Слава донским казакам!

Матвей Иванович Платов скончался 3 января 1818 года и был похоронен в склепе Вознесенского собора в Новочеркасске. К столетию со дня его рождения там был воздвигнут бронзовый памятник, на гранитном постаменте которого золотыми буквами было выбито: «Атаману графу Платову за военные подвиги 1770–1816. Признательные донцы». Вокруг памятника стояли пушки, отбитые у французов.

Монумент был разрушен после революции. Большевики ненавидели казаков за верность Империи, которую многие из них проявили в гражданской войне, считая себя последователями Платова. Большевикам не нужна была память о Платове-герое, им нужны были другие герои и другая история, в которой не было великого казачьего вождя.

Священный союз – мечта о христолюбивой Европе

26 сентября 1815 года в Париже русским императором Александром I, австрийским императором Францем I и прусским королём Фридрихом Вильгельмом III был создан Священный союз.

Европа создает империи и сама же их разрушает. Все большие войны в Европе – войны между империями-антиподами. В столкновении между империями лишь Россия оставалась постоянным субъектом истории на протяжении многих столетий. Другие европейские империи возвышались и терпели крах, но Россия в своей миссии «удерживающего» оставалась на своем месте – и в войнах, которые вел Петр Великий, и в суворовских победах, и в войне с Наполеоном, и в Крымской войне, и в двух мировых войнах. *История подтвердила правило: европейские империи обращались в прах, когда сталкивались с Россией.*

Охранительная роль Российской Империи подтверждена многократно – Россия никогда не стремилась к завоеваниям в Европе и многократно спасала Европу от самой себя – от империй-авантюристов, помышляющих о всемирном господстве. В 1815 году в европейской политике роль России как главного победителя Наполеона была доминирующей. Но вместо диктата, который европейцы могли ожидать со стороны русских, возник Священный союз ведущих монархий, воссоединивший Европу, пусть на короткое время.

Священный союз стал на страже решений Венского конгресса европейских держав, (который впервые в истории собрал 216 глав европейских государств), предусмотревших новую систему границ в Европе и новую систему межгосударственных отношений. Главной целью Союза была защита легитимных режимов, противодействие революциям и мятежам. Союз давал санкции на применение силы в межгосударственных делах, когда речь шла о следовании принципам легитимизма. Им установлен вечный нейтралитет Швейцарии, а также создана Германская конфедерация и введены общепринятые до настоящего времени статусы дипломатических представителей.

Александр I, вдохновленный сплочением европейских государств против Наполеона, после победы предложил союзникам новый формат международных отношений, чтобы «образ взаимных отношений подчинить высоким истинам, внушаемым вечным законом Бога Спасителя». Три монарха, изначально подписавших «Акт Священного союза», заявили, что на основе заповедей единой для них и их народов веры они «пребудут соединены узами действительного и неразрывного братства» и «заповедями Бога, как самодержцы народа христианского».

Позднее историки называли Священный союз «союзом европейской реакции». И так должно было быть в замысле. Реакция стояла на страже традиции против революции. Но в действительности Россия оказалась игроком в чужой игре и могла лишь смягчить волчьи нравы европейской политики, но не изменить их. Европейцы жаждали крови друг друга и обильно проливали ее, старательно приобщая к этому Россию, одновременно называя ее «жандармом Европы». А Россия, вместо закрепления своих побед над Наполеоном и занятия

важных геостратегических пунктов в Европе, удовольствовалась недолгой славой освободителя (как и потом - после Второй мировой войны).

Романтические мечты о соединении христианских государств единой концепцией государственного управления объясняются эйфорией победы над Наполеоном. Русский император в 1816 году даже предлагал Англии, которую считал единственно равной России державой в Европе, идею об одновременном пропорциональном разоружении европейских держав. Англия интерпретировала эту идею так, чтобы одностороннее сокращение армии коснулось только России. Русское миролюбие разбивалось о людоедский европейский «прагматизм».

Русская власть всерьез озаботилась тем, чтобы между христианскими государствами не возникали войны. Но такой подход противоречил традиционной европейской политике, где двойные стандарты всегда были общим принципом отношений. К тому же в Европе имелось слишком много претендентов на имперскую судьбу – главенствовать в Европе хотели и Великобритания, и Австрия, и постнаполеоновская Франция. Далеко идущие планы имели также Турция и объединяющаяся Германия. Испания и Португалия боролись за свои колонии. Италия страстно желала объединения.

На европейском полуострове империям и протоимпериям было слишком тесно. И больше всего им мешала Россия, не испытывавшая проблем с «жизненным пространством». Поэтому Священный союз стал неравным альянсом окрыленной своими успехами России и затаивших злобу европейских держав, лишь ожидающих удобного момента, чтобы вцепиться друг другу в глотку, а прежде – отбросить Россию, мешавшую их планам. Великобритания и Австрия с самого начала стремились использовать Священный союз, чтобы изолировать Россию от Испании, Франции, Германии и всех второстепенных государств, воспрепятствовать ее требованиям к Османской империи и усилению ее влияния на Балканах. И в то же время – самим опекать Францию и Испанию, подчинить себе Нидерланды, Португалию и итальянские государства, а германский союз направить против России. Париж и Лондон, в свою очередь, действовали заодно, чтобы не допустить усиления влияния Австрии на Апеннинах, а России – на Пиренейском полуострове и на Балканах, подорвать колониальное могущество Испании и Португалии за счет признания независимости их колоний в Латинской Америке. Последнее спровоцировало объявление США «доктрины Монро», фактически закрывшей Америку для европейской политики под угрозой войны с США.

Конгрессы союзников стали площадкой для упражнений в дипломатическом лукавстве. Россия не получила от Священного союза ровным счетом ничего. Зато Франции удалось досрочно избавиться от оккупационных войск и избежать территориальных потерь, а потом самой вторгнуться в Испанию под предлогом восстановления монархии. Австрия получила от Священного союза санкцию на подавление волнений в Италии, а позднее – помощь от Николая I в разгроме венгерского восстания. Даже Турция в результате своих дипломатических игр с Австрией поживилась, добившись нейтральной позиции Священного союза по отношению к греческому национально-освободительному движению. Крупнейшей ошибкой российской дипломатии было отсутствие понимания разницы между революционным

мятежом и национально-освободительным движением. Из России иногда казалось, что народный гнев против деспотизма и интервенции европейских монархий управляется каким-то французским «ревкомом». Именно поэтому, следуя принципам Священного союза, Россия не смогла адекватно отреагировать на турецкий геноцид против греческого народа и казнь константинопольского патриарха и многих православных священнослужителей. Оглядка на Англию, Австрию и другие европейские державы остановили Александра I. Его искреннее стремление к миру было использовано против России и дорого обошлось греческим повстанцам.

Священный союз был истолкован европейскими государствами как средство поддержания неограниченного деспотизма. Именно поэтому он был бессилен противостоять революционному движению. Российское самодержавие подверглось атаке со стороны офранцуженных аристократов в декабрьском восстании 1825 года, а потом – со стороны польских экстремистов в 1830 году. Нечем и некому было подавлять новую вспышку революционного движения во Франции и Бельгии. Фактически уже через 10 лет Священный союз был беспомощен, а в 1848 году он не мог ничего противопоставить захлестнувшей Европу революции.

История показала, что священность объявленных принципов признавали только российские самодержцы, а европейцы за глаза просто осмеивали их. Возможность утверждения в международных отношениях христианского универсализма была в конце концов сорвана. Крымская война 1853–1856 гг., окончательно поставившая крест на Священном союзе, была фактически европейской интервенцией в союзе с Турцией против России. Пренебрегая русской мечтой о христианском братстве, Европа лишилась надежного средства против внутриевропейских конфликтов и революций. Прямым следствием измены Священному союзу стали две мировые войны и крах монархических домов Европы – всех европейских империй и царств. Вместо христианского универсализма со второй половины XX века утвердился либеральный глобализм, а Европа попала под влияние США, все больше лишаясь суверенитета.

Урок Священного союза для России состоит в том, что мы должны рассматривать международные институты вовсе не как средство сотрудничества с другими государствами, а как пространство противоборства, где каждая из сторон имеет свои интересы. Если Россия, будучи на вершине могущества, не смогла воспользоваться соглашениями, закрепленными Священным союзом, и добиться от своих партнеров следования христианским заповедям, то в состоянии сегодняшнего упадка мы обязаны рассматривать любое многостороннее соглашение как потенциальную опасность, любой международный институт (вплоть до ООН) как потенциальное средство для оправдания агрессии против России.

Сегодня формальный мир может служить прикрытием для различных форм агрессии и распространения чумных идеологий, подрывающих национальные интересы. Прочный мир, как показывает история, возможен только в рамках империи, распространившейся до естественных границ. Такими были Римская Империя и Российская Империя. Европейские

государства в совокупности могут стать Империей, объединив пространство от Средиземного моря до Атлантики. Но ценой станет гибель традиционных европейских наций. Да и кто возьмет на себя культурное лидерство и военную защиту в этом образовании? Достойных претендентов нет. Недостойный – США – готовит превращение Европы не в Империю, а в провинцию.

Русская мечта о мирной христианской Европе – Европе не империй, но царств – достижима только если Россия вновь станет Империей и вернет себе ведущую роль в европейских делах. Поэтому не ближайшим поколениям русских христианизировать Европу. Наше дело – возрождение православной России, возрождение Империи, а с ней – мира и спокойствия на огромных пространствах русской цивилизации.

Польский мятеж против России

После наполеоновских войн Польша оказалась разоренной в политическом и хозяйственном отношении и не имела сил для государственного суверенитета. Решением Венского конгресса 1815 г. центральная Польша вошла в состав Российской Империи, другие польские территории достались Австрии и Пруссии.

В Российской Империи власть сочувственно относилась к положению поляков. Александр I предоставил Польше возможность иметь парламент, собственную армию, собственную администрацию и польскую денежную систему, которая была ближе к европейской, чем к российской. Царство Польское получило, таким образом, широкую автономию. При этом на территории Польши не вводились законы Российской империи, а шляхте были предоставлены права русского дворянства. Русское присутствие не намечалось ни в гражданской службе, ни в судебной системе. В Польше незыблемо сохранилось доминирование католицизма не только в духовной жизни, но и в ее системе образования. Только к концу царствования Александра I русский язык и русская история стали преподаваться в школах на русском языке.

Польское общество, польская знать не желали подчиненного положения в Империи и грезили о собственной империи, которую пресекла русская державность и остановил русский народ. Следуя французским влияниям, польские образованные слои составляли тайные общества, исповедующие идею Великой Польши «от моря и до моря».

После восстания декабристов новый император Николай Павлович всячески стремился к тому, чтобы лояльность поляков была обеспечена без вмешательства в их автономные дела. В знак уважения к Польше он в 1829 году короновался на польский престол в Варшаве. Но этот знак уважения был расценен, напротив, как посягательство на польскую гордость.

Польский мятеж был поднят в условиях, когда Россия добилась впечатляющих успехов во внешней политике. В 1828 году был подписан русско-иранский договор, к России переходили Эриванское и Нахичеванское ханства, граница устанавливалась по реке Араке, Каспийское море открывалось для торгового судоходства, подтверждалось исключительное право России

держать на Каспийском море военный флот. В 1829 году в Адрианополе был подписан договор с Турцией. К России отходили устье Дуная с островами, восточное побережье Черного моря с Анапой, Поти, а также районы Ахалцыха и Ахалкалаки. Турция признавала владения России в Закавказье. Подтверждалось право подданных России на торговлю по всей территории Османской империи и их неподсудность турецким властям. Босфор и Дарданеллы становились свободными для судоходства.

Переворот во Франции в июле 1830 года – свержение Карла X и утверждение на троне Луи-Филиппа возбудило революционное движение по всей Европе: разразились бунты и волнения в германских государствах, Италии и Бельгии. При этом «концерт европейских держав» был нестройным: каждая держава предпочитала решать свои проблемы или занимала выжидательную позицию. В этих условиях Николай I сформулировал принцип своей внешней политики: «Пока революция ограничивается пределами Франции – моя оппозиция происходящему там перевороту будет только моральной». Организация сил России, Пруссии и Австрии в защиту прав легитимного нидерландского короля была сорвана польскими событиями.

Польский мятеж вспыхнул в ноябре 1830 года в Варшаве. Поводом к выступлению стали слухи, что польская шляхта и польские войска будут направлены на подавление французской революции. Большая часть польских войск примкнула к мятежникам. Захваченное из арсенала русских войск оружие было роздано населению. Вооруженная толпа ворвалась в Бельведерский дворец с намерением убить российского цесаревича Константина Павловича. Началась охота на солдат и офицеров немногочисленного русского воинского контингента. Поляки напали на казармы русских войск, но были отбиты. Великий князь Константин Павлович едва успел уехать из Варшавы. С ним ушли русские войска.

Польский сейм объявил династию Николая I лишенным польского престола, а власть передал правительству из пяти человек во главе с князем Адамом Чарторыйским. Было объявлено, что восстание прекратится только тогда, когда Царству Польскому будет предоставлена независимость и земли в границах Речи Посполитой 1772 года – вместе с Литвой, Белоруссией, Малороссией. Депутация сейма попыталась представить свои требования в Петербурге, но Николай I не пожелал общаться с мятежниками, пока они не сложат оружие.

В январе 1831 года в Польшу вошли войска под командованием И.И. Дибича. Сложность для русской армии представляла завезенная из Индии холера, а вовсе не удачи поляков. От холеры скончались главнокомандующий Дибич и цесаревич Константин Павлович. Что касается польской армии, то она была наголову разбита под Гроховом и Остроленкой. В сентябре Варшава была взята приступом.

Через девять месяцев боев, осложненных эпидемией холеры, восстание было подавлено. Согласно подписанным генералом Круковецким условиям капитуляции польские войска должны были принести присягу на верность российскому императору и покинуть Варшаву. Верховный уголовный суд Империи приговорил 258 главных участников к смертной казни, которую

Государь великодушно заменил на изгнание за границу или ссылку в Сибирь. Сотнями были вынесены приговоры с осуждением на каторгу, многие участники восстания записаны в солдаты, тысячи семейств участников мятежа сосланы в глубинные губернии России, а их имения конфискованы.

В 1832 году Российская Империя провела ряд мероприятий, изменивших статус Царства Польского. Они могла гарантировать ему спокойное развитие и пресекали возможные очаги крамолы. В феврале 1832 года конституция Польши была упразднена, сейм и армия распущены, генерал-губернатором Польши был назначен командующий польскими войсками генерал И.Ф. Паскевич. Управлять страной должен был административный совет из лиц, назначаемых правительством Империи, а при Государе учреждался статс-секретарь по делам Царства Польского.

Управление Польшей предполагалось осуществлять по законам Российской Империи и на основании «Органического статута». При этом сохранялись права польского местного самоуправления, польский язык при судопроизводстве и в местных органах власти. Городские власти избирались общегородскими собраниями; собрания дворянства, городских и сельских обществ избирали членов совета воеводств, которые, в свою очередь, избирали судей двух первых инстанций, а также предлагали кандидатов для замещения административных должностей.

«Органический статут», утвержденный Манифестом Николая I, в полной мере не вступил в силу, поскольку революционное брожение в Польше не прекратилось. В 1834 г. царским правительством вводится военное положение.

Польский вопрос всегда был поводом для приложения сил всех, кто чаял крушения самодержавия и подрыва мощи Российской Империи. Первым политическим союзом, который рассматривал независимость Польши в качестве одного из ключевых пунктов своей программы, были декабристы. Декабристы М.Бестужев и С.Муравьев вели переговоры с польскими тайными обществами о союзничестве и готовы были добиваться отделения Польши от Российской Империи. «По правилу Народности должна Россия даровать Польше независимое существование», – писал П.Пестель в «Русской правде», выражая позицию, принятую на съезде Южного общества декабристов. Каторжные декабристы встречали ссыльных поляков как товарищей по оружию.

Особенно взволнованно встретила месть о польском мятеже праздная публика обеих российских столиц. Герцен писал в своих воспоминаниях: «Мы радовались каждому поражению Дибича, не верили неуспехам поляков». «Когда вспыхнула в Варшаве революция 1830 года, русский народ не обнаружил ни малейшей вражды против ослушников воли царской. Молодежь всем сердцем сочувствовала полякам. Я помню, с каким нетерпением ждали мы известия из Варшавы; мы плакали, как дети, при вести о поминках, справленных в столице Польши по нашим петербургским мученикам».

В тексте чернового наброска письма Бенкендорфу (1831) Пушкин указывает: «Озлобленная Европа нападает покамест на Россию не оружием, но ежедневной, бешеной клеветою. – Конституционные правительства хотят мира, а молодые поколения, волнуемые журналами, требуют войны». Сам

Бенкендорф признавал: «Дух мятежа, распространившийся в Царстве Польском и в присоединенных от Польши губерниях, имел вообще вредное влияние и на расположение умов внутри государства. Вредные толки либерального класса людей, особливо молодежи, неоднократно обращали внимание высшего наблюдения. В Москве обнаружились даже и преступные замыслы... Нет сомнения, что при дальнейших неудачах в укрощении мятежа в Царстве Польском дух своевольства пустил бы в отечестве нашем сильные отрасли».

В пораженной духом либерализма Европе мятежники встречали поддержку вопреки воле собственных правительств. При том, что французский парламент не поддержал сторонников польского мятежа, они пользовались в растревоженном обществе значительным влиянием. Был образован Комитет по оказанию помощи восставшим полякам, распространивший филиалы во многих городах. Главой комитета был влиятельный оппозиционер генерал Лафайет; в Комитет входили видные деятели французской культуры, включая популярного в России писателя В.Гюго. В марте 1831 года демонстранты в поддержку мятежников побили стекла в русском посольстве в Париже, а в сентябре того же года произошли баррикадные бои. Оппозиционеры требовали войны против Священного Союза, войны против России.

Маркс и Энгельс писали о 1830 годе: «Клич "Да здравствует Польша!", который раздался тогда по всей Западной Европе, был не только выражением симпатии и восхищения патриотическими бойцами, которых сломили с помощью грубой силы, – этим кличем приветствовали нацию, все восстания которой, столь роковые для нее самой, всегда останавливали поход контрреволюции... Клич "Да здравствует Польша!" означал сам по себе: смерть Священному союзу, смерть военному деспотизму России, Пруссии и Австрии, смерть монгольскому господству над современным обществом!»

Энгельс особо выделял в польском мятеже Лелевеля: «В призыве к оружию всей старой Польши, в превращении войны за независимость Польши в европейскую войну, в предоставлении гражданских прав евреям и крестьянам, в наделении последних земельной собственностью, в перестройке всей Польши на основах демократии и равенства искал он путей для превращения национальной борьбы в борьбу за свободу». К подобным же персонам взывали Маркс и Энгельс в 1848 году, требуя от Европы «с оружием в руках потребовать от России отказа от Польши... Война с Россией была бы единственно возможным путем спасти нашу честь и наши интересы по отношению к нашим славянским соседям и особенно к Польше».

Основоположники марксизма легко определяли интерес рабочего класса именно в войне против России: «Рабочие Европы единодушно провозглашают восстановление Польши как неотъемлемую часть своей политической программы, как требование, наиболее выражающее их внешнюю политику. …[Рабочий класс] хочет вмешательства, а не невмешательства; он хочет войны с Россией, потому что Россия вторгается в дела Польши; и он это доказывал каждый раз, когда поляки восставали против своих угнетателей».

Давление общественности сказалось и на развитии подрывной деятельности радикальных политических сил в самой России, и на позиции европейских государств. Очередной польский мятеж 1863 года хотя и свелся к

диверсиям и террору, снова провоцировал европейские державы на войну с Россией, а русское общество – на революционные выступления. В некоторой степени эти надежды оказались ненапрасными: в России возбудились народники, открытое выступление радикальных революционных групп совместно со ссыльными поляками произошло в Казани. Русские эмигранты в Европе выступали в поддержку польских требований независимости, а Бакунин даже принимал участие в подготовке высадки десанта польских эмигрантов на Балтике (в районе современной Паланги). Не без помощи европейских союзников состоялся десант поляков на черноморском побережье Кавказа, где они намеревались поддержать горских повстанцев. Англия, Франция, Австрия, Испания, Португалия, Швеция, Нидерланды, Дания, Османская империя, Ватикан предъявили России ультимативную дипломатическую ноту, в которой под угрозой войны предлагали решить судьбу Польши (подразумевая ее в границах 1772 года) на международном конгрессе.

В одном из писем Энгельсу Маркс точно указал на «тот исторический факт, что сила и жизнеспособность всех революций, начиная с 1789 г., довольно точно измеряются их отношением к Польше. Польша – их “внешний” термометр». Теоретики мятежа зафиксировали, что радикализм оппозиции к правительству всегда сопровождался соответствующей же степенью радикализма требований оказать поддержку польским мятежникам.

На русской почве примером такого радикализма может служить позиция Льва Толстого, который на склоне лет, когда ему было уже за восемьдесят, стал «зеркалом русской революции», отражая все фобии общества по отношению к Российской Империи. Польская русофобия отразилась в нем в полной мере. Рассказом «За что?» Л.Н. Толстой выразил симпатию к мятежникам 1830 года и последующих польских восстаний. Рассказ написан на основании исторических сочинений, написанных «с польской точки зрения», сформированной французскими, немецкими и польскими авторами.

В своих к польским издателям письмах Толстой писал: «Может быть, некоторые из моих писаний, как рассказ "За что?", письмо к Сенкевичу, а также только что законченная мной статья "Закон насилия и закон любви", посвященная, между прочим, вопросу об угнетении мелких народностей, могли бы представлять интерес для польской публики. Все они к вашим услугам». С 1905–1907 гг. сочувственные сочинения Толстого постоянно публиковались в предреволюционной Польше.

После каждого разгрома мятежников польская эмиграция обостряла неприязнь европейской общественности к России и была удобной средой для взращивания антироссийских мифов и ведения пропагандистской войны против Российской Империи. Западное общество с удовольствием потребляло карикатурные «сведения» о России и разглядывало картинки, где монголоидного вида казаки пронзали пиками польских младенцев.

Польская пропаганда задолго до Гитлера сформировала расистский домысел о русских как об азиатах, совершенно чуждых европейской цивилизации. В своем неизбывном желании отторгнуть Украину от Империи поляки (а вслед за ними и европейцы) стремились отделить малороссов от

русских и всячески умаслить их как «своих» в противовес «чужым», которыми признавались для Европы русские.

Польские повстанческие лидеры выпустили в 1830 году Манифест, в котором объявили своей целью «не допустить до Европы дикие орды Севера», «защитить права европейских народов». Сочувствующие мятежникам Маркс и Энгельс с тем же сочувствием усмотрели в лозунгах мятежников расистский смысл: «смерть монгольскому господству!»

В польской литературе было принято употреблять слова Rossianin (россиянин), rossuiski (российский) для великорусов, а слова Rusin, ruski, Rus, для обозначения малорусов и белорусов. В польских повстанческих прокламациях русских именовали «москвой», а украинцев и белорусов – русскими или русинами. Поляки всегда играли лидирующую роль в формировании украинского сепаратизма и «научном» обосновании отдельного происхождения украинцев и их расовых и языковых отличий от великороссов. В Париже вышел труд Франциска Духинского «Народы арийские и туранские», где утверждалось арийское происхождение поляков и «русских» (украинцев), а москалям приписывалось туранское (финно-монгольское) происхождение. При этом Русь (Украина) рассматривалась как провинция Польши, а «русский» (украинский) язык – как диалект польского. Язык великороссов («московский язык») европейский расист считал искаженным татаро-финскими варварами славянским наречием, принятым лишь под давлением Рюриковичей. Разумеется, научная несостоятельность этих измышлений в Европе мало кого беспокоила. Вековой страх перед Россией, обострившийся после блестящих побед русских в войне с Наполеоном, был доминантой европейского общественного сознания в течение всего XIX века.

Русская консервативная мысль постоянно вела борьбу против пропольских настроений в российском и европейском обществе. Журнал «Северная пчела» публиковал серию статей «Письма к другу за границу». Позиция русских консерваторов ясна по заголовкам: «О бреднях иностранных журналов», «Русская правда и чужеземная клевета» и др. Западные либералы, как пишут авторы «Северной пчелы», «устремляют бессильные свои удары противу России... За что же этот гнев? За то, что Россия спокойна, счастлива, с негодованием отвергает лжеумствования, губящия народы, и твердая в Вере отцев своих, в преданности к Престолу, как исполинская и притом плодородная гора, стоит безвредно среди вулканов... Никогда Россия не была так сильна, как при Императоре Александре и в нынешнее время. Какое же употребление сделала Россия из своей силы? Освободила Европу от всемирного завоевателя, восстановила падшие народы и престолы, и обеспечила всем права и мудрые законы». «Какая цель врагов наших? Возбудить противу России ненависть Европы? За что же эта ненависть? За то, что Россия могущественна, спокойна, доброжелательна ко всем народам, гостеприимна и торжествует над врагами, дерзающими вызывать ее на поле битв... По первому слову Царя Русского, соберутся верные сыны России под знамена, развевавшияся на берегах Евфрата и Сены, на вершинах Тавра, Балкана, Альпов, на укреплениях Варшавы...».

Действительно, европейские державы не торопились крушить систему международных соглашений, уничтожать Священный Союз в угоду

мятежникам. Европа еще помнила успехи русской армии. Австрия и Пруссия предпочли помогать России, Франция при первой вести о польском мятеже отправила Государю известие, что ни при каких условиях не поддержит мятежников, а Великобритания заявила о нейтралитете. Маркс и Энгельс в дальнейшем, характеризуя политику премьер-министра Великобритании лорда Пальмерстона, называли его «злейшим врагом» Польши и «пособником России».

«Северная пчела» писала: «Само по себе разумеется, что Правительства тех стран, в которых изготовляется яд клеветы противу России, совершенно чужды гнусным замыслам скопищ, беснующихся вообще противу всякой власти и дышащих безначалием... те листки, в которых печатаются брани противу России ... с равным ожесточением нападают на собственныя Правительства...».

Наиболее ярко патриотическую позицию в России выразил Пушкин. Он сразу вполне однозначно оценил события в Польше как мятеж, чрезвычайно опасный для России, подлежащий нещадному подавлению: «Известие о польском восстании меня совершенно потрясло. Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены... Начинающаяся война будет войной до истребления - или по крайней мере должна быть таковой»

Пушкин сурово осудил всякое сочувствие мятежу. Обращаясь к представителям либеральной публики, он писал:

Когда безмолвная Варшава поднялась,
И бунтом опьянела
И смертная борьба началась
При крике «Польска не згинела» -
Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,
Когда бежали вскачь,
И гибло знамя нашей чести.

Когда Лелевель, один из лидеров польской эмиграции, в своей речи к годовщине «свержения Николая II с польского престола» и «русского восстания 1825 года» позволил себе с уважением упомянуть имя Пушкина, поэт отозвался об этом в одном из писем: объятия Лелевеля для него – горше ссылки в Сибирь.

Пушкин писал: «Грустно было слышать толки м<осковского> общества во время после<днего> польск<ого> возму<щения>. Гадко было видеть бездушного читателя фр<анцузских> газет, улыбающегося при вести о наших неудачах»

Пушкинский гений прозревал возможность славянского единства только в Русском мире («русском море»), но вовсе не под эгидой Польши, намеренной подняться вновь до Империи за счет уничтожения России и войны Европы против русских.

Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Мысль поэта приобретает геополитический размах. В поэтической форме он ставит вопрос о границах Империи, которые либо закрепятся, либо рухнут, сдавая исторические пространства Руси:

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Ненависть к России, обострившаяся в Европе в период польского мятежа, напомнила поэту о том, что европейские государства склоняют голову перед деспотией, направляющей всеевропейскую войну против русских:

И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?

Опыт истории говорит нам, что Наполеон и Гитлер были той силой, что обращало ненависть европейского общества из умозрений в агрессию. Польша в этом отношении – не исключение. В XIX веке польской шляхтой и польскими народовольцами двигала вражда к государственной мощи России, смявшей все мечты о возрождении Речи Посполитой и о триумфальном шествии революции по Европе. В XX веке это была вражда польского нацизма, взращенного антисоветской коалицией Антанты. Сегодня польская русофобия расцветает на почве фальсификации – так называемого «Катынского дела» о расстреле польских офицеров, открытого пропагандой Геббельса и вновь поднятая на щит клеветниками России уже в наши дни. Расстрел поляков приписывается вовсе не Сталину и НКВД, а русским – с русских польское чванство требует компенсаций и униженного признания вины.

Вслед за Пушкиным русские могут и сегодня повторить вызов своим клеветникам и надменным вымогателям:

Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Из Манифеста «О новом порядке управления и образования Царства Польского» от 14 февраля 1832 года.

Царство Польское, победоносным оружием России покоренное, еще в 1815 году, получило тогда от высокодушия Августейшего Нашего Предшественника, в Бозе почивающего Императора Александра, не только возвращение своей народной самобытности, но и особенные права, начертанные в Хартии Государственных установлений.

Сии права и установления не могли удовлетворить закоренелых врагов всякого порядка и власти законной. Они, в своих преступных замыслах, продолжали мечтать о разделении подвластных Скипетру Нашему народов, и дерзнули самые благодеяния Восстановителя отчизны их, употребить во зло, обратив на разрушение Его великого дела и законы им дарованные, и те преимущества, коими они были обязаны одной Его Державной воле.

Кровопролития были следствием сих замыслов; спокойство и благоденствие, коими Царство Польское наслаждалось в высшей, дотоле неизвестной в сем крае степени, исчезло перед ужасами междоусобной брани, и в повсеместном опустошении.

Сии злосчастия миновались: Царство Польское, снова Нам подвластное, успокоится и процветет среди восстановленной в оном тишины, под сенью бдительного Правления. Но Мы, в отеческой заботливости Нашей о благе Наших верных подданных, вменяем себе в священный долг, заранее, всеми зависящими от Нас мерами, предупредить возвращение подобных в будущем бедствии, отняв у зломыслящих те средства, коими они, как ныне обнаружено, успели возмутить общественное спокойствие.

Желая с тем вместе, чтобы подданные Наши Царства Польского продолжали пользоваться всеми выгодами, кои нужны для счастья каждого из них и для общего благоденствия края, чтобы уважение к личной безопасности и собственности, свобода совести и все местные гражданские права и преимущества были ненарушимо охраняемы, чтобы Царство Польское, имея особое соответствующее потребностям его управление, не преставало быть нераздельной частью Империи Нашей, и чтоб отныне жители оного составляли с Россиянами единый народ согласных братий, Мы на сих основаниях начертали и постановили, в особой, в сей же день изданной Грамоте, новый порядок Управления и Образования Нашего Царства Польского.

Империя поглощает Кавказ

Затяжная конфликтная ситуация на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. связана со столкновением вызревшей русской государственности и запоздало

подошедшими к стадии становления протогосударств горскими сообществами. История, не терпящая пустоты, вынуждала Россию заполнить государственно неоформленное пространство и обеспечить политическое и экономическое смыкание с христианским Закавказьем.

Еще в 1718 и 1722 гг. Петр I направлял в Чечню военные силы для защиты русских границ от набегов. Первая военная экспедиция в глубь Чечни состоялась в 1758 году. Но вплоть до начала XIX века Россия пыталась гибкими методами склонить чеченцев и другие горские народы к мирному решению конфликтов, возникавших вокруг торговых путей и осваиваемых земель.

Экономической основой Кавказской войны в XIX веке стала гипертрофированная набеговая система, возмещающая внутреннюю нищету горских сообществ внешней экспансией и превратившаяся в своеобразный экономический уклад. Скудные плоды производительной деятельности горских сообществ породили «отхожий промысел», использовавший в качестве обоснования межплеменную рознь, а в качестве консолидирующей социальной технологии — примитивную «военную демократию». Известно заявление горцев русскому генералу Румянцеву: «Набеги и грабеж — наши занятия, как ваши хлебопашество и торговля». Впрочем, набеги осуществлялись не только ради грабежа, но и ради охоты на людей, которых продавали в рабство или возвращали за выкуп.

Набеговая система удовлетворяла запросам общества, переходящего от родоплеменных отношений к государственным. Это требовало дополнительных ресурсов развития. Изыскание таких ресурсов велось не за счет внутреннего хозяйственного прогресса, а за счет войны. Набеговая экспансия усиливала власть и увеличивала богатство горской знати, а также сглаживала внутренние противоречия в горских сообществах, удовлетворяя минимальные материальные запросы общин. Лишь постепенно набеги стали оправдываться не экономической необходимостью и традициями, а утверждением исламских догматов.

Со второй половины XVIII века набеги горцев были переориентированы в большей степени на север, где на русской границе велась интенсивная экономическая жизнь. Чем быстрее увеличивалось население равнинной части Северного Кавказа, тем интенсивнее становились набеги горцев. Один из современников Кавказской войны писал: «Пока чеченцы были бедны, пока народонаселение, разбросанное по редким хуторам на равнине, не составляло сплошных масс, они были покойны и нетревожны; но когда стали возникать богатые деревни, когда на тучных лугах стали ходить многочисленные стада, мирные дотоле соседи превратились в неукротимых хищников... народонаселение в Чечне быстро возрастало, благосостояние жителей увеличивалось ежедневно, дух воинственный достигал своего полного развития».

Характерно, что предводитель горцев имам Шамиль был ограблен своими соратниками как в одном из своих первых военных походов, так и в последнем своем отступлении к месту последующего пленения русскими войсками. Шамиль впоследствии писал: «Я управлял народом скверным, разбойниками,

которые тогда только сделают что-нибудь доброе, когда увидят, что над их головами висит шашка, уже срубившая несколько голов».

До XVIII века у вайнахских племен не сложилось какой-либо доминирующей религии. Значительным влиянием пользовались христианство, ислам, язычество. Основу культовой жизни составляли древние обычаи. С развитием набеговой системы веротерпимость язычества и христианское осуждение жестокости стали мешать горцам. Поэтому особую популярность получил Коран, позволявший действовать по принципу «око за око, зуб за зуб», а также объявить газават, мобилизуя горцев на войну во имя веры, о которой они знали очень немного.

Чеченцы, достаточно поздно приняв ислам, чаще всего ценили свои родовые законы выше суда по шариату. Если шариат отрицает всякое воровство, то у чеченцев воровство у соседей считалось удалью. По родовым обычным законам (адатам) наказывалось лишь воровство у своих. Всплеск религиозного фанатизма во время Кавказской войны был непродолжительным и не оставил в самосознании чеченцев глубокого следа. Но во время войны ислам играл роль консолидирующей идеологии.

До принятия ислама чеченцы считались миролюбивее своих соседей. С усилением роли ислама, с появлением духовного рабства, выразившегося в идеологии мюридизма, агрессивные установки в отношении сопредельных народов и племен стали доминировать. Низы кавказских общин принимали шариат и объявляли газават, поскольку постепенно осознавали материальные выгоды новой технологии разбоя. «Священная война» давала б*о*льшую добычу, чем набеговая система. Кроме того, революционная замена окостеневшей ханско-бекской системы на имамско-наибскую многим давала возможность «выбиваться в люди» – формировалась новая знать.

На первом этапе Кавказской войны горские общества, не имея еще единой политико-идеологической установки, беспрестанно враждовали между собой и были не в состоянии выставить против карательных экспедиций русского генерала Ермолова дисциплинированного войска, мобилизованного единым мировоззрением. Зачастую сами чеченцы участвовали в преследовании русскими войсками разбойников, совершавших набеги, а часть чеченских тейпов до такой степени противилась принятию норм шариата, что уходила к русским целыми селениями.

Тем не менее русские власти, не имевшие большого опыта взаимодействия с горскими народами, не знавшие их психологии, не смогли оперативно выработать успешную стратегию против набеговой системы. Об этом говорит тот факт, что военные поражения, наносимые мюридам, долгое время не играли роли в стратегической перспективе, не пресекали процесса перерастания набегов в крупномасштабную войну. Подготовленная мощной идеологической обработкой социальная среда горских сообществ после каждого поражения быстро консолидировалась вокруг лидера. Так, полностью разгромленный под Ахульго Шамиль смог создать новую армию, перебравшись в Урус-Мартан, где от дагестанских общин к чеченским тейпам состоялась «передача технологии» в области создания элементов военно-теократического государства и ведения боевых действий.

Политика блокады, введенная Ермоловым, резко ускорила формирование тех идеологических установок, которые необходимы были протекавшим в «свободных обществах» Кавказа социальным процессам. Столкновение с Россией обосновывало новый образ жизни. Борьба за свободу совершать грабительские набеги быстро заменялась идеологической установкой войны за веру (в том числе и против единоплеменников). Коран стал обоснованием превосходства над «неверными», позволил сформировать «образ врага».

Мусульманское духовенство, почувствовав свою силу в подогревании новых социальных процессов, быстро осваивало социально-религиозную демагогию. Фанатизм опирался на явно присутствовавший экономический интерес, который получал свое выражение в специально отобранных идеологических формулах ислама. Один из лидеров воинствующего исламизма периода Кавказской войны Магомет Ярагский писал: «Для мусульманина исполнение шариата без газавата не есть спасение. Кто исполняет шариат, тот должен вооружиться во что бы то ни стало, бросить семейство, дом, землю и не щадить самой жизни. Кто последует моему совету, того бог в будущей жизни с излишком вознаградит». «Истребите русских, освободите мусульман, братьев наших. Если вы будете убиты в сражении, рай вам награда; если кто убьет русского, тому рай награда».

Поверхностное восприятие ислама не обязывало никакой духовной практикой, но наоборот — возбуждало страсти, мстительность и жестокость. Религия была лишь прикрытием, чтобы горский общинник превратился в бандита. В Чечне, не имевшей глубоких исламских традиций, воспринимались в основном «прагматические» военные установки, а в остальном продолжало действовать адатное (обычное) право, включая кровную месть.

В своих воспоминаниях Шамиль, превратившийся из восточного тирана в историка, писал, что войны с европейцами многому научили приверженцев «священной войны»: «Ознакомившись посредством горького опыта с действием усовершенствованного оружия, мусульмане поспешили припомнить правило Корана, воспрещающее войну против неверных в том случае, если они сильнее правоверных».

До той поры пока урок не был преподан, утверждалась идеология мюридизма, в примитивной форме вычленившая из ислама бесхитростные формулы, которые легко усваивались доверчивым населением и давали возможность управлять им.

Генерал Ермолов, став российским наместником в Чечне, прекрасно понимал, что военный контроль за северокавказскими территориями является необходимым условием для развития взаимоотношений с Закавказьем. Именно этим обусловлены крутые меры Ермолова против набеговой системы. Но чисто военное решение проблемы набегов оказалось неэффективным. Практика карательных экспедиций результатов не давала. Поэтому жесткие меры все время сочетались с попытками умиротворения. Ермолов писал царю: «Надобно оставить намерение покорить их оружием, но отнять средства к набегам и хищничествам, соединив во власти своей все, что к тому им способствовало».

Подавить горский бандитизм чисто военными средствами не удавалось, несмотря на строительство генералом Ермоловым крепостей Форт Петровский,

Грозный, Владикавказ, Нальчик и других. Поэтому, наряду с чисто военными акциями, Россия применила политику разделения чеченцев на «мирных» и «немирных», наделения части горцев землей на равнине, укрепления административных органов. Но целенаправленной работе России на Кавказе противостояла вековая привычка к дикости, которая предопределяла поведение дагестанцев, чеченцев, представителей других северо-кавказских народностей.

Военная администрация пыталась сбить волну набегов и консолидацию «вольных обществ» в армию «священной войны» путем принуждения к присяге русскому царю. Обычно эти присяги соблюдались лишь до тех пор, пока в аулах стояли русские войска. Коран, как считалось, освобождал от ответственности за обман «неверных». Например, попав в трудное положение после побед русской армии в 1837 году, Шамиль поклялся на Коране, что прекращает борьбу, и выдал в залог аманатов (заложников). Но Шамиль не только пренебрег своей клятвой, но сумел представить дело так, что согласие русских вести с ним переговоры означало признание его в качестве «горного царя», признание его силы. Когда в 1839 году Шамиля блокировали в крепости Ахульго, он попытался снова затеять переговоры, заверяя генерала Граббе в своем чистосердечном раскаянии и готовности усердно служить интересам российского императора. На этот раз Шамилю не поверили, и он лишь чудом спасся из осажденной крепости, взятой штурмом русскими войсками.

Кавказская война показала, что набеги не могли прекратиться присягами, которые горцы с охотой давали русским властям. С легкой руки родоплеменной знати эти присяги так же просто нарушались, как и давались. Поэтому уже в 1818 году русское военное командование на Кавказе приступило к установлению военно-экономической блокады. Блокада сопровождалась широкой практикой выдачи аманатов в качестве гарантов того, что выдавшее их общество не будет участвовать в набегах. Позднее систему аманатов применил и первый «герой священной войны» Кази-мулла, вынуждавший горские сообщества под угрозой уничтожения заложников к участию в движении мюридизма. Для сторонников Шамиля насильственное вовлечение в войну стало правилом.

Квазигосударственные структуры администрации Шамиля (налоговая система, система наибств, административная иерархия с соответствующей символикой, совещательный Верховный совет) лишь обслуживала систему устрашения, ставшую главным механизмом строительства этой квазигосударственности. «Жреческий» аппарат был настроен на выискивание прегрешений и воспитание комплекса вины. Социальные низы, поднятые на войну с прежней знатью призывами к уравниловке, оказались придавленными идеологией покорности, самоуничижения и постоянного приготовления к вечности.

Имам Шамиль выходил к народу в сопровождении палача с секирой, «ординарные» публичные казни проводились путем расстрела или закалывания. Прорусские настроения карались нещадно. Насаждалась атмосфера аскетизма – запрещена музыка, танцы, украшения в одежде, употребление вина и табака; преследовались легенды и сказания,

напоминавшие о старинных обычаях. Вместо бежавшего преступника наказывались его родственники, товарищи, односельчане.

Известна «процедура пожатия рук», которую муртазеки (тайная полиция Шамиля) применяли для казни истинных и мнимых врагов имама. Жертве протягивали руки сразу два мюрида, а когда по обычаю приходилось подавать обе руки, их заламывали за спину, довершая дело кинжалами.

Мюридизм порождал еще большую жестокость даже по сравнению с нормами адатного права, не отличавшимися гуманизмом. Например, Гамзат-бек, завоевав Аварское ханство, истребил всех, кто имел прямое или косвенное отношение к престолонаследию. Потом он отправился в мечеть возблагодарить аллаха за помощь.

Поначалу подобная жестокость не была воспринята населением, Гамзат-бек попал в изоляцию, а потом был убит. В дальнейшем такие действия никого не удивляли и стали «законом войны». Так, Шамилю удалось с максимальными политическими дивидендами казнить сначала организаторов убийства аварских ханов, а потом расправиться и с убийцами Гамзат-бека.

Репрессивный аппарат Шамиля строился на межплеменной розни. В Чечне порядок наводили лезгины, аварцы, тавлинцы; на усмирение в Дагестан Шамиль посылал чеченцев.

Милитаризация общества при Шамиле достигла невероятного размаха. Северо-восточный Кавказ содержал армию имама численностью до 5 тыс. конников и ополчение – до 50 тыс. В ополчение призывались мужчины от 16 до 60 лет, даже женщины обязаны были иметь пики с железными наконечниками.

Создав деспотическое протогосударство, Шамиль попытался резко расширить его экономическую базу, совершив в 1846 году масштабное вторжение в Осетию и Кабарду с целью соединиться с Черкесией, где успешно действовали его эмиссары. Стремясь к несбыточному, Шамиль пытался на практике совершить то, что в горячечном бреду замыслил его предшественник Кази-мулла: «Когда возьмем ее (Москву), я пойду на Стамбул; если хункар свято соблюдает постановления шариата, мы его не тронем, – в противном случае, горе ему! Он будет в цепях, и царство его сделается достоянием истинных мусульман».

Изоляция мятежных территорий во время Кавказской войны и предельная лояльность русских ко всем, кто отказывался от войны против них, позволили довести режим Шамиля до своего логического конца – до внутренних межфеодальных столкновений и обращения надежд на умиротворение к России. Террор, идеологическое насилие и экономическая разруха победили Шамиля быстрее, чем экспедиции русской армии. Внутренний конфликт в стане Шамиля вызрел и быстро разрушил имамат. Система наибства выродилась в родовую клановость, репрессивный аппарат довел систему доносительства до полного абсурда, «война с неверными» приобрела открыто стяжательский характер, а ислам стал лишь формой освящения военной добычи.

Сплошное превращение мужского населения в воинов подорвало экономическую основу горского хозяйства. Для компенсации экономических утрат требовались все более масштабные набеги. Но народы, соседствующие с

подвластными Шамилю территориями, без особого труда использовали тот же метод мобилизации сил, а Россия применяла более эффективные средствами ведения войны – строила крепости, вела успешную дипломатическую интригу, поощряла перебежчиков. Шамиль со своей стратегией государственного строительства опоздал на сотни лет и был обречен на поражение.

Переход к позиционным боям, не сулившим добычи, быстро свел на нет авторитет Шамиля у горцев. Он уже не мог обеспечивать рост благосостояния знати и усмирять растущее недовольство «низов». Первые начали осознавать, что только Россия обеспечит им защиту собственности (да и самой жизни), вторые – что только Россия вернет им спокойствие. Так, в 1851 году к русским вместе с подавляющим большинством аварцев возвращается один из выдающихся военных вождей Хаджи-Мурат. Потом бегство ближайших сподвижников Шамиля к русским приобретает обвальный характер. В 1858 г. против Шамиля восстали чеченские сообщества, разгромив все, что напоминало им о власти имама. После массового избиения знати, служившей Шамилю, к русским были направлены депутации с изъявлением покорности.

В Кавказской войне русские смогли нащупать успешную стратегию и не дали Шамилю ни одного шанса на победу. Даже надежды Шамиля на изменение положения в связи с русско-турецкой войной (1853–1856 гг.) не оправдались, хотя и оттянули от кавказского театра военных действий значительные силы. В этой ситуации Шамиль попытался искать поддержки на Западе (письмо французскому послу в 1857 г.): «Улемы, равно как и почетные лица страны, просили меня обратиться к державам с ходатайством, чтобы во имя человечности они положили конец этим беспримерным в истории жестокостям, чтобы во имя справедливости они освободили нас от этой тирании. <...> У нас нет ни оружия, ни всего необходимого для продолжения войны против неприятеля, столь превосходящего нас численностью и снабжением и ведущего войну такими варварскими способами». Подобного рода послания встречали благосклонное внимание, но не имели перспектив, поскольку военная мощь режима Шамиля была к тому времени подорвана.

Кавказская война не была бы выиграна Россией, если бы русские не смогли не только перетянуть на свою сторону большинство северокавказских сообществ, но и начать «производство» нового управленческого слоя – кавказцев по происхождению, русских во всем остальном. Одним из таких людей стал сын Шамиля Джемалэддин, отданный русским в качестве аманата. Джемалэддин получил блестящее санкт-петербургское воспитание. По возвращении к отцу он умер от воспаления легких, так и не приняв политики Шамиля.

Генерал Барятинский начал восстанавливать прежние основы народной жизни, ограничивая их лишь в жестокости. Это стало разительным контрастом по сравнению с тираническими порядками имамата. Милосердие стало главным оружием русских на заключительном этапе войны. Чеченскому народу было гарантировано прощение за участие в войне, свобода ремесел и торговли, свобода вероисповедания, местное самоуправление по адату и шариату (за исключением обычая кровной мести), освобождение от рекрутского набора и

пятилетнее освобождение от податей, каждому аулу предоставлены в вечное владения земельные угодья.

После пленения Шамиля с ним обращались не как с бунтовщиком, а как с плененным главой государства. Публика Москвы и Санкт-Петербурга встретила Шамиля с огромным любопытством. К концу жизни Шамиль, проживавший в Калуге на содержании царской семьи, испросил разрешения на присягу русскому царю и завещал своим детям «принести новому отечеству ту пользу, которую оно ожидает от верных и преданных сынов своих».

В дальнейшем советская историография, стремясь доказать, что царская Россия была «тюрьмой народов», серьезным образом исказила смысл и итоги Кавказской войны. В связи с этим в сознании жителей Северного Кавказа надолго укоренилось представление о якобы имевших место жестокостях российских войск, о справедливости национально-освободительной войны против Российской Империи. Мифологизированная история в последующем дала в руки антироссийской пропаганде аргументы в пользу ответных жестокостей.

Заговор против Русской Америки

Дипломатия Североамериканских Соединенных Штатов на протяжении двух столетий своего существования демонстрирует последовательность и высокие результаты в осуществлении избранной стратегии. На протяжении чуть ли не полувека – вплоть до 1945 года, она обеспечивала свое господство над западной частью Европы, используя в качестве предлога ее защиту сначала от тевтонского милитаризма, а позже – от «мирового коммунизма». Вторую половину XX столетия она посвятила сокрушению Советского Союза. С 1991 года цель ее деятельности – мировое господство США. Но первую победу американской внешней политики в ее борьбе с Россией следует датировать 1867 годом. Эта была тайная война, в результате которой Штатам достались русские колонии в Америке.

Русские колонии в Северной Америке к 1824 году простирались до залива Сан-Франциско. Сейчас на этой территории находятся штаты Аляска, Вашингтон, Айдахо, Орегон и северная часть Калифорнии, а также провинция Британская Колумбия Канады. Их площадь составляет 3,2 млн. кв. км, больше всей Западной Европы. В 1824 году Александр I без каких-либо выгод уступил Штатам владения южнее 54 градуса сев. широты, а в 1825 году заключил с Лондоном конвенцию о границах русских владений. В общей сложности Россия в Америке теряла до 1,7 млн. кв. км. У нее осталось 1519 тыс. кв. км.

Северо-Американские Штаты считали, что Русская Америка должна была стать их владением. К 40-м годам XIX века в США утвердилась теория «предопределения судьбы», суть которой выражалась распространенной среди американских политиков нравоучительной фразой: «само провидение предназначило Соединенные Штаты господствовать на всем Американском континенте».

Первый зондаж на счет отношения к этому России произошел в 1843 году. Госсекретарь США Марси и сенатор Гвин поинтересовались у русского посла Стокля: «Правда ли, что Россия выставляет на продажу свою колонию Аляска?». «Разумеется, нет!», – ответил посол. Разговор последствий не имел. Осенью 1852 года в Сан-Франциско образовалась Российско-американская торговая компания (РАК). Ее возглавил некто Сандерс. В январе 1854 года он встретился с президентом Пирсом и затем отправился в Петербург. Там он установил связи с Главным правлением РАК, с Нессельроде и Великим Князем Константином Николаевичем, братом царя, тогда морским министром. Он рисовал им заманчивую картину русско-американского сотрудничества в бассейне Тихого океана и предложил заключить соглашения на 20 лет о торговле льдом, углем, рыбой и лесом. Контракт был заключен. Но даже его текста историкам не удалось обнаружить. Можно также предположить, что контракт в этом вояже был использован лишь для отвода глаз, а цель поездки Сандерса состояла в том, чтобы наладить в Петербурге важные связи. Сандерс, например, выяснил, что Константин Николаевич стремился установить «самые близкие отношения с Америкой» и в письме к нему указывал, что обе страны «должны стать добрыми друзьями и союзниками».

Крымская война, которую русские вели в тот период, защищая свои южные рубежи от мощной международной коалиции во главе с Великобританией, для России не была успешной. Под вопросом оказалась и безопасность русских владений в Америке. Для их защиты имелось не более роты солдат и несколько слабо вооруженных торговых судов.

Накануне войны правление РАК договорилось с Компанией Гудзонова пролива, управлявшей британскими колониями на севере Америки, о нейтрализации управляемых территорий. В Петербурге и Лондоне не возражали. Казалось бы, проблема была решена. Но дипломаты и колониальное руководство РАК в Америке не знало об этом соглашении. И тогда по рекомендации Стокля русский вице-консул в Сан-Франциско оформил в мае 1854 года мнимое соглашение о продаже на три года имущества, промыслов, привилегий и владений РАК за 7,6 млн. долл. Американо-русской торговой компании. Мол, на собственность США англичане не нападут. Такая комбинация не понравилась Вашингтону. Стоклю сообщили, что невозможно доказать англичанам, что контракт настоящий, в особенности, что он заключен до войны.

Складывается впечатление, что после этих переговоров Стокль стал работать на Вашингтон. На его двойную игру указывают очевидные противоречия между его депешами и воспоминаниями сенатора Гвина, который утверждает, что Стокль просил сенатора быть посредником между ним и правительством США в переговорах по продаже русских владений, а Стокль в письме в русский МИД докладывал, что слухи в английской прессе о намерении императорского правительства продать свои владения подали американцам идею, что «мы могли бы их уступить им».

В условиях изоляции России в Европе Штаты выглядели в Петербурге как самый надежный союзник. Об этом утверждалось в отчете русского МИДа за 1854 год. Годом ранее примерно такую же оценку Штатам дал генерал-

губернатор Восточной Сибири Муравьев-Амурский, в записке на имя Николая I писавший, что владычество Северо-Американских Штатов во всей Северной Америке так натурально, что с изобретением и развитием железных дорог они неминуемо распространятся по всей Северной Америке, и «нам нельзя не иметь в виду, что рано или поздно придется им уступить североамериканские владения наши».

Атмосфера в Петербурге стала меняться, когда на престол взошел Александр II, а Вашингтон начал делать новые пасы в целях приобретения Русской Америки. На этот раз за дело взялся некто Коллинз, скорее всего тайный агент, имевший звание торгового представителя США на Амуре. Он появился в Петербурге летом 1856 года с проектом Байкало-Амурской магистрали от Иркутска до устья Амура. Муравьев поддерживал проект, однако Сибирский комитет Госсовета в апреле 1857 года его отклонил, отметив, что сооружение железного пути может быть весьма вредно в том отношении, что поставит внутренние интересы восточной части Сибирского края в зависимость не от метрополии, но от иностранцев и в особенности от североамериканцев.

Неудача не смутила Коллинза. У него был другой грандиозный проект сооружения русско-американского телеграфа от Вашингтона к Берингову проливу и через Россию до Лондона. Переговоры шли с 1859 до 1867. Но стоило решиться вопросу об уступке Русской Америки, как Вашингтон распорядился протянуть кабель из Нового света в Старый через Атлантику.

Миссия Коллинза, начавшаяся в 1856 году, была связана, скорее всего, с тем, чтобы создать почву для приобретения у России ее американские владения. Эта задача Коллинзу удалась. 2 марта 1857 года находящийся в Ницце Константин Николаевич, главное действующее лицо всей истории, ибо Александр II был под его влиянием, написал министру иностранных дел А.М. Горчакову письмо, в котором без обиняков предлагалось продать колонии Штатам. Причина: стесненное положение государственных финансов. Основание: избыток денег в казне Соединенных Северо-Американских Штатов. Прогноз: США возьмут у нас колонии, и мы не будем в состоянии воротить их. Повод: колонии приносят весьма мало пользы и потеря их не была бы слишком чувствительна.

На письме царь начертал: «эту мысль стоит сообразить». По данным адмирала Врангеля, в прошлом правителя колоний, а с 1855 года – министра морских сил, доход РАК составлял почти 149 тыс. руб. Исходя из 4% это составляет капитал в 3,7 млн. руб. За уступку владений можно истребовать 7442800 руб. серебром, а с учетом выгод, получаемых США, и «20 милл. р. с. не могли бы почитаться полным вознаграждением за утрату владений, обещающих в развитии промышленной деятельности важных результатов».

Горчаков же в записке государю от 29 апреля 1857 г. докладывал, что МИД вполне разделяет мысль Великого Князя Константина относительно уступки наших владений, но предлагал не торопиться, а, соблюдая тайну, поручить Стоклю «выведать мнение вашингтонского кабинета по сему предмету». 20 ноября посол донес Горчакову о том, что будто бы возможно переселение мормонов из США в Русскую Америку. И хотя в действительности это был лишь слух, посол не ошибся. На донесении царь сделал пометку: «это

подтверждает мысль о необходимости решить вопрос о наших американских владениях».

В феврале 1860 г. МИД России получил от капитана 1-го ранга Шестакова, близкого к Константину, при Александре III одно время бывшего морским министром, записку «Об уступке наших американских колоний правительству Соединенных Штатов». В ней со ссылкой на доктрину Монро утверждалось, что защитить наши колонии «очевидно невозможно, а то, что удержать нельзя, лучше уступить заблаговременно и добровольно».

В мае 1860 г. было решено на месте обревизовать положение РАК. Осенью 1861 г. ревизоры вернулись, представив отчет. В отчете они отмечали необходимость систематического плавания русских военных кораблей у берегов русских владений, поскольку влияния русских в Тихом океане нет вовсе. Их вывод: целесообразно сохранение компании. Легко может случиться, – писали ревизоры, – что люди предприимчивые, принявшись за дело толково и с энергией, откроют в колониях богатства, о существовании которых теперь и не подозревают. Что же касается до упрочения дружественных отношений России и Соединенных Штатов, то сочувствие к нам американцев будет проявляться до тех пор, пока оно их ни к чему не обязывает или пока это им выгодно. Жертвовать же своими интересами для простых убеждений американцы никогда не будут. Этот вывод не оставлял от интриг Великого Князя в пользу отказа России от американских колоний камня на камне. Но отчет был положен под сукно, и его не доложили императору.

Опровергая мысль об убыточности РАК, Врангель в записке от 1 марта 1861 года сообщал, что с 1822 по 1860 гг. в казну от нее поступило только дивидендов 6508891 р. 85 коп.

Позиции тех, кто настаивал на продаже, становились шаткими. Но в начале 60-х вопрос отпал сам собой. От Северо-Американского Союза отделились 13 штатов, что с 1860 года обернулось гражданской войной, продолжавшейся почти пять лет. Во время войны в США русское правительство соблюдало нейтралитет, но было на стороне северян. Оно отправило две эскадры в североамериканские порты. Их посылку восприняли как внушительную демонстрацию. Почти год курсировали 12 военных кораблей у берегов США. На их содержание было потрачено около 4 млн. руб.

Осенью 1864 года в Петербурге находились Коллинз и Сибли – глава Western Union Telegraph Company. Они все еще делали вид, что ведут переговоры о строительстве телеграфа. Во время переговоров Горчаков заявил, что Россия готова продать Аляску, что тут же было сообщено послу Штатов в Петербурге Клею, а тот доложил об этом госсекретарю Сьюарду.

В августе 1865 года три штатовца (Буккер, Коулер и Смит) представили Великому Князю «грандиозный проект» океанской торговли. Проект предусматривал заселение Приамурского края переселенцами из Америки и уничтожение сухопутной торговли с Китаем. Этот план, заведомо несбыточный, был отклонен правительством России в январе 1866 года. Не здесь ли кроются признаки грандиозного подкупа в пользу уступки Русской Америки, о котором стороны договаривались, прикрываясь безобидными коммерческими переговорами?

Между тем император 2 апреля 1866 года утвердил «главные основания» для нового устава РАК, продлив ее привилегии до 1882 года и передав ее и колонии из ведения министерства финансов в морское ведомство. Местное население было освобождено от обязательного труда в пользу компании с разрешением свободного перемещения. Новоархангельский порт на острове Ситха и порт Святого Павла на острове Кадьяк были открыты для свободной торговли.

Казалось бы, теперь статус русских владений в Америке надолго оставался неизменным. Их продажа снималась с повестки дня. Но этот вывод был бы неверным. Оказалось, что «высочайшие» решения представляли собой «клочок» бумаги, которому в Петербурге (не говоря уже о Вашингтоне) не придавали серьезного значения.

Когда на Александра II было совершено покушение Каракозова, стрелявшего 4 апреля 1866 года в царя, госсекретарь Сьюард поручил Клею поздравить императора со счастливым исходом дела. В мае Конгресс США принял резолюцию, в которой покушение было приписано врагам эмансипации, и Конгресс поздравлял «двадцать миллионов крепостных с избавлением по воле провидения от опасности государя, уму и сердцу которого они обязаны благодеяниями своей свободы». Власти США, решив не упускать момента, послали в Петербург посольство во главе с заместителем морского министра Фоксом, снарядив монитор «Мианмономо» и военной корабль «Аугуста». Царь распорядился принять делегацию с «русским радушием».

Прием, начавшийся 25 июля 1866 года, вылился в демонстрацию дружественных чувств. Делегацию принял император, посетивший затем корабли США. Потом последовали обеды и ужины. Городская дума Петербурга избрала Фокса почетным гражданином. Делегация посетила Москву, Н. Новгород, Кострому, Тверь и другие города. В изданных статьях и брошюрах утверждалось о «фактическом союзе двух великих народов», никогда не существовавшем ни фактически, ни в проекте, ни даже в обсуждениях.

Пока делегация США была в России, министр финансов М. Рейтерн представил царю доклад о дотации РАК и о списании 725 тыс. руб. ее долга казне. Именно этот контраст - делегация победителей-янки и нищета РАК, – спровоцировал императора «все более утверждаться во мнении о целесообразности избавиться от обременительных владений в далекой Америке».

16 сентября 1866 года Рейтерн представил царю записку, где отмечал необходимость соблюдения экономии во всех государственных расходах, включая военные. Поскольку «при нынешнем истощенном состоянии страны внутренние займы… должны быть совершенно исключены», единственный выход – получение средств из-за границы. Но даже если сократить расходы до минимума, писал министр, в три года необходимо будет приобрести до 45 млн. руб. экстраординарных ресурсов.

Не успели остыть следы заокеанского посольства, как в Петербург явился Стокль. Это возобновило рассмотрение судьбы Русской Америки Горчаковым, Константином и Рейтерном. 7 декабря 1866 года Константин поручил Н. Краббе, управляющему морского министерства, сообщить князю Горчакову,

что он не изменил высказанным им девять лет назад мыслям. У него появились существенные доказательства их подтверждения.

Главное состояло в том, что ближайшее знакомство с положением колоний показало «во всей очевидности», что мы поставлены в необходимость искусственными мерами и денежными пожертвованиями поддерживать частную компанию, доказавшую свою несостоятельность, и даже оставить ей часть прав, которые могут принадлежать лишь правительственным учреждениям. А будущность России на Дальнем Востоке предстоит в Приамурском крае. Если присоединить к этому исключительные выгоды, которые может предоставить нам тесный союз с Северо-Американскими Штатами, то уступка колоний, не приносящих и не могущих принести пользы, и которых мы не можем защитить, удовлетворила бы требованиям предусмотрительности и благоразумия.

По справке вице-адмирала Тебенькова, члена исполнительной части Главного правления РАК, компания имела долгов, подлежащих немедленной уплате, на 1,12 млн. руб., стоимость ее имущества в колонии – 1,79, стоимость кораблей – 0,48, годовые доходы – 0,72, годовые расходы – 0,68 млн. руб. При этом директор Госбанка Дидерикс отметил, что расходы исчислены в полном объеме, а доходы - в весьма умеренном. Он оценивал будущее РАК как достаточно благоприятное. Иначе говоря, финансовые домыслы сторонников продажи повисали в воздухе. Но на справку Тебенькова и мнение Дидерикса махнули рукой.

Уже 12 декабря 1866 года Горчаков просил царя провести особое совещание, указав на необходимость соблюдения секретности. Заседание состоялось 16 декабря. На нем присутствовали Александр II, Великий Князь Константин, Горчаков, Рейтерн, Краббе и Стокль. Все участники высказались за продажу. Вопрос был решен за час. Стенограммы заседания не обнаружено, да и вряд ли ее вели.

Местом совершения договора избрали Вашингтон, резиденцию покупателя. Символический момент. Ведущая роль была поручена Стоклю, пользующемуся доверием обеих сторон. Со стороны Вашингтона такое доверие, как мы предполагаем, было обусловлено тем, что русский агент был двойным агентом. И в Петербурге его избрали отнюдь не случайно. С Россией его ничто не связывало. Здесь у выходца из Бельгии с мутным этническим происхождением не было ни родственников, ни имущества, ни могил предков. То был 65-летний «мавр», который мог вообще исчезнуть, как только дело будет кончено. Что и произошло впоследствии.

В Петербурге торопились. 18 декабря Краббе представил царю записку «Пограничная черта между владениями России в Азии и Северной Америке». Она была одобрена 22 декабря и через Горчакова передана Стоклю. 5 января 1867 г. Рейтерн переслал Горчакову, а тот – Стоклю «соображения» «на случай уступки» «наших колоний». В них денежное вознаграждение за уступку колоний обозначалось в «не менее 5 млн. долларов».

Переговоры со Сюартом Стокль начал 29 февраля. 3 марта Стюарт доложил вопрос кабинету, увеличив цену до 7 млн. долл. Прежние 5 млн. долл. были неудобны, так как стали известны предложения США о покупке у Дании

островов Сент-Томас и Сент-Джон в Вест-Индии за 5 млн. долл. 7 марта проект договора был согласован. 10 и 13 марта Сьюарт и Стокль обменялись нотами. 13 марта Стокль отправил телеграмму Горчакову. 16 марта царь утвердил проект телеграммы Стоклю и 17 марта она была им получена.

Так как министр финансов США соглашался произвести уплату лишь в Вашингтоне, сумму договора повысили с 7 до 7,2 млн. 18 марта текст был подписан. В тот же день президент Джонсон направил договор сенату для ратификации. Комитет по иностранным делам 27 марта представил договор сенату. В 13 часов сенат слушал Ч. Самнера, председателя Комитета, произнесшего в пользу ратификации трехчасовую речь. 28 марта договор ратифицировали 37 голосами против 2. 7 апреля император получил от Стокля ратифицированный договор. Его контрассигнировал вице-канцлер князь Горчаков и 3 мая 1867 года ратифицировал царь.

Если в Петербурге не было никаких проблем, разве что безобидная сановная фронда, то интрига с оформлением договора в Вашингтоне не окончилась. Ратифицированный сенатом текст надлежало дополнить решением палаты представителей о выделении из бюджета 7,2 млн. долларов золотом. Вокруг этого решения вашингтонские политики решили устроить нечто вроде ритуальных демократических плясок, чтобы пустить пыль в глаза. И критикам правящей партии, начавшим против президента США процесс импичмента, и русскому императору, на которого в собственной стране политические критики с бомбами и револьверами затеяли настоящую охоту. Денежным скандалом надо было заслонить сомнительность сделки и навсегда похоронить возможность докопаться до сути решения. Для этого договор имел двусмысленность. Одна статья говорила о том, что Вашингтон вступает во владение колониями с момента ратификации. Другая – что выплата денег производится в 10-месячный срок с момента обмена ратификациями.

Противоречие не заметили. Но почему? Секрет Полишинеля состоял в том, что государственная казна Штатов была пуста, и власть, действующая как биржевой игрок, жила в кредит. Хотя северяне и сломили южан, гражданская война не увеличила финансовые возможности победителей. Но Вашингтон активизировал свои усилия по приобретению Русской Америки сразу же после окончания войны. Спрашивается, откуда деньги? Есть версия, что покупку финансировал банк «Де Ротшильд Фрэр» через свой филиал в Нью-Йорке. Его управляющий Бельмонт был советником президента США.

Между тем Штаты зашлись в притворной дискуссии о том, выгодна или убыточна им эта сделка. Для нас, само собой, возражения против приобретения колоний вряд ли представляют интерес. Теперь-то мы знаем, что их вдохновляло: не суть дела, а политические дрязги, страсть к скандалам, простой заказ. Другое дело – аргументы «за». Тут можно увидеть много интересного.

Вот как отнеслись к возможности приобретения русский владений политики Штатов. Америке предначертано «сосредоточить в своих руках торговлю всех морей и царствовать над миром» (сенатор Доннели), присоединение Аляски ускорит превращение США в «ведущую торговую державу мира», которая будет контролировать всю богатую торговлю с Востоком (конгрессмен Раум). Конгрессмен Орг: владея Аляской и сотнями ее

островов, мы можем возглавить и контролировать тихоокеанскую торговлю. Командор Роджерс: цена покупки ничтожна и США приобретают полосу побережья, равную Норвегии, снабжающей лесом чуть ли не всю Европу. Генерал Мигс: ценность Русской Америки, ее рыбных и минеральных богатств превосходит жаркие прерии Мексики и плодородные плантации Кубы. Профессор Агассис в письме Самнеру специально обращал внимание на огромные природные ресурсы Русской Америки и выгоды, которые получит в результате ее присоединения торговля США.

Министр финансов США в 1845–1849 Уокер, затем влиятельный адвокат, сторонник аннексий во всех направлениях, в статье в «Вашингтон Дэйли Морнинг Кроникл» подчеркивал, что в будущем борьба за торговое господство в мире будет решаться главным образом на Тихом океане, и «присоединение Аляски, включая Алеутские острова, в огромной мере укрепит нашу позицию». «Конечным итогом будет политический и коммерческий контроль над миром».

«Нью-Йорк коммершиал адвертайзер» писала, что «уступаемая территория… имеет огромное значение в качестве морской базы по стратегическим соображениям. Она представляет собой ценную пушную область и включает огромную территорию, владение которой склонит в нашу пользу обширную тихоокеанскую торговлю».

Профессор Бэйрд из Смитсоновского института в письме к Самнеру сообщил, что он располагает обширной информацией о природных ресурсах Русской Америки, выразив надежду, что сенат одобрит это ценное приобретение. Двух экспертов этого института – Банистера и Бишофа попросили дать показания перед комиссией по иностранным делам.

Речь Самнера в Сенате представляла собой детальное, научное обоснование выгодности договора и образец ораторского искусства. В ней он указывал, что договор «является заметным шагом в оккупации всего Североамериканского континента», в результате которой с территории Северной Америки удаляется одна из монархических держав. Завершая речь перечислением огромных природных ресурсов Русской Америки, включая рыбные, пушные, лесные и минеральные, Самнер дал приобретаемой территории новое наименование. Он назвал ее Аляской.

С обстоятельным докладом в палате представителей выступил Бэнкс, председатель комитета по иностранным делам. Основное внимание он уделил стратегическому положению новой территории. Владея Аляской, Алеутскими островами и договорившись с Гавайями, Штаты получат в свои руки «контроль над Тихим океаном», а Алеутские острова станут «мостом между Америкой и Азией». США будут играть на Тихом океане «цивилизаторскую роль, которая когда-то принадлежала Европе. Аляска – часть этого будущего, и, если Штаты не возьмут будущее в свои руки, это сделает их британский противник».

Билль о выделении 7,2 млн. долл. палата одобрила 2/14 июля 1868 г. 113 голосами против 43 при 44 не голосовавших. 15/27 июля он был подписан президентом.

Договор «продажи» Русской Америки умещается на пяти страницах. Никаких приложений, дополнительных протоколов или секретных статей у него нет. Его предметом заявлена *«уступка»* русским императором «Северо-

Американских колоний». Его целью – желание упрочить доброе согласие, существующее между императором Всероссийским и Северо-Американскими Соединенными Штатами.

В ст. I сказано, что император обязуется «уступить Северо-Американским Соединенным Штатам всю территорию с верховным на оную правом, владеемым ныне его величеством на Американском материке, а также прилегающие к ней острова» «немедленно по обмене ратификаций». В ст. II сказано, что с уступленной территорией связано право собственности на все публичные земли и площади, земли, никем не занятые, все публичные здания, укрепления, казармы и другие здания, не составляющие частной собственности. Однако постановляется, что храмы, воздвигнутые Российским правительством, остаются собственностью членов Православной Церкви, проживающих на этой территории и принадлежащих к этой Церкви. Ст. III предоставляла жителям, за исключением диких племен, право возвратиться в Россию в трехгодичный срок или остаться в уступленной стране на правах граждан Штатов. Дикие же племена будут подчинены законам и правилам Штатов. Ст. V устанавливала, что всякие укрепления или военные посты немедленно передаются уполномоченному Штатов после обмена ратификацией и все русские войска выводятся «в удобный для обеих сторон срок». Ст. VI обязывала Штаты заплатить уполномоченному императором лицу в казначействе в Вашингтоне 7,2 млн. долл. золотой монетой в десятимесячный срок со времени обмена ратификацией.

В формуле ратификации Александром II говорилось о ненарушимости его соблюдения и исполнения «императорским нашим словом за нас, наследников и преемников наших».

Странность этого текста в его нарочитой краткости. Он, в сущности, составлен так, что каждая из статей представляет собой не более чем декларацию.

Значительная часть проблем, возникающих в результате уступки, вообще оставалась за скобками. Почему-то уступалась вся территория – не только материковая, но и островная. Россия не закрепила за собой ни одного острова, – той части колоний, которая была ею лучше всего освоена. За русскими судами не осталось ни одной гавани или порта. Они лишались свободы промыслов, которая, кстати, была у граждан США в водах Русской Америки по конвенции 1825 года Россия лишалась возможности сохранить в Русской Америке свое военное или военно-морское присутствие, но договор не предусматривал, например, ее демилитаризацию или, на худой конец, определенные гарантии, чтобы уступленные территории и морские пространства нельзя было бы использовать в целях, враждебных или недружественных России.

Что, к примеру, имеет в виду договор под термином «уступка»? Предполагает ли она продажу, которая носит бессрочный характер, или речь идет о передаче предмета договора во временное владение? Употреблен ли термин «уступка» в качестве синонима термина «продажа» или, наоборот, уклонение от прямого обозначения желания уступающего как раз должно свидетельствовать о том, что никакой продажи нет и в помине? Кем являются стороны договора? Продавцом и покупателем, как бывает в сделках купли-

продажи, или же Россия – арендодатель, а Штаты – арендатор, и русская территория на американском материке не более чем предмет временной аренды.

Если это купля-продажа, то цена в договоре непомерно мала. Но поскольку за всю территорию колоний их приобретатель уплачивает всего лишь 7,2 млн. долл., то «уступка» является арендой. Когда в товар превращаются земля или водные пространства, то обычно их цена в сделках купли-продажи определяется 50-кратной расчетной ценой получаемой с них прибыли в год. Эти величины предполагают наличие рынка земли, где продавец в любой момент может стать покупателем. Но тут-то не было ничего подобного. Государства землями не торговали.

К тому же основной капитал РАК оценивался накануне «уступки» в 2,27 млн. руб. В долларах это составляло 1,49 млн. Ежегодно кампания получала 400 тыс. руб. чистой прибыли или, исходя из того же курса, 262 тыс. долл. Стало бать, одну лишь компанию можно было продать за 15,4 млн. долл. Рассматривая способы имущественного вознаграждения РАК, Гагарин приводил расчеты по выкупу ее государством. В этом случае только акционерам должно было быть уплачено 5 млн. 678 тыс. руб. (включая дивиденды по 18 руб. на акцию за 6 лет, перевозку населения, удовлетворение колониальных служащих и т.д.). При курсе 1,6 руб. за доллар США 7,2 млн. долл. золотом равняются 11,52 млн. руб. Сверх того за движимость и товары компании можно получить 1,5 млн. руб. Казна должна получить после всех расчетов чистую выгоду в 7 млн. 342 тыс. руб. серебром (13,02 минус 5,678). Это ничтожная часть уступаемых владений, не больше нескольких процентов.

До материковой части колонии компания так и не добралась, хотя прошло уже несколько десятилетий с тех пор, как были открыты содержащиеся в ее недрах обширные ископаемые. В цену договора эти богатства вообще не включены. Следовательно, даже при элементарном подсчете оказывается, что «уступка» не могла быть куплей-продажей. Но тогда она являлась формой аренды. Однако, если это аренда, то что является ее предметом? При цене 7,2 млн. долл. в аренду могла входить лишь недвижимость компании. Только тогда договор имел какой-то экономический смысл.

Положения статей I и IV странным образом противоречат положениям статьи VI. В первых Россия обязывалась уступить колонии в момент обмена ратификациями, в последней – обязанность Штатов заплатить растягивалась на десять месяцев. При договоре аренды такое противоречие несущественно, при договоре купли-продажи – невозможно.

Наконец, перенесение обмена ратификационными грамотами и места производства денежного расчета в Вашингтон должно настораживать. С одной стороны, это указывает на спешность исполнения договора. Прежде всего со стороны Петербурга. И не вполне понятно, чем она была вызвана. С какой стати русской стороне надо было торопиться? Торопилась, конечно же, не Россия и даже не император, а отдельные лица, лично заинтересованные в сделке. Надо полагать – Великий Князь Константин. Гораздо серьезнее второе условие. Если бы местом расчета был определен Петербург, то весь риск перевозки золотой монеты через Атлантику, как и транспортные издержки,

ложились бы на Штаты. Но не это главное. Заокеанский расчет давал возможность распорядиться золотом по своему усмотрению. И ведь оно-таки и не дошло до хранилищ русского государственного казначейства. Английское судно, барк «Оркни», перевозившее его, утонуло в водах Балтики. Вот только вопрос: был ли ценный груз в момент крушения в трюмах корабля?

Между тем не все до конца ясно с тем, как были осуществлены платежи. На следующий день после выделения конгрессом средств Сьюард направил министру финансов просьбу выписать Стоклю ордер на 7,2 млн. долл. золотом, что и было сделано 18 июля/1 августа 1868 года, а Стокль дал расписку, что получил 7,2 млн. долл., поручив банку Риггса перевести деньги в Лондон банку «Братья Баринг и Ко». Он вел финансовые дела русского правительства за рубежом.

Вот только на чеке, оформленном для Стокля, нет никаких записей, свидетельствующих, что речь идет о золотой наличности. В качестве получателя платежа там стоит имя Стокля. Согласно условиям, он мог получить деньги, являясь дипломатическим представителем России, но сразу после ратификации договора Горчаков передал все полномочия по завершению данного дела в министерство финансов. Последнее обязано было прислать в Вашингтон своего представителя, имеющего доверенность. Представитель обязан был, получив наличные «золотые монеты», доставить их на русский военный корабль и по прибытии в Петербург передать в государственное казначейство. Вместо этого Стокль получил чек на 7,2 млн. гринбеков, которые котировались значительно ниже золотых долларов. В пересчете на золотую наличность он получил лишь 5,4 млн. Одна эта «оплошность» стоила русской государственной казне 1,8 млн. долл. Кто-то хорошо нажился.

Можно ли не увидеть в рассматриваемой нами сделке, не имеющей прецедента в истории нового времени, очевидную, бросающуюся в глаза фальшь? Двойное дно договора вообще не поддается сокрытию. Для современного исследователя это очевидно. С одной стороны, энергичная идеология правящего класса США, опирающаяся на доктрину Монро, суть которой – Америка для американцев. С другой – реальная политика вашингтонских администраций, кто бы ее ни возглавлял, которая заключалась в распространении суверенитета США на весь континент. Программа-максимум при этом включала поглощение Штатами как русских владений в Америке, так и Канады и Мексики. Тот факт, что две последние страны так и не оказались в их государственных объятиях, всего лишь случай. Удалось выполнить программу-минимум. Овладеть Русской Америкой. При этом ее приобретение было последним и в истории Штатов и вообще в мировой истории. С 1867 года ни одно государство своими колониями, тем более национальными территориями, не торговало и не уступало их мирно. Разве что в результате поражения в войне.

В отличие от Мексики, которую ее северный сосед мог на практике просто аннексировать, что и предпринимал в XIX веке не один раз, война Штатов с Россией в целях захвата ее колоний была исключена. Она могла закончиться для Вашингтона плачевно. Нельзя было исключить, что в случае такой войны Британия и Россия, между которыми сразу же после победы над

Наполеоном пробежала черная кошка, станут союзниками. И как знать, не уступила бы в этих условиях Россия эти свои владения той же Британии, сталкивая тем самым оба англосаксонских государства лбами на многие столетия? К тому же еще не забылись причины гражданской войны в Северо-Американских Штатах. Она могла возобновиться теперь уже с участием британских и русских вооруженных сил, но на стороне южан. И тогда от целостности Штатов ничего бы не осталось.

Словом, как решили в Вашингтоне, приобретение русских колоний должно было пройти в исключительно мирных условиях, а со стороны Петербурга к тому же – совершенно добровольно. Для такого решения имелись свои благоприятные предпосылки. Вопрос решался волей монарха. А ее определяют фавориты и высшая бюрократия. Чтобы решить задачу в свою пользу, Вашингтону надо было найти поддержку в петербургском высшем свете, отыскать там союзников, приближенных к самому императору. Для штатовских политиков, да и многих влиятельных бизнесменов западного и восточного побережий, одержимых идеей аннексий, такая стратегия была очевидной. И их первым удачным объектом на пути приобретения русских колоний стал посланник Стокль. Он сделался их агентом влияния еще в 40-50 годы.

Это предположение следует хотя бы из того, вроде бы несущественного, факта, что Стокль, откровенно лоббируя интересы американских предпринимателей, стремящихся к свободе рук в русских владениях, выступал противником привилегий Российско-Американской компании, установленных в отношении ее монополии в хозяйственных сферах. Он, к примеру, писал в донесении в русский МИД 1 ноября 1857 г., за 10 лет до оформления договора, что «монополия - это учреждения не нашего века, и на Тихом океане они так же невозможны, как и в любом другом месте». Либеральная мысль посланника совпадала с взглядами либерального великого князя, в декабре 1857 года писавшего Горчакову по поводу деятельности этой кампании, что не следует соединять в одном лице «купца и администратора».

В дальнейшем именно Стокль был активным проводником идеи отказа России от американских колоний, использовавшим свои служебные привилегии. И о ней именно он впервые заговорил еще в царствование Николая I, а отнюдь не Великий Князь Константин с его письмом из Ниццы в 1857 году. Но при всех дипломатических возможностях и неутомимости Стокля его воздействия на принятие решения в Петербурге было недостаточно. Вашингтону надо было найти влиятельного сторонника отказа России от ее колоний среди наиболее приближенных к царю лиц. Точнее говоря, это мог быть лишь член императорской фамилии.

Таким человеком мог стать лишь младший брат царя Константин. Обществу, тем более дипломатическим миссиям, были известны не только его либеральные взгляды, соединенные с глубокой безнравственностью, но и огромное влияние на старшего брата. Можно лишь догадываться, вследствие чьих хлопот было написано пресловутое письмо Константина Горчакову из Ниццы. Но оно не было случайностью. Желание снизить государственные

расходы и увеличить доходы казны – лишь подвернувшийся под горячую руку повод, чтобы поставить в повестку дня вопрос об американских колониях.

Превращение Константина в главу «партии уступки колоний», скорее всего, состоялось между 1855 и 1857 годами. Пока был жив Николай I, в семье царя об этом нельзя было и думать. Но в начале 1855 года Николай умер, и в стране, угнетенной поражением в Крымской войне, началось брожениие умов - вплоть до умопомрачения. В том числе и в самых высших властных сферах. Что происходило тогда с Великим Князем, пока что историкам неизвестно. Но, возможно, обстоятельства грехопадения скрывают русские и штатовские архивы, служебная и частная переписка, те же личные дневники. Прямых улик пока нет. Но их никто и не пытался найти. Что же касается косвенных доказательств, то таковых более чем достаточно. Ведь простой настойчивости Константина было явно недостаточно. В глазах императора надо было создать иллюзию безвыходности, такого серьезного положения государства, при котором уступка колоний становилась бы неизбежной, причем единственным их приобретателем могли быть лишь Северо-Американские Штаты. Чтобы царь пришел к такому выводу, Константину пришлось превратить «партию уступки» в настоящий заговор.

Но заговор, о котором идет речь, не мог иметь широкого распространения. Наоборот, его должна была составлять небольшая группа. Удача всего предприятия зависела от влиятельности его членов, причем не в Госсовете или Сенате, которых можно было устранить от дела, а в министерствах, обойтись без которых было никак нельзя. В конце концов, возможности для сделки появились только тогда, когда на все ключевые административные посты были поставлены люди, близкие Константину и он сам занял должность председателя Госсовета.

Что подтверждает наличие заговора? Суженный состав лиц, привлеченных к решению вопроса об уступке колоний. Их было всего лишь четверо: младший брат царя и министры Горчаков, Рейтерн и Крабе. Посланник Стокль, строго говоря, не в счет. На него смотрели как на необходимого посредника. В курсе дела были некоторые чиновники средней руки, но им и в голову не пришло бы распространяться о сделке, наверняка рискуя при этом карьерой. Их действия в пользу уступки колоний носили характер соучастия.

Так, например, в МИДе стали оспаривать юридическую силу принятых годом раньше решений о продлении привилегий Российско-Американской компании. В записке вице-директора Азиатского департамента Энгельгардта Горчакову от 26 октября 1867 г. утверждалось, что никакого формального продления привилегий РАК «не состоялось, а были только утверждены… главные начала, на коих правительство согласно дать компании эту привилегию». А раз так, то заключение договора об уступке колоний было юридически безупречным и на имущественные и правовые претензии со стороны правления компании можно было не обращать внимания.

Обсуждение вопроса было настолько засекречено, что о нем не знал никто из остальных министров, а также члены Госсовета и другие сановники империи. Ни одному ведомству не было поручено исследовать уступку колоний как проблему. Не создавали и межведомственную комиссию, которая должна

бы подготовить доклад и предложения, что тогда было обычной практикой. Все решалось келейно, а о привлечении ученых или экспертов не было и речи.

И разве не указывает на заговор тот факт, что к обсуждению и решению вопроса не было привлечено правление самой Российско-Американской компании. О том, что колонии проданы, там узнали из газет. Князь Гагарин, с 1862 года директор департамента законов Госсовета, с 1864 года – председатель комитета министров, в записке от 6 мая 1867 г., сохранившейся в архиве министерства финансов, писал, что «правительство продало частное имущество без всякой оценки и без всякого согласия со стороны законного владельца».

Был ли сам император участником заговора? Определенно нет. Состоять в заговоре против самого себя может лишь умалишенный, а Александр II таким недугом не страдал. Царь, скорее всего, проявил здесь невероятную доверчивость, если не сказать «легкомыслие», и был обманут. Царь не был участником заговора, но стал его частью, поскольку принятие окончательного решения формально зависело только от него самого.

На заговор намекают и некоторые статьи договора, посвященные расчетам, о чем уже сказано выше, которые создавали условия присвоения значительной части денежных средств его участниками и с русской, и со штатовской стороны. Финансовые злоупотребления Стокля практически доказаны, как и взяточничество нескольких десятков высокопоставленных и влиятельных политиков США, в чем правосудие почему-то не нашло никакого криминала.

Мало что известно о приобретениях Константина и его министров, участвовавших в деле. Невнятные слухи доносили о спекуляциях Великого Князя с акциями Российско-Американской компании, взлет цен которых нетрудно было предвидеть. Но это такая мелочь, которую не стоит принимать всерьез. Что в действительности досталось Великому Князю, еще предстоит исследовать, но, скорее всего, здесь Вашингтон не стоял за ценой и дело шло о баснословных суммах, исчисляемых миллионами. Увы, Великий Князь был к тому же сластолюбив, обзаведясь не только официальной, но и гражданской семьей, в которой прижил четырех детей.

О неблаговидном характере сделки говорит судьба относящихся к ней документов. Исчезли как государственные бумаги, так и сугубо личные. Часть дневника того же Константина, посвященная эпохе принятия главных решений, исчезла. Утраты имели место и за океаном. Американские послы, несомненно, принимали в судьбе Аляски самое живое участие. Но соответствующих документов историки до сих пор так и не нашли. Сам договор был в России стыдливо опубликован только через год, и то на французском языке, в специальном дипломатическом издании. У американских историков нет сомнения, что «вся сделка пропитана запахом коррупции».

Манифест о даровании
крепостным прав свободных сельских обывателей

Еще при Екатерине II в России возникали проекты отмены крепостного состояния, но, занимая трон не по праву, она не решалась на неизбежную ссору с дворянством - сословием, которое тогда было ее единственной опорой. Павел I был гораздо ближе к проведению преобразований, но его погубил заговор дворянской гвардии. В правление Александра I создавалось множество проектов, а реализован один – о вольных хлебопашцах. По нему стали вольными 30 тыс., т. Е. 0,3% крепостного населения. На большее не решились. Разгромив военную интервенцию Европы во главе с Францией в 1812–1814 годах, власть не рискнула на реформу, чреватую бедствиями, худшими, как говорил граф Ростопчин, чем нашествие Батыя.

Николаю I сначала связал руки мятеж дворян-декабристов. Стало ясно, что дворянин-рантье, владеющий поместьем, но не обязанный служить, уже не верен трону безусловно и что опираться можно лишь на бюрократию. Позже России стала угрожать европейская революция, вспыхнувшая в 1848 году. Она сплотила все страны и классы Европы, несмотря на их распри, в одном – в желании войны с Россией. До глубоких реформ руки не дошли.

И все же за 30 лет царствования Николаю I, говорившему, что крепостное право есть зло, удалось перенести это право из частного в публичное. Крестьянин уже не был собственностью землевладельца, их связали лишь отношения к земле, сгонять с которой плательщиков налогов, подданных государства непозволительно.

Сомнениям положила предел Восточная война 1853-1856 годов, в которой на Россию, под предлогам защиты Османской империи, ополчилась вся Европа, атаковав ее на шести фронтах, даже на Дальнем Востоке. Несмотря на силу русского духа, война показала материально-техническую слабость страны. Военный экзамен доказал, что России не обойтись без коренных преобразований, главное из которых - упразднение крепостного права, охватывающего преимущественно центр страны, ее сердце и опору, «откуда есть пошла русская земля».

В Манифесте о мире 1856 года Александра II, вступившего на престол в 37 лет, содержалась фраза-намек, призывавшая общество «к устранению вкравшихся в нем недостатков». Но острота отношений между дворянством и крестьянством дошла во время войны до такой грани, что Александр II, принимая представителей дворянства Московской губернии 30 марта 1856 г., сказал: «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно, само собою, начнет отменяться снизу».

И экономически, и морально страна созрела к отмене крепостного положения. Но проблема была в том, как это сделать. По ревизии 1857 г. население Империи насчитывало 62,5 млн. человек, из них 103 тыс. землевладельцев-дворян и 23 млн. крепостных (в т.ч.10,5 млн. мужчин), треть всего населения. Причем у 43 тыс. мелких землевладельцев было всего 340 тыс. душ мужского пола, а у 14 тыс. крупных землевладельцев – 8 млн. душ. Из них

44 тыс. имений с 7 млн. душ было заложено, имея в совокупности 450 млн. долга.

Выработка законопроекта заняла более четырех лет. Но по окончании работы выяснилось, что мало кто из сановников согласен с проектом, к которому склонен государь. Земельная аристократия не желала делиться с крестьянами землей даже за выкуп. Подписав Манифест вопреки мнению Госсовета, Государь утвердил «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» и еще 21 документ.

Реформа сделала лично свободными помещичьих и фабрично-заводских (на уральских горных заводах) крестьян, превратив «крещёную собственность» во временно-обязанную с условием, что «в свое время» крепостные люди «получат полные права свободных сельских обывателей». За помещиками при этом сохранялось право собственности на все принадлежащие им земли, за что они должны были предоставлять крестьянам, «за установленные повинности в постоянное пользование усадебную их оседлость и сверх того, для обеспечения быта их и исполнения обязанностей их пред Правительством, определенное… количество полевой земли и других угодий». За пользование наделом на крестьян возлагалась обязанность исполнять в пользу помещиков определенные повинности. Таким образом, оброк или барщина, хотя и на время, но сохранялись, как и вотчинно-помещичий надзор за крестьянами.

Верховная власть, объявляя реформу, не могла не опасаться недовольства дворянства. У помещиков, теряющих права на даровой труд, надлежало сохранить лояльность к власти. Отсюда появление в Манифесте слов признательности «Благородному Дворянскому сословию» за «бескорыстное содействие к осуществлению наших предначертаний» и уверенность в том, что «Россия не забудет, что оно добровольно, побуждаясь только уважением к достоинству человека и христианскою любовию к ближним, отказалось от упраздняемого… крепостного права и положило основание новой, хозяйственной будущности крестьян». Царь писал, что ожидает от дворянства тщения при исполнении новых положений… в духе мира и доброжелательства; что каждый владелец довершит… великий гражданский подвиг всего сословия, устроив быт… крестьян и его дворовых людей на выгодных для обеих сторон условиях, и тем даст сельскому населению добрый пример и поощрение к точному и добросовестному исполнению Государственных постановлений».

Но, говоря по совести, ни бескорыстия, ни уверенности, ни добровольности, ни ожидания не было. Потому что реформа мало кого устраивала. Крестьянство – во всяком случае.

Крестьянам предоставлялось право выкупать «усадебную их оседлость» и «с согласия помещиков» приобретать в собственность полевые земли и другие угодья, отведенные им в постоянное пользование, что освобождало впоследствии их от обязанностей к помещикам по выкупленной земле и превращало в «свободных крестьян-собственников».

Выкупаемая земля ценилась посредством капитализации назначенного за нее оброка. Каждый рубль оброка соответствовал 16 р. 67 к. капитала. В счет выкупных платежей крестьян правительство выдавало помещикам ссуды, которые становились казенным долгом крестьян со сроком погашения 49 лет.

Всего выкуп обошелся в миллиард с лишком, и платежи по нему были отменены лишь в 1905 году. Показательно, что, удовлетворив помещиков высокими выкупными платежами, превысившими на 220 млн. руб. рыночную стоимость земли, отходившей к крестьянам, и изъяв у них до 20% земель, которыми они пользовались, реформа за первые два года ее проведения лишь в 29 центральных губерниях вызвала до 1100 крестьянских волнений. Впрочем, они скоро прекратились.

Отменяя крепостное право, реформа вводила вместе с тем систему крестьянского самоуправления. Вышедшие из крепостной зависимости соединялись в «сельские общества», из которых для ближайшего управления и суда составлялись «волости». В селах и волостях крестьянам дано было самоуправление по образцу, какой был при Николае I установлен для крестьян государственных. Заведование общественными делами отходило к миру и его избранным. Вводилось общинное пользование полевой землей, при котором «мир» переделял землю между дворами, а повинности отбывались за круговой порукой.

Новая система аграрных отношений позитивно повлияла на южные территории России, где частные формы землевладения не противоречили характеру почв и природно-климатическим факторам, но тяжко отозвалась в Нечерноземье, где эти отношения и формы им не соответствуют. Если же не различать влияние реформы на отдельные регионы, то в целом она была антикрестьянской, что в крестьянской стране было чревато самыми тяжкими последствиями.

Вовлекая русского мужика в водоворот рыночно-капиталистических отношений, она создавала новые противоречия. Общинное крестьянство расслаивалось. На территории исторического ядра государства создавался огромный слой безлошадных и однолошадных хозяйств, составлявших от 50 до 65% всех крестьянских дворов. Росла социальная напряженность, дополнявшаяся нарастанием парадокса – малоземелья и нищеты рядом с дворянскими латифундиями и роскошью. Эти два фактора лежали в основе грандиозного аграрного кризиса конца XIX – начала XX века, который в конечном счете привел к революции 1905 года.

Можно ли было в середине XIX столетия провести крестьянскую реформу иначе, а значит – избежать дрейфа России в сторону революционного взрыва? Объективно, наверное, да. Но сработал субъективный фактор. Реформаторов, каждого из которых невозможно заподозрить ни в легкомыслии, ни в некомпетентности, ни в своекорыстии, ни в отсутствии любви к Отечеству, гипнотизировал европейский опыт, либеральные идеи. Они недооценивали влияние естественных и исторических особенностей страны, прежде всего ее великорусского центра, что предопределяло строй русской крестьянской жизни.

Упразднение крепостных отношений, что главным образом касалось великорусского центра, служило всего лишь начальной фазой коренных преобразований, имеющих значение для всей империи. Конечно же, Восточная война не открыла власти глаза на реальное положение вещей, но она поставила точки над i. Русское общественное мнение, по крайней мере национально

мыслящее, понимало, что Россия должна незамедлительно предпринять усилия, чтобы встать вровень с Европой. Россия за 40 лет не отстала от Европы, зато Европа за это время значительно ускорила свое развитие, прежде всего в средствах ведения войны.

Чтобы вести дела на равных с Европой, готовой на коалиционные действиями против России и даже на совместные военные действия, что было доказано в 1854 году, когда в Русско-турецкую войну ввязались Париж и Лондон, усилий одной дипломатии, даже очень хитроумной, оказалось недостаточно. Определяющая роль России в разгроме наполеоновской Франции в 1814 году и решительные действия Петербурга в 1948–1849 годах, особенно при подавлении венгерского мятежа, не только не успокоили европейское общественное мнение, но смертельно испугали его. Европа середины XIX века, политический климат в которой определяли четыре государства – Британия, Франция, Австрия и Пруссия, уже созревшая стать Германией, убедилась, что на восточных границах Европы не только возникла, а упрочила свое положение империя-гигант, страх перед которой был настолько велик, что англичане во время Восточной войны, опасаясь нападения русского флота, строили форты даже в своих Австралийских колониях. Один из таких фортов до сих пор «защищает» вход в гавань Сиднея.

После заключения Парижского мира в 1856 году, положившего конец Восточной войне, было очевидно, что в качестве внешнеполитической стратегии России надо стремиться к разобщению Европы. Чем сильнее будут противоречия между ее великими державами, тем лучше: тогда Россия сможет заняться собой. Что же касается внутренних дел, то здесь у русского правительства открывался непочатый край работы, которую русская дипломатия завуалировала в депеше министра А.М. Горчакова формулой: «Россия сосредоточивается».

Для «сосредоточения» России была нужна армия, способная отразить нашествие с Запада, и военно-морской флот, не менее сильный, чем британский флот. А для этого, помимо эффективного земледелия и животноводства, были необходимы: промышленность, дающая стране вооружение, ничуть не слабее европейского ни по количеству, ни по качеству, и современные пути сообщения, прежде всего железные дороги, чтобы не было затруднений при перевозках и внутри России, и на любой театр военных действий. Нужны были образованные кадры, способные привести все это в движение, и многомиллионный контингент мужчин, заранее подготовленных к воинской службе на случай новой Европейской войны. Нужно было развить города, учреждать университеты и высшие училища. Предстояла упорная работа по массовому созданию школ для ликвидации неграмотности, при которой невозможно было создать ни класса профессиональных рабочих, ни будущих солдат. Не в последнюю очередь, а скорее в первую, Россия нуждалась в собственной надежной финансовой системе, обеспечивающей государство нужным количеством денег, не зависимой от прихоти иностранных кредиторов.

Еще за год до манифеста 19 февраля 1861 года была упрочена русская банковская система, учрежден Государственный банк. В 1862 году произведена реформа печати, отменявшая предварительную цензуру. В 1863 глжу проведена

финансовая реформа, вводившая общую для империи государственную роспись доходов и расходов и «единство кассы», благодаря чему улучшалось финансовое управление и наводился порядок в ведении государственного хозяйства. Тогда же началась университетская реформа, по которой профессорская корпорация получила самоуправление. Несколько раньше состоялась замена откупной системы акцизами. В 1864 году состоялись губернская, земская и судебная реформы, вводившие представительные учреждения и новые формы судоустройства и судопроизводства. В 1870 – реформа управления городами. В 1871 – школьная реформа. В 1874 – военная, заменявшая прежнюю рекрутскую повинность, введенную еще при Петре Великом, всеобщей воинской.

Как бы теперь мы ни критиковали способы, которыми была осуществлена крестьянская реформа, упразднившая крепостное право, как бы велики ни были недостатки в замысле этого преобразования аграрных отношений и досадные просчеты при его воплощении, она являлась выдающимся событием в истории России, явившись первым и решающим актом «великих реформ» Александра II. Без их проведения Российская империя вряд ли стала бы в начале XX века великой мировой державой, а во второй его половине – сверхдержавой.

Верховная власть и террор

Люди без царя в голове на протяжении всей истории Российской Империи не играли в государственных делах существенной роли, но всегда стремились его приобрести – пока не добились своего, лишив Россию Верховной власти. И сегодня власть ничего не может противопоставить этому расплодившемуся племени. Без царя в голове живет и сама властная элита России, потеряв смысл служения, потеряв Веру, Царя и Отечество. Масштаб террора, заполонившего современную Россию, соответствует масштабу разложения власти и духа народа. Смерть настигает нас за смертные грехи, за отступничество от богоданной исторической миссии России.

Жизнь и судьба Государя Императора Александра II – яркое и поучительное свидетельство могучего творческого начала Верховной власти, с одной стороны. А с другой – поразительного легкомыслия, беспомощности перед, казалось бы, ничтожными персонажами, шаставшими по России в бесплодных поисках народной любви. Гордая и милостивая натура царя не ведала тревожного интереса к этим зародышам гражданской войны, не беспокоилась невидимым до времени вирусом разложения. «Что они хотят от меня?» - недоумевал Государь среди домашних.

Воспитанный чувственным и романтичным поэтом Жуковским, старавшимся оградить Наследника от суровой повседневности николаевской эпохи, Александр II стал натурой многосложной, совмещавшей в себе и решительность реформатора, и стойкость консерватора, и мягкость либерала. Жесткий консерватизм, воспитанный на государственной службе, к которой он был приобщен с самых молодых лет, совмещался с замыслами больших и давно назревших перемен, очевидность которых следовала из поражения России в

Крымской войне и из расстроенных государственных финансов. Проведенные реформы – прежде всего, освобождение крестьян от крепостного права, судебная и земская реформы, нововведение в сфере образования, военного строительства, финансов – приближали Россию к европейским «стандартам». Но по тем же «стандартам» возбуждались в ней противогосударственные элементы, которым не терпелось превратить реформы в революцию, в полное разрушение России, ненавидимой ими, прежде всего лично – развитие Империи не предвещало успеха этим жалким субъектам.

Увлекшись реформами, Государь не заметил тех опасностей, которые грозили ему и стране в целом, не нашел средств для их искоренения. Гнилостные идеологические бактерии, порожденные французскими романами и сделавшие моду на нигилизм, распространились среди полуграмотных разночинцев. Дворянская вольность после декабристов, сдавленная волей Николая I, больше не подавала признаков жизни. Но как только эта воля, прерванная внезапной смертью самодержца, перестала действовать, дворянское праздномыслие проникло в толщу читающей публики, мечтавшей приобщиться к аристократизму именно через вольнодумные идеи. Масонский дух цареубийства, выдаваемый за тираноборство, распространился как настроение никчемного сброда, праздно шатавшегося по городам и весям Империи в поисках великой мисси для своих ничтожных сил. Это был буйный родственник «призрака», что бродил тогда же по напитавшейся марксизмом Европе, намереваясь броситься в объятья к российскому нигилизму и с ним на пару «грянуть на царей».

Покушения на царя первоначально были делом крохотной группы авантюристов, деятельность которой закончилась после выстрела Каракозова 4 апреля 1866 года. Но именно это преступление, посягнувшее на жизнь Помазанника Божия, стало отправным пунктом для существенных перемен в государственном управлении и сворачивания ряда реформ, с огромным трудом проводимых в течение десятилетия. Государь как будто понял преждевременность многих своих замыслов, увидев неспособность высшего общества выдвинуть действительно талантливых управленцев, бездеятельность и вялость чиновников, ущербность дворянства и крестьянства, озабоченных стремлением извлечь из реформ только частные выгоды, наглость журналистского сословия, возбуждавшего эти стяжательские настроения и склонявшего народ к бунту, а «верхи» – к измене.

Увы, попытка подавить разрастание нигилизма относительно мягкими мерами обернулась настоящим всплеском террористической деятельности и основанием террористических организаций, прямо нацеленных на цареубийство. Происходит целый ряд покушений и убийств представителей власти. Наиболее известным случаем из этого ряда стал в 1874 году выстрел Веры Засулич в петербургского градоначальника Ф.Ф.Трепова и оправдательный приговор по этому делу, встреченный бурным ликованием публики, уже считавшей, что террор – приемлемое средство для противодействия полицейскому произволу.

В апреле 1879 года бывший студент Александр Соловьев пытался в упор расстрелять Государя из револьвера, сделав пять выстрелов, но всякий раз

промахиваясь. Следователям он заявил: «Я окрещен в православную веру, но в действительности никакой веры не признаю. Еще будучи в гимназии, я отказался от веры в святых... Под влиянием размышлений по поводу многих прочитанных мною книг, чисто научного содержания и, между прочим, Бокля и Дрэпера, я отрекся даже и от верований в Бога, как в существо сверхъестественное».

Осенью того же года террористы пытались минировать пути следования Государя из Крыма в Петербург. Затем последовала неудачная попытка взрыва императорского поезда в Александровке, через месяц Государя спасла путаница в маршрутах, в результате чего вместо царского поезда пострадал свитский. В 1880 году террористы взрывают Зимний дворец. Только после этого в стране вводятся чрезвычайные меры. Впрочем, достаточно мягкие, отмененные через полгода в связи с кажущимся успокоением. И в то же время эти меры оказываются неизбирательными и, как впоследствии отмечал философ Л.Тихомиров, тем самым служившими рекламе революции и превращению ее из дела отщепенцев в пугающую реальность для общественности.

Обращение царя к обществу о содействии в деле спасения молодежи от пагубного увлечения революцией имело обратное действие. Земские конституционалисты расценили это как возможность в очередной раз заявить о необходимости свободы печати, неприкосновенности прав личности и широкого самоуправления. Противодействие террору ставилось в зависимость от предоставления России конституции. Следствием этой изменнической позиции было прекращение репрессий и появление «конституционного проекта» министра внутренних дел графа М.Т.Лорис-Меликова. Конституционалисты получили своего агента на вершине власти и укрепились в вере в свою посредническую миссию между властью и народом. Спокойная и не требовавшая потрясений воля народа была подменена измышлениями либералов, подающих террор как проявление будто бы близкого народного бунта. Царю предписывалось «сблизиться с народом», уступая либералам. Только этим можно объяснить поразительную беспечность как полицейских чинов, так и Верховной власти.

Чужебесие охватывало русский народ постепенно. Ошибки правительства оживляли прослойку конституционалистов-либералов, которые оправдывали террор отсутствием прав и свобод личности. Либерализм ломал и корежил русское общество столь же нещадно, как и сегодня. Из среднего образованного сословия либерализм выпестовал «бесов». И они все чаще переступали через грань – становились верующими в нечаевщину подлецами, готовыми на политическое убийство и втайне мечтавшими о цареубийстве.

В.Фигнер, описавшая первоначальный замысел группы своих единомышленников, сообщила: «Наш план состоял из трех частей, преследовавших одну цель, чтобы это, по счету седьмое, покушение наше было окончательным. Главной частью был взрыв из магазина сыров. Если бы этот взрыв произошел немного раньше или позже проезда экипажа царя, то, как раньше было сказано, четыре метальщика — Рысаков, Гриневицкий, Тимофей Михайлов, Емельянов — с двух противоположных сторон на обоих концах Малой Садовой должны были бросить свои бомбы; но если бы и они остались

почему-нибудь без результата, то Желябов, вооруженный кинжалом, должен был броситься к государю и кончить дело». Этот поистине шизофренический план был прерван внезапным арестом Желябова – организатора взрыва в Александровке.

Желябов самоуверенно заявил, что террористы его арестом не остановлены и покушение на царя будет непременно. В распоряжении у власти было двое суток. Но Лорис-Меликов лишь предупредил об этом Государя, не предприняв спешных мер безопасности и не желая возбуждать ложную, как он думал, тревогу. Набережная на Екатерининском канале, по которой с пунктуальной точностью должен был проследовать Государь, осталась пустынной. Давно выслеженный заговорщиками распорядок поездок позволял им точно знать, когда они могут встретить Государя и забросать его бомбами.

Террористы привели в действие запасной план. Правда, у них уже не было прежней решимости. План, разработанный под руководством фанатичной С. Перовской, также едва не рассыпался. Из четверых бомбистов один просто сбежал, другой, увидев последствия взрыва, забыл про бомбу, зажатую под мышкой, и бросился помогать юнкерам укладывать на сани смертельно раненного царя. Бомбист, швырнувший адское устройство под карету царя, не стал геройствовать на допросах и легко сдал свою организацию полиции. И только студент Гриневицкий перед убийством со вкусом пообедал и сотворил дьявольскую затею с хладнокровием, покончив одновременно и со своей жизнью. Безмятежен перед казнью был и изготовитель бомбы Кибальчич, рисовавший в каземате проекты ракетных аппаратов.

Пятеро основных участников и организаторов убийства царя были публично повешены. Но эта мера вместе с полицейским разгромом народовольческих организаций только приостановила рост революционного движения, возведя негодяев в пантеон героев революции. Убийство Александра II породило в кругах ненавистников России радостное возбуждение. «Мятежный князь» Кропоткин писал: «Престиж "помазанника Божия" потускнел перед простой жестянкой с нитроглицерином, теперь цари будут знать, что нельзя безнаказанно попирать народные права».

Террористы, замышляя цареубийство, метили вовсе не в конкретного самодержца, а в Россию. Именно поэтому в годовщину убийства Александра II они попытались убить Александра III. Их взяли с поличным прямо перед покушением. Среди организаторов был брат будущего «вождя мирового пролетариата» Александр Ульянов, казненный вместе с другими заговорщиками. За него Ульянов-Ленин отомстил России новым цареубийством и массовыми казнями представителей всех сословий.

Предвидя такой разворот событий, на следующий день после убийства Александра II М.Катков писал: «По мере того как ослабляется действие законной власти, нарождаются дикие власти, начинается разложение, совершаются насилия, колеблются основы всякой нравственности, дух растления овладевает умами и вместо явного правительства появляются тайные, действующие тем сильнее, чем слабее действие государственной власти».

Государь Павел I был задушен дворянами. Государь Александр II взорван разночинцами-народовольцами. Государь Николай II был расстрелян шайкой простолюдинов-разбойников. От дворянского террора Россия пришла к террору повальному – к гражданской войне. Праздные людишки, исполнив мечту о цареубийстве, начали резать друг друга и всех подряд. И это закономерное следствие упадка государственности и нравственного духа народа, начиная с его «верхов», с аристократии. Тайное убийство Павла I положило начало распаду народного представления о сакральности Верховной власти, о неприкосновенности Помазанника Божия. Блеск Империи XIX века – ее величественные победы и размах действительно плодотворного реформаторства, в котором власть всегда шла впереди общества, скрывали подспудно тлеющую болезнь русского духа. Цареубийство было горячечной мечтой ненавистников русского величия, плодящихся посреди самой России.

Трагическая гибель Александра II должна была стать предупреждением Династии, что дни ее могут продлиться только в условиях консервативно-охранительной обороны от тлетворного разложения, при точных и стремительных действиях по искоренению революции. Но трагедия Династии состояла в том, что ее опора – дворянство, священство, чиновничество, верноподданный люд – все больше впадали в распущенность и невольно потакали террору. Даже после убийства Государя либералы из всех сословий продолжали толковать о бессмысленности реакции и силе Провидения, против которого Верховная власть якобы столь опрометчиво вела борьбу. Только Манифест Александра III, заявивший незыблемость самодержавной власти, остановил эту волну конституционалистского бреда. Последовательно проведенный принцип самодержавия раздавил террор и на годы замкнул рты либеральных говорунов.

«Кругом измена и трусость и обман», – напишет в своем дневнике Николай II. О том же, вероятно, мог подумать и умирающий от страшных ран Александр II. О том же должны думать и мы, понимая, что и теперь террор и измена добивают Россию.

Никакие самые жестокие меры против бандитов и изменников не страшны, если мы боимся потерять Россию и сохраняем в себе надежду восстановить в ней порядок и Верховную власть.

Народовольцы против Империи

Казнь цареубийц из террористической организации «Народная воля» 3 марта 1881 года не прекратила войны «народовольцев» против Империи. Каждый из десятков мелких кружков этой организации готов был превратиться в новое гнездо заговора. Полиция разыскивала их всюду, стремясь оправдаться за то, что не сберегла Александра II от бомбометателей.

В марте 1882 году состоялся процесс над группой лиц, причастных к подготовке цареубийства, где вновь пространным образом были изложены основные догмы террористов. На этот раз главарем и главным оратором выступал некто Александр Михайлов – член исполкома «Народной воли», сын

землемера, недоучившийся студент, отдавший себя исключительно революционной деятельности. Он оказывал поддержку замыслам Александра Соловьева, стрелявшего в Государя 2 апреля 1879 года, готовил подрыв железнодорожного полотна под поездом Императора 19 ноября того же года, разрабатывал другие планы цареубийства. Михайлова не оказалось среди убийц Александра II 1 марта 1881 года только потому, что он был арестован за три месяца до этой трагедии.

Михайлов на следствии охотно давал подробные показания (чтобы «способствовать восстановлению исторической истины»), но отказывался называть фамилии соучастников и рассказывать о действиях, которые не были бы известны следствию из других источников. Главное в его показаниях и выступлениях – попытка морального оправдания террора и цареубийства.

В качестве причин, подвигших народовольцев к цареубийству, Михайлов назвал приговор по «делу 193» (1874 год), который для многих был мягок, а также отсутствие перемен в политике Империи после начала террора против должностных лиц. По «делу 193» было арестовано более 700 человек. В процессе дознания погибли от самоубийств, умопомешательств и прочих причин (включая тяжелые условия предварительного заключения) умерли 93 человека. Последующие репрессии правительства против заговорщиков все больше обозляли их и довели, наконец, до мысли о цареубийстве.

Возможность такой мысли возникала из практики жизни высших должностных лиц Империи, которые никогда не заводили себе охраны, не делали тайны из своих поездок и не подозревали заговорщиков в каждом служащем. Кажущийся сегодня невиданным легкомыслием, это был благородный обычай доверять обществу, в котором крамола не могла доходить до такого откровенного душегубства, которое возникло в новом социальном слое разночинцев, жаждавших публичности любой ценой, славы Герострата и Брута.

Действительно, между правительством и народовольцами велась самая настоящая война. Первоначально мягкие меры не могли не обостряться ввиду циничности преступлений. Участники народовольческой организации, страстно желавшие подвигов и быстрых видимых результатов, преисполнялись также жаждой мести.

В 1876 г. организация «Земля и воля» провела демонстрацию у Казанского собора в Петербурге, в которой приняли участие в основном студенты — первую в России. Под красным флагом здесь выступил Г.Плеханов: «Да здравствует социальная революция, да здравствует “Земля и воля”!» Около 30 демонстрантов было арестовано, 14 отправлено в ссылку, 4 – на каторгу.

24 января 1878 года Вера Засулич стреляла в московского градоначальника Ф.Ф.Трепова, мстя за розги, предписанные одному из наглых арестантов из студентов. 31 марта суд присяжных неожиданно оправдал Засулич, и она смогла скрыться за границей. Присяжные сочли справедливым абсурдный довод защиты о том, что выстрел из револьвера в упор мог и не преследовать цели убийства. С тех пор в отношении народовольцев суд

присяжных не практиковался и их дела рассматривались исключительно Особым присутствием Сената.

На «процессе 20-ти» А.Михайлов высокопарно представлял своих единомышленников: «Большинство дышало страстью отважного и последнего боя. Многие наперерыв предлагали свои услуги на самые опасные роли. То был момент самых глубоких и высоких чувств, дающих десяткам людей силу бороться с обладателями десятков миллионов подданных, миллионов штыков и верных слуг. Но тут уже сталкивались не человек с человеком, не слабый с сильным, а воплощенная идея с материальной силой. В таких случаях совокупность физических сил и их громадность теряют всякое значение; идея их разделяет, парализует своей неуловимостью, приводит к индивидуальному их содержанию. Люди “Народной Воли”, как самая их идея, не знают страха и преград. Весна и лето воздвигли десятки виселиц и нагнали ужас на общество. Но у тех, для устрашения которых они ставились, исчезло и малейшее подобие этого чувства: они освободились от всего личного и материального, примеры геройски-спокойной смерти товарищей пер継родили их».

После оправдания Засулич появилось множество тех, кто последовал ее примеру, будучи уверенным в моральном одобрении со стороны общества, которое в процессе Засулич олицетворялось коллегией присяжных.

23 февраля 1878 г. в Киеве стреляли в товарища прокурора окружного суда М.М.Котляревского, который был ранен. 25 мая в Киеве революционерами был убит начальник одесского жандармского управления Г. Э. Гейкинг. В августе С.Кравчинский в Петербурге зарезал кинжалом шефа жандармов Н.В.Мезенцова, рассчитываясь таким образом за казнь одесского народника И.Ковальского, оказавшего вооруженное сопротивление при аресте.

В феврале 1879 г. Г.Гольденберг убил харьковского генерал-губернатора князя Д.Н.Кропоткина. (Позднее Гольденберг порывался участвовать в покушении на Александра II вместе с А.Соловьевым, но отказался от этого ввиду предполагаемой опасности распространения репрессий на евреев. Гольденберг оказался на скамье подсудимых в «процессе 20-ти», путая «исторические» показания Михайлова своими экзальтированными выдумками). 13 марта в Санкт-Петербурге Л.Мирский покушался на нового шефа жандармов А.Р. Дрентельна, но промахнулся, стреляя на скаку с седла в окно генеральской кареты. 2 апреля Александр Соловьев совершил покушение на Александра II. Государь не пострадал, а Соловьев был схвачен и по приговору суда повешен. После этого в Санкт-Петербурге в течение короткого времени были арестованы сотни активистов и пособников народовольцев.

Михайлов свидетельствует о Соловьеве: это была «натура чрезвычайно глубокая, ищущая великого дела, дела, которое зараз подвинуло бы значительно вперед к счастью судьбу народа. Он видел возможность такого шага вперед в цареубийстве». Его сподвижник Николай Морозов в программной статье писал: «3—4 удачных политических убийства заставили наше правительство вводить военные законы, увеличивать жандармские дивизионы, расставлять казаков по улицам, назначать урядников по деревням — одним словом, выкидывать такие salto mortale самодержавия, к каким не принудили его ни годы пропаганды, ни века недовольства во всей России, ни

волнения молодежи, ни проклятия тысяч жертв, замученных и на каторге и в ссылке... Вот почему мы признаем политическое убийство за одно из главных средств борьбы с деспотизмом».

Надо сказать что многие народники не желали иметь ничего общего с террористами. Намерение Соловьева, пребывшего «на цареубийство» вызвали резкое неприятие и даже намерение некоторых народников остановить его силой. Григорий Плеханов резко негативно отнесся к публикациям Морозова, призывавшим к террору. Но в народническом движении верх взяла террористическая «Народная воля», выделившаяся из общей организации «Земля и воля». Народнический «Черный передел» быстро потерял популярность и был разгромлен полицией. Только идея террора помогала народовольцам пополнять свою организацию, угадавшую тайную страсть разночинцев.

Осенью 1879 года были предприняты попытки устроить крушение поезда по возвращении царя из Крыма. Под Москвой взорван путь под поездом сопровождения, погибло много невинных людей.

В ответ на волну террора правительственным решением были созданы шесть военных генерал-губернаторств, генерал-губернаторы получили диктаторские полномочия. Западные губернии были объявлены на военном положении, начали действовать военные суды. По их распоряжению за 1879 были казнены 16, высланы 575 человек. Деятельность народовольцев в провинции была полностью прекращена.

26 августа 1879 исполнительный комитет «Народной воли» утвердил постановление о цареубийстве. 5 февраля 1880 года был организован взрыв в Зимнем дворце, повлекший десятки невинных жертв. 1 марта 1881 года Александр II был смертельно ранен взрывом бомбы. После смерти Александра II были проведены массовые задержания и аресты народовольцев. Казнены непосредственные организаторы цареубийства А. Желябов, С.Перовская, Н. Кибальчич, Т. Михайлов, Г. Гельфман, Н. Рысаков. Позднее «Процесс 20-ти» привлек к ответственности еще одну группу соучастников цареубийства – теоретиков и практиков террора.

Убийство Государя Александра II, а затем скорый процесс и казнь основных организаторов этого убийства отразили процесс страшного вызревания в российских образованных слоях целого отряда нигилистов, дошедших до крайней фазы амбициозности, лишенной какой-либо почвы.

Интеллектуально эта среда связывается с такими именами, как А.Герцен, М.Бакунин, П.Лавров и другими. В действительности, взгляды этого слоя были крайне смутными, а теоретические разработки «крестьянского социализма» никогда не были всерьез востребованы или даже мало-мальски интересны народовольцам.

Размах народовольческой организации многократно преувеличен историками. Если «хождением в народ» безо всякой системы и организации были почти всегда случайно захвачены несколько тысяч человек, то политической деятельностью, быстро сошедшей к террору, одновременно занимались не более нескольких десятков человек. Об этом с достаточной откровенностью свидетельствовал в своих мемуарах один из соучастников

подготовки цареубийства Николай Морозов. Ничтожны были тиражи революционных газет и прокламаций. Так, в 1878—1879 гг. вышли только пять номеров газеты «Земля и воля» тиражом по 1,5—3 тыс. экземпляров.

Возникает вопрос: как же эти жалкие кучки экзальтированных разночинцев могли поколебать могучую Империю? Домыслы о развитии производительных сил, будто бы порождавших кризис производственных отношений, а с ним – и революционное движение, будет поверхностным и совершенно неверным. Разумнее увидеть, что в России начало возникать новое многосословное общество. Мода на образование при достаточно высоком достатке множества «кухаркиных детей», стремившихся в «чистое общество», пополняли его маргиналами, получившими общее название «интеллигенция».

Страсти, бушевавшие в этом слое, достаточно описаны в русской литературе. Но более всего выразил брожение, распространявшееся от интеллигенции Ф.М.Достоевский в своем романе «Бесы». Достоевский, подбирая определении для бесов революции, назвал лидеров «передовыми», вокруг которых обретается просто «сволочь», «дряннейшие людишки», «сор».

Открывают пути заговору и террору поначалу безобидные умники, склонные к бесплодным дискуссиям. Их словоблудье подхватывают заразившиеся зарубежным вольнодумством – им надо все оспорить, все осудить и очернить. Наконец, «передовыми» становятся чиновники, играющие в «современность», а потом и просто уступающие инициативу «сволочи». Эти уже безо всякого признака мысли, но с одним только беспокойством и нетерпением. И вот «дряннейшие людишки получили вдруг перевес, стали громко критиковать все священное, тогда как прежде и рта не смели раскрыть, а первейшие люди, до тех пор так благополучно державшие верх, стали вдруг их слушать, а сами молчать; а иные так позорнейшим образом подхихикивать». И все эти «скорбно, но надменно улыбающиеся жидишки, хохотуны, заезжие путешественники, поэты с направлением из столицы, поэты взамен направления и таланта в поддевках и смазных сапогах, майоры и полковники, смеющиеся над бессмысленностию своего звания и за лишний рубль готовые тотчас же снять свою шпагу и улизнуть в писаря на железную дорогу; генералы, перебежавшие в адвокаты; развитые посредники, развивающиеся купчики, бесчисленные семинаристы, женщины, изображающие собою женский вопрос, – все это вдруг у нас взяло полный верх и над кем же? Над клубом, над почтенными сановниками, над генералами на деревянных ногах, над строжайшим и неприступнейшим нашим дамскими обществом».

Образцом для народовольцев были Соединенные Штаты и Швейцария, о которых народники-разночинцы знали лишь понаслышке. Но и этого было достаточно, чтобы расценивать США как страну, где «свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей».

Вовсе не исчерпанность позитивных сдвигов реформы 1861 году и не развитие капитализма пошатнули Империю. Крестьянство не так страдало от выкупных платежей и неурожаев, как принято считать. Именно поэтому крестьяне с полным непониманием относились к «барским забавам» – попыткам народнической агитации. Рабочие еще не имели той массовости,

чтобы серьезно влиять на обстановку в Империи. Этот социальный слой еще только складывался, отношения работников и работодателей в промышленности еще только должны были сформироваться. Империи всерьез не повредили даже польские восстания и Русско-турецкая война.

Главной тревогой Империи в последнюю четверть XIX века был политический террор и распространение в образованной части общества диких идей народоправства. Причиной разрастания революционного движения была праздность образованной публики, превращавшейся во внутреннего врага, с которым Империя поначалу не знала иного средства борьбы, кроме виселицы и каземата.

Как ни отрекались народовольцы от «нечаевщины», именно в «Катехизисе революционера» (1869), написанном С.Нечаевым, изложена главная идея их деятельности: «У революционера нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией. Он ... разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами и приличиями ... этого мира. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит ... нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему. Все ... чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела... У товарищества нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, т.е. чернорабочего люда. Но ... товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и понудить его к поголовному восстанию».

Как только в «Народной воле» победила линия террора (как тогда выражались, «революционная борьба по методу Вильгельма Телля и Шарлоты Корде»), всякая интеллектуальная работа и проповедь социализма в крестьянской среде отошли на второй план. Николай Морозов писал: «…подбирали мы себя совсем не спрашивая, каких кто убеждений, а исключительно по нравственным качествам и по готовности жертвовать собой против деспотизма. За все время существования “Земли и воли” и “Народной воли”, я не помню даже ни одного разговора в нашей среде о социализме…». Какая-нибудь декларация принимались, к примеру, потому, что «она трогательно написана». Программу «Народной воли» (которая была написана «как-то вечером» Львом Тихомировым) приняли, но забыли на следующий же день о ее содержании. Документы порой разительно противоречили один другому. А письмо, направленное после убийства Государя, было настолько несообразно всей деятельности народовольцев, что Александру III не поверил в его подлинность.

В Программе исполнительного комитета «Народной воли» было отмечено, что народовольцы по своим убеждениям – социалисты и народники, но в отличие от своих предшественников они считали, что сначала необходимо совершить демократический государственный переворот и только после этого

проводить социалистические преобразования. Но Морозов пишет совершенно иное. Он припоминает, что только террор казался единственно действенным способом борьбы. «Всякое другое средство борьбы представлялось мне безнадежным среди окружавшего нас произвола и насилия и всякая другая цель нецелесообразной, так как уже в то время я пришел к убеждению в психической неподготовленности полуграмотных масс современного мне поколения к социалистическому строю, требующему от населения высшей психики, чем существующая теперь, и надеялся только на интеллигентскую, а не демократическую республику». В программе народовольцев народ должен был осуществить лишь содействие перевороту и тем самым склонить на его сторону общественное мнение Европы.

«Интеллигентская республика» – не что иное, как диктатура заговорщиков. Именно в этой форме образовалась затем и Республика Советов в 1917 году, и «новая демократическая Россия» в 1991 году. В обоих случаях заговор и переворот не предполагали никакого «проекта России». «Психическая неготовность» масс, зафиксированная Морозовым, указывала на колоссальный разрыв между интеллигентской страстью к общественным сдвигам и спокойной размеренностью жизни подавляющего большинства подданных исполинской Империи. Интеллигенция жаждала публичных дискуссий, межпартийных дрязг, народного представительства и отчетности «верхов» империи перед народными трибунами. А народ просто хотел благополучия и справедливости, ожидая ее от «верхов», ведущих непростые реформы и ограждая страну от внешних недругов.

Народовольцы говорили, что переворот нужен ради снятия гнета государства и свободного развития народа – сообразно его воле и наклонностям, а наклонности эти, как ожидалось, имеют в основе социалистические принципы. Разумеется, никаких таких принципов в народе не существовало и не хотел народ жить неприкаянным, подбирая путь в бурях политических страстей. Тем самым народ и не угодил народникам. Чтобы понудить массы к свободному выбору своего пути, народовольцы в конце концов дошли до идеи цареубийства – обезглавить государство, полагали они, стоит именно для того, чтобы народ снова отказался от тех табу, которые делали Империю несокрушимой. Устоявшееся престолонаследие превращало самодержцев в бесспорных правителей, а потому в народном взгляде – в бесспорных же помазанников Божиих. Убийство царя означало, что «все позволено», что «Бога нет». И тогда вместо воли Божией, вместо богоданной власти народ должен был начать управляться сам собой – посредством интеллигенции.

Установки народовольцев позднее были подхвачены большевиками: земля – народу (крестьянам), фабрики – рабочим. Интеллигенции доставались все преимущества водителей общества, использующих политические свободы и всеобщее и равное избирательное право и народное представительство.

Проблема Империи состояла в нелояльности того общества, которое вырастало из традиционного строя жизни, постепенно разрушая его. Привычка к лояльности могла быть заменена только свободным патриотическим чувством, подкрепленным рациональным самоопределением. Но пока общество

пополнялось «дряннейшими людишками» – они захватывали внимание публики и претендовали на определение всей общественной дискуссии. Наглость этого порожденного разбойничьими ухватками вчерашних сельских бузотеров создавала им ореол мучеников.

Если мода на «страдание от начальства» в лице гоголевского Чичикова была очевидно карикатурной, то в конце XIX века подобные карикатурные персонажи уже воспринимались всерьез. Пострадавший «за правду», разжалованный, сосланный становились диковинными субъектами на уездных посиделках «лучших людей» (о чем так живо написал Достоевский в своих «Бесах»). Русская натура всегда склонна сочувствовать схваченным разбойникам. Их душегубство, будучи пресеченным, кажется русскому человеку уже не опасным. Остается только сожаление о горькой судьбе кандальника.

Другой элемент русской натуры – ощущение в разбойниках некоего «благородства», в чем было немало воспоминаний о разного рода самозванцах, а также о дворянских мятежах. Участие в политике поднимало статус разнородной публики, претендующей считаться «солью соли земли» – новыми «сливками общества». И власть также считала схваченных народовольцев скорее военнопленными, чем уголовниками. Кроме того, у народовольцев возникала публичная трибуна в судебном разбирательстве, а власть не имела такой трибуны.

Как только сельский душегуб, подстерегавший барина на большой дороге с кистенем и за обиду подпаливавший его усадьбу, обратился в образованного (или недоообразованного) разночинца, его преступная натура мстила не столько непосредственному обидчику, сколько его начальству и в целом – общественному устройству, власти, государству. И уже одно это, что вся эта злоба как бы теряла признаки личной корысти и мести, превращало ее в модное общественное поветрие.

Либеральная интеллигенция не столько сочувствовала самим террористам, сколько радовалась любой неудаче Империи, которая казалась им тесной и душной в сравнении с Европой, где либералы бывали преимущественно на курортах. Обличение собственного Отечества становилось правилом даже у крупнейших литераторов. Лев Толстой, предавшись этой моде, вопрошал: «Как же после этого не быть 1-му марта?». В своих письмах он признавался в чувстве мучительного негодования во время «Процесса 20-ти». После освобождения Николая Морозова из тюрьмы он был принят Львом Толстым и состоял с ним в уважительной переписке.

Из зарубежья русским либералам вторил Виктор Гюго, оправдывающий душегубов: «Цивилизация должна вмешаться! Сейчас перед нами безграничная тьма, среди этого мрака 10 человеческих существ; из них две женщины (две женщины!) обречены на смерть, а десять других должен поглотить русский склеп – Сибирь. Зачем? К чему эта виселица? К чему эта тюрьма?... Милосердия!... Пусть русское правительство поостережется... Ему ничего не угрожает со стороны какой-либо политической силы. Но оно должно опасаться первого встречного, каждого прохожего, любого голоса, требующего милосердия!»

Позднее Блок писал: «Как человек, я содрогнусь при известии об убийстве любого из вреднейших государственных животных, будь то Плеве, Трепов или Игнатьев. Но, однако <...>, так чудовищно неравенство положений, что я сейчас не осужу террора. Как я могу осудить террор, когда я ясно вижу: <...> 1. Революционеры <...> убивают как истинные герои <...> без малейшей корысти, малейшей надежды на спасение от пыток, каторги и казни, 2. Правительство, старчески позевывая, равнодушным манием жирных пальцев, чавкая азефовскими губами, посылает своих несчастных агентов, ни в чем не повинных и падающих в обморок офицериков <...>, бледнолицых солдат и геморроидальных "чинов гражданского ведомства" — посылает "расстрелять", "повесить", "присутствовать при исполнении смертного приговора"».

10 марта 1881 года члены исполнительного комитета в связи с казнью цареубийц направили новому императору свои требования. В письме, автором которого был Лев Тихомиров, сказано: «Кровавая трагедия, разыгравшаяся на Екатерининском канале, не была случайностью и ни для кого не стала неожиданностью. После всего произошедшего в течение последнего десятилетия она являлась совершенно неизбежной…» Народовольцы как будто даже на мгновение посочувствовали Империи и признали, что власть не была пассивной в борьбе с революцией: «правительство покойного императора нельзя обвинить в бездействии. У нас вешали правого и виноватого, тюрьмы и отдаленные губернии переполнялись ссыльными. Целые десятки так называемых "вожаков" переловлены, перевешаны».

Народовольцы вновь требовали политической амнистии и народного представительства со свободными выборами народных депутатов и свободной агитацией. В письме даже прозвучали примиренческие нотки: «Надеемся, что чувство личного озлобления не заглушит в вас сознания своих обязанностей. Озлобление может быть и у нас. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцов, но еще братьев, жен, детей, лучших друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требует благо России. Ждем того же и от вас».

Но примирения между Империей и революцией не могло быть. 3 декабря 1882 г. была создана секретная полиция, а затем – тайное общество «Священная дружина». Полицейская служба на прежних основаниях не могла противодействовать идеологизированным террористическим группам. Защита империи также должна была формироваться не основе осознанной преданности принципам самодержавия.

Успехом тайной полиции была перевербовка одного из главарей «Народной воли» С.Дегаева. В начале 1883 года ему был устроен фиктивный побег. К середине 1883 его сотрудничество с полицией позволило разгромить террористически группы. Но в конце года Дегаев был разоблачен и, спасая свою жизнь от мести народовольцев, заманил в ловушку шефа тайной полиции Г. П. Судейкина, который был зверски убит.

Империя использовала метод народовольцев – внедрение к противнику провокаторов. Еще на «процессе 20-ти» под судом оказался Николай Клеточников – мелкий провинциальный чиновник, нашедший свое призвание в том, чтобы пробиться на службу в III Отделение и изнутри разваливать работу

этого «отвратительного учреждения». Империя быстро создала сеть тайных агентов и научилась склонять арестованных народовольцев к раскаянию.

В 1884 году полицией были захвачены списки организации, адреса и пороли народовольцев. Аресты прошли в 32 городах, к дознанию были привлечены свыше 400 человек. Следствие закончилось только в 1887 г., когда на скамье подсудимых оказался 21 народоволец. Тогда же была схвачена «террористическая фракция» народовольцев, намеревавшаяся на Невском проспекте бросить в Александра III разрывные снаряды. Злодеяние не состоялось, террористы были арестованы. Одним из активистов этой разношерстной группы был 20-летний А.Ульянов, брат будущего вождя большевистской партии. Большинству из 15 приговоренных к смертной казни было оказано снисхождение. Государь не воспользовался своим правом отклонения предложений о смягчении участи осужденных: в Военно-судебном уставе с 1885 году было введено положение о том, что суд сам не может смягчить наказание и обязан выходить с соответствующим предложением к царю. Казнены 5 человек, включая Ульянова.

Избавление от виселицы, впрочем, мало помогало народовольцам. «Высшая психика» интеллигенции не выдерживала прямых следствий политической борьбы – тюремного заключения. Значительная часть арестованных после убийства Государя народовольцев в тюрьме сошли с ума, покончили жизнь самоубийством или бросались на надзирателей с целью получить смертный приговор. Большинство приговоренных к пожизненным срокам не выдержало заключения в Алексеевском равелине. В том числе здесь умерли и осужденные по «Процессу 20-ти» Михайлов, Клеточников и другие. Среди немногих выживших оказался Николай Морозов – своеобразный рекордсмен тюремной жизни, оставивший в тюрьме 28 лет свой жизни.

Морозов спасся от собственной же «высшей психики» только увлечением науками. Во время заточения и после тюрьмы его уже мало занимала собственно революционная деятельность. Он стремился разработать свои научные идеи и издать то, что было написано за время сидения за решеткой. Им были сформулированы несколько продуктивных гипотез в химии и астрономии. А вот семитомный труд «Христос», написанный в заключении, получил своего читателя только в наши дни. В Морозове увидели предтечу ревизионистов истории Фоменко и Носовского, засыпавших Россию своими псевдонаучными опровержениями всех исторических хроник.

В редких случаях «высшая психика» давала миру имена действительно выдающихся личностей. Помимо Николая Морозова, нам более других известны Лев Тихомиров, впоследствии ставший крупнейшим теоретиком самодержавной государственности, и Григорий Плеханов, превратившийся в марксистского идеолога европейского типа. Остальные народовольцы проявили себя как праздные смутьяны, злобники-публицисты и террористы.

Экзальтированные натуры не могли стерпеть пребывания в каменной клетке – пережить несвободу и крайне скудное содержание. Но самым страшным наказанием для народовольцев было полное забвение их «подвигов» – даже их большевистские последователи сочли индивидуальный террор

методом бесполезным для целей социального переворота, а идеи народовольцев – просто глупостью.

Александр III – истинно русский император

Все в жизни русского императора Александра III было пронизано неожиданностью. И личная жизнь, и обстоятельства царствования. Рожденный вторым сыном наследника русского трона, он вряд ли ожидал, что сможет занять русский престол. Но так сложилось, что стал сначала цесаревичем, а затем и царем. Являясь немцем по крови, он оказался самым русским государем по духу среди всех Романовых после Петра Великого. Не мог он и думать о женитьбе на датской принцессе Дагмаре, невесте старшего брата, но после его внезапной кончины стал ее супругом. Отменно здоровый, неожиданно тяжко заболел, и, имея все основания прожить долгую жизнь, скончался на 50-м году. Провозглашая незыблемость государственных начал, все годы правления совершенствовал социально-экономические отношения в империи. Был бесцеремонен с другими государствами, не стеснял себя во внешнеполитических акциях и все-таки обеспечил длительный мир в Европе. Был монархистом до мозга костей, но пошел на союз с республиканской Францией против монархических Германии и Австрии, когда те стали врагами России. Являлся главой большой, дружной многодетной семьи, царствующей династии, родственникам же и потомству его была уготована трагическая судьба, физическое истребление. Искоренял, и не безуспешно, крамолу в России, но уже его сын, император Николай II, пал ее жертвой.

Трудно найти другого русского государя, о котором бы распространялись столь противоречивые, взаимоисключающие суждения. У одних он зауряден и невежествен, у других умен и талантлив. Одни отмечают его трезвенность, для других он запойный пьяница. То он «никакой» полководец, в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. лишь номинально командовавший одним из корпусов действующей армии, то, напротив, весьма умелый, стойкий и твердый командир. То его называют человеком мужественным, то обвиняют в трусости. То он рачительный правитель государства, то беззаботный расточитель казны. То семейный тиран, которого боится жена, то его семья – образцовый пример идеальной жизни.

Причина таких противоречий не в личности Императора, а в особенностях эпохи, в которую ему выпало править. Все колебалось в России, все нуждалось в защите и упрочении, потому что все отрицалось, подвергаясь уничижительной, предвзятой критике. Отец Александра III – Александр II, в правление которого были предприняты либеральные реформы, льстиво названные «великими», погиб в результате покушения, смертельно раненный бомбой, брошенной террористом-поляком. Его сын-цесаревич, относившийся к реформам отца довольно скептически, не мог, разумеется, вступив на трон, продолжать дело отца так, словно не произошло ничего особенного.

Александру III как раз было понятно, что продолжать без изменений прежнюю политику невозможно: многие реформы зашли в тупик или дали

неудовлетворительные результаты. Прежняя политика спровоцировала беспочвенное брожение умов. На ее счету были: польский мятеж 1864 года, бездарная уступка Русской Америки Северо-Американским Штатам в 1867 году, крестьянское безземелье, разорение дворянства, упущенная победа в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг., внешнеполитическая изоляция.

Предстояло круто изменить правительственный курс. Вслед за либеральными реформами, опасно раскачавшими Россию, должны были последовать реформы реакционные, которые бы ее успокоили, привели в состояние равновесия, вывели на путь благоденствия, могущества и славы. Забегая вперед, скажем, что решив эту задачу тактически, Александр III все-таки не сумел обеспечить такое развитие страны стратегически. Уже через десять лет после его кончины в России началась великая революция, перевернувшая не только саму Россию, но и потрясшая до основания весь мир.

Два месяца молодой царь находился в раздумьях. Критики увидели в этом испуг перед революционерами. Ничего подобного. Еще в январе 1881 года на одном из совещаний он заявил, что «не видит необходимости навязывать России все неудобства конституционализма, препятствующего хорошему законодательству и управлению». Теперь молодому императору надо было решить, какой должна быть стратегия его правления.

Либералы-министры и даже кое-кто из великих князей грезили общественными свободами, конституцией. Но было понятно, к чему это приведет. Еще в 1865 г. Александр II объяснял предводителю звенигородского дворянства П. Д. Голохвастову, почему конституционный образ правления невозможен: «Подпиши я конституцию сегодня, и завтра Россия распадется на куски». Александр III думал точно так же. Но двадцать предшествующих лет пресса и литераторы, университетские кафедры и фрондирующее дворянство как раз здесь и не унималось. Вот где надо было наводить порядок. И как можно быстрее.

В первые дни царствования Александр III получил возможность выбрать свой путь из всех теоретически возможных, которые тогда вообще существовали. Он получил ультиматум от «Народной воли», убийц своего отца. Пришло письмо от Льва Толстого. Константин Победоносцев, его наставник, мыслитель и правовед, тоже подал письменные предложения.

Народовольцы предлагали всеобщую политическую амнистию, созыв представительного собрания и пересмотр существующих форм государственной и общественной жизни. Принять это – значит капитулировать. Граф Толстой, ссылаясь на Христа, умолял царя простить убийц Александра II, ибо они «не личные враги, но враги существующего порядка вещей» и «убили во имя какого-то блага всего человечества». Наказание – «шаг к злу», а потому с революционерами надо бороться духовно. Граф мечтал о несбыточном. Победоносцев, напротив, убеждал, что осужденных цареубийц нельзя избавлять от смертной казни, ибо безнаказанность развращает мышление, что за пролитую кровь вся русская земля требует мщения, что помилование преступников – великий грех, который поколеблет сердца подданных.

Победоносцев призывал государя «править крепкою рукою и твердой волей». «Время не терпит». Ради Бога, не верьте, не слушайте прежние песни

сирен о том, что надо успокоиться, продолжать в либеральном направлении, надобно уступать так называемому общественному мнению.

«Это будет гибель России и Вас… Безопасность Ваша этим не оградится, а еще уменьшиться. Безумные злодеи, погубившие родителя Вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбою с ними на живот и на смерть, железом и кровью… Весь народ ждет властного решения, и как только почувствует державную волю, все поднимется, все оживится и в воздухе посвежеет».

Царь согласился с Победоносцевым. В самом общем виде – в первых манифестах – программа внешней и внутренней политики сводилась к следующему: поддержание порядка и власти, соблюдение строжайшей справедливости и экономии, возвращение к исконным русским началам и обеспечение повсюду русских интересов. В манифесте от 29 апреля 1881 года говорилось: «Глас Божий повелевает нам стать бодро на дело правления с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее покушений… Посвящая себя великому нашему служению, мы призываем всех верных подданных наших служить нам и государству верой и правдой к искоренению крамолы, позорящей Русскую землю, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению правды в действии учреждений, дарованных России благодетелем ее – возлюбленным нашим родителем».

Во время своего сравнительно недолгого – 13-летнего царствования император неукоснительно придерживался этих положений.

Пожалуй, не найти такой сферы государственной, общественной жизни или сословия, которых бы не коснулись императорские преобразования. В декабре были понижены на 20% выкупные платежи крестьян, установленные при отмене крепостного права. В 1883 году частично и с 1 января 1885 года полностью отменена подушная подать (годовая экономия 53 млн. руб.). В 1882 году учреждается Крестьянский банк, за первые 6 лет деятельности ссудившего 42,3 млн. руб. крестьянам для приобретения земли. Относительное перенаселение – бич некоторых областей Европейской России, тогда как в Сибири избыток земель, пригодных для земледелия, куда в годы царствования Александра III за счет казны было переселено до полумиллиона крестьян, обеспеченных большими наделами.

Нуждалось в помощи и дворянское землевладение, оказавшееся в трудном финансовом положении после крестьянской реформы 1861 года. В 1885 году был создан Дворянский земельный банк, который за 4 года выдал ссуд на 88,7 млн. руб., чтобы дворяне постоянно занимались своими поместьями. В изданном манифесте было выражено пожелание, чтобы и впредь «дворяне российские сохраняли первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда, в распространении примером своим правил веры и верности и здравых начал народного образования».

Озаботившись бытом рабочих, правительство в 1882 году ограничило рабочее время детей, в 1884 было введено обязательное обучение малолетних, в

1885 запрещен ночной труд женщин и детей, в 1886 – установлены правила о порядке и условиях найма и расторжении рабочих договоров. Надзор за соблюдением этих законов и правил поручался государственной фабричной инспекции.

От предыдущего правления Александру III достались расстроенные финансы. Бюджет был дефицитным. За десять лет, значительно сократив расходы и увеличив доходы, император сумел упорядочить государственные финансы. Небольшой, но яркий штрих: царь сократил штат министерства двора и дворцовую прислугу. Заграничные вина были заменены крымскими и кавказскими, а число балов, непременный атрибут той эпохи, ограничено четырьмя в год.

В 1889 году впервые после 1861, бюджет был сформирован без дефицита, что позволило использовать заграничные займы на текущие расходы. В государственной казне золотой запас с 1877 по 1896 гг. увеличился с 144 до 848 тонн. Как писали современники, «цена рубля поднялась, курс повысился, конверсии долговых бумаг удались блистательно, совершение займов превышает всякие ожидания».

Финансовая стабилизация позволила решительно стимулировать экономическое развитие производства и перейти от т.н. «свободной торговли» с заграницей, невыгодной России, к протекционизму по отношению к отечественной промышленности. В 1891 году издается новый таможенный тариф, в котором покровительственная система достигла своего апогея**.**

Что принесла такая политика правительства? Являясь преимущественно сельскохозяйственной страной, Россия постоянно увеличивала производство земледелия. На ее долю приходилось 20% мирового производства пшеницы, 60 ржи, 30 ячменя, 25% овса. Заметно поднялась и промышленность. С 1881 по 1893 выплавка чугуна в империи поднялась с 27,3 до 70,8 млн. пудов (+159 %), выплавка стали – с 18,7 до 59,3 (+217), добыча угля – с 200,9 до 460,2 (+129), нефти – с 21,4 до 337 (+1475%). Протяженность железнодорожных путей к 1881 году составляла 21226 верст, а к 1894 года уже 33869 верст (+60%). В 1891 году началось строительство грандиозной Транссибирской магистрали, что дало мощный импульс для развития машиностроения.

Россия уверенно развивалась, превращаясь из аграрной в аграрно-индустриальную. Заметно росло благосостояние населения. Если в 1881 году в сберегательных кассах империи имелось вкладов на 10 млн. руб., то в 1894 году они превысили 330 млн.

Чтобы обеспечить в стране экономическое и социальное развитие, надо было унять общественные страсти, восстановить в государстве порядок, расшатываемый «несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом». Да и неэффективность патриархального правления была очевидной. В сентябре 1881 года вступило в действие «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». На территориях, где возникали беспорядки, могли вводиться чрезвычайные меры, а генерал-губернаторам и градоначальникам давались особые полномочия. Допускались высылки в административном порядке, военные суды и закрытые судебные процессы. Через год был установлен цензурный контроль министерства внутренних дел за

повременными изданиями. Уточнялось законодательство о евреях, наделенных значительными привилегиями. В 1882 году им было разрешено селиться в городах и местечках в черте оседлости, составлявшей территорию современной Литвы, Белоруссии, Украины, Молдавии, а также Царства Польского. В 1887 году для них была введена норма приема в высшие и средние учебные заведения, значительно превышавшая их долю в численности населения.

Не прибегая ни к каким чрезвычайным шагам, правительству удалось ликвидировать террористические группы. Всего же за политические преступления в «период реакции» казнили всего 17 человек. Все они или участвовали в цареубийстве, или готовились к нему, и ни один из них не раскаялся. В общей же сложности за антигосударственные деяния в течение почти 14 лет было допрошено и задержано менее 4 тыс. человек. При численности населения тогдашней России 120 млн. человек эти данные опровергают стенания о «режиме террора», якобы установившемся во времена Александра III, как, впрочем, и о преследовании печати. В 1894 году одних книг было издано почти 11 тыс. наименований (в 1890 – 8638). При Александре III не были допущены к обращению в России менее 200 заграничных книг. Большинство книг подвергалось запрету по духовно-нравственным соображениям: оскорбление чувств верующих, распространение непристойностей и т. д.

Через три дня после трагического покушения 1 марта 1881 года в циркулярной депеше министра иностранных дел России было заявлено: «внешняя политика его величества будет вполне миролюбивою». И действительно, Александр III в войны не вступал. Проблема состояла в том, что Берлинский конгресс 1878 год показал: у России союзников нет. Разгромив Наполеона I, Россия помогла Британии создать колониальную империю. В 1849 году Николай I сохранил Австрию от распада. Но уже в 1854 году франко-британо-турецкая коалиция развязала против России Восточную войну. В 1870 году нейтралитет России помог Пруссии воссоединить Германию, ставшую империей. Но уже в 1878 году Берлин, Лондон, Париж и Вена, демонстрируя черную неблагодарность, вынудили Россию заключить унизительный для нее договор с Турцией, уступив Балканы Австрии и Германии.

Александр III признал, что лучшей политикой для России будет не искать ничьих союзов, не брать никаких обязательств и тщательно избегать столкновения с Австрией, чтобы не связать себе рук на случай войны между Германией и Францией. Французы, англичане, немцы, австрийцы – все в разной степени стремились сделать Россию орудием для достижения своих эгоистических целей. Всегда готовый принять вызов, Александр III, однако, при каждом удобном случае давал понять, что интересуется только тем, что касалось благосостояния 130 миллионов населения России.

В конце-концов после того как Берлин сколотил в 1891 году блок из Германии, Австрии и Италии, Франции ничего не оставалось, как искать союза с Россией. Принимая в Кронштадте французскую эскадру с дружественным визитом, царь стоя выслушал «Марсельезу» и провозгласил тост за здоровье президента Карно. Французы, принимая в Тулоне русскую эскадру, точно так

же выслушивали гимн «Боже, царя храни». Изоляция России осталась в прошлом.

В начале 1892 года в записке, адресованной Победоносцеву, император писал: «никогда русские Государи не обращались к представителям иностранных государств с объяснениями и заверениями. Я не намерен вводить этот обычай у нас, из года в год повторять банальные фразы о мире и дружбе ко всем странам, которые Европа выслушивает и проглатывает ежегодно, зная хорошо, что все это пустые фразы, ровно ничего не доказывающие».

Не желая войны или каких-либо приобретений, Александру III пришлось, при продвижении на востоке, увеличить владения Российской Империи на 429895, 2 кв. км.

Единственное вооруженное столкновение русских войск произошло в марте 1885 г. в Средней Азии, при Кушке, с афганцами, которые захватили оазис Пенде. Ими командовали английские офицеры. – Я не допущу ничьего посягательства на нашу территорию», — заявил Государь. Управляющий министерством иностранных дел Гирс задрожал. — Ваше Величество, это может вызвать вооруженное столкновение с Англией. — Хотя бы и так, — ответил Император.

Одна из отличительных примет правления Александра III была просто удивительна. Практически полностью исчезли такие привычные атрибуты русской действительности (в том числе и нынешней), как взяточничество и коррупция. Профессиональные «разоблачители царизма» не отыскали ни единого коррупционного факта, хотя искали их многие десятилетия…

Император практически полностью сменил министров, отказавшись от услуг либералов. С ними ему было не по пути. Либералов сменили люди дела.

Политику «черной реакции», о которой десятилетиями толковали оппозиционеры, проводили князь Хилков, министр путей сообщения, начинавший свою деятельность простым рабочим в Пенсильвании, профессоры Бунге и Вышнеградский, затем Витте — министры финансов, известные экономисты, герой Русско-турецкой войны генерал Ванновский - военный министр. Адмирал Шестаков, высланный за границу за беспощадную критику военного флота, был вызван в Петербург и назначен морским министром. Министр внутренних дел граф Толстой был первым русским администратором, сознававшим, что забота о благосостоянии сельского населения России должна быть первой задачей государственной власти.

Были привлечены к управлению и члены династии. Великий князь Владимир Александрович стал командующим войсками Петербургского военного округа. Великий князь Сергей Александрович получил пост московского генерал-губернатора. Великий князь Михаил Николаевич стал президентом Государственного совета, великий князь Константин Константинович — президентом Академии наук и т.д.

Александр III никаких чрезвычайных органов не создавал, никакой «специальной чистки» чиновного аппарата не производил, но атмосфера в стране и в коридорах власти существенно переменилась. Постепенно исчезли сановники, слывшие либеральными, а на смену им пришли другие, готовые

служить царю и Отечеству беспрекословно, не заглядывая в европейские шпаргалки и не боясь прослыть реакционерами.

Все указывало на то, что жизнь Александра III будет долгой. Но судьба распорядилось иначе. В железнодорожной катастрофе, происшедшей в октябре 1888 году под Харьковом, государь, спасая жену и детей, получил сильную травму, не обратив на нее никакого внимания. Однако уже летом 1894 года обнаружилась болезнь почек, от которой он буквально сгорел за несколько месяцев. За два дня до кончины Александр III сказал своему сыну, который столь же неожиданно должен быть вступить на трон, как и он сам:

«Я передаю тебе царство, Богом мне врученное, я принял его тринадцать лет тому назад от истекающего кровью отца… Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это он получил от «русских революционеров» бомбу и смерть…

В тот трагический день встал передо мной вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое передовое общество, зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывало мне мое собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть. Я избрал мой путь. Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя притом, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных пред престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость твоего царского долга да будет для тебя основой твоей жизни. Будь тверд и мужественен, не проявляй никогда слабости.

Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только самого себя и своей совести. В политике внешней — держись независимой позиции. Помни — у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн. В политике внутренней — прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в годины бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства».

Разве есть в этом напутствии хоть что-нибудь, что утратило смысл и значение вплоть до наших времен?

Непроигранная война

В течение последних полутора десятилетий надругательство над русской историей стало привычным делом для пишущей и читающей публики. Если в советское время все неудачи Российской Империи списывались на «царизм», то в новой ельцинской России весь исторический путь России был подвергнут осмеянию, извращению и оскорблению. Именно поэтому с особым смаком

обсуждают наши «образованцы» разнообразные «хронологии», ставящие русскую историю вверх тормашками. Плебейское «вот оно что!» прорывается в кухаркиных детях, помнящих как им в школе ставили колы по русской истории.

Но самое подлое издевательство «образованцев» возникает, когда русская трагедия бесспорна, когда исторические факты свидетельствуют о наших поражениях. Здесь интеллигенция не знает удержу: она добавляет ко лжи советских учебников свои домыслы, призванные доказать, что любое наше отступление есть проявление русской натуры. Мол, все наши победы – ничто, а наши поражения – истинное свидетельство о России и русских.

Русско-японская война 1905 года доныне оценивается в общественном сознании как позор России. Этому учат наших детей в школе. И даже подвиг крейсера «Варяг» поставлен под сомнение: непременно к годовщине гибели крейсера и его героической команды следуют гнусные публикации и трансляции. О трагедии Цусимы и говорить нечего. На головы павших – сгоревших, сожженных и разорванных снарядами, утопших – возводят хулу неблагодарные потомки, проклиная царскую Россию, о которой они толком ничего не знают.

В писаниях современников находит свое отражение русофобия тех давних лет, когда ведущие державы увидели в России опасного конкурента и всеми силами стремились создать нам трудности. Втянуть Россию в войну на удаленном от промышленных центров театре военных действий – это был успех русофобской дипломатии. Европейские милитаристы науськивали и вооружали Японию, подогревая в этом небольшом государстве имперские настроения и соблазняя завоеванием огромного Китая. Россия встала на пути агрессивных замыслов Японии, поскольку видела в Китае особую цивилизацию, становящуюся великую империю, с которой Российской Империи надлежало дружить, а не воевать.

Европейские и американские «доброхоты» обеспечили Японии перед началом войны двукратное морское (по числу судов) и пятикратное сухопутное превосходство над дальневосточной Россией. Технический уровень военной машины Японии был вполне европейским, выучка – под присмотром европейских военных специалистов.

В отличие от Японии, Россия вынуждена была заниматься преимущественно внутренними делами – ее изнутри расшатывало революционное движение, также заботливо инспирированное иностранными державами. Россия не могла обеспечить оба фронта – внутренний и внешний. На это и был расчет Японии и ее тогдашних «спонсоров». Зная о своем превосходстве, Япония начала войну.

Почему-то многие считают, что это Россия напала на маленькую Японию, а та сумела дать отпор, продемонстрировав невиданное упорство солдат и гениальность своих генералов и адмиралов. В действительности все было совсем не так. Отлично подготовленная к войне Япония внезапно атаковала российские военно-морские базы и вывела из строя большую часть противостоящего ей российского флота. Заметную роль в этом сыграли две трагические случайности: гибель в двух попытках прорыва флота из Порт-

Артура двух флотских командующих - сначала адмирала Макарова, затем контр-адмирала Витгефта. При этом русский флот демонстрировал способность биться даже с многократно превосходящим его противником и наносить ему тяжелый урон.

Операции на суше и вовсе следует считать для русской армии успешными. При штурмах недостроенной крепости Порт-Артур японцы потеряли около 100 тыс. человек, русские – 27 тыс. Под Ляояном потери японцев составили 24 тыс., наши – только 18 тыс. человек. И только под Мукденом успех был на стороне Японии – русские потери составили 90 тыс., японские – свыше 70 тыс. Людские и материальные ресурсы Японии, необходимые для ведения войны, к лету 1905 года были исчерпаны, а русская армия ждала значительных пополнений, которые спешно продвигались из центральных районов России (во время войны удалось увеличить пропускную способность Транссибирской магистрали вчетверо).

Тяжелым поражением России стала гибель в мае 1905 года балтийской эскадры в Цусимском проливе. Именно это поражение стало поводом для того, чтобы образованная публика тогдашней России обвинила русское военное руководство в бездарности, а Россию в целом – в неспособности противостоять Японии. В действительности, в Цусимской трагедии русские моряки проявили чудеса храбрости и героизма. Не их вина, что военные заводы поставляли в распоряжение флота негодные снаряды – кто-то (так и не выяснено кто), ввел в состав взрывчатки новшество, после которого большинство снарядов просто не взрывалось). Не их вина, что противник имел огромное превосходство в тяжелой и средней артиллерии, сметавшей с палуб русских кораблей все живое. Не их вина, что японская артиллерия могла стрелять втрое быстрее, фугасные снаряды японцев имели впятеро большую взрывную силу в сравнении с нашими бронебойными, а скорость хода эскадры японцев превосходила русскую в полтора раза. Эти причины обусловили гибель русской эскадры и 7 тыс. русских моряков и почти полную неуязвимость японского флота.

Мы должны говорить не о вине, не о позоре, а о славе русской в катастрофичной для нас Цусимской битве - так же, как и при обороне Порт-Артура, а в прежнюю войну – при обороне Севастополя. «Мученики за Россию» – так назвал в 1908 году свою статью о Цусиме талантливый русский публицист М.О.Меньшиков (прежде – морской офицер), восславивший подвиг тех, кто не бежал, не сдавался и отдавал Богу душу вместе со своим кораблем. «Нельзя собрать костей героев со дна Великого океана, чтобы заключить их в общую братскую могилу, но можно и следует построить храм, где были бы благоговейно погребены имена их, куда приходили бы оплакивать их осиротевшие жены и дети и где Россия могла бы, поминая их, преклонить колени».

Невозможно не считать позорной для России сдачу в плен 20 тыс. солдат под Мукденом. Но сдачу нескольких кораблей при Цусиме (формальное нарушение Морского устава) следует защитить от торопливых обвинений. Вышедшие из боя корабли фактически представляли собой плавучие госпитали, где почти все живые были раненными, а средства ведения боя исчерпаны – арсеналы пусты, а орудия разбиты. Бросить русским морякам

обвинение в том, что они не умерли тут же под огнем японского флота – поступок, не знающих стыда. Да ведь и не все сдавались, а только меньшинство! Русские моряки почти без исключения предпочитали принять неравный бой и пойти ко дну!

Главная причина поражения России в Русско-японской войне 1904-1905 гг. не в отставании в военной технике, не в слабости военного руководства. Главная причина трагического для России финала этой войны – во внутренней измене, ударившей в тыл русской армии. Распропагандированные революционными партиями массы готовы были развязать войну против собственного правительства и убить Россию. Дворцовые интриганы плели заговор против Самодержца. «Рутина, своекорыстие, карьеризм, инородческое засилье, невежество и равнодушие к русскому народному делу — вот что привело нас к катастрофе», - писал М.О.Меньшиков.

Нет, не война, не поражение в войне вызвали к жизни революционное движение, а это самое революционное движение подорвало силу России – стойкость ее солдат, решительность генералов, верность ее дипломатов. Последние, подвергнутые давлению самых изощренных в своем деле политиков Запада, дали слабину и убедили Государя Николая II в том, что войну надо во что бы то ни стало прекратить – иначе нам грозит вмешательство Великобритании, Германии, США, а также разрастание недовольства так называемых народных масс, якобы уставших от войны. Надо отметить также коварную позицию министра финансов С.Ю.Витте, который в течение ряда лет накануне войны систематически сокращал военный бюджет втрое против необходимого. Именно Витте предпочитал финансировать строительство торговых причалов порта Дальний, но не достройку соседствующей крепости Порт-Артур. Именно Витте подписал летом 1905 торопливый мирный договор с Японией – когда русская армия на суше втрое превосходила японскую и могла нанести ей сокрушительное поражение.

Участник войны генерал Е.И. Мартынов писал, что в России «с кафедр, в литературе и в прессе систематически проводятся взгляды, что национализм есть понятие отжившее, что патриотизм не достоин современного “интеллигента”, который должен в равной мере любить все человечество, что война есть остаток варварства, армия – главный тормоз прогресса и т.п. Из университетской среды, из литературных кругов, из кабинетов редакций эти идеи, разрушительные для всякого государственного строя (безразлично самодержавного или республиканского), распространяются в широких кругах русского общества, причем каждый тупица, присоединившись к ним, тем самым как бы приобретает патент на звание “передового интеллигента”».

О разительном контрасте в отношении к войне в России и а Японии писал генерал А.Н. Куропаткин. В Японии действовала общенациональная система военно-патриотического воспитания и патриотическая пропаганда, в России – разложение русской школы и русофобская пропаганда. Ровно то же, что видим мы и сегодня. Нынешняя российская школа и нынешняя российская журналистика уже привели нас ко множеству военных и политических неудач и готовят России последнюю катастрофу.

Мы уступили Японии в непроигранной войне. Россия вынуждена была подписать мирный договор на условиях японцев, не одержавших над нашими войсками решительной победы, под угрозой мировой войны и масштабного внутреннего мятежа – то есть, того сценария, который был разыгран против России в феврале 1917 года и обернулся уже не частной уступкой, а крахом Империи. Непроигранные войны, объявленные позорным поражением, становятся причиной проигранной Истории. В XX веке мы успели проиграть свою Историю еще раз – в 1991 году, сдавшись русофобам и изменникам в непроигранной «холодной войне».

Сегодня мы находимся в условиях интервенции Запада и торжества изменников всех мастей и рангов. Русская трагедия разыгрывается у нас на глазах. Если мы не поймем трагических уроков собственной истории, то лучшим сынам России останется только погибнуть в последнем бою, затопив свои корабли.

Правда о «черносотенцах»

4 декабря 1905 года в Санкт-Петербурге состоялся первый митинг организации, провозгласившей себя Союзом Русского Народа. Лучшие граждане России нашли в себе силы и мужество встать на защиту Родины в те дни, когда над страной нависли багряно-кровавые тучи «первой революции», а толпы обезумевших людей, словно желая погибели собственной стране, завораживались пламенными речами революционеров. Епископ Андроник чуть позже прямо связывал возникновение Союза Русского Народа со стихийной волной народного противодействия красной крамоле, которой негласно покровительствовали многие государственные изменники, чья деятельность уже почти открыто направлялась разного рода тайными обществами (Беседы о «Союзе Русского Народа», Старая Русса, 1909).

Ярко и в полный голос заявило новое, патриотическое движение, объединившее в своих рядах самых преданных сынов Отечества. «Желая вступить в члены Союза Русского Народа, стремящегося к содействию (всеми законными методами) правильному развитию начал Русской Церковности, Русской Государственности и Русского Народного Хозяйства на основе Православия, неограниченного Самодержавия и Русской Народности, – написал позднее о. Иоанн Кронштадтский, – прошу как единомышленника зачислить и меня». К Союзу примкнули тысячи и тысячи честных русских людей, а враги почти сразу стали клеймить их ярлыками «черносотенцы» и «погромщики» – столь ненавистны были для них те, кто выступал за незыблемость Православия, русского Самодержавия и народности. Многое из событий тех дней напоминает и сегодняшнюю измену, когда многочисленные враги продолжают изъедать Россию изнутри, словно напоминая, что битва за Родину, начатая Союзом Русского Народа, еще не закончена.

Союз Русского Народа был основан в ноябре 1905 г. в Петербурге, у его истоков стоял известный врач и патриот А.И. Дубровин. Он ставил задачу

объединить русских людей на основе своего национального самосознания, вне сословных различий, ради общей работы во благо Отечества.

Идеология Союза была простой и востребованной временем. Его члены выступали за единство и нераздельность Российской империи, за незыблемость начал русской государственности, основанной на единении Царя с народом. В этом смысле они возлагали надежду на Государственную Думу, которую мыслили подобием старых земских соборов, которые поддерживали самодержавность русского Царя волей народа. Такая Дума у нас не сложилась по сей день. Полное единство власти с народом возможно лишь тогда, когда не только власть станет истинно русской, но и народ будет осознанно отдавать голос только лучшим своим представителям, подтвердившим свою честную позицию личной преданностью Родине и ее интересам.

В документах Союза говорилось о ведущей роли русского народа в истории России, о необходимости его величия и благоденствия, «дабы множество инородцев, живущих в нашем Отечестве, считали за честь и благо принадлежать к составу Российской Империи и не тяготились бы своей зависимостью». Союз Русского Народа выступал и за судебную реформу, и за всеобщее бесплатное образование, и за усиление контроля за прессой (почти столь же разнузданной, как и в наши дни), требовал строгую защиту прав собственности.

Вместе с тем Союз настаивал на введении смертной казни за преступления против государства и человеческой жизни, за изготовление и применение взрывчатки (излюбленное средство революционеров), за государственное вредительство и укрывательство опасных преступников. Столь жесткие меры были необходимы в те смутные годы разгула красного террора, жертвами которого становились честные государственные мужи – московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, министр внутренних дел В.К. Плеве и многие другие. Думается, что и в наши дни жесткие меры были бы оправданы по отношению к таким же мятежникам и убийцам.

Перед всеми интересами и задачами, которыми должно было руководствоваться государство, предпочтение отдавалось русским национальным интересам и задачам объединения русского народа. И организация действовала прямо и открыто, презирая всякую подпольщину и подлые методы врагов Царя и Отечества.

При этом Союз Русского Народа не был партией, но широким общественным движением, ставившим перед собой конкретные цели спасения Родины, стоявшей на пороге гибели. Среди его сторонников были такие достойные люди, как о. Иоанн Кронштадтский, о. Тихон (будущий Патриарх), архимандрит Антоний (Храповицкий), князь В.М. Волконский, выдающийся химик, академик Д.И. Менделеев, академики-филологи К.Я. Грот и А.И. Соболевский, врач С.С. Боткин, профессора Д.И. Иловайский, Б.В. Никольский, В.Ф. Залесский, С.В. Левашов, Ю.А. Кулаковский, И.Е. Забелин, мыслители и публицисты С.А. Нилус, В.В. Розанов, Л.А. Тихомиров, М.О. Меньшиков, Н.Д. Жевахов, художники В.М. Васнецов, М.В. Нестеров, П.Д. Корин, создатель оркестра народных инструментов В.В. Андреев. Вклад этих людей в русскую

науку и культуру невозможно отрицать или хотя бы игнорировать, и уж тем более нельзя назвать их погромщиками!

Но вопреки фактам по сей день в адрес Союза Русского Народа раздаются самые грязные обвинения – столь глубокой остается ненависть даже к памяти об этой славной организации, возникшей из среды простого народа. Пишут, что мол туда «вербовали уголовных преступников, а они занимались погромами» (У. Эко), будто бы деятельность Союза была «разгулом банды подонков-антисемитов» (Б.С. Хорев), и так далее (полистайте любой советский словарь!).

Миф о «черносотенстве» по сей день создается и культивируется теми, кто ненавидит и презирает русскую Россию – ту Россию, к которой стремился Союз Русского Народа в начале прошлого столетия и к которой стремятся люди, желающие видеть сегодня свою Родину могучей и процветающей. «Пусть ни один малодушный не смущается, – ободрял всех епископ Андроник, – когда враги народа или не понимающие истинного его блага закидывают клеветою имя «Союза». Стыдиться этого не приходится… Мы ищем своего права: мы желаем быть Русскими всегда, везде и во всем – в семье, школе, государстве, в общественной жизни, в церкви. И будем бороться за осуществление своего желания, но не бунтами и мятежами кровавыми, а совершенно мирным, хотя вместе с тем твердым и уверенным отстаиванием всего русского и народного от всяких на него посягательств».

Сегодня, как и сто лет назад, возникает острая необходимость в широком общественном движении, защищающем и отстаивающем права русских людей. Борьба за Россию, провозглашенная Союзом Русского Народа, должна иметь только один исход – нашу окончательную, полную и сокрушительную Победу, которая ознаменует Возрождение России. Не нужно ждать ее, сложа руки, но только приближать каждым мигом своей жизни.

Как Столыпин поссорил мужика с царем

На пороге XX столетия Российская Империя вступила в эпоху коренных противоречий. Но не город, не фабрично-заводской пролетариат и даже не евреи были их источником. Кризис назрел в русской деревне. В эти годы она входила в пик разорения. Тяжесть налогового бремени, громадные выкупные платежи, несправедливая ценовая политика – все это истощало крестьянскую массу. Голод в аграрных регионах стал явлением обычным, повторяясь в среднем каждые три года. В результате крестьянство, враждебное в прошлом к любой антигосударственной агитации, становилось источником массового протеста. Обострение произошло в 1902 г. из-за голода в целом ряде губерний, последовавшего за неурожаем 1901 г. Происходил захват помещичьих земель, погром «дворянских гнезд», что продолжилось в 1903 г., и затем возобновилось в особо крупных масштабах в 1905-1906 годах.

Государственная власть, которая в прошлом сравнительно легко справлялась с любыми беспорядками, на этот раз была вынуждена действовать с известной осторожностью. Порядок вещей, обеспечивавший неколебимость государственного строя, экономического уклада, религиозно-культурных

традиций на протяжении пяти веков, был поколеблен. Между тем силой, сохранявшей в России порядок, являлась не полиция, не жандармы и не армия. Ею было русское крестьянство, составлявшее в целом до 85% тогдашнего населения, его нерушимая связь с русским царем, о которую разбивались какие угодно мятежи, восстания и бунты, и незыблемость православной веры, духовно объединявшей в Церкви все сословия государства.

Первые признаки кризиса этого союза пришлись на вторую половину XIX столетия, после осуществления крестьянской реформы 1861 года. Упразднив крепостное состояние, она оставила русских земледельцев европейской России, в сущности, без земли. Не найдя тогда мужества для решения земельного вопроса, равно справедливого для всех сословий, власть решила его в пользу дворянства и за счет крестьянства. И как бы ни были значительными хозяйственно-экономические успехи России в последующие четыре десятилетия, столь же очевидными были и накапливающиеся социальные противоречия. Рост промышленности (производство в которой увеличилось в 7 раз), опережавший по темпам даже Североамериканские Штаты, не предотвращал заметного отставания в технике земледелия. Благополучие горожан обходило стороной большинство жителей села – город богател, а деревня нищала. Азиатский восток страны обладал огромными, еще не освоенными, земельными ресурсами, пригодными для хозяйствования, а европейский запад изнемогал от аграрного перенаселения. Материальные богатства, превосходившие по запасам другие государства, не соответствовали скудости свободных финансовых ресурсов, принуждая правительство России брать займы у иностранных кредиторов, попадая в зависимость и от иностранных правительств.

Разумеется, из-за перечисленных тенденций, неблагоприятных в социальном отношении, не следует предавать забвению или недооценивать экономический рост, последовавший за реформой 1861 г. К началу XX века Россия вышла на первое место в мире по общему объему производимой сельскохозяйственной продукции. Империя производила 50% мирового сбора ржи, до 20% пшеницы. Чистые среднегодовые сборы (валовые сборы минус семена) хлебов и картофеля с 70-х годов XIX века до начала XX века выросли на 85%. Чистые сборы на душу населения увеличились с 3 до 3,7 четвертей (1 четверть — 8 пудов). Еще быстрее росли сборы сахарной свеклы, льна, технических культур. Доля крестьянского хозяйства в аграрном производстве страны достигла 88% валового сбора хлебов и 78% товарного зерна (в 60-е годы XIX века — 68%).

Что тревожило? Оказалось, что труд крестьянина, ведущего самостоятельное хозяйство, не обеспечивает достатка сам по себе. Рыночные отношения благоприятствуют земледелию окраин, но обременяют великорусский центр. Если в Новороссии, Предкавказье, Заволжье и Сибири имущественное положение крестьянства крепло, а доля состоятельных хозяйств росла, то в центрально-земледельческом районе проявляли себя противоположные тенденции. Здесь шло «обнищание деревни» и «упадок крестьянских хозяйств», наблюдалось истощение почвы, переход от трехпольной системы земледелия к двухпольной. Из 12 млн. крестьянских

дворов лишь 2 млн. относились к «кулацким». Именно они производили 30–40% валового сбора хлеба и до 50% товарной продукции сельского хозяйства, сосредоточив у себя 80–90% частных («купчих») крестьянских земель и до половины арендованных.

Справедливости ради стоит отметить, что русское крестьянство в целом приспособилось к тем условиям хозяйствования, которые объективно имелись в наличии. Оно не деградировало, не вымирало, не вырождалось, а наоборот, довольно быстро увеличивалось численно. Если накануне реформы 1861 года в России насчитывалось 35,9 млн. крестьян, то по переписи 1897 года – 62,7 млн. Существенным подспорьем в крестьянской жизни служили промыслы, дававшие до половины семейного дохода. Русский крестьянин был и хлебопашцем, и мастеровым человеком.

Кризис в стране создавали не классовые или аграрные, а преимущественно земельные противоречия. Крестьянство требовало от царя не «хлеба и зрелищ». Земледельцу была нужна земля, чтобы на ней трудиться. И игнорировать эту, тогда естественную, потребность было невозможно. Выход был в переселении крестьян из европейских малоземельных районов на Восток – в Сибирь, в Семиречье, в Степной край. Можно было уменьшить нагрузку за счет переселения крестьян в города, чтобы там они становились мещанами и рабочими. Значительными земельными ресурсами обладали помещики, дворянское сословие. Можно было перераспределить помещичий земельный фонд в пользу крестьян. И на все требовались терпение, время и деньги. Но уже не было ни того, ни другого, ни третьего. Тупик! Социалисты и кадеты видели выход в экспроприации или принудительном выкупе помещичьей земли. Но на такой шаг не мог пойти государь. Романовым было трудно решиться удовлетворить потребности одной своей опоры – крестьянства, за счет другой – дворянства. И все равно власть понимала, что нельзя было ничего не делать, оставлять все как есть и ждать, когда «котел» взорвется.

Как бы там ни было, столкнувшись в 1902 году с массовыми крестьянскими беспорядками, правительство не ограничивалось полицейскими мерами. Уже в начале года было создано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности во главе с С.Ю. Витте, тогда министром финансов, и несколько позже – комиссия «по исследованию причин оскудения центра» под руководством товарища министра финансов В.Н. Коковцова. Они усмотрели основные недостатки в «правовом устройстве крестьян» и в общинном владении землей, предложив сделать ставку на семейную форму частного владения, на выход из общины и на переселение крестьян на Восток страны. Их материалы содержали практически все основные положения будущей столыпинской аграрной программы, осуществление которой было предписано Высочайшим указом от 9 ноября 1906 г., изданным в обход Государственной Думы, и законом от 14 июня 1910 г., принятого Думой и Госсоветом, тогдашними законодательными палатами.

Суть указа, затем подтвержденного законом, состояла в том, что «каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли». Предусматривалось

проведение землеустройства для ликвидации чересполосицы, «насаждение» частной крестьянской земельной собственности путем предоставления крестьянам льготного государственного ипотечного кредита через Крестьянский поземельный банк и их переселение при поддержке власти на окраины Империи.

Теперь, когда мы знаем, что произошло в истории России за последние 100 лет, когда нам известно, какими последствиями была чревата столыпинская реформа, мы можем дать ей гораздо более точные оценки, нежели те, которые принадлежали и ее авторам, и ее критикам.

Надо признать, что Витте и Столыпин нашли не лучшее решение земельного вопроса. Возможно, если бы в 1914 году Петербург уклонился от участия в развязанной Берлином и Лондоном войне, 1917 год обошелся бы без февральского заговора против династии и октябрьского переворота, приведшего к власти большевиков. Но в условиях войны, к которой Россия была недостаточно готова в большей степени морально, чем военно-технически, земельная реформа 1906–1910 гг. сыграла провоцирующую роль. Крестьянство, главным образом великорусского центра, не забыло и не простило столыпинской реформы. Союз крестьян, царя и церкви, единение веры, власти и земли, расшатанные в 1861 г., были потрясены этой реформой и окончательно рухнули к 1917 г. Затянувшейся войны сделала разрыв между ними неизбежным. Нельзя мерить Россию одним аршином. Именно эта ошибка была допущена.

Что лежало в основе крестьянского недовольства? Власть решила превратить землю в товар, против чего активно возражала основная масса крестьян. Правительство принялось упразднять крестьянскую общину, что нарушило одно из коренных условий выживания деревенских жителей. Власть сохранила покровительство помещичьему землевладению, что противоречило крестьянскому убеждению, считавшему, что владеть землей должны лишь те, кто на ней работает. Больнее всего эти противоречия сказывались в центре России – от Петрограда до Рязани и от Минска до Волги.

Между тем острая полемика, в которой участвовали правительство, помещики, либеральная и социалистическая оппозиции, вращалась, главным образом, вокруг надуманного вопроса; каким должно быть русское земледелие – прусским или американским, юнкерским или фермерским? Ни одной из сторон не приходило тогда в голову, что у России есть свой собственный путь аграрного развития. Его выражали сельские сходы, посылавшие в I, II и III Госдуму петиции и наказы. Но к ним мало кто прислушивался.

Дело было в том, что пространство России, разделенное на различные климатические пояса и почвенные зоны (лишь в европейской части их насчитывается 13 или 14), не могло регулироваться универсальными, усредненными правилами. В частности, это касалось соотношения семейного и помещичьего, частного и коллективного хозяйства. Различное плодородие почв и различная способность к труду естественным образом создавали, да и теперь создают, то разнообразие, которое необходимо учитывать при организации эффективной обработки земли и скотоводства. Государственной власти необходимо было лишь подправлять перекосы: усиливая преимущества и

ослабляя недостатки естественно возникшего и веками устоявшегося порядка. В частности, понять, что повсеместная отмена в 1861 г. крепостного права – шаг неосторожный и неверный в тех случаях, когда общинные формы земледелия и определенный симбиоз с помещичьим хозяйством уже сложились.

Проблема России состоит в том, что революции «сверху» и «снизу» создают условия, за которые государственная власть вынуждена отвечать, разгребая последствия. Вольная самоорганизация оказывается надолго подавленной, замененной волевым регулированием со стороны власти. Отмена крепостного права была попыткой универсального решения для сложно-дифференцированной ситуации, сломавшего тот порядок, который был вполне перспективен с точки зрения развития самой системы земледелия.

Что касается русского Севера, где земля неурожайна, то там крепостного права вообще не было в силу его полной экономической несостоятельности. Только в том случае, если коллективное хозяйство спаяно свободной лояльностью к жесткому монастырскому уставу, оно и на Севере способно обеспечить высокую эффективность. Пример тому показывает община Соловецкого монастыря.

В Нечерноземье основным достоянием была не земля, а люди. Именно поэтому здесь крепостное право казалось не столь необходимым. Крестьянин то и дело должен был уходить в отхожие промыслы. Плохой работник здесь не мог выжить при индивидуальном хозяйстве. Здесь только коллективное общежитие дает возможность кормиться от земли. Частное хозяйство под силу поднять только уникальным трудовым способностям. Ведь ему достаются удаленные от поселений неудобья. Проблему могли решить значительные капиталы, чтобы механизировать земледелие, но их-то у крестьян отродясь не было.

Весь Юг России, в отличие от Севера и Нечерноземья, обеспечен благоприятными условиями для земледелия. Поэтому здесь индивидуальное (посемейное) хозяйство зажиточно, а коллективное неизбежно смешивает плохого и хорошего работника, теряя эффективность. Напротив, частный хозяин, где бы он ни получал землю, вполне способен кормиться от нее даже при умеренной способности к труду.

Но от всех этих подробностей и частностей, составлявших сущность земледельческого труда и самой крестьянской жизни, зависящих от прихотей климата и почвы, правительство абстрагировалось, увлеченное тогда масштабной «перестройкой» страны, включая пересмотр всего действующего в Империи законодательства. В программной речи премьера Столыпина в Госдуме 6 марта 1907 года было названо до 35 коренных реформ, к которым оно якобы было готово приступить немедленно и одновременно. Задача заведомо непосильная, да и вряд ли тогда необходимая.

Разумеется, Столыпин был честным, энергичным и целеустремленным деятелем. Но его другая речь, произнесенная в Госдуме 10 мая 1907 г., посвященная быту крестьян и праву частной собственности на землю, читается сейчас как приговор его аграрной политике. Она переполнена ложными оценками, искренними заблуждениями и ошибочными выводами. Все то, на

чем настаивал Столыпин, оказалось поверженным, а что он отрицал, было осуществлено. Премьер был уверен, что строит Великую Россию, оказалось, его решения множили великие потрясения.

Конечно, в русской аграрной истории между 1906 и 1917 годом можно найти много положительных явлений. На необжитый Дальний Восток было переселено 3 млн. человек. Развилась крестьянская кооперация: к 1917 г. работало 64 тыс. кооперативов. Урожай зерновых хлебов, составлявший в 1908–1912 гг. в среднем 4555 млн. пудов в год, в 1913 г. достиг 5637 млн. пудов. Рост урожайности зерновых с 1907 по 1913 г. составил: 107% для ржи, 111,7% — для пшеницы, 106,6% — для овса и 133,7% — для ячменя. Если в 1906 г. крестьяне приобрели сельхозтехники на 39 млн. рублей, то в 1912 г. – на 119 млн. В 2 раза выросло применение минеральных удобрений. Резко возросли продажи строительных материалов. Продажи одних только железных изделий увеличились со 124 млн. рублей в 1900 г. до 249 млн. в 1912 г. В 1913 г. Россия заняла по общему сбору четырех главных хлебов второе место в мире после США.

Что же касается крестьянской общины, в стремлении разрушить которую можно усмотреть не только организационно-хозяйственный, но и политический мотив (в период крестьянских волнений 1902–1906 годов община проявила себя как серьезный институт крестьянской политической самоорганизации), то общее число вышедших из нее составил около 2,5 млн. дворов, из которых до 1 млн. сразу же были проданы. За десять лет земельной реформы, к 1916 году в ходе землеустройства было создано 1,2 млн. хуторов и отрубных участков. Следовательно, эта часть реформы очевидно не задалась. К тому же стоит отметить, что крестьянская община начала XX столетия – не производственная единица и не форма хозяйственной кооперации, а способ крестьянского общежития. Стабильность общины в нечерноземном центре и Приуралье в значительной степени была связана с тем, что подавляющее большинство крестьян здесь постоянно уходили на заработки в город, возвращаясь в деревню на время полевых работ. Земельный надел имел не товарный, а потребительский характер. Он кормил семью, которая постоянно проживала в деревне. Община в этом случае и выполняла для крестьянства функцию социальной защиты.

Поэтому там, где условия земледелия соединяли крестьян в общину, ее не могла расколоть никакая реформа, никакие административные соблазны. Там же, где таких условий не было, общинные отношения слабели и даже совсем прекращались. Не случайно возможностью выйти из общины в отруб или на хутор в новороссийских губерниях и на правобережной Украине воспользовалось до 50–60% крестьянских дворов, в нечерноземном центре - не больше 10%, а в северных и приуральских губерниях – 4–6%.

Но вся эта статистика ничего не значит по сравнению с тем, что составляло коренное, фундаментальное условие целостности, крепости и благополучия России. Их воплощением были, конечно же, не производственные отношения и производительные силы, которые, по известной догме Маркса, должны находиться в некоей гармонии, а все та же уваровская триада: нерушимый союз православной веры, самодержавной власти и

народного труда. Стоило ему исчезнуть из русской жизни, или хотя бы пошатнуться, и Россия впадала в состояние смуты и развала.

Здесь стоит отметить еще одно важное обстоятельство. Кризис в отношениях между крестьянством и властью, вызванный характером земельной реформы, не имел в своей основе имущественное расслоение земледельческого сословия. Как показывает статистика того периода, средние доходы в расчете на крестьянскую душу были примерно одинаковыми в различных природно-климатических зонах европейской части страны, составляя от 53 до 59 руб. в год. При этом фунт ржаного хлеба стоил 2,5–3,5 коп. за фунт, а говядины и свинины – 12–23 коп. Кризис возник тогда, когда царь и мужик разошлись в понимании того, как надо жить.

Теперь-то мы знаем, что не парламентские дебаты и не рыночная конкуренция землевладельцев решила этот спор. Для поиска исторической истины уже через 10 лет после его возникновения пришлось прибегнуть к революционному насилию, гражданской войне и методам политической диктатуры. Победа досталась «красным», потому что они в наибольшей степени выражали социально-экономические интересы основной массы русского крестьянства, которое воспротивилось аграрной реформе, ударившей, прежде всего и сильнее всего, по великорусскому центру России.

Если мы обратимся к периоду революции и гражданской войны и посмотрим, аграрное население каких почвенно-климатических и природно-географических зон России вставало на сторону «красных», а каких – на сторону «белых», то окажется, что линии фронтов здесь проходили примерно по границам, разделившим крестьянские губернии на в основном не принявшие столыпинскую реформу и в основном принявшие ее.

Бессмысленно отрицать издержки, ошибки и «перегибы», которые имели место в русской истории в дальнейшем, в том числе и по отношению к земледелию, как и очевидность выдающихся достижений и побед, одержанных Россией в период между 30-ми и 70-ми годами прошедшего века. Что было в основе этих побед и достижений? Думается, восстановление – в новых условиях и с новым содержанием триады – союза веры, власти и народа. В какой момент в России наступила новая разрушительная смута? Когда от этого союза не осталось и следа.

Первая мировая и ее уроки

Каждая большая война, какие бы серьезные результаты за нею ни последовали, после своего завершения, как правило, рано или поздно вытесняет из массового сознания предыдущую большую войну, чтобы впоследствии еще одна война, в свою очередь, вытеснила и ее. И так до бесконечности. Но речь все-таки не идет о забвении. Не прошло и полвека после войны, как оказалось, что англо-саксы Нового света ничего не знают об участии России во Второй мировой войне – для них она была «неизвестной войной». И России пришлось создать многосерийный фильм, хотя бы отчасти устранявший это незнание.

Однако массовое русское сознание ныне не помнит Первую мировую войну. Ее заслонили Великая революция, Гражданская и Вторая мировая войны. Вот почему нет у Первой мировой в России ни героев, ни полководцев, ни мемориальных кладбищ, ни памятников. Первая мировая война 1914–1918 годов для русских неизвестна, как для Запада – Великая отечественная.

До сих пор русское общественное мнение остается в плену фальсифицированного представления о том, что Россия вступила в войну неподготовленной и чуть ли не безоружной, что русским солдатам приходилось идти на передовую не с винтовками, а с палками. Приведем некоторые данные о военно-технической готовности России к кризису 1914 года в сравнении с другими основными союзными и вражескими ей государствами.

Начнем с винтовок – основного оружия пехоты того времени. Россия имела их 5 млн. шт. Столько же, сколько было у Германии. 1,5 млн. шт. – у Австро-Венгрии. У союзников России на западе было: во Франции – 3,4 млн. шт., у Великобритании – 0,8 млн. шт.(Данные по великим державам, вступившим в войну позже, здесь опускаются)

Россия имела на вооружении 4,1 тысяч пулеметов, Франция – 3,4 тыс., Великобритании - 2 тыс. Их противники: Германия – 12 тыс., Австро-Венгрия – 2 тыс. пулеметов.

Для винтовок и пулеметов нужны патроны. Сколько их было накоплено в арсеналах? В России – 2,8, во Франции – 1,3, в Великобритании – 0,8 млрд. шт. Германия обладала 1 млрд., Австро-Венгрия 0,3 млрд. шт. патронов.

Артиллерийское обеспечение войск. Русская армия имела на вооружении 7,9 тыс. орудий и 6 млн. шт. снарядов; Франция – 4,8 и 6,0 соответственно; Великобритания – 2,0 и 7,0; Германия – 7,7 и 10,0; Австро-Венгрия – 4,0 и 3,0. На одно орудие приходилось в среднем снарядов: в России – 760 , во Франции – - 1250, в Великобритании – 3500, в Германии –1300, в Австро-Венгрии – 750 шт.

Общая численность вооруженных сил составляла в России 5,6 млн. чел, во Франции – 5, в Великобритании – 1,2, в Германии – 4,9, в Австро-Венгрии – 3 млн.

В среднем на одного солдата приходилось винтовок: в России - 0,89 шт., во Франции – 0,68, в Великобритании – 0,67, в Германии – 1,02, в Австро-Венгрии – 0,5 шт.

К началу войны сухопутные войска оснащались новыми видами вооружений – аэропланами и автомобилями. В русской армии было в 1914 году 263 аэроплана и 4100 автомобилей, соответственно во Франции – 156 и 9500, в Великобритании - 258 и 1400, в Германии – 232 и 4000, в Австро-Венгрии – 65 и 1800. Даже если взять такие экзотические средства войны, как дирижабли, то и здесь не обнаруживается никакого отставания России. Германия имела – 15 шт., Франция – 5, в русской армии их было – 14.

Опустим подробные данные по военно-морским силам, тем более что каждая из великих держав имела несопоставимые боевые задачи и притязания в мировом океане. Приведем лишь совокупное водоизмещение кораблей основного класса: Великобритания (владычица морей) – 1,9 млн. рег. т.;

Германия, стремившаяся наступить ей на пятки, – 1,5; Франция – 0,5; Россия – 0,4; Италия – 0,4; Австро-Венгрия – 0,3.

Таким образом, военно-техническое обеспечение русской армии было вполне сопоставимо с вооружением наиболее развитых в экономическом отношении стран Европы. Разумеется, нет основания утверждать, что у русских не было проблем. Но с неожиданностями тогда столкнулись все государства, вовлеченные в войну. Никто не мог предположить, что она продлится несколько лет. О действительных потребностях в вооружениях никто не догадывался. Тогда господствовало убеждение, что большая война не продлится более 6–8 месяцев, а она шла 52 месяца.

Общеизвестен снарядный голод в русской армии в первые месяцы 1915 года. Но мало кому известно, что во Франции нехватка снарядов возникла уже через месяц после начала войны – в сентябре 1914 года, а в английском экспедиционном корпусе на Западном фронте в начале 1915 года имелось не более 10 снарядов в день на одно орудие. Если в России запас винтовок был исчерпан за два-три месяца, то во французской армии к февралю 1915 уже имелся дефицит 700 тыс. винтовок. Острая нехватка винтовок была и в Австро-Венгрии и Германии, что заставляло посылать пополнения в действующие войска невооруженными.

Проблема перевода экономики на военные рельсы существовала во всех воевавших странах. Здесь интересны некоторые данные за 1915 год, самый критический с точки зрения обеспечения фронта вооружением. Франция за этот год увеличила производство винтовок в 1,5 раза, орудий в 5,8 раза, патронов в 50 раз. В Англии увеличилось изготовление пулеметов в 5 раз. А что происходило в России? Винтовок стало производиться в 3 раза больше, орудий – в 6 раз, боеприпасов – в 4 раза. Германия за тот же период подняла производство винтовок, самолетов и снарядов в 1,5 раза, пулеметов и орудий в 3,5 раза.

Была ли русская армия обеспечена обмундированием, продовольствием и фуражом? Быть может, войска были раздеты и разуты? Вот цифры поставок за 1914–17 годы. Армия получила 5 млн. полушубков, 38,4 млн. фуфаек и телогреек, 20,1 млн. ватных брюк и шерстяных кальсон, 86,1 млн. пар сапог и ботинок, 6,6 млн. валенок, 75 млн. пар нижнего белья. За тот же период она потребила 9,64 млн. тонн муки, 1,4 крупы, 3,74 мяса, 0,51 жиров. Для лошадей было поставлено 11,3 млн.т овса и ячменя и 19,6 сена. В течение всех лет войны действующая армия не знала ни эпидемий, ни эпизоотий.

Таким образом, нисколько не преуменьшая трудностей, которые существовали в тот период в России, нет никакого основания для появляющихся в СМИ спекуляций относительно ее неподготовленности к войне и особой, хронической отсталости русского производственного потенциала, что якобы послужило первопричиной общественного недовольства, которое в конце концов привело к революции 1917 года. Факты говорят о противоположном. За некоторыми, весьма немногими, исключениями, Восточный и Кавказский фронты на протяжении всего их существования имели достаточно средств ведения войны, причем к кампании 1917 года были подготовлены все материальные условия для победоносного ее

окончания. Загадка катастрофических событий 1917 года кроется в других обстоятельствах.

Начальный период Первой мировой войны, современники ее назвали Великой европейской, а русские в то время Второй отечественной, опрокинули практически все предвоенные военные разработки теоретиков и генштабистов. Ход войны доказал несостоятельность предположений, по которым можно завершить войну разгромом противника в одной кампании за несколько месяцев. Несоразмерно большими были боевые потери, выбившие за первые месяцы чуть ли не весь кадровый состав армии, переложив тяготы войны на резервистов, ратников и новобранцев. Не подтвердились расчеты расходования снарядов, патронов, винтовок и т.д. Уже осенью 14-го года все воюющие государства, а не только Россия, как иной раз представляют, испытывали в них острый недостаток.

Маневренный характер войны тоже оказался кратким. Огневые средства в сочетании с преобладанием на поле боя еще недостаточно подвижной пехоты заставили войска зарыться в землю. Конница утратила значение ударной силы, а эпоха машин и блиц-кригов еще не наступила. Это произойдет через двадцать лет, когда Германия, считавшая себя не побежденной, а преданной, объединив пятнадцать государств в Европе и три в Азии, попытается взять реванш, продолжив Первую мировую войну.

«С точки зрения ведущих военных специалистов эпохи, — пишет современный историк А. Уткин, — война должна была продлиться примерно шесть месяцев. Предполагалось, что она будет характерна быстрым перемещением войск, громкими сражениями, высокой маневренностью; при этом едва ли не решающее значение приобретут первые битвы. Ни один генеральный штаб не предусмотрел затяжного конфликта».

По итогам Кампании 1914 года, военно-стратегические планы которой так никому и не удалось выполнить, хотя война, с точки зрения большой стратегии, была заведомо проиграна Центральным блоком, к началу 1915 года в конфликт были вовлечены в Европе на стороне Центрального блока Германия, Австро-Венгрия и Османская империя, на стороне Тройственного согласия – Россия, Франция, Бельгия, Британия, Сербия и Черногория.

Образовалось несколько фронтов. На западе Европы Французский (для Германии Западный). На востоке Европы Русский (для Германии – Восточный). На Балканах – Сербский. Против Османской империи с ее 800-тысячной армией, были развернуты войска Тройственного согласия в Палестине, в Месопотамии и на Кавказе.

При отсутствии между государствами Тройственного согласия общего плана предстоящей кампании, имея представление о нежелании англо-французов предпринимать активные действия на Французском фронте, отлично зная степень нехватки снарядов и маломощность отечественной промышленности, изготовлявшей в месяц всего лишь 358 тыс. снарядов, русское главное командование решило проводить в жизнь свой замысел «глубокого вторжения в Германию» через Восточную Пруссию и завершить победоносное наступление своих войск в Галиции, с выходом на Венгерскую равнину. 22 марта, после шестимесячной осады, капитулировал 127-тысячный

гарнизон австро-венгерской крепости Перемышль с 9 генералами и 700 пушками. Но преодолеть Карпатские горы русским не удалось. В этих операциях были израсходованы последние запасы артиллерийского парка, и к лету боеприпасов для артиллерии уже не было.

В 1914 г. русская артиллерия израсходовала 2,3 млн. снарядов и на 1 января 1915 г. имела 4,5 млн. снарядов. В 1915 году русская армия располагала примерно 18 млн. снарядов, в том числе на русских заводах было изготовлено свыше 10 млн. 76-мм снарядов и 1,3 млн. снарядов к орудиям среднего калибра, 4,5 млн. являлись остатками 1914 года, 1,2 млн. поступило из-за рубежа. При этом за пять месяцев отступления русская армия израсходовала немногим более 4 млн. 76-мм снарядов. По мнению автора, доктора исторических наук, «интригующая загадка» нехватки снарядов в действующей русской армии при их изобилии на тыловых базах заключалась в предательской роли российской торгово-промышленной олигархии и либеральной интеллигенции, в заговорщицкой деятельности масонов.

В 1915 году Центральные державы направили основной удар против России, рассчитывая нанести ей поражение и вывести из войны. 3 января немцы впервые использовали отравляющие газы. Это произошло на Русском фронте, у Болимова. Газом был ксилилбромид «T-Stoff». Но немцы не учли климат: от мороза газ превратился в кристаллы и не имел никакого эффекта. К середине апреля германское командование перебросило из Франции четыре лучших корпуса; вместе с австро-венгерскими войсками они образовали новую 11-ю армию под командованием генерала Макензена.

Сосредоточив на главном направлении наступления силы, в два раза превосходившие силы русских, подтянув артиллерию, превосходившую русскую в 6 раз, а по тяжелым орудиям – в 40 раз, австро-германцы, обрушив на русских в первый день наступления 700 тыс. снарядов, 2 мая прорвали фронт у Горлицы. Русские войска с тяжелыми боями отступали из Карпат и Галиции, 19 мая они оставили Перемышль, 22 июня – Львов.

Летом 1915 г., сосредоточив на Русском фронте вдвое больше германских и австрийских дивизий, чем на Французском фронте, в июне германское командование задумало зажать в «клещи» русские войска, сражавшиеся в Привислинском крае. Оно предприняло удары правым крылом между Западным Бугом и Вислой, левым – в низовьях реки Нарев. Русские, не имевшие достаточно оружия, боеприпасов и снаряжения, с тяжелыми боями отступили, оставив Люблин и Холм. На фронте в 40 километров было сосредоточено десять с половиной германских дивизий, более 1000 пушек и 400 тысяч снарядов. У семи стоявших здесь русских дивизий было лишь по сорок снарядов на орудие, хотя рядом, в Новогеоргиевске, бездействовали 1600 орудий и миллион снарядов. Эта крепость пала 20 августа.

Проявляя мученическую стойкость, русские части каждый день отступали примерно на пять километров, строили наскоро укрепления и принимали бой, после чего снова отходили. Мечта немцев — сомкнуть свои клещи за спиной русской армии — превращались в мираж, их потери росли, а линии сообщения стали безнадежно длинными. Смысл германо-австрийских жертв становился туманным, поскольку приходилось наступать в никуда.

К середине сентября инициатива германцев истощилась. Русская армия закрепилась на линии фронта: Рига — Двинск — озеро Нарочь — Пинск — Тернополь — Черновцы, и к концу года фронт простирался от Балтийского моря до Румынии, державшей нейтралитет.

Утратив обширную территорию, Россия не потерпела поражения, хотя с начала войны ее армия понесла большие потери. Двести тысяч человек в месяц — таков счет 1915 г., счет, к сожалению, ничем не оплаченный Западом. И все же русское военное искусство сказалось в том, что отступающая армия была спасена, она сохранила порядок Германцам, при всех их впечатляющих успехах, так и не удалось добиться главного — окружить русскую армию.

Черчилль с горечью и симпатией описывает этот период русских поражений: «Ослабленные нанесенными ударами в отношении качества и структуры командования, находясь в худшей фазе недостачи оружия и боеприпасов, армии царя на 1200-километровом фронте удерживали позиции от последовательных германских ударов то здесь, то там, осуществляя глубокий и быстрый отход. Следующие на всех направлениях удары поставили под вопрос само существование русской армии. Это было зрелище триумфа германского воинства, действующего с удивительной энергией и близкого к тому, чтобы обескровить русского гиганта... Это была сага одной из ужасающих трагедий, неизмеримого и никем не описанного страдания. Учитывая состояние их армий и их организации, русское сопротивление и твердость достойны высшего уважения. Стратегия и поведение великого князя среди бесконечных несчастий, рушащихся фронтов, прерванных коммуникаций, развала тыла и прочих бед, которых обычно лишены большинство военачальников, представляет собой ту главу военной истории, на которую с благодарностью будут смотреть будущие поколения русских. Он терял провинции, уступал города, одна за другой сдавались линии укреплений по рекам. Он был изгнан из Галиции; его вытеснили из Польши; на севере его оттеснили на русскую территорию. Он вынужден был отдавать прежде завоеванное; он сдал Варшаву; он сдал все свои крепости. Весь обороняемый фронт рухнул под ударами молота. Все железные дороги перешли в распоряжение врага. Почти целиком население бежало в ужасе от надвигающейся грозы. Когда наконец осенние дожди превратили дороги в грязь и зима раскрыла свой щит над измученной нацией, русские армии, избегнув опасности, стояли на все той же непрерванной линии от Риги на Балтике до румынской границы, перед ними лежало будущее, не лишенное надежд на конечную победу».

Получив территориальный выигрыш на фронте, Германия не добилась от России главного: она не принудила русского императора к заключению сепаратного мира, хотя половина всех вооруженных сил центральных держав была сосредоточена против России.

Поражения 1915 г. стоили России 1,5% ее территории, 10% железнодорожных путей, 30% промышленности. Пятая часть населения империи либо бежала, либо попала под оккупацию. Число беженцев достигло 10 миллионов человек.

В летнюю кампанию Русская Армия потеряла убитыми и ранеными 1,4 млн. чел., т.е. в среднем 235 тыс. в месяц, тогда как средняя величина потерь в

месяц для всей армии равняется 140 тыс. человек. В плену оказалось 976 тыс. чел. – по 160 тыс. чел. в месяц (при среднем числе для всей войны – 62 тыс. чел. в месяц).

Заметим, что действительные потери русской армии в Первой мировой войне в источниках весьма противоречивы. Так, в Большой советской энциклопедии (1957 г., т. 50) общее число ее потерь на 1 февраля 1917 года составляет 6038 тыс. чел, в том числе убитых и умерших от ран – 599 тыс., раненых – 2465 тыс., без вести пропавших – 190 тыс., находящихся в плену – 2650 тыс. В издании «Россия. Хроника основных событий. IX-XX вв» общее число погибших определено в 1,7 млн. человек. По данным крупнейшего советского статистика и демографа Б.Ц. Урланиса, безвозвратные потери составляют 2,25 млн. человек.

Пока русские армии вели напряженную неравную войну с главными силами центральных держав, ее союзники на Французском фронте, для них главном, в течение всего года организовали всего лишь несколько частных операций, которые не имели стратегического значения. Наступление было предпринято только в конце сентября в Шампани и Артуа, когда на Русском фронте атаки германской армии уже прекратились. Но толку в них было мало. Ллойд Джордж в своих мемуарах позже писал:

«История предъявит свой счет военному командованию Франции и Англии, которое в своем эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей по оружию на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских и таким образом помогли бы лучше всего себе».

В мае Италия вступила в войну на стороне Тройственного согласия и отвлекла на себя некоторую часть войск Австро-Венгрии и Германии. На Балканах 5 октября началось австро-германское вторжение в Сербию. В тот же день французы высадились в Салониках. Переправившись через Дунай, австро-германцы вынудили сербов 9 октября оставить Белград. Австрийцы в тот же день вступили в Черногорию. Через два дня к Центральному блоку присоединилась Болгария. Ее войска преградили дорогу французам. Сербская и черногорская армии проявляли героизм, но были вынуждены отступить, эвакуировавшись на остров Корфу. Позже войска Англии, Франции, России и сербской армии образовали Салоникский фронт.

По инициативе Черчилля, британского морского министра, была предпринята Дарданелльская экспедиция; 19 февраля англо-французский флот начал обстрел Дарданелл. Однако, понеся большие потери, он через месяц прекратил бомбардировку. В апреле англо-французские войска начали большую десантную операцию на полуострове Галлиполи. Она продолжалась до конца года и, встретив ожесточенное сопротивление турок, завершилась эвакуацией десанта и 250-тысячными потерями.

На Кавказском фронте русские войска летом, отразив наступление турок на Алашкертском направлении, перешли в контрнаступление на Ванском направлении, где произошло восстание армянского населения. Тогда же немецко-турецкие войска активизировали военные действия в Персии. Опираясь на организованное немцами в Персии восстание бахтиарских племен, турки продвинулись к нефтепромыслам и к осени заняли Керманшах и

Хамадан. Вскоре англичане отбросили турок и бахтиар от этого района, восстановив разрушенный нефтепровод.

Задача очищения Персии от турецко-германских войск была возложена на русский экспедиционный корпус, высадившийся в октябре в Энзели. Преследуя противника, русские заняли Казвин, Хамадан, Кум, Кашан и подошли к Исфахану.

До 1 января 1915 года в русскую армию, имевшую на начало мобилизации в 1914 году 1422 тыс. чел, было мобилизовано 5130 тыс. чел. В 1915 году численность действующей армии непрерывно менялась в зависимости от понесенных потерь и интенсивности их восполнения в процессе мобилизации. К 1 января 1915 г. армия насчитывала 3500 тыс. чел., но к 15 февраля после январско-февральских боев ее численность понизилась до 3200 тыс. чел., а к 1 апреля снова выросла до 4200 тыс. чел. К 15 мая в итоге апрельского наступления австро-германцев, Горлицкого прорыва и тяжелых сражений численность армии сократилась до 3900 тыс. чел., к 15 сентября в армию до 3800 тыс. чел., через месяц выросла до 3900 тыс. чел. В октябре интенсивность боевых действий значительно понизилась, а уровень укомплектованности войск возрос, и на 1 ноября она составила 4900 тыс. чел. Всего в течение года были призваны 5047 тыс. ратников и новобранцев, в том числе 3722 тыс., годных к строевой службе, из них в действующую армию – 3094 тыс. чел. В дальнейшем численность русской действующей армии непрерывно возрастала, достигая в следующем году почти 7 млн. чел.

Военная стратегия 1915 года была обусловлена результатами предшествующих пяти месяцев войны. Как утверждают военные историки, сражения 1914 года на Французском фронте, изобиловавшем взаимными ошибками, не закончились полным разгромом франко-английских войск и капитуляцией Франции, что было предусмотрено германским планом Шлиффена, в конце концов лишь по одной причине: германцам не хватило для этого двух корпусов, которые были спешно переброшены на Восточный фронт, где русское командование, не завершив мобилизации, предприняло наступление. Франция была спасена от разгрома и капитуляции, но русская армия, выручая союзников, потерпела в Восточной Пруссии поражения, лишившись 2-й армии, которую немцам удалось разгромить.

Кампания 1915 года для русских в армию время героических поражений и несбывшихся побед. Это был год, в течение которого русская армия на германо-австрийском фронте, без действующей артиллерии, при минимуме снарядов, избежала неминуемого в таких обстоятельствах поражения, пожертвовав лишь пространством. Год, когда на Кавказском фронте она могла бы поставить на колени Османскую империю, особенно после блестящей Саракамышской операции, проведенной в декабре 1914 – январе 1915 года, в которой практически полностью была уничтожена 3-я армия турок.

Все победы, которые одерживали германо-австрийские войска на русском фронте в 1915 году, победы, приводившие к баснословным по европейским меркам территориальным приобретениям, сопоставимым с теми, что удалось отвоевать германцам на французском фронте, не имели отношения к военной стратегии. Они носили тактический характер. В плен попадало множество

русских солдат, иногда гибли целые дивизии и корпуса, но «Канны», о которых грезили германские генералы и кайзер Вильгельм, у них не получались. Русские не дали разбить свою армию, как в свое время позволили это сделать армии Ганнибала древние римляне, позорно разбитые при Каннах.

Военные операции 1915 года выявили очевидные военно-стратегические преимущества Центрального блока, в котором ведущая роль принадлежала Берлину, перед государствами Тройственного согласия. Германия и Австрия представляли собой единый военный лагерь, действующий по единому плану, когда как их противники были разобщены, а политики преследовали в войне собственные цели. 1915 года показал, что никакой коалиционной стратегии стран Антанты, обладавшей очевидными военно-промышленными преимуществами, вообще не было. Во всяком случае англо-французское командование совершенно равнодушно смотрело на поражения и отступления русских армий, оставаясь на своем фронте в полном бездействии в течение нескольких месяцев. Не лучше обстояло дело и с военными поставками. В 1915 году Россия получила от союзников 1057 пулеметов, около миллиона 3-дюймовых снарядов и 129 тыс. шт. 4-6- дюймовых.

Вот как описывает летнюю ситуацию в полосе военных действий историк А.А. Керсновский: «В результате всех неудач Ставка потеряла дух. Растерявшись, она стала принимать решения явно несообразные. Одно из них — непродуманная эвакуация населения западных областей вглубь России — стоило стране сотен тысяч жизней и превратило военную неудачу в сильнейшее народное бедствие. Ставка надеялась этим мероприятием «создать атмосферу 1812 года», но добилась как раз противоположных результатов. По дорогам Литвы и Полесья потянулись бесконечными вереницами таборы сорванных с насиженных мест, доведенных до отчаяния, людей. Они загромождали и забивали редкие здесь дороги, смешивались с войсками, деморализуя их и внося беспорядок. Ставка не отдавала себе отчета в том, что, подняв всю эту четырехмиллионную массу женщин, детей и стариков, ей надлежит позаботиться и об их пропитании. Организации Красного Креста и земско-городские союзы спасли от верной смерти сотни и тысячи этих несчастных. Множество, особенно детей, погибло от холеры и тифа. Уцелевших, превращенных в деклассированный пролетариат, везли вглубь России. Один из источников пополнения Красной гвардии был готов. Прежнее упорство — «Ни шагу назад!» — сменилось сразу другой крайностью — отступать, куда глаза глядят. Великий князь не надеялся больше остановить врага западнее Днепра. Ставка предписывала сооружать позиции за Тулой и Курском. Аппарат Ставки стал давать перебои. В конце июля стало замечаться, а в середине августа и окончательно выяснилось, что она не в силах больше управлять событиями. В грандиозном отступлении чувствовалось отсутствие руководящей идеи. Войска были предоставлены самим себе. Они все время несли огромные потери и в значительной мере утратили стойкость. Врагу были оставлены важнейшие рокадные линии театра войны, первостепенные железнодорожные узлы: Ковель, Барановичи, Лида, Лунинец. На Россию надвинулась военная катастрофа, но катастрофу эту предотвратил ее Царь».

Вообще говоря, с начала войны действия русской Ставки характеризуются неслаженностью и отсутствием должного взаимодействия фронтов и родов войск. Керсновский писал: «Наши победы были победами батальонных командиров. Наши поражения были поражениями главнокомандующих». Недостатки были свойственны и военному министерству – весь 1915 год на фронт направлялось малоподготовленное пополнение.

При прочих равных условиях, при наличии равных по силе, численности и боевого духа войск, итог кампании и всей войны зависит от двух непременных условий – чтобы промышленность и земледелие обеспечивали средства ее ведения и чтобы верховное командование было на высоте положения, не допуская грубых ошибок в планировании и проведении операций. Кампания 1915 года с русской стороны именно в этом оказалась существенно слабее того, чем располагал противник, прежде всего Германия. Снарядный и патронный голод был обусловлен не в последнюю очередь кадровым голодом. И если с материальными проблемами к 1916 году удалось справиться, то голод на подходящих людей не исчезал никогда. Судя по всему, Государь при назначениях часто делал не лучший выбор.

Неудачное развитие событий на германском фронте, поражения и отступление армии ставили вопрос о смене главнокомандующего. 23-го августа 1915 года в приказе по армии Императора Николай II объявил: «Сего числа Я принял на Себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий. С твердой верой в милость Божию и с неколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим Земли Русской. НИКОЛАЙ».

Для Императора принятие верховного главнокомандования было сопряжено с сильными душевными переживаниями. В дневнике было записано: «Подписал рескрипт и приказ по армии о принятии мною верховного главнокомандования со вчерашнего числа. Господи, помоги и вразуми меня!». В письме к императрице от 25 августа 1915 года он писал: «Начинается новая чистая страница, и что на ней будет написано, Бог Всемогущий ведает! Я подписал мой первый приказ и прибавил несколько слов довольно-таки дрожащей рукой!».

Возглавив вооруженные силы, Николай II, с одной стороны, стремился объединить военную и государственную власть в своих руках, а с другой — пресечь любые влияния на армию и правительство со стороны своих политических противников. Это было тем более необходимо, что тяжелая военная обстановка, сложившаяся на фронте, требовала единого руководства и единения всех сил России в решимости предотвратить военную катастрофу.

Исторические факты неумолимо свидетельствуют об огромной личной ответственности великого князя Николая Николаевича (младшего), верховного главнокомандующего действующей армии, и его штаба за провал успешно начатой кампании 1914 года и за отступление 1915 года. Именно под его руководством Россия оказалась весной-летом 1915 года перед угрозой военного поражения, при его командовании были оставлены обширные территории,

несомненно, великий князь способствовал хаотичной и бездумной эвакуации сотен тысяч мирного населения, в том числе нескольких сотен тысяч евреев, что резко ухудшило внутреннее положение государства.

Объективные факты свидетельствуют, что только после отстранения великого князя от верховного командования ситуация была стабилизирована, резко изменяясь в 1916 году в лучшую сторону. Начался новый этап в войне, который знаменовался стабилизацией Русского фронта, самой великой победой русской армии за эту войну, небывалым восстановлением и наращиванием военной мощи.

Единственным континентальным государством в Европе, желавшим войны, была Германия. У Франции и России такого желания не было. Однако Британия, не имевшая крупной сухопутной армии, была не прочь решить в свою пользу противоречия с Германией за счет французских и русских штыков. Вместе с тем общий военно-экономический потенциал Центральных держав был заведомо меньше потенциала государств Тройственного согласия. Против 120 млн. населения Германии и Австро-Венгрии Россия, Франция и Британия имели 266 млн. Численность их армий после мобилизации, включая сербскую и черногорскую, составляла 10,1 млн. человек, численность армий центральных держав - 6,1 млн., с учетом Турции и Болгарии, вступивших несколько позже в войну на их стороне, - 7,4 млн.

Выиграть войну у стран Тройственного согласия, на стороне которых находились США с их мощным военно-производственным потенциалом, Центральному блоку было невозможно. Любая более или менее продолжительная война с неизбежностью должна была окончиться для него поражением. Но после сараевского инцидента именно германский император настойчиво побуждал Австро-Венгрию начать против Сербии войну, зная, что она заставит действовать Россию, а война Австрии против России неизбежно повлечет за собой вступление в нее Франции. Германия хотела свести с ней счеты и потому планы войны были рассчитаны исходя из наступления немцев на Париж, чтобы сломить французов в несколько недель.

Вступив в 1914 году в войну с Центральным боком из моральных и союзнических обязательств, Россия, в сущности, не определила своей большой, глобальной, политической стратегии. Первые месяцы она следовала за своими союзниками, стремясь не допустить их поражения. Она выручала Францию, жертвуя военно-стратегическим искусством. Проблема возникла после того, как стало ясно, что война затягивается, что для достижения победы потребуются годы. И тогда выработка целей войны и ее большой стратегии встали перед русским главнокомандованием и правительством России в полный рост.

Сокрушение Германии, о чем мечтали Великобритания и Франция, очевидно не могло быть также русской целью. Ее падение разрушало европейское равновесие, которое давало России относительную свободу действий. В августе 1914 года главным противником России оказалась Вена, ее политика на Балканах, вытеснявшая Россию за пределы славянского мира. Оборона против Германии и наступление против Австро-Венгрии – такова должна была быть стратегия России в 1914 году. Но это не проясняло конечные

русские цели в войне. В первоначальном формате войны их, в сущности, не было.

Ситуация изменилась после того, как в октябре 1914 года на стороне Центрального блока выступила Оттоманская империя, чьи боевые корабли обстреляли русские черноморские порты. Для России это событие меняло все. Оно давало войне новый, истинный, ясный и исторически оправданный смысл. Соображения духовного порядка – крест на Святой Софии. Соображения политические – упразднение извечного врага, Оттоманской империи. Экономический фактор – проливы, без которых Россия не могла и до сих пор не может нормально развиваться, а осенью 1914 года уже стала задыхаться. Все это придало войне с Турцией творчески-великодержавный характер, которого не имела оборонительная война против Германии и Австро-Венгрии. Россия получила шанс осуществить собственную стратегию войны вместо стратегии, которая соответствовала целям ее англо-французскими союзников.

Разгром турецкий войск на Кавказе и захват русской армией проливов менял коренным образом общую стратегию войны, и прежде всего на Балканах. Это означало спасение Сербии от поражения, выступление Болгарии на стороне Тройственного согласия, а не Германии, и вовлечение Румынии и Греции в войну в 1915 году, а не осенью 1916 года и не летом 1917 года. Вместо ликвидации Сербского фронта упразднялись турецкие фронты и образовывался большой Балканский фронт, окружавший Австро-Венгрию с трех сторон. На следующем этапе кампании у России и ее союзников появлялась возможность ее низвергнуть. После этого признание поражения Германией, оставшейся в одиночестве, становилось неизбежным. Что и произошло, но не в 1915, а в 1918 году, и не под ударами русской военной мощи, которой тогда уже не существовало, а под ударами англо-французов, поддержанных экспедиционными силами США.

Не достигнув решающих успехов над Австро-Венгрией в 1914 году, русская Ставка, не считаясь со сложившейся военной обстановкой и разведданными о готовящемся крупном наступлении противника, продолжали планировать глубокие удары вглубь Германии. Между тем Император Николай II предлагал совершенно иной план развития военных действий. Этот план предполагал нанести в 1915 году решающий удар по Австро-Венгрии и Турции, проведя одновременно десантную морскую операцию с целью захвата черноморских проливов. Глядя из сегодняшнего дня, можно с уверенностью сказать, что если бы к этому плану прислушалась Ставка, ход войны мог бы быть совершенно иным.

Особенность Первой мировой войны, в отличие от Второй, состояла в том, чтобы последовательно сокрушать слабейшего противника. Германии, пренебрегавшей этим правилом в 1914 году, в следующем году это почти что удалось. Это, видимо, понимал Черчилль, предпринимая операцию в Дарданеллах, скорее всего, чтобы опередить русских, закончившуюся в конце концов неудачей.

К сожалению, в русском военном командовании и в высшем государственном руководстве не нашлось масштабно мыслящих и волевых стратегов. Русские генералы, как показал опыт войны, были хорошими

полководцами. Они сравнительно быстро освоили практику войны в новых условиях, коренным образом отличавшихся от прошлой эпохи. Но этих качеств было недостаточно для победы.

Одна из основных ошибок в организации государства на время войны, которая приобрела всеевропейский, а затем и общемировой характер (что самым роковым образом проявило себя в 1915 году), заключалась в сохранении довоенной системы власти и управления. Война требовала перемен, но ничего не происходило. Не возник общегосударственный орган, который бы объединял управление всех сторон жизни страны – не только военной, но и экономической, финансовой, промышленной, аграрной, культурной. Если И. Сталину в 1941 году потребовалось менее месяца войны, чтобы понять, что ему самому надлежит взять все бразды управления в свои руки, то у Николая II на это ушел целый год. Да и то речь шла лишь о функциях верховного главнокомандующего, в то время как стране был нужен подлинный национальный вождь.

Говоря о причинах относительных неудач русской армии в 1915 году, нельзя забывать о той психологической и профессиональной неготовности к мировой войне, как войне совершенно новой, не похожей на другие войны, которая была свойственна всем армиям и обществам великих держав мира, включая русскую армию и русское общество. Эта неподготовленность к войне нового типа стала причиной многих военных поражений и социальных конфликтов.

В отличие от Франции и главным образом Британии, которых устраивала стратегия, превращавшая мировую войну в войну на истощение противника, она противоречила русским интересам и возможностям. Россия не обладала необходимыми для такой стратегии материальными, а главное, промышленными ресурсами. И продолжительная война на истощение государств Центрального блока не могла не превратиться в войну на истощение самой России. Проблема состояла не только в относительном недостатке вооружения и иных средств ведения войны. С этим как раз ситуация постепенно улучшалась. Но стремительно сокращались духовные, нравственные ресурсы.

Как и в русско-японской войне, в Первой мировой русское общество не было готово к длительным и изнурительным испытаниям, к поражениям; оно жаждало скорых побед и впадало в состояние психоза, когда вместо ожидаемых победных реляций его извещали о людских потерях, оставленных крепостях и городах и иных фронтовых неудачах.

Не надо забывать, что Россия, в отличие от других государств, была вовлечена в войну с больным, едва успокоившимся обществом, за несколько лет до этого пережившим тяжкую смуту, массовые беспорядки и вооруженные мятежи. И война шла не за тридевять земель, не в заморских колониях, которых у России вовсе не было. Основная линия фронта проходила по границам империи, и любая неудача армии, тем более ее поражения и отступления, могла вызвать и вызывала массовое брожение умов.

Россия оказалась в состоянии войны как раз тогда, когда ей был нужен мир. Мир во что бы то ни стало. На 20, хотя бы на 10 лет, к чему стремился

премьер Столыпин. Как и русско-японская, Первая Мировая война обнажала ахиллесову пяту России – ее психологическую неустойчивость, ее внутреннюю слабость. Узнавая о военных неудачах и поражениях, русское общество, вместо того чтобы осознать и преодолевать их причины, сразу же делало вывод, будто все дело — в ошибках власти.

Уже русско-японская война выявила возросшее значение тыла на ход и результат боевых действий, на исход войны в целом. В той войне Россия была вынуждена признать себя побежденной не на полях сражений, где она, если не считать несчастного Цусимского боя, не потерпела ни одного серьезного поражения, а в тылу. Русское общественное мнение вместо помощи фронту вредило ему изо всех сил. При этом массовое сознание, как впрочем и сознание образованных слоев было отчуждено от действительности и жило какими-то иллюзиями.

В то время как глубокий тыл русской армии стал приходить после неудач 1915 года в состояние брожения, принимая близко к сердцу сообщения об очевидных боевых успехах армий Центрального блока, в Берлине и Вене не чувствовалось стальной уверенности в конечной победе. Россия оставалась первоклассной военной державой, ее армия представляла собой грозную силу, кризис ее снабжения постепенно преодолевался, а ее тылом была самая большая территория мира, населенная жертвенным и терпеливым народом.

Пока германо-австрийские атаки вытесняли русские войска из Русской Польши, Галиции и Курляндии, дипломаты и агенты Берлина и Вены несколько раз обращались к Петербургу с предложением заключить сепаратный мир с Россией. В декабре 1914 года министр двора граф Фредерике получил письмо из Берлина от графа Эйленбурга с предложением «положить конец недоразумению между двумя государствами». Но Николай II, прочитав письмо, подчеркнув место, где говорилось о «старой дружбе», написал на полях: «Эта дружба умерла и похоронена». Австрийский главнокомандующий Конрад фон Гетцендорф после возвращения Галиции и захвата Варшавы считал необходимым не только предложить России сепаратный мир, но и военный союз. Каналами передачи русским этой важной для них информации служили великий герцог Гессенский, княжна Васильчикова, промышленники Фриц Вартбург и Андерсен. В начале августа царь Николай в третий раз с начала войны твердо ответил «нет» на подобные предложения. Посредник Андерсен объяснял германскому канцлеру Бетман-Гольвегу, что русские не ощущают себя побежденными, что огромная территориальная глубина России позволяет ей с меньшим трагизмом смотреть на потерю Польши и Курляндии.

Решительный отказ России от выхода из войны, с одной стороны, а с другой – ее неевропейский климат, поставили перед Германией вопрос о выживании. Впервые его условием в Берлине определили раскол коалиции Тройственного согласия, а текущими задачами – подготовку социального взрыва, расчленение и уничтожение Российского государства, в использовании для этого революционных элементов и потенциала этно-сепаратизма. Задача состояла в создании в Восточной Европе мелких, буферных государств, подвластных германскому влиянию. В 1915 году эта стратегия стало основой немецкой внешней политики в отношении России.

В одном из меморандумов германского правительства, представленных Вильгельму II в сентябре, говорилось: «До сих пор гигантская Российская империя с ее неиссякаемыми людскими ресурсами, способностью к экономическому возрождению и экспансионистскими тенденциями нависала над Западной Европой как кошмар. Несмотря на влияние западной цивилизации, открытое для нее Петром Великим и германской династией, которая последовала за ним, ее фундаментально византийско-восточная культура отделяет ее от латинской культуры Запада. Русская раса, частично славянская, частично монгольская, является враждебной по отношению к германо-латинским народам Запада».

Практические шаги в этом направлении делались значительно раньше. В начале года Берлин и Вена сделали основную ставку на «украинский сепаратизм», понимая, что отделение Украины лишит Россию статуса мировой державы, и полагая, что в Киеве лежит ключ к общеевропейской победе Германии. Во главе подрывной работы на Украине стоял германский генеральный консул в Львове Хайнце, которого активно поддерживал львовский униатский архиепископ, подчиняющийся папе римскому. В направляемых в Россию листовках давались обещания изгнать «москалей» из Польши, Литвы, Белоруссии, Украины. «Свобода идет к вам из Европы!». Немцы начали отделять военнопленных украинцев от русских и подвергали их методической обработке, чтобы сделать из них борцов за украинское отделение. Под руководством регирунгс-президента Шверина был создан особый штаб для контактов с украинцами и создана целая библиотека литературы о значении Украины и ее экономических возможностях.

Следующими по важности были польский и еврейский вопросы. Уже 17 августа 1914 года было одобрено создание в Германии «Комитета освобождения евреев России», под руководством берлинского профессора Франца Оппенхаймера. В обращении германо-австрийское командование призывало русских евреев к вооруженной борьбе против России.

Затем был стимулирован прежде не проявлявшийся сепаратизм в Закавказье и Средней Азии. В Константинополе возник фонд, целью которого было поднять Грузию против России. Летом 1915 года Берлин и Стамбул подписали документ, обещающий грузинам автономию.

8 августа по приказу германского кайзера был создан двухтысячный финский батальон для участия в боях на Восточном фронте. В обстановке секретности в Финляндии рекрутировались добровольцы для борьбы против русской армии. Их тайно переправляли в Германию. Через девять месяцев финский батальон уже участвовал в боях.

27 июля 1915 г. посол США в Берлине Джерард доложил в Вашингтон, что немцы «рекрутируют из русских военнопленных революционеров и либералов, снабжают их деньгами, фальшивыми паспортами и прочими документами, а затем посылают обратно в Россию с целью стимулировать революцию».

Но особое значение в Берлине все-таки предавали революционным силам. Именно они были способны сокрушить государственный строй России.

Привлеченный германцами к разработке плана известный революционер Парвус-Гельфанд в меморандуме, подготовленном в марте 1915 года, писал:

«Русская демократия может реализовать свои цели только посредством полного сокрушения царизма и расчленения России на малые государства. Германия, со своей стороны, не добьется полного успеха, если не сумеет возбудить крупномасштабную революцию в России. Русская опасность будет, однако, существовать даже после войны, до тех пор, пока русская империя не будет расколота на свои компоненты. Интересы германского правительства совпадают с интересами русских революционеров».

Главной идеей Гельфанда было обоснование необходимости привлечения социалистов всех политических оттенков, прежде всего Ленина, для начала «энергичной борьбы с абсолютизмом» и организации в России массовой политической забастовки под лозунгом «Свобода и мир!». Центральным пунктом забастовочной борьбы должен был стать Петербург как центр оборонной промышленности, железнодорожных коммуникаций и доков. Свой меморандум Гельфанд заключил так:

«Объединенные армия и революционное движение в России сокрушат колоссальную русскую централизацию, представляемую царской империей, которая будет оставаться угрозой мира в мире до тех пор, пока существует. Так падет главная крепость политической реакции в Европе».

Правительство Германии сразу же выдало Гельфанду два миллиона марок, вскоре еще двадцать миллионов, а в конце года еще сорок миллионов на подрывную работу против России. Центром подрывной работы против России стал Копенгаген, где был создан специальный штаб.

Ленин в сентябре 1915 года заявил, что согласен заключить мир с Германией в случае своего прихода к власти в России на таких условиях: республика, конфискация латифундий, восьмичасовой рабочий день, автономия национальностей. При этом Ленин обязывался заключить мир без согласования с союзниками России. Посредник — финансист демократ Кескюла, эстонец, указал лидеру большевиков, что должно быть дано право отделения от России пограничных территорий. Уже в первой половине сентября в Швейцарии состоялась конференция европейских социал-демократов. Среди российских делегатов выделялись Ленин и Троцкий. Итоговый манифест конференции призывал к немедленному миру и одновременной «войне классов» во всей Европе.

В ноябре 1915 года кайзер Вильгельм исключил для себя мир с Россией: «Теперь я не согласен на мир. Слишком много германской крови пролито, чтобы все вернуть назад, даже если есть возможность заключить мир с Россией».

Военные неудачи на русском фронте и неустойчивость русского общества тогда же были отмечены западными экспертами Тройственного согласия. Они начали приходить к выводу, что военные поражения не могут пройти бесследно. Вопреки браваде петроградских газет британский военный представитель в России Нокс предсказывал возможность распада России. А французский посол Палеолог писал в дневнике: «Русский исполин опасно болен. Социальный строй России проявляет симптомы грозного расстройства и

распада. Один из самых тревожных симптомов — это тот глубокий ров, та пропасть, которая отделяет высшие классы русского общества от масс. Не существует никакой связи между этими двумя группами; их как бы разделяют столетия… Следуя своим принципам и своему строю, царизм вынужден быть безгрешным, никогда не ошибающимся и совершенным. Никакое другое правительство не нуждалось в такой степени в интеллигентности, честности, мудрости, даже порядке, предвидении, таланте; однако дело в том, что вне царского строя, т.е. вне его административной олигархии, ничего нет: ни контролирующего механизма, ни автономных ячеек, ни прочно установленных партий, ни социальных группировок, никакой легальной или бытовой организации общественной воли. Поэтому, если при этом строе случается ошибка, то ее замечают слишком поздно и некому ее исправить».

Как отмечают современные историки, ускоренная социально-имущественная поляризация в России размывала все, что поддерживало общественный статус-кво. Дворянская Россия не нашла дороги к России крестьянской. Некий шанс появлялся лишь в том, что за годы войны в офицерский корпус влилось много простолюдинов, тогда как аристократия (гвардия в первую очередь) понесла невосполнимые потери. Гибли образованные — передаточное звено между Россией и Западом.

Большая и продолжительная война стала испытанием на крепость российского государственного устройства, на степень солидарности народа, на его способность ставить перед собой реалистические цели. Критически мыслящие русские в 1915 г., когда стало ясно, что война продлится долгие годы, справедливо усмотрели опасность в том, что перед русским народом нет ясной цели. Если от русских мужиков в шинелях требуют жертв, необходимость которых они не понимают, их патриотический порыв обречен. Потеря Польши сделала ощутимыми зачатки социального разложения и национального распада. Армия была еще полна героизма, но веры в победу становилось все меньше. Она ощущала, что ее приносят в неоправданную жертву. С упадком героического воодушевления наступал упадок духа, пассивная покорность судьбе.

Русские интеллектуалы также предвидели возможность серьезного кризиса. Так, предприниматель А.И. Путилов, член и председатель правлений более 50 акционерных компаний, включая общество Путиловских заводов, в июне 1915 года указал представителям Антанты на неизбежность революционного взрыва. Поводом послужит военная неудача, голод или стачка в Петрограде, мятеж в Москве или дворцовый скандал. Революция будет исключительно разрушительной, ввиду того что образованный класс в России являет собой незначительное меньшинство. Он лишен организации и политического опыта, а главное, не сумел создать надежных связей с народом. Режим настолько зависит от бюрократии, что в тот день, когда ослабнет власть чиновников, распадется русское государство. Парадокс заключается в том, что сигнал к революции дадут буржуазные слои, интеллигенты, кадеты, думая, что спасают Россию. Но от буржуазной революции Россия тотчас же перейдет к революции рабочей, а немного позже – к революции крестьянской.

19 июня 1915 г. в Москве собрался съезд Земского союза и Союза городов. Его настроение было достаточно тревожно. Уже на открытии князь Львов вынес приговор правящей олигархии: «Задача, стоящая перед Россией, во много раз превосходит способности нашей бюрократии. После 10 месяцев войны мы еще не мобилизованы». Именно в мобилизации нуждались и фронт, и страна в целом. Следует отметить, что война вызвала небывалое напряжение российской экономики. Военные расходы России, составившие в 1914 г. 1655 млн. руб., в 1915 г. выросли до 8818 млн. руб., а в 1916 г. они достигли 14573 млн. руб.

Если принять экономическое производство 1913 года за сто процентов, то дальнейшее экономическое развитие страны будет выглядеть следующим образом: 1914 – 101, 2%, 1915 – 113,7%, 1916 – 121,5%. Производство машинного оборудования всех типов выросло с 308 млн. руб. в 1913 году до 757 млн. в 1915 году и 978 млн. руб. в 1916 году.

Проантантовские силы в России в самые тяжелые дни отступления русских армий создали широкую политическую коалицию, которую в Думе олицетворял «Прогрессивный блок» — союз основных политических партий ради достижения победы. Царь произвел ряд персональных перемещений. В середине июня 1915 г. военным министром вместо Сухомлинова, в отношении которого было начато уголовное производство, был поставлен инициативный генерал Поливанов. Создаваемые по всей России военно-промышленные комитеты — их число превысило 220 — явились, по существу, последней попыткой России достичь самодостаточности в условиях первой большой войны индустриального века. 20 июня 1915 года создано Особое совещание по обороне, которое мобилизует силы русской промышленности и финансов для создания базы производства вооружений на русской земле.

Как отмечают исследователи, анализируя кампанию 1915 года, «русская военная мощь не сравнялась с лучшими армиями своего времени — прежде всего с главным врагом — германской армией, что и было продемонстрировано в 1914–1917 гг. Русские полководцы одерживали победы в боях против австрийцев и турок, но на германском фронте результат всех кровавых усилий был обескураживающим. Тыл некоторое время работал не только жертвенно, но и слаженно. Однако по мере растущего напряжения сказалась незрелость общественного устройства и несформированность жителей как граждан, равных «прометеевскому человеку» Запада. Это и предвосхитило слабость России в час ее исторического испытания».

Не 1916 и не 1917, а именно 1915 год был для России не только самым тяжким на полях сражений. Принятые и не принятые тогда решения и состоявшиеся события, строго говоря, предопределили дальнейший ход всего XX века. Тогда и решилось, в каком направлении будет идти Россия – к победе или к революции. Не приняв радикальных изменений в стратегии войны и не решившись на серьезные изменения во внутренней политике, Россия, как мы теперь знаем, избрала в 1915 году путь к революции.

Думская монархия – компромисс на закате эпохи

Николай II пришел к власти после скоропостижной смерти своего родителя, императора Александра III. На нового императора с первых же дней его царствования либерально настроенная интеллигенция пыталась оказывать давление воздействие, требуя проведения реформы политического устройства государства. Влияние западноевропейских стран на общественную мысль России было очевидно. В Европе парламенты получали все больший политический вес. Только Россия, Турция и Черногория парламентов не имели.

В Европе развитие парламентаризма было связано с тем, что к концу XIX века практически в каждом европейском государстве произошло формирование нового имущего слоя, который достаточно окреп, чтобы выдвинуться на лидирующие позиции в обществе. Средством выражения политических интересов этого слоя стали парламенты. В России и некоторых других европейских странах этот процесс не был завершен, и торопливый переход к парламентаризму был чреват непредвиденными последствиями.

Тем не мерее, социальные изменения требовали политических реформ. Дворянство все больше уступало свои главенствующие позиции. Конкуренцию ему составили деловые люди (промышленники, финансисты, купечество и др.) и новая интеллигенция, пополнявшаяся из неимущих сословий и находящая себе опору в стенах университетов.

Николай II, несмотря на свою молодость, уже при вступлении на престол ясно понимал преждевременность политических изменений европейского типа, и в известной речи от 17 января 1895 года указал на невозможность участия представителей земств в управлении государством. Позиция Верховной власти расколола общество. Одни втягивались в борьбу с государством, требовали прав и свобод, ратовали за приоритет личности, считали необходимым следовать путем европейского прогресса. Другие продолжили трудиться, укрепляя государство, его экономическую мощь и политический суверенитет.

Задача, которая стояла перед Россией, была не из простых. Государственное строительство требовало укрепления русского присутствия на Дальнем Востоке и в Сибири и создания для этого необходимых коммуникаций, связывавших эти регионы с Центральной Россией. Сохранение естественно возникшей монополии Империи в обладании богатствами зауральских просторов требовало прочного закрепления на Тихом океане. Иначе сибирские просторы становились своеобразным геополитическим тупиком.

Укрепление Империи по двум противоположным векторам не могло быть обеспечено в равной мере. Тем более, что в Европе России противостояли мощные силы, ограничившие ее влияние. Поэтому константинопольское направление имперской экспансии перестало быть приоритетным. Николай II принял стратегическое решение об усилении влияния России на тихоокеанском побережье. Это должно было укрепить двуединое начало России, объединяющее в себе Запад и Восток.

Соответствующие сделанному геополитическому выбору действия государственных лиц того времени хорошо прослеживаются документально. 3

января 1897 года указом Николая II вводится золотое денежное обращение, послужившее укреплению независимости страны и ее экономики. Проводится перепись населения и организуется массовое переселение в Сибирь жителей центральных регионов (в 1894–1901 годы переселилось свыше 1200 тысяч крестьян). Учреждаются новые государственные производства, начинается строительство современных военных кораблей.

Лавируя между требованиями по либерализации трудового законодательства и интересами промышленников, государство с 1896 года вводит законодательное ограничение продолжительности рабочего дня до 11 часов. Хотя в большей части Европейских стран действовал 12 часовой рабочий день.

Во внешней политике для предотвращения возможной войны Николай II пытается укрепить мир как в Европе, так и в Азии. Заключен договор с Австрией о сохранении статус-кво на Балканах. Выпускается меморандум императора России с предложением правительствам Европы ограничить гонку вооружений и выработать меры по сохранению мира, и, как следствие, проводится Гаагская мирная конференция 1899 года. Продлен военный союз между Россией и Францией. Заключен договор с Китаем об оборонительном союзе в случае нападения Японии на Россию, Китай или Корею. Заключен договор об аренде Россией Ляодунского полуострова с городами Порт-Артур и Дальний сроком на 25 лет, получена концессия на строительство железной дороги через Харбин в Порт-Артур. Также заключен и договор с Японией о признании Россией интересов Японии в Корее.

А что же делали в то время сторонники либерального прогресса? Большая часть образованного общества России, притихшая в период правления Александра III, превратилась в непримиримую оппозицию к правительству Николая II. Большинство газет и журналов были заведомо враждебны к Государю и его политике. Публицисты постоянно искали повод «покрепче насолить» власти, отыскивая ее истинные и мнимые ошибки. Газетные и журнальные издания все больше отходили от задач просвещения населения, превращаясь в орудие борьбы политических группировок, растравливая нездоровые страсти и наживаясь на подогретом интересе публики к борьбе самых причудливых мнений. Интеллигентская среда, будучи большей частью неимущей, предпочитала перенимать у Запада крайние радикальные политические учения и враждебно относилась к отечественной промышленности, всячески провоцируя конфликты между работниками и работодателями. Политической мишенью этой публики стало самодержавие.

Началось структурирование оппозиционных сил: 1897 год – учреждение Всеобщего еврейского рабочего союза Бунд, 1898 год – учреждение Российской социал-демократической рабочей партии РСДРП, 1901 год – создание партии социалистов-революционеров (эсеров), 1903 год – создание Союза земцев-конституционалистов. Появляются нелегальные печатные издания, содержащие открытые призывы против существующего строя. Возникает броский лозунг, который объединяет оппозицию всех оттенков: «Долой самодержавие!».

Тем временем надвигалась война за Дальний Восток, полным ходом шли военные приготовления. Япония стала лидером военно-политической

коалиции, которую не устраивало величие России, растущее с упрочением ее позиций на Дальнем востоке. Японские вооруженные силы к 1903 году уже имели современный флот, отстроенный на верфях в Англии, и этот флот имел преимущество перед российским как по быстроходности, так и по вооружению. Россия отставала в подготовке к войне на 2–3 года. Современные корабли были заложены на балтийских верфях, но были еще не достроены. Транссибирская железнодорожная магистраль могла пропускать только ограниченное количество составов из-за узкого места на паромной переправе через Байкал. Из миллионной армии Россия на Дальнем Востоке имела менее ста тысяч штыков (рост дальневосточной группировки сдерживался договором России и Франции, по которому в случае нападения Германии на Францию Россия в поддержку союзника должна была выставить 800 тысяч солдат).

В подготовке к войне с Японией сказался и бюрократический фактор. Председатель Кабинета министров С.Ю.Витте крайне скептически относился к проекту Николая II о закреплении России на Тихом океане и всячески тормозил связанные с этим проектом начинания. Но его скептическое отношение, к сожалению, не было само по себе способно отодвинуть войну, а вело только к ослаблению государства перед лицом предстоящих испытаний.

27 января 1904 года атакой на корабли, базировавшиеся в Порт-Артуре, началась Русско-японская война. Героическая оборона Порт-Артура вошла в славную историю русского воинства. Подвиги солдат и матросов подробно описаны в очерках того времени. Но неудачный подбор руководящих кадров для ведения военных операций, сочетавшийся с фатальной гибелью талантливых офицеров, сводил «на нет» успех кампании.

Известие о начале войны объединило большую часть российского общества, и противники самодержавия временно стушевались. Но военные неудачи вновь пробудили противогосударственные настроения. Они поддерживались зарубежными финансами, брошенными тайными и явными врагами Росси на ее ослабление, на создание внутренней нестабильности. Оппозиционные партии расширяли свое влияние на американские и японские деньги.

Война закончилась 23 августа 1905 года подписанием в Портсмуте мирного договора между Россией и Японией. Оппозиционеры утверждали, что Россия проиграла войну, но объективные данные говорят о другом. Россия вышла из войны, не одержав военной победы. После поражений в морских сражениях и сдачи Порта Артура русская армия вовсе не была разбита. Она сохранила боеспособность и вела позиционные бои на суше. Более того, железнодорожное сообщение наладилось, и в сторону фронта пошли эшелоны с войсками. Япония наоборот была истощена войной. Для финансирования военных действий была вынуждена увеличить налоговое бремя на 85%, в то время как Россия увеличила налоги только на 5%. Япония так и не рискнула перейти к генеральному наступлению на русские позиции в течение пяти последних месяцев войны. Поэтому Россия категорически отказалась от выплаты контрибуции, осознавая свое бесспорное военное превосходство. Надежды Японии на успех русских революционных выступлений не

оправдывались, и она вынужденно заключила мирный договор и вернула России часть захваченных территорий.

Когда условия мирного договора были опубликованы, волнения охватили Японию. Появились траурные флаги в городах, возникали беспорядки. Россия же, выйдя из войны, сохранила свои основные позиции в Азии и возможность дальнейшего развития в этом регионе.

Революционеры на успехи правительства ответили объединением своих усилий. Все партии антиправительственного блока (от конституционалистов до террористов) стали координировать свои действия, встречаясь на различных мероприятиях, в том числе – на межпартийной конференции в Париже, где была принята резолюция об уничтожении самодержавия и праве наций на самоопределение. Расхождения во взглядах наблюдались только в тактических вопросах. Одни ратовали за выборы, другие – за террор и вооруженное восстание. В апреле 1905 года большевики решили, что их задачей является вооруженное восстание. Для зарубежных врагов России это была самая привлекательная программа. Европейские державы, готовящиеся к войне, увидели в большевиках ту силу, в которую стоит вкладывать средства. Они пойдут на разлагающую пропаганду и приобретение оружия, в дальнейшем – на войну против собственного правительства.

Считается, что началом революционного переворота в сознании масс стало «кровавое воскресенье» 9 января 1905 года, которое было спровоцировано действиями священника Георгия Гапона. Его призывы идти с петицией к царю нашли живой отклик в среде столичных рабочих, которых уверили, что шествие разрешено и петиция будет принята. Правительство из-за забастовки работников типографий оказалось в очень сложном положении, но, несмотря на это, листовки с призывом не поддаваться на провокацию и о запрете шествия были изготовлены и развешаны в городе. К сожалению, они не достигли цели. Шествие состоялось. Войска преградили дорогу толпе и дали залп холостыми. Но толпа двинулась дальше, появились жертвы… По официальной сводке в результате хаотических действий властей было убито 130 человек, по неофициальной версии – до 1000. После этого беспорядки охватили страну. Забастовки в Варшаве, крестьянские погромы помещичьих имений в Центральной России, на Украине и Грузии, столкновения армян и азербайджанцев в Баку, мятеж на броненосце «Князь Потемкин Таврический», восстание в Лодзи, еврейские погромы в Одессе, восстание в Финляндии, мятеж в Кронштадте, и Севастополе. Завершился 1905 год Московским вооруженным восстанием.

Действия власти по подавлению смуты были решительными, и везде правительственные войска достигали успеха в подавлении бунтов. Так генерал Меллер-Закомельский с отрядом в 200 человек, проявив жесткость, навел порядок на всем протяжении всего Великого сибирского пути, а противостояли ему многотысячные распропагандированные войска.

Агрессивные формы борьбы с режимом сочетались с легальными политическими требованиями земства по введению политических свобод и усовершенствованию существующего порядка управления государством. При

этом любые политические требования рано или поздно сводились все к тому же: «долой Самодержавие!».

Лозунг «Долой Самодержавие!» по своей сути был лозунгом «Долой Государство!». Ведь само понятие «самодержавие» означало не произвол власти, а только независимость мнения государя от мнения иногосударств. Но власть российская начала XX века, не имея в своем распоряжении ни идеологического аппарата, ни средств массовой информации, стала упускать инициативу в борьбе за умы населения страны, и самодержавие как традиционный государственный институт России подверглось дискредитации.

Николай II уступил требованиям либералов и 17 октября 1905 года для предотвращения дальнейших волнений подписал манифест о гражданских свободах и вступлении в силу законов с одобрения Государственной Думы. На пост председателя Совета министров вновь был назначен С.Ю. Витте, который теперь связывал свою судьбу с либеральными преобразованиями. Николай, соглашаясь на созыв Государственной Думы, прекрасно осознавал, что создает себе не помощника, а врага. Его надежды, что в лице Думы он сможет со временем увидеть государственную силу, полезную для страны, оказались напрасными.

Выборы в I Государственную Думу прошли при определяющей роли крестьян. Предположение, что патриархальность крестьянства охладит пыл интеллигенции (как это произошло во время «хождения в народ»), не оправдалось. Крестьянство, которому император по избирательному закону предоставил наибольшие права, оказалось не способно принимать взвешенные политические решения, и легко поддалось на выборах агитаторам левых партий, обещавшим раздать крестьянам помещичьи земли. Мало кто знал, что к тому времени дворяне имели только около 26 млн. десятин пашни, а крестьяне – 120 млн. десятин. Большинство крестьян не смогло правильно оценить ситуацию и понять, что конфискация помещичьей земли не решает их проблем в долгосрочной перспективе. В результате в Думе неожиданно возникло оппозиционное большинство, создавшее для власти и государства в целом огромные проблемы. Оппозиция, получив мандат доверия народа, получила и моральное преимущество в долгосрочной перспективе.

Избранная I Дума сразу потребовала амнистии. А что такое была амнистия в то время? Проиграв открытую вооруженную борьбу, оппозиционеры продолжили свою тактику террора. Убивали не из чувства мести. Планомерно уничтожали всех энергичных представителей власти, создавая кадровый голод. Так было до 1905 года, так было и после 1905 года. Например, за 1906 год было убито 768 и ранено 820 представителей власти. Убивали и популярных в народе людей, и тех, до кого было легче добраться. Поэтому думская защита «кадров революции» от возмездия в условиях невиданного для России политического бандитизма была для власти неприемлемым компромиссом. I Государственная Дума была распущена 9 июля 1906 года.

1 июня 1907 года на закрытом заседании II Государственной Думы Петр Аркадьевич Столыпин предъявил обвинение 55 депутатам в военном заговоре против правительства и особо подчеркнул невозможность силами

правительства обеспечить спокойствие и порядок в государстве, если парламентская неприкосновенность не будет снята с 16 из них. Дума уклонилась от немедленного выполнения требования Председателя правительства и передала данное дело на проработку в специально созданную комиссию, хотя доказательства о связи социал-демократов, входящих в Думу, с военными заговорщиками были представлены. Преднамеренная бездеятельность Думы и стремление правительства не допустить повтора 1905 года предопределили дальнейший ход событий. 3 июня был издан манифест о роспуске Государственной Думы и введении нового избирательного закона, по которому крестьяне потеряли влияние на формирование российского парламента, получив вместо 42% выборщиков только 22,5%. Перераспределение произошло в пользу землевладельцев, которые вместо 31% получили 50,5%.

Выборы в первую и вторую думы подтвердили, что сторонники самодержавия (К.Победоносцев, Л.Тихомиров и др.) были правы в своих предупреждениях против парламентаризма. Выборы обеспечили не отбор лучших по профессиональной пригодности и государственным делам, а людей, владеющих риторикой и «сладко излагающих». Сформировавшаяся «коллективная безответственность» парламента стала основой для разложения государственности – дискредитации институтов Империи, девальвации русской общественной традиции, процветания сепаратизма.

Несмотря на возникшие трудности, Николай II принял решение продолжить парламентский эксперимент, изменив избирательный закон в пользу охранительных сил. Так в условиях напряжения сил государства, направленных на закрепление своего статуса великой евроазиатской державы, возник строй думской монархии, задуманный властью как временный компромисс между империей и радикально настроенной интеллигенцией. Истории суждено было распорядиться этим компромиссом не в пользу самодержавия, которому не удалось противостоять одновременно внешней агрессии и внутренней измене, сломавшим русскую историческую традицию в 1917 году.

Февраль 1917 года и крах самодержавия

Проблема монархической власти в России состояла и в том, что в стране к началу войны 1914 года не было ни одного социального слоя, на который она могла бы опереться, даже на дворянство, не было ни одной политически значимой силы, которая была бы кровно заинтересована в сохранении на троне Николая. Произошло не только социальное, но и личное отчуждение верховной власти. Монарх не правил и не царствовал. И не находил выхода из сложившегося положения. Вот почему царь не мог ни на что решиться – ни на диктаторское искоренение крамолы, ни на правительство думского большинства. Он был в изоляции, которая в конце февраля обернулась для него вакуумом.

Крах Российской Империи был предопределен тем, что Император постепенно утратил в глазах широких слоев сакральный статус, присущий православному царю, и столь необходимый любому главе государства авторитет среди образованных слоев общества. Не в последнюю очередь этому способствовало три обстоятельства – утрата русской Церковью способности влиять на сознание и настроение русского население, массовое овладение грамотностью при отсутствии традиции народного чтения (отчего развилась лишь способность разбирать лозунги и прокламации) и широкое распространение кинематографа, воспринятого массами подданных Империи как чудо, замещающее все прочие чудеса, о которых говорила русская традиция и русская Церковь. Помазанник Божий, представший в своей повседневной деятельности на киноэкранах по всей стране, в глазах необразованного народа оказался обычным, даже невзрачным человеком, «гвардейским полковником».

Общество, особенно высшие классы, требовали конституции, подразумевая под этим народное (то есть самих этих классов) представительство. Была уверенность, что народ сможет избирать такой «русский парламент», который произведет в жизни страны немедленные улучшения. В отличие от бюрократии, назначаемой царем, «страшно далекой от народа», появятся законодатели, которые примут правильные установления, и все неудобства, копившиеся столетиями, отпадут сами собой. В 1906 году власть пошла на уступки, и неограниченная монархия волей государя преобразилась в парламентскую. В окружении Николая полагали, что русское общество страшится анархии, угрожающей не только ужасами братоубийственной борьбы, но и расчленением государства, что свидетельствовало о незнании народа, которым оно пыталось управлять. И плохо продуманная реформа государственного строя вместо умиротворения лишь отсрочила народные волнения, оказалось – на 12 лет.

Анализируя участие «культурных» слоев в событиях 1905 года, авторы «Вех» (известного сборника, посвященного роли интеллигенции в политике, вышедшего в 1909 году) отмечали ее безрелигиозность, мечтательность, легкомысленность, неделовитость. Легковерие без веры, борьба без творчества, фанатизм без энтузиазма, нетерпимость без благоговения. Главное же – отщепенство от государства. Жители городов,16% населения страны, – мещане, служащие, студенты, рабочие – были не лучше. Здесь зрели иные явления: грамотность без воспитания, ожидание без веры, инициатива без воодушевления, храбрость без верности. Страна была на подъеме, но развитие оказывалось болезненно неравномерным. Образование и культура не поспевали за перестройкой социальной среды и политическими страстями.

Самое же главное состояло в изменении умонастроения огромной крестьянской массы, составлявшей почти 80% населения Империи, прежде всего великорусов европейского центра с его рискованным земледелием, бедными почвами и низкой аграрной культурой. Столыпинская земельная реформа, разрушавшая общину и дававшая право мужику быть самостоятельным хозяином, из благих пожеланий ввергавшая его в рыночные отношения, вместе с тем неумолимо обрекала и на обнищание и разорение, возбуждая ненависть к начальству, к Государю и вообще к существующему

порядку вещей. Поскольку надежды на власть рушились, крестьянство превращалось в горючий материал бунта, готовый вспыхнуть от одной спички.

Между тем, как и в прошлые годы, именно великороссы несли основную тяжесть налогового бремени: в конце XIX – начале XX веков в русских губерниях оно было в среднем на 59% больше, чем у инородческого населения окраин. С уровнем культурного развития было не лучше. В конце XIX века доля грамотных среди русских составила лишь около 25%, что было втрое ниже, чем, положим, у прибалтов, финнов и евреев, значительно ниже, чем у поляков, а в Уфимской губернии – даже ниже, чем среди татар, лишь 1% имел высшее образование. До 1905 года на православных не распространялась веротерпимость, они не имели свободы религиозного выбора.

Империя питалась соками народа, существуя и развиваясь его эксплуатацией. Русские же, ощущая несправедливый характер этого отношения и враждебность власти, не могли не сотрудничать с ней, ибо власть формировала общий порядок русской жизни, обеспечивая относительную безопасность и сносные (по скромным отечественным меркам) условия существования. Какой бы ни была власть, она являлось единственным институтом, способным организовать народ, защищая независимость и достоинство обширной империи.

Господствующие классы – бюрократия и дворянская аристократия, не желали поступиться даже крупицей своих привилегий, превращая тем самым даже образованную и состоятельную часть общества – интеллигенцию – в своих противников. Из-за крайне неудачных избирательных законов, обеспечивающих избрание в Государственную Думу безответственных либеральных оппозиционеров и фразеров, она выступила детонатором политических возмущений. Из властного органа, в котором должны были создаваться государственные законы, Дума превратилась во фрондирующий политический клуб, где озвучивались интеллектуальные подстрекательства, будоражившее общество.

Ни политические лидеры, ни общественные деятели, ни предприниматели, ни служащие, ни квалифицированная часть наемных рабочих, ни крестьянство, не были удовлетворены своим положением. Что же касается промышленников, то, как писал царю Великий Князь. Алексей Михайлович в письме от 4 февраля 1917 г, «капитал в России находится в руках иностранцев и евреев, для которых крушение монархии желательно».

Все социальные слои, стало быть, были в состоянии брожения. И требовался лишь повод, чтобы зревшее недовольство обрушилось на страну стихийным бедствием. Таким поводом стали события мировой войны, развязанной властями Германии, Австро-Венгрии и Великобритании.

Для организаторов и участников разного рода беспорядков в России не имело значение ни состояние внешней угрозы, обусловленное серьезными неудачами на фронте в 1915 году, ни необходимость исполнения долга перед отечеством в тылу, чтобы действующая армия ни в чем не нуждалась, ни даже военные успехи, которые были достигнуты в 1916 году. Что бы ни происходило в Империи, на фронте или в столицах, разнуздавшаяся пресса, находившаяся в

руках еврейства, и бесчинствующие политики, вроде профессора Милюкова, визжали о «глупости и измене», которые, якобы, поразили власть и двор.

Впав в состояние психопатии, общество было убеждено, что власть предает интересы России, что император «слаб» и не исполняет свои обязанности, а царское окружение, во главе с императрицей, кишит изменой. Недоверие верхов общества и командования армии к императору в действительности являлось свидетельством серьезного противоречия между архаичной системой власти, опиравшейся на личную преданность царю, и процессом рождения национального мировоззрения. Россия сословно-патриархальная уже превращалась в Россию национальную, и эта метаморфоза стала противоречить существовавшим административным, экономическим и социальным формам. Последние объективно были обречены на упразднение сверху или уничтожение снизу.

Критический момент наступил в начале 1917 года. Обусловили его несколько факторов – революционная ситуация, зревшая в крестьянской стране с 1902 года и постепенно усиливавшаяся неудовлетворительным решением земельного вопроса; брожение рабочей среды, провоцируемой агитацией социалистического подполья; участие России в мировой войне, победа в которой оказалась не такой быстрой, как ожидалось; паралич власти, предпочитавшей бездействовать; огульная критика самодержавия со стороны оппозиции, переходящая в клевету и оскорбления, сосредоточившаяся на фигуре монарха.

Не стоит сбрасывать со счетов также подрывные акции немецкой и австрийской агентур, действующих в русском тылу, и враждебную деятельность союзников, чьи эмиссары вступили в сговор с силами оппозиции, созревшими для конспиративных заговоров. Несмотря на различие целей (одни стремились разложить противника, другие – предотвратить сепаратную позицию союзника), результат их действий вел к одному – к государственной дезорганизации.

Истинное отношение к России британцев, которое не меняли никакие военные соглашения, выражалось, например, в том, что для королевы Виктории Александр III был «варваром», для ставшего позже премьером лидера лейбористов Макдональда Николай II – «обычный убийца», для драматурга и социалиста Дж. Б. Шоу англо-франко-русский союз – позор западной демократии (письмо Горькому от мая 1917 г). Премьер-министр времен войны Ллойд-Джордж при известии о падении монархии в России не смог скрыть удовольствия: «Одна из целей войны для Англии наконец достигнута».

Одна из основных ошибок в организации государства заключалась в сохранении сложившейся прежде системы власти и управления, которые так и не были приспособлены к условиям войны. Считалось, что русский верховный главнокомандующий имеет полномочия лишь на театре военных действий. Остальные войска подчинялись военному министру. В тылу вообще не существовало режима военного положения. Промышленность, транспорт, торговля, пресса функционировали так, словно никакой войны не было.

Всеевропейская война, масштабы которой поражали воображение, требовала коренных перемен, но ничего не происходило. Главное, не возник

общегосударственный орган, который бы объединял управление всех сторон жизни воюющей страны – не только военной, но и экономической, финансовой, промышленной, аграрной, культурной. Если Сталину в 1941 году потребовалось менее месяца, чтобы понять, что ему самому надлежит взять все бразды управления в свои руки, то у Николая II на это ушел целый год. Да и то речь шла лишь о принятии им на себя летом 1915 года функции верховного главнокомандующего, в то время как стране был нужен подлинный национальный вождь.

Когда же военные неудачи 1915 года были преодолены, армия значительно усилена и стала одерживать победы, о которых союзники даже не могли мечтать, то вместо того, чтобы назначить на пост главковерха военачальника, проявившего себя в боях (Брусилова, Юденича или Щербачева) и сосредоточится на проблемах тыла, становившегося все менее спокойным, Николай опять оставил все как есть. Нетерпеливое ожидание коренных изменений, которые должны произойти со дня на день, пропитало и фронт, и тыл.

Русская армия, фронт которой составил в Европе и на Кавказе более 3 тыс. км, понесла во время войны крупные потери. Но они были вполне сопоставимы с потерями армий-союзников и армий противника. Так, например, в русской армии они составили 14,5% ее численности, тогда как у Франции этот показатель составил 16,7%, а у Германии 17,7%.

К 1917 году у русской армии не было особых претензий к количеству и качеству вооружения. Действующая армия имела 202 дивизии на фронтах против 159 неприятельских. Генерал Людендорф, фактически руководивший вооруженными силами Германии, оценивал ее положение «почти безвыходным».

Говорят, 1916 год был в России неурожайным. Ничего подобного! В хлебных губерниях зерна было в избытке. А вот в Германии урожай сельхозпродукции снизился на 32%; ее население, в отличие от русского, голодало. Немцам пришлось перейти на карточную систему, тогда как в городах России продукты питания продавали без каких-либо ограничений, а в армии даже удвоили продовольственное снабжение. Не лучше было и во Франции. Она лишилась 2 млн. га сельхозугодий из имевшихся 6,24 млн., занятых немцами, и столкнулась с падением сельхозпроизводства в среднем на 30%.

Россия перед 1917 годом находилась на экономическом подъеме. В период мировой войны семьи рабочих, призванных на военную службу, получили 276 млн. руб. пособий, семьи крестьян – 925 млн. В результате запрещения продажи водки и пива экономическое положение крестьянства улучшилось на 600 млн. руб. Поставка лошадей дала им еще 450 млн. (лошадь стоила 75 руб.).

По европейским критериям в Российской Империи все было в порядке. Конечно, два с половиной года войны не прошли даром. Доход на душу населения, исчисляемый в золотых рубля, снизился на 15,7% – с 101,5 в 1913 г. до 85,6 руб. в 1916/1917 гг. Заработок французских рабочих во время Первой мировой составлял 66-75% от довоенного. (В 1913 году в России реальная

заработная плата наемных работников составляла 85% от уровня США и превышала реальную заработную плату в Англии, Германии и Франции.)

На союзнической конференции, проходившей в Петрограде в январе 1917 года, генерал Гурко, начальник штаба русской Ставки, временно заменявший отдыхавшего в Крыму генерала Алексеева, доложил, что у России к началу 1917 г. под ружьем в действующей армии находится семь с половиной миллионов человек и два с половиной — в резерве. Наступление может начаться после завершения обучения и экипировки новых дивизий. Их оснащение займет, возможно, год. Пока же русская армия в состоянии удержать противника на Восточном фронте, осуществляя второстепенные наступательные операции. Судя по всему, русскому командованию надоело обеспечивать победы западных союзников кровью своих солдат.

Объективные данные говорили о неизбежной победе союзников в 1917 году. Германия была обречена, несмотря на то, что на русском фронте из-за неудачной кампании 1915 года русские были вынуждены оставить территорию 12-ти привислинских и литовских губерний – около 1,5% земель империи. Но та же Франция, на территории которой шла война на Западе, потеряла гораздо бóльшую долю территории, чем Россия, ее потери были гораздо значительнее русских, напряжение экономики превосходило русские усилия. Тем не менее, Франция жаждала победы, а Россия - революции.

Председатель Государственной Думы М.В.Родзянко в январе 1917 года заявил Государю, с присущей ему резкостью и прямолинейностью, что «вся Россия» требует смены правительства, что императрицу ненавидят, что ее надо отстранить от государственных дел, что в противном случае будет катастрофа. «Я вас предупреждаю, что не пройдет и трех недель, как вспыхнет революция, которая сметет вас, и вы уже не будете царствовать». Николай, глядя в сторону: «Ну, Бог даст». Родзянко, прервав царя, воскликнул: «Бог ничего не даст! Революция неизбежна!»

Поэт Маяковский в стихах пророчил революцию в 1916 году. Поэт Хлебников назначал ее на 1917. В конце января 1917 г. один из будущих членов Временного правительства сообщил помощнику британского военного атташе полковнику Торнхиллу, что революция произойдет весной, и она продлится не больше двух недель Воздух российской столицы на протяжении многих месяцев накануне февральских событий был насыщен слухами о неизбежной смене власти.

Кризис в начале 1917 года назрел не в действующей армии и был связан не с ходом ведения войны, победа в которой была уже практически предопределена. Опасность для государственного строя созрела в тылу, конкретно, – в столице империи. Петроград кишел изменой и бунтом, тогда как остальные внутренние территории страны жили привычной, почти мирной жизнью.

Наиболее сильным признаком надвигавшейся катастрофы явилось фактическое бездействие правительства. Оно почти не боролось за свое существование. Как писал Солженицын, «вся царская администрация и весь высший слой аристократии в февральские дни сдавались как кролики – этим-то и была вздута ложная картина единого революционного восторга России».

Современник революционных бурь, премьер русского правительства С.Витте писал: «Громадное большинство россиян как бы сошло с ума». Рабочая масса медленно, но верно, раскачивалась. Стачки не прекращались, несмотря на войну. Их организация и участие в них даже не считались преступлением. Инциденты с полицией учащались. Самое дерзкое поведение оставалось безнаказанным. Полиция была демонстративно вежлива, за что все платили ей презрением. Застрельщики беспорядков, становились на окраинах Петрограда все смелее и развязнее.

В начале января жандармский генерал Глобачев, докладывал: «Настроение в столице носит исключительно тревожный характер. Все ждут каких-то исключительных событий и выступлений как с той, так и с другой стороны. Одинаково серьезно и с тревогой ожидают как разных революционных вспышек, так и, несомненно, якобы, в ближайшем будущем “дворцового переворота”, провозвестником которого, по общему убеждению, явился акт в отношении пресловутого старца… Либеральные партии верят, что в связи с наступлением, перечисленных выше, ужасных и неизбежных событий, правительственная власть должна будет пойти на уступки и передать всю полноту власти в руки кадет, в лице лидируемого ими Прогрессивного блока и тогда на Руси все образуется».

В другом январском докладе отмечалось растущее недовольство от дороговизны жизненных продуктов, успех левых газет и журналов, симпатии широких масс к Государственной Думе, готовящийся террор, разговоры о существовании офицерской организации, которая решила убить ряд лиц, мешающих обновлению страны. «Население, – писал Глобачев, – открыто, на улицах, в трамваях, в театрах, магазинах критикует в недопустимом по резкости тоне все правительственные мероприятия».

И все-таки накануне февральских дней ничто не предвещало, что беспорядки в Петрограде могут привести к падению монархии. Ожидались забастовки, локауты, демонстрации, разного рода насильственные правонарушения. Мало кто предвидел волнение воинских частей и абсолютную неспособность министров подавить волнения и обеспечить правопорядок.

События Февраля протекали несколькими разнородными потоками – то независимыми, то совмещенными. В Петрограде это рабочие забастовки, перешедшие в уличные беспорядки. Поведение частей столичного гарнизона, сначала противодействие беспорядкам, затем переход на сторону восставших. Конспиративная деятельность думцев, от заговора с целью смещения Николая и замены его Михаилом к закулисному созданию «правительства народного доверия». Равнодушие и апатия царских министров, не решившихся ни на что и безропотно сложивших полномочия. Суетливая самоорганизация евреев и других «левых», самозвано создавших «совет рабочих депутатов», опиравшийся на восставших рабочих и взбунтовавшийся гарнизон, представлявших в столице реальную вооруженную силу. Позиция безучастного наблюдения за петроградскими событиями со стороны руководства Ставки, склонивших верховное командование фронтов к участию в заговоре против Государя. Наконец, странное поведение Императора, не оказавшего заговору и бунту решительного сопротивления.

Поводом для беспорядков стало 23 февраля, считавшееся у социалистов «женским днем». Работницы-текстильщицы Выборгского района, желая отметить этот день, объявили забастовку. Их делегации рассеялись по фабрикам, прося поддержки. Выборгский большевистский комитет по требованию женщин санкционировал забастовку с лозунгами «Долой войну!» и «Давайте хлеба!» По городу ползли слухи, что в булочных нет хлеба. Мгновенно образовались «хвосты» очередей, поскольку накануне было объявлено о введении в городе хлебных карточек. Тогда же полиция задержала с поличным два десятка агитаторов, призывавших предприятия к забастовкам и снимавших с работы людей, работавших на войну. Почему-то никто из них не был предан военно-полевому суду. Немедленный расстрел подстрекателей произвел бы отрезвляющее действие лучше всяких военных частей. Но власти лишь наблюдали за событиями, а задержанные были вскоре отпущены.

24 февраля, в пятницу, движение в Петрограде приняло радикальный характер. Бастовало до 170 тыс. рабочих. От появившегося в печати успокоительного объявления генерала Хабалова, командующего Петроградским военным округом, что хлеба достаточно, просто отмахнулись. Между тем генерал заявлял: «Недостатка хлеба в продаже не должно быть. Если же в некоторых лавках хлеба иным не хватило, то потому, что многие, опасаясь недостатка хлеба, покупали его в запас, на сухари. Ржаная мука имеется в Петрограде в достаточном количестве. Подвоз этой муки идет непрерывно».

На самом деле Хабалов лукавил. Проблема была. Из-за снегопадов и сильных морозов, доходивших в феврале до 30 градусов, в работе железных дорог начались сбои. Вместо 450 вагонов, необходимых ежедневно для подвоза в столицу продовольствия и топлива, доходило в среднем по 116. Трудности были временными, но решали часы, которых у власти уже не было. У нелегальных же партий возник повод для активных действий. Их агитаторы призывали к демонстрациям с лозунгами «Долой Царское правительство!», «Долой Войну!», «Да здравствует Временное Правительство и Учредительное Собрание!» Политический характер неповиновения очевиден. Всюду царит возбуждение и безнаказанность: срывают с работы еще не бастовавших, останавливают трамваи, мальчишки бьют стекла, громят лавки. Все отмечают бездействие казаков, которые смешиваются с демонстрантами.

25-го февраля в субботу забастовка в Петрограде охватила до 240 тыс. рабочих. Большевистская листовка с призывом к всеобщей забастовке заканчивалась так: «Нас ждет верная победа. Все под красные знамена революции. Долой Царскую монархию. Да здравствует демократическая республика. Да здравствует восьмичасовой рабочий день. Вся помещичья земля народу. Долой войну. Да здравствует братство рабочих всего мира. Да здравствует социалистический интернационал». Хлебная проблема была забыта.

Трехдневная безнаказанность и фактическая бездеятельность войск и полиции показала участникам беспорядков, ставших массовыми и дерзкими, что власть в растерянности и вряд ли на что-либо решиться. К тому же общение

с забастовщиками и демонстрантами находящихся в бездеятельности солдат производило разлагающее и деморализующее воздействие.

26 февраля в воскресенье в Петрограде никто не работал – праздничный день. Газеты не вышли. С утра повсюду войсковые наряды. Мосты через Неву, дороги и переходы по льду охраняют войска. Несмотря на это рабочие и всякий люд, особенно молодежь, тянутся к Невскому проспекту. Препятствия обходятся. С отдельными солдатами разговаривают мирно. Пешей полиции не видно. Всюду войска. Около трех часов в разных местах Невского впервые пехотные команды стреляли по толпам и в воздух, в ответ стрельба по солдатам, и тут же их братание с митингующими. На появившееся сообщение о прекращении занятий Госдумы до апреля никто не обратил внимание. Вечером бунт в запасном батальоне лейб-гвардии. Павловского полка и битком забитые публикой театры.

Утром 27-го, в понедельник, взбунтовался запасной батальон Волынского полка, к нему стали присоединяться другие части. С этого момента стихийные демонстрации перерастают в восстание: толпы народа и солдат без какого-либо сопротивления берут Петропавловскую крепость, врываются в Зимний дворец – резиденцию императора, захватывают оружейный арсенал (там 70 тысяч винтовок и револьверов), сжигают Охранное отделение со слишком опасным для многих «революционеров» архивом. Из тюрем выпущены заключенные. Делегация от 25 тыс. восставших войск подошла к Думе, сняла охрану и заняла ее место. Единственная попытка оказать организованное сопротивление в этот день – формирование сборного отряда во главе с приехавшим с фронта в отпуск полковником Кутеповым. Отряд, потерявший несколько человек убитыми, растворился в многотысячных толпах, затопивших город.

К вечеру 27 февраля почти весь Петроград уже во власти беснующийся толпы. Все командиры запасных батальонов сказались больными. По улицам толпы солдат и вооруженных рабочих. Повсюду беспрерывная и беспорядочная стрельба. Последними сдались защитники Адмиралтейства. Все, что перед окончательным падением оставалось в распоряжении Хабалова от столичного гарнизона – это четыре гвардейские роты, пять эскадронов и две батареи. Остальные части присоединились к восставшим.

Правительство, в течение дня проводившее частные совещания и ничего не предпринимавшее, днем собралось в Мариинском дворце. В шесть часов премьер Голицын послал в Ставку телеграмму с просьбой Государю назначить в Петроград для командования войсками популярного генерала, сообщив также, что Совет министров не может справиться с беспорядками и просит Государя его уволить и поручить лицу, пользующемуся общим доверием, составить новое правительство. Министры считали дело проигранным и лишь ожидали ареста. В это время сообщили, что к дворцу идет толпа. Произошло смятение. Потухло электричество. Министры разбежались. Вскоре во дворец нахлынула вооруженная толпа. Начался разгром... Протопопов скрылся у своего портного, Добровольский – в итальянском посольстве. Власть в Петрограде пала.

Кто мог бы стать в этих событиях спасителем или диктатором? 59-летний генерал Хабалов, командующий войсками в Петрограде? 63-летний генерал

Рузский, командующий Северным фронтом, самым близким к столице? 60-летний генерал Алексеев, начальник штаба Ставки? Никто из них не был готов к тому, чтобы остановить беспорядки и подавить мятеж. Как это сделали французские политики, когда страна была в состоянии войны и в осажденном немцами Париже в 1871 году возникла Коммуна. Или как в 1916 году поступил либеральный Лондон, расстреляв из орудий восставший Дублин, залив его кровью. В России февраля 1917 года никто не решился стать «диктатором», «мясником», «душителем свободы». Никому не захотелось повторить 1905 или 1906 год.

Что же происходило в эти дни с российским самодержцем?

Прибыв днем 23 февраля в Ставку, царь два дня оставался в неведении о том, что происходило в Петрограде. Только вечером 24 в телефонном разговоре с царицей, жившей с заболевшими корью детьми в Царском, он узнал «о голодных беспорядках». Днем 24 от нее пришла записка, в которой, между прочим, сообщалось, что бедняки брали приступом булочные и вдребезги разнесли магазин Филиппова. Но серьезного значения им не придали: царь знал, хлеба в Петрограде достаточно. На 25 февраля, по данным Хабалова, в городе хранилось 5,6 млн. пудов муки (около 900 тыс. тонн).

Днем 25 февраля Ставка получила донесения военного министра Беляева и генерала Хабалова о забастовках и демонстрациях, но ничего экстраординарного в них не было, вечером же того же дня пришли телеграммы военного министра Беляева и министра внутренних дел Протопопова, в которых впервые прозвучала тревога. В столице буйства, 200 тыс. бастующих, убийства. Тогда же царь послал лаконичную телеграмму Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией».

26 февраля во второй половине дня телеграмму царю прислал Родзянко: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы этот час ответственности не пал на Венценосца».

Реакция государя была: вздор, не надо отвечать. Но вечером он решил возвращаться в Царское Село, назначив отъезд на 2 ч. 30 м. 28 февраля.

Поздно вечером 26 февраля Родзянко прислал длинную телеграмму генералу Алексееву. В ней после драматической оценки ситуации, складывающейся в Петрограде, содержалось, как последний выход, предложение о «безотлагательном призвании лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения», за каким «пойдет вся Россия, воодушевившись вновь верою в себя и своих руководителей». И просьба поддержать это предложение перед Государем, чтобы «предотвратить катастрофу». Такие же телеграммы он послал командующим армиями.

Утром 27 февраля царю было доложено содержание полученных телеграмм, в том числе мнение генерала Брусилова, согласившегося с Родзянкой. Кажется, впервые царь понял серьезность положения. Днем Хабалов телеграфировал о бунте в запасных батальонах Павловского, Волынского, Литовского и Преображенского полков. Генерал просил «прислать немедленно надежные части с фронта». Одновременно военный министр Беляев сообщал об успешном подавлении волнений в частях, что было откровенной ложью.

Днем пришла еще одна телеграмма от Родзянки. Председатель Госдумы, прося отменить указ о прерывании работы палат парламента, сообщал: «Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому министерства Внутренних дел и Государственной Думе. Гражданская война началась и разгорается. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец и крушение России, а с ней и династии неминуемо». Но царю опять не понравился тон обращения председателя Госдумы, и из Ставки не последовало никаких распоряжений.

Однако вечером пришли телеграммы от Беляева, развеявшие невозмутимость и спокойствие. Министр писал: «Военный мятеж немногими, оставшимися верными долгу частями, погасить пока не удается. Напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с ними нет средств. Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города».

Не реагировать стало невозможно. После совещания с Алексеевым государь решил командировать в Петроград для прекращения бунта и беспорядков 65-летнего генерала Иванова, бывшего командующего Юго-Западным фронтом, назначив его командующим Петроградским военным округом. В тот момент Иванов не обладал ни силами, ни энергией, ни волей, чтобы решить стоящие перед ним задачи.

Ставка выделила Иванову Георгиевский батальон и от Северного и Западного фронтов – по бригаде пехоты, бригаде кавалерии и по одной пулеметной команде. Но попытка создать в районе Царского Села 40-тысячную группировку сорвалась. Прибыв на место, генерал не нашел войск. Они растянулись в эшелонах между Двинском, Полоцком и Лугой. Под рукой Иванова было всего 800 чел. В тот же день Алексеев дал ему распоряжение не принимать активных мер. Это означало, что операция провалилась.

27 февраля от брата Михаила, находившегося в Петрограде, царь получил телеграмму с просьбой уволить министров, назначив премьером князя Львова. В ответ Государь сообщил, что все мероприятия откладываются до его возвращения в Царское Село.

В этот же день царица телеграфировала: «Революция вчера приняла ужасающие размеры…Известия хуже, чем когда бы то ни было», затем: «Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войск перешло на сторону революции», наконец: «Окружный суд горит». Разверзалась картина

катастрофы. Между тем Алексеев, в эти дни температуривший, просил государя не покидать Ставку, а Рузский телеграфировал, что репрессиями положение в Петрограде не выправить.

В ночь на 28 февраля пришла телеграмма от Хабалова: «исполнить повеление о восстановлении порядка в столице не мог. Большинство частей, одни за другими, изменили своему долгу, отказываясь сражаться против мятежников. Другие части побратались с мятежниками и обратили свое оружие против верных Его Величеству войск. Оставшиеся верными долгу весь день боролись против мятежников, понеся большие потери. К вечеру мятежники овладели большей частью столицы. Верными присяге остаются небольшие части разных полков, стянутые у Зимнего дворца…, с коими буду продолжать борьбу».

В третьем часу ночи 28 февраля генерал Беляев сообщал, что «мятежники заняли Мариинский дворец... там теперь члены революционного правительства. Министры, кроме Покровского и Кригер-Войновского, заблаговременно ушли из дворца».

В 4 часа утра поезд с государем из двух составов отправился в Царское, поезд с генералом Ивановым отошел туда же в 13 часов дня. Отчего государь поехал без воинского сопровождения, зачем?

Литерный поезд с государем двигался по маршруту Могилов-Орша-Вязьма-Лихославль-Тосно-Гатчина-Царское Село. Всего около 950 верст.

В Орше была получена телеграмма от ряда членов Госсовета. Они просили назначить «правительство народного доверия». Министр Беляев телеграфно доложил: Мятежники овладели во всех частях города важнейшими учреждениями. Войска, под влиянием утомления, а равно пропаганды, бросают оружие и переходят на сторону мятежников или становятся нейтральными. Сейчас, даже трудно указать какое количество рот является действительно надежными. На улицах все время идет беспорядочная пальба, всякое движение прекращено, появляющихся офицеров и нижних чинов разоружают. При таких условиях сколько-нибудь нормальное течение жизни государственных установлений и министерств прекратилось.

В 4-м часу ночи поезд прибыл в Малую Вишеру. Появились сообщения, что дорога на Царское перекрыта, а в Любани взбунтовались войска. Государь повелел: повернуть обратно и свернуть на Псков. В Бологом от Родзянки была получена просьба об аудиенции. Около 3 часов дня 1 марта оба состава прибыли на ст. Дно. Здесь же стало известно, что через Дно только утром проследовал эшелон генерала Иванова. Он катастрофически опоздал прибыть в Царское Село. Таким образом, все расчеты и планы по усмирению Петрограда срывались.

Между тем Рузскому в Псков для государя 1 марта в 3 ч. 58 м. поступила телеграмма от генерала Алексеева. Сообщив в ней о начавшихся в Москве беспорядках и забастовках, Алексеев докладывал:

«Беспорядки в Москве, без всякого сомнения, перекинутся в другие большие центры России, и будет окончательно расстроено и без того неудовлетворительное функционирование железных дорог. А так как армия почти ничего не имеет в своих базисных магазинах и живет только подвозом,

то нарушение правильного функционирования тыла будет для армии гибельно, в ней начнется голод и возможны беспорядки. Революция в России, а последняя неминуема, раз начнутся беспорядки в тылу, — знаменует собой позорное окончание войны со всеми тяжелыми для России последствиями. Армия слишком тесно связана с жизнью тыла, и с уверенностью можно сказать, что волнения в тылу вызовут таковые же в армии. Требовать от армии, чтобы она спокойно сражалась, когда в тылу идет революция, невозможно.

Нынешний молодой состав армии и офицерский состав, в среде которого громадный процент призванных из запаса и произведенных в офицеры из высших учебных заведений, не дает никаких оснований считать, что армия не будет реагировать на то, что будет происходить в России. … Пока не поздно, необходимо принять меры к успокоению населения и восстановить нормальную жизнь в стране.

Подавление беспорядков силою, при нынешних условиях, опасно и приведет Россию и армию к гибели. Пока Государственная Дума старается водворить возможный порядок, но если от Вашего Императорского Величества не последует акта, способствующего общему успокоению, власть завтра же перейдет в руки крайних элементов и Россия переживет все ужасы революции. Умоляю Ваше Величество, ради спасения России и династии, поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия и поручить ему образовать кабинет.

В настоящее время это единственное спасение. Медлить невозможно и необходимо это провести безотлагательно.

Докладывающие Вашему Величеству противное, бессознательно и преступно ведут Россию к гибели и позору и создают опасность для династии Вашего Императорского Величества».

В 4 ч. 59 м. из Ставки сообщили для доклада Государю, что в Кронштадте беспорядки, Москва охвачена восстанием и войска переходят на сторону мятежников, что начальник Балтийского флота адмирал Непенин признал Временный Комитет. В 5 ч. 53 м. из Ставки телеграфировал адмирал Русин: в Кронштадте анархия, командир порта Вирен убит, офицеры арестованы. Русин передавал также телеграмму Непенина, в которой последний докладывал Государю «свое искренне убеждение в необходимости пойти навстречу Гос. Думе, без чего немыслимо сохранить в дальнейшем не только боевую готовность, но и повиновение частей».

Подготовленный таким образом генерал Рузский встречал поезд Государя, прибывший на станцию Псков в 7 часов вечера 1 марта.

Доклад был назначен на 9 вечера, после обеда. Разговор свелся к тому, что Рузский горячо доказывал необходимость ответственного министерства, а государь возражал, доказывая, что он, в силу основной клятвы перед Богом, не может предоставить управление страной случайным людям, которые сегодня как правительство могут принести России необычайный вред, а завтра отойдут от власти, как ни в чем не бывало. Около 2 часов ночи генерал убедил царя отменить поручения генералу Иванова. Тогда же Рузский приказал возвратить на фронт взятые от него войска и телеграфировал Алексееву об отозвании

войск, посланных с Западного фронта. Вооруженное подавление мятежа в столице не состоялось.

Завершив разговор с государем, Рузский через час двадцать минут телеграфно связался с Родзянко, предполагаемым премьером, который обещал, но так и не приехал в Псков. Родзянко, ссылаясь на то, что войска окончательно деморализованы, страсти сдержать невозможно, и агитация направлена на все, что более умеренно в своих требованиях, поставил ребром династический вопрос. На просьбу Рузского уточнить, в каком виде намечается его разрешить, Родзянко, указал, что «грозное требование отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича становится определенным». Рузский согласился, что «в сущности, цель одна: ответственное министерство перед народом и есть для сего нормальный путь для достижения цели перемены порядка управления государством». На это Родзянко ответил: «Не забудьте, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех и тогда все кончится в несколько дней, — одно могу сказать: ни кровопролитий, ни ненужных жертв не будет, я этого не допущу».

А в Петрограде думские заговорщики висели на волоске. Спасать надо было не только страну и монархию, но и их самих. Город никому не подчинялся, солдаты превратились в пьяных мародеров. С минуты на минуту ожидали резню офицеров. На совещании членов Временного комитета решили, что порядок можно восстановить только ценой отречения Николая в пользу Алексея. Было решено послать к царю депутатов Гучкова и Шульгина. В шестом часу утра 2 марта они покинули Таврический Дворец и сумели уехать в Псков.

Около 9 часов утра 2 марта Алексеев, прочитав текст разговора Рузского с Родзянкой и ссылаясь на захват мятежниками Царского Села (чего не было) телеграфировал Рузскому: «По моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться. Если не согласиться, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война и Россия погибнет под ударами Германии и погибнет вся династия. Мне больно это говорить, но другого выхода нет».

В штабе Рузского не были уверены, что генерал уговорит государя отречься. И тогда Алексеев решил привлечь к делу главнокомандующих фронтами Брусилова, Эверта, Сахарова и Великого Князя Николая Николаевича, направив им циркулярную телеграмму, суть которой сводилась все к тому же «династическому вопросу» - отречения царя от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича.

Утром того же дня, в 10 часов, Рузский явился к государю и положил перед ним текст разговора с Родзянкой. Прочитав его, царь сказал, что приносит несчастье России, что уже вчера понял, что манифест о даровании ответственного министерства не поможет. «Если надо, чтобы я отошел в сторону для блага России, я готов, но я опасаюсь, что народ этого не поймет». Принесли телеграмму Алексеева командующим фронтами. Царь просил Рузского прийти после завтрака. В свите царили подавленность и уныние. Адмирал Нилов громко заявлял, что Рузского надо арестовать и расстрелять, что Ставка предала Государя.

В 2 часа 30 минут Штаб Рузского принял телеграмму генерала Алексеева на имя государя, содержащей ответы командующих фронтами. В верноподданнических выражениях Николай Николаевич, Брусилов и Эверт просили его отречься. Сам Алексеев умолял безотлагательно принять решение.

Примерно в 4 часа дня Николай подготовил две телеграммы. В адресованной Родзянке говорилось: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына, с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего Михаила Александровича». Другая телеграмма на имя генерала Алексеева гласила: «Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России, я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно».

Пока ожидали делегатов Госдумы, у Государя состоялся разговор с лейб-хирургом Федоровым, во время которого Федоров предположил, что Алексею придется жить в семье регента. Этот аргумент так подействовал на государя, что он тотчас взял обратно обе телеграммы, решив изменить формулу отречения.

В 9-м часу вечера через Алексеева была получена телеграмма Родзянки, в которой тот сообщал об образовании Временного правительства во главе с князем Львовым. «Войска, – писал Родзянко, – подчинились новому правительству …и все слои населения признают только новую власть». От имени Временного Комитета Госдумы он просил назначить на должность командующего Петроградским военным округом Корнилова, «как доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения». Алексеев «всеподданнейше» просил согласия на это назначение и на возвращение Иванова в Могилев. Государь наложил резолюцию: «Исполнить».

Экстренный поезд с Гучковым и Шульгиным прибыл в Псков в 9 ч. 40 м. вечера 2 марта. Гучков сообщил государю ситуацию. Петроград в руках движения. Бороться с ним безнадежно. Борьба поведет лишь к напрасным жертвам. Попытки послать для усмирения войска с фронта не будут иметь успеха. Даже надежная воинская часть, соприкоснувшись с атмосферой Петрограда, перейдет на сторону движения и поэтому «всякая борьба для Вас, Государь, бесполезна». Необходимо последовать совету Временного Комитета — отречься от престола. Большинство думцев стоит за конституционную монархию. Советуют отречься в пользу наследника Алексея Николаевича с назначением регента в. кн. Михаила Александровича. Закончив говорить, Гучков подал государю бумагу — проект манифеста, написанный накануне Шульгиным. Николай сказал, что он уже обдумал этот вопрос и еще раньше принял решение отречься в пользу сына, но затем изменил решение. Он не может расстаться с больным сыном и решил отречься в пользу Михаила. «Надеюсь, вы поймете чувства отца».

На имя нового императора Всероссийского была послана телеграмма: «Его Императорскому Величеству МИХАИЛУ. Петроград. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда

верным и преданным братом. Возвращаюсь в Ставку и оттуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. НИКА». В личный дневник Николай Александрович ночью лаконично записал суть того, что происходило в последний день его царствования, и заключил: «Кругом измена и трусость и обман».

Главная цель отречения виделась всем его инициаторам и организаторам в сохранении монархии. Но взбунтовавшемуся Петрограду уже было мало простой замены одного царя другим. Подобно тому как 1 марта опоздал манифест о «правительстве народного доверия», который мог бы исправить положение 25 или 26 февраля, 2 марта опоздал манифест о смене монарха, который, возможно, был бы спасительным 27 или 28 февраля. Горячечное воображение взбунтовавшейся столицы уже грезило «республикой», то есть фактически анархией, чему никакое «временное правительство», кто бы в него ни входил, не имело сил противиться. Теперь, осознав безвластие, никакое формальное решение не могло «успокоить население и восстановить нормальную жизнь в стране». Самозваная власть Временного комитета Государственной думы, не имевшая опоры в войсках Петрограда, оказывалась игрушкой в руках стихии и должна была смириться с существованием закусивших удила авантюристов.

Самое удивительное в эти дни – поведение царя. 22 февраля он покинул столицу из-за Ставки, затем 28 февраля Ставку – из-за оставленной в Царском Селе семьи. В результате он стал заложником поезда, метавшегося между Могилевом, Бологим и Псковом.

Ставка, куда прибыл Государь, узнавала о столичных беспорядках из телеграфных сообщений, опаздывавших, как правило, на день или два; причем почти все они были к тому же недостоверными. А несколько отчаянных телеграмм Императрицы вообще не дошло. Оказалось, что между Могилевом и Петроградом нет надежных боевых частей, которые можно было бы спешно использовать для наведения порядка. Еще в январе решено было перебросить к Петрограду несколько кавалерийских дивизий, но Хабалов воспротивился. И дело заглохло. Ни ставка, ни военное министерство не имели планов, если произойдет мятеж в столице. Из 180-тысячного гарнизона Петрограда верными присяге были, как впоследствии оказалось, не более 12 тыс. солдат и всего лишь 3 тыс. полицейских чинов.

Пока царь бездействовал в роли пассажира, все ключевые решения состоялись без него, столица оказалась в руках бунтовщиков, и на псковском вокзале 2 марта его ожидал генерал Рузский, командующий Северным фронтом, чтобы вежливо потребовать отречения.

Ставка и Государственная дума, Алексеев и Родзянко в сложившихся обстоятельствах не нашли иного выхода, как пожертвовать одним «королем», чтобы спасти всю «партию». У писателя Ивана Солоневича были впоследствии основания утверждать, что «в этом предательстве первая скрипка, конечно, принадлежит именно военным кругам». Тот факт, что царский поезд вместо Царского Села оказался в Пскове, вряд ли мог быть случайностью, а переговоры с Рузским оказались тщательно спланированным спектаклем, в эпилоге которого государь должен был превратиться в частное лицо.

Спасший Россию от германского вторжения в 1914 году, предотвративший военное поражение русской армии в 1915, организовавший победы русского оружия в 1916 году, обеспечивший возможность наступательной стратегии 1917 года, за которой должен был последовать разгром противника, Государь оказался бессильным противостоять примитивному заговору думской оппозиции (который не был для него секретом) и военных (что, наоборот, стало для него полной неожиданностью).

Один из организаторов церемонии отречения монархист В.Шульгин позже писал: думцы раскачивали массы на революционное выступление. Вся серая толпа, вся средняя интеллигенция, многие военные, бывшие военными только по одежде, все смотрели на Госдуму с каким-то упованием. Все радовались ее нападкам на правительство и сами приходили в волнение. Создавалось общее революционное настроение. Было ощущение близости революции. Революционный микроб отравлял столицу, заражал толпу на улице, проникал на заводы и фабрики, в казармы и канцелярии, в частные дома обывателей.

Возник эффект снежного кома. Заговор с целью устранения Николая обернулся переворотом, низвергнувшим монархию руками монархистов. Чиновничество бездействовало, социалисты провоцировали, монархисты сговаривались, духовенство выжидало, гарнизон разлагался, казаки посмеивались, рабочие бастовали, провокаторы агитировали, генералы политиканствовали, думцы делили портфели, царь раздумывал в нерешительности. В этой зловонной атмосфере столицы, с демонстративным пренебрежением игнорирующей войну, каждое слово, каждое закрытое или конспиративное совещание, каждая критическая статья или громкая оппозиционная речь приобретали силу орудийного снаряда, вырастая до гомерических размеров. Каждая мелочь стала иметь значение и обретать смысл, которым не обладала. Внешняя стихийность. Тайная организованность. Нелепые слухи, которым слепо верили. Участие немецкой агентуры. Масоны. Староверы. Война. Паралич власти. Бездеятельность монарха.

Не революция послужила причиной падения монархии, наоборот – падение монархии пробудило дремавшую революцию, и она прошла все ее стадии. От дерзких разговоров до заговора. От заговора – к планированию переворота. От гипотетического плана – к уличным беспорядкам и массовому неповиновению. Неповиновение оборачивается солдатским мятежом. Мятеж, побеждающий в столице – созданием правительства. Наконец, самозваная власть – революцией. И на оппозицию, всего лишь претендовавшую на участие в управлении, внезапно сваливается бремя всей полноты власти. И тогда все переходят на ее сторону.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ

Кронштадт: мятеж уставших от войны

1921 год был первым годом, когда Гражданская война считалась завершенной. Но в действительности были завершены только боевые действия между «красными» и «белыми». Еще десятилетие Россию будут потрясать бунты и мятежи, а чистки и репрессии растянутся на два десятилетия – вплоть до войны. Власть большевиков, продолжавших править методами чрезвычайщины, не могла не затрагивать широкие слои населения, которое устало от войны. Протест вылился в ряд антибольшевистских восстаний, наиболее ярким из которых историки считают «Кронштадтский мятеж».

28 февраля 1921 года моряки линейных кораблей «Петропавловск» и «Севастополь» приняли антибольшевистскую резолюцию, которая затем была поддержана общим собранием кронштадтцев.

1 марта на Якорной площади Кронштадта прошел митинг-собрание, на который прибыл председатель ВЦИК М.В.Калинин. За смелость (он прибыл без охраны, но почему-то в сопровождении жены) встретили аплодисментами. Но настроение моряков и рабочих быстро изменилось. Оратору кричали: «Кончай старые песни! Хлеба давай!» Одной из причин восстания был начавшийся голод. Резолюция была проголосована вопреки воле большевистского лидера.

За годы гражданской войны Советы фактически превратились в штабы большевиков и не избирались народом. Поэтому моряки потребовали выборов в Советы тайным голосованием с предварительной свободной агитацией, обеспечением свободы слова, собраний, профессиональных союзов и крестьянских объединений. Они думали, что участвуют в народной революции, а выходило строго по Марксу: диктатура пролетариата, выраженная в диктатуре партии.

Окончание войны должно было означать снятие военного положения. Но большевики на это не пошли. Именно поэтому у кронштадтцев возникло требование устранить большевистские политотделы и загранотряды, а также уравнять продовольственный паек – то есть, устранить то средство, которым большевики подавляли любые проявления несогласия с их действиями. Кронштадтцы потребовали также распустить специальные коммунистические отряды в воинских частях и на производстве, которые фактически выполняли роль карательных подразделений. Подавление произвольной трудовой деятельности в период войны было продолжено большевиками и после окончания боевых действий. Кронштадтцы потребовали права для крестьян свободно трудиться на своей земле, а рабочим-кустарям заниматься своим производством.

Кронштадтцы, будучи соучастниками гражданской войны на стороне большевиков, добивались освобождения политзаключенных только из числа социалистических партий и крестьянских и рабочих движений. Это означало, что за ними не было и быть не могло никакого «белого» заговора. Голос Кронштадта был голосом народа, уставшего от войны и чрезвычайщины, от идеологического давления и унижения личности. Кронштадцы представляли собой призванных из крестьянских и рабочих семей, знавших, что такое

продразверстка и военный коммунизм. Но они так и не поняли, что большевистская революция совершалась строго по марксистской догме и ее теоретическое живодерство было принято большевиками как руководство к действию.

Калинин в отчаянии крикнул на митинге: «Ваши сыновья будут стыдиться вас! Они никогда не простят вам сегодняшний день, этот час, когда вы по собственной воле предали рабочий класс!» Его согнали с трибуны оглушительным свистом. Если бы Калинин не поспешил уехать, то в ночь был бы арестован вместе с комиссаром Балтфлота Кузьминым, руководителями Кронштадтского совета и коммунистами (всего было арестовано около 600 человек).

Ситуация очевидным образом вела к жесткой конфронтации с большевиками, не собиравшимися отказываться от своей монополии на власть. Поэтому 2 марта в Кронштадте был образован временный революционный комитет, призывающий к новой революции.

В резолюции кронштадцев не было лозунга «свободы торговли» и «за Советы без коммунистов». Но именно так была интерпретирована их позиция большевистской пропагандой. Среди кронштадтцев не было эсеров и меньшевиков. Но именно их влиянию большевики приписывали кронштадтское восстание. «Петроградская правда» 4 марта 1921 г. писала: «Из-за спины эсеров и меньшевиков уже выглянули оскаленные зубы бывших царских генералов».

Восставших убеждали, что советская власть повсюду крепка. Им угрожали от имени Комитета обороны Петрограда: «Вы окружены со всех сторон. Пройдет еще несколько часов, и вы вынуждены будете сдаваться. У Кронштадта нет хлеба, нет топлива. Если вы будете упорствовать, вас перестреляют, как куропаток». 5 марта председатель Реввоенсовета Советской Республики Л.Троцкий предъявил Кронштадту ультиматум, переданный по радио.

В подтверждение своих слов 6 марта большевики стянули к Кронштадту войска. В фортах Сестрорецк, Лисий Нос и Красная Горка и соседних укреплениях сосредоточились вызванные с фронта дивизии, полки курсантов, отряды ЧК и коммунистические загранотряды. Командовать штурмом был назначен Тухачевский. 7 марта начались артобстрелы города и бомбардировка с воздуха. Кронштадт ответил залпами своих орудий. Последующие дни отмечены плохо организованными попытками взять Кронштадт. Все попытки штурма были отбиты. Ледяное пространство вокруг Кронштадта было усеяно трупами. Помощи, на которую рассчитывал, Кронштадт не получал, и с каждым днем его сопротивление слабело. К вечеру 16 марта большевики взяли несколько фортов.

Кронштадтское восстание произошло накануне X съезда РКП(б). Почти 300 делегатов были мобилизованы для штурма крепости и брошены на лед под орудийные выстрелы и пулеметные очереди. Это демонстрирует статус делегатов – пушечное мясо гражданской войны. Участие делегатов в штурме также свидетельствует об оценке большевиками опасности восстания – его могли поддержать другие военные гарнизоны и войска. Именно поэтому в штурме участвовали либо недавно призванные молодые матросы и солдаты,

едва умевшие стрелять, либо верные большевики – участники съезда. Один из батальонов новобранцев чуть было не устроил собственного восстания, не желая участвовать в штурме. Его с трудом удалось разоружить, арестовав при этом 120 человек «ненадежного элемента». В некоторых частях отказались получать ручные гранаты, потому что красноармейцы не знали, как ими пользоваться. Многие впервые взяли в руки винтовки. В войсках порой не было обуви, даже лаптей. Но накануне штурма они были снабжены не только вооружениями и обмундированием, но даже маскхалатами. Исполнение приказов поощрялось выдачей по банке консервов на человека. Неповиновение грозило выстрелом в упор от делегата X съезда РКП(б), командира или комиссара.

Ночной штурм 17 марта застопорился из-за слухов о том, что лед изрезан трещинами и залит водой. Красноармейцы говорили: «Не пойдем тонуть!» Но угроза быть убитым тут же на месте была страшнее угрозы утонуть. Сказались чистки, проведенные накануне. Красноармейцам сообщили, что об отступлении или о переговорах с мятежниками не может быть и речи. Эта установка была подкреплена загранотрядами.

Ярость последнего штурма и упорство сопротивления сильно преувеличено историками и пропагандистами. Не раз цепи наступающих залегали или откатывались назад. И это притом что лед оказался достаточно прочным, а артиллерийский огонь из крепости и с двух восставших линкоров практически не наносил ущерба. Оборона Кронштадта была организована слабо. Одна из батарей, лишенная прикрытия, была захвачена, успев сделать не более 10 выстрелов. Мощь крепости вообще не сказалась на боевых действиях, поскольку ее тыловая часть была открыта – форты предназначались для защиты Петрограда с моря. Команды линкоров не проявляли особой активности, так и не предприняв вылазку в тыл цепям, которые они вполне могли разгромить и обратить в бегство. С наступлением темноты линкоры прекратили обстрел, так и не сыграв в сражении существенной роли. Вероятно, экипажи уже не видели возможности сопротивляться, когда Кронштадт фактически пал, и готовились взорвать линкоры, но по какой-то причине не смогли этого сделать.

Уже ранним утром штурмующим удалось ворваться в Кронштадт, освободив арестованных коммунистов, которые тут же устроили расправу над своими обидчиками. В течение дня бои велись на улицах города, сведясь в основном к пулеметным перестрелкам и беспорядочной стрельбе из окон и подвалов. Тех, кто оказывал сопротивление, по приказу Троцкого в плен не брали.

К ночи восставшие линкоры перестали вести огонь, заполночь они сдались, а уцелевшие отряды восставших бежали в Финляндию. Утром 18 марта Кронштадт полностью был взят под контроль большевиков, оставшиеся в живых участники восстания сдались. В течение последующих дней под руководством коменданта Кронштадта Дыбенко большинство из них было расстреляно.

Победа большевиков в этом эпизоде гражданской войны объясняет также и их последующие победы над всеми внутренними силами оппозиции. Страна и народ устали воевать, население готово было к миру любой ценой. Самыми

неуемными были именно большевики. Они победили, продолжив гражданскую войну, в которой им мало кто хотел оказывать сопротивление, связанное с опасностью для жизни.

Большевики бились за власть до конца и добились власти, не взирая ни на какие потери – ни для самих себя, ни для России. Организаторы подавления Кронштадтского восстания впоследствие были объявлены «врагами народа», участниками разного рода заговоров. Тогдашний председатель Комитета труда и обороны Петрограда Зиновьев, страстно выступавший в Петросовете против Кронштадта, был расстрелян в 1934. Подписавший ультиматум главком С.Каменев умер в 1936, но после смерти был обвинен в участии в «военно-фашистском заговоре». Тухачевский расстрелян в 1937 как участник того же заговора. Палач Кронштадта Дыбенко расстрелян в 1938. Троцкий, объявивший Кронштадту ультиматум, погиб от удара ледорубом в 1940. Расстреляны участники штурма, видные большевистские военачальники Якир, Бубнов, Федько, Путна, Седякин, Затонский, Казанский и другие. Революция пожрала своих детей.

Кронштадтский эпизод показывает, что подавление сил, выступающих против партийного диктата («Власть Советам, а не партиям!») привела большевистских лидеров к самоуничтожению. Сегодня «партия власти» не желает помнить подобных уроков истории, навлекая беду не только на страну, но и на свою голову.

Антоновщина – трагедия бессмысленного бунта

После октябрьской революции аграрный вопрос снова оказался судьбоносным для России, и большевики победили во многом потому, что приняли крестьянский «Наказ». Съезды крестьян в ноябре-декабре 1917-го поддержали власть Советов и правительство из большевиков и левых эсеров. Они, разумеется, ратовали за «русский социализм», но он и был в то время оптимальным вариантом, по крайней мере для крестьян, остававшихся главным, наиболее многочисленным слоем России. Произошедшая революция была по своей сути крестьянской, опиралась на крестьян и существенно изменила уклад их жизни, хотя и не возглавлялась ими.

Однако большевикам приходилось тонко лавировать между интересами крестьянства и тяжелейшим положением Советской республики во время гражданской войны. Весной 1918 года в рамках политики «военного коммунизма» была введена продовольственная диктатура. Естественно, она встретила резкое неприятие со стороны крестьян, которые стали воспринимать большевистскую власть, поддержанную ими ранее, еще и как силу, которая направляет набеги продотрядов, разоряющих крестьянские хозяйства. Крестьяне поверили идеям советской власти, но объективно не могли понять ее нужд. По большому счету, их недовольство было направлено не столько против большевиков как таковых, сколько против государственной власти, установившей непомерные поборы.

В первую очередь хрупкий баланс между общей симпатией к большевикам и недовольством продразверсткой со стороны крестьян нарушился в «хлебных» губерниях. Одной них была Тамбовская, сразу ощутившая на себе всю тяжесть продовольственной диктатуры. Крестьянское население в Тамбовской губернии было преобладающим, причем удельный вес зажиточных слоев деревни был достаточно высоким. Кроме того, она была относительно спокойной губернией, оставаясь в стороне от фронтов гражданской войны, в которой местные крестьяне не стремились принимать участие. В тамбовских лесах скрывалось немало дезертиров, покинувших в свое время не только окопы Первой мировой, но и уклоняющихся от советской мобилизации.

В такой обстановке уже к октябрю 1918 года на Тамбовщине действовали около пятидесяти продотрядов – такого размаха конфискаций не знала ни одна губерния. Зачастую эти конфискации носили характер откровенного произвола, который на местах пресечь было почти невозможно. А летняя засуха 1920 года подтолкнула крестьян к открытому неповиновению властям.

Крестьянские волнения вспыхнули стихийно в августе 1920 года в селах Хитрово и Каменка Тамбовского уезда, где крестьяне отказались сдавать хлеб и разоружили продотряд, а вскоре крестьянский бунт охватил и другие уезды губернии. На территории Кирсановского, Борисоглебского и Тамбовского уездов образовалась своеобразная «крестьянская республика» с центром в селе Каменка. Бунт крестьян, со временем переросший в мятеж против советской власти, получил название «антоновщины», по фамилии его вдохновителя – Александра Степановича Антонова (1889–1922).

Антонов происходил из мещан, начинал народным учителем и принадлежал к левым эсерам. Его фигура была весьма противоречивой и то, что он оказался во главе крестьянского восстания, было, скорее, субъективным обстоятельством. Биография Антонова, в которой к тому времени значились и сибирская каторга, и начальствование уездной милицией, выдавала в нем человека авантюристского склада. Еще с осени 1918 года Антонов сформировал «боевую дружину» и начал вооруженную борьбу против большевиков. Но вряд ли он был принципиальным и идейным противником Советов; расхождения носили по большей части характер спора между большевиками и эсерами, хотя Антонов и считал себя «независимым эсером». Он в равной степени выступал и против коммунистов, и против дома Романовых.

Но противоречивые обстоятельства сложись так, что личность Антонова стала фактором в крестьянском бунте, предопределяя его грядущую трагедию. Отчасти люди обманывались его демагогическими лозунгами, вроде «прекращения гражданской войны» или «да здравствует свободная торговля». Крестьяне устали от потрясений, вызванных гражданской войной, но решили пережить их с оружием в руках.

Антонов подбадривал сомневающихся воззваниями, которые должны были затронуть национальные струны в душах крестьян:

«Наступил момент избавления от красных самодержцев, засевших как соловей-разбойник в Москве белокаменной, опоганивших наши святыни, наши иконы

со святыми мощами, проливших море невинной крови отцов и братьев наших, обративших в непроходимую пустыню наше сильное и богатое государство…
Я бью в набат. Мой клич услышан и со всех концов земли русской стекаются ко мне все обездоленные, чающие спасения отчизны, все те, кто еще в силах владеть оружием…
Отечество в опасности, оно зовет Вас на подвиг. Итак за мной на выручку Москвы! С нами Бог и народ! Ко мне в Тамбов!»
В январе 1921 года численность крестьян, принявших участие в вооруженном противостоянии с властью, достигла своего предела и составила около 50 тысяч человек. Занимая населенные пункты Тамбовской губернии, антоновцы тут же приступали к созданию новых отрядов, постепенно сводя их в полки по тысяче человек. А главной ударной силой мятежа были кавалерийские соединения численностью от 1,5 до 3 тысяч бойцов.
Ленинское правительство было крайне обеспокоено сложившейся ситуацией, и вскоре было принято постановление «О ликвидации банд Антонова в Тамбовской губернии», согласно которому для подавления бунта был назначен М.Н. Тухачевский. Под его командованием на Тамбовщину были направлены карательные части, которые в буквальном смысле начали повсеместное истребление участников восстания и их семей, уничтожение хозяйств.
В целом организация и стиль управления антоновцев оказались достаточными для ведения успешных боевых действий партизанского типа. Повстанцы пользовались прекрасными природными укрытиями, теснейшими связями с местным населением и его повсеместной поддержкой. Когда же, теснимые войсками Тухачевского, они оказались в Пензенской губернии, вдали от родных мест, то потерпели полный разгром. К лету 1922 года бунт был полностью подавлен, и вскоре начались репрессии в отношении населения Тамбовщины, которое советская власть имела все основания подозревать в симпатиях к «антоновщине». Карательный режим подразумевал жесточайшие меры подавления вплоть до создания концентрационных лагерей. Один из чудовищных приказов Тухачевского гласил о применении газового оружия против крестьян. Большевики с неистовой жестокостью уничтожали любые проявления народного недовольства.

Глубинные причины «антоновщины» коренились, безусловно, в особых условиях крестьянского быта России, размеренность которого была нарушена революцией и гражданской войной. В любом государстве общество отделено от власти с ее военно-бюрократическим аппаратом, и стабильность поддерживается своеобразным взаимодействием социума и властных структур. Но если в Европе со временем выросло «гражданское общество», начавшееся с цеховых организаций купцов и ремесленников, то в России власть изначально вынуждена была считаться со своеобразной общественной организацией – крестьянской общиной.

Для объективной истории «антоновщина» была бессмысленной трагедией тамбовских крестьян. Бунт не мог ни изменить политическую ситуацию в стране, ни даже повлиять на нее, и уже тем более крестьяне не могли серьезно противостоять большевистской власти. А расплата за их недовольство была более чем жестокой.

Конечно, народ имеет право на восстание, если власть не отвечает его интересам, но в гражданской войне побеждает тот, на чьей стороне историческая правда. Это не оправдание для большевиков, проливавших русскую кровь во имя своих интернациональных идеалов. Но намного ли лучше были крестьяне, принявшие участие в бунте под лозунгом «грабь награбленное»? Они стремились отгородиться от насущных проблем в своем узком мирке, совсем не интересуясь будущим всей страны и выступив в «антоновщине» деструктивной антигосударственной силой. Несмотря на то что крестьянство имело для своего восстания частные причины, пусть даже и веские, составляло подавляющую часть населения страны, но не ему судьба отвела роль силы, направляющей историю государства Российского. Столь же плачевно и трагично закончились в свое время и крестьянский бунт Ивана Болотникова, и вольница Стеньки Разина, и крестьянская война Пугачева. Все они мешали объективному развитию нашего государства, не в силах повернуть его вспять, но нанося России урон, которого можно было избежать.

Убийство Кирова: крах романтического большевизма

Убийство «любимца партии» Сергея Мироновича Кирова (настоящая фамилия – Костриков) отделено от нас 70-летней историей, но продолжает волновать исследователей и любителей отечественной истории именно потому, что отмечает очередной поворот в судьбе нашей страны. В этом повороте можно углядеть множество деталей, учащих зорко видеть подспудные течения во власти и ждать от нее самых неожиданных шагов. Можно быть уверенным, что убийство любого видного политического деятеля не будет оценено властью как бытовое, а непременно превратится в повод для решения каких-то своих внутренних проблем.

Так и убийство Кирова, изобилующее таинственными совпадениями и недомолвками, показывает нам излом в родной истории – переход сталинизма от политических методов борьбы с внутрипартийной оппозицией к прямому уничтожению своих недавних соратников и решительному утверждению политического единства государства. За этим убийством видят то коварные планы самого Сталина, то провокацию Троцкого, то антисталинский заговор. Что наверняка, так это обстановка крайней напряженности, взорвавшаяся после убийства Кирова и превратившая страну на многие годы в военный лагерь, отчаянно уничтожавший малейшие (и зачастую мнимые) признаки внутреннего врага, а потом – сражавшийся с фашистским вторжением.

Судьба Кирова как бы готовила его к тому, чтобы стать знаковой фигурой в политических «раскладах» того времени и превратиться в «мученика», поминаемого во всех большевистских святцах. Это был новый образ жертвы, лучащейся жизнью: чуждый всякому аскетизму политик нового типа, в образе которого не было никаких признаков изнурения подпольем и тюрьмами, через которые Киров прошел неоднократно, начиная с участия в бунтах 1905 года. Из большевистского лидера среднего звена Киров после Гражданской войны быстро превратился в видного партийного лидера за счет своей «кавказской» биографии и тесной связи с северокавказскими и закавказскими

парторганизациями. В 1926 г. Киров стал первым секретарем Ленинградского губкома (обкома) и горкома партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). В 1930 году Киров – член Политбюро, а в 1934-м – секретарь Политбюро, член Оргбюро ЦК ВКП(б), член Президиума ЦИК СССР.

Этой карьерой Киров во многом обязан Сталину, но также и своему образу, олицетворявшему «большевистскую мечту»: кто был ничем, тот станет всем. Киров не только жил в московской квартире Сталина и на его сочинской даче, но и ходил с вождем в баню, чего другие близкие партийные товарищи никогда не удостаивались. Однако, превратившись в любимца партии, Киров перестал быть для Сталина удобной фигурой. У молодого лидера появилась самостоятельная позиция и перспектива в будущем возглавить партию после Сталина или вместо него.

В начале 1935 года планировался перевод Кирова в Москву. Готовилась большая чистка ленинградской парторганизации от зиновьевцев. Киров тормозил их аресты, не жаждал крови оппонентов и сам ничего не боялся – как сильный и непуганый зверь. Киров как бы создавал альтернативный образ вождя в противовес сталинской склонности к администрированию и тиранической форме властвования. Киров, напротив, был, скорее, партийным популистом - простым в общении и доступным для простых людей.

Судя по повадкам большевиков, выработанным в годы гражданской войны и красного террора, убить своего близкого соратника, исходя из политической целесообразности, ничего не стоило. Тем более, что для Сталина Киров мог быть очень опасным конкурентом. На XVII партсъезде в январе 1934 г. тайные выборы членов ЦК дали неожиданный результат – четверть делегатов (292 из 1225) проголосовала против Сталина. Против Кирова было подано всего 6 голосов.

В своих воспоминаниях Хрущёв считал доказанным, что убийство Кирова было подготовлено руководителем ОГПУ Ягодой, действовавшим по секретному поручению Сталина. Исполнение этого поручения дорого обошлось и самому Ягоде, которого на процессе «правотроцкистского блока» в марте 1938 года вынудили признаться в организации убийства Кирова. Ягода, будто бы по указанию лидеров «правотроцкистского центра» Бухарина и Рыкова, не препятствовал теракту. В 1953 году на Западе вышла книга «Тайная история сталинских преступлений», где беглый работник НКВД А.Орлов утверждал, что убийца Николаев был отобран Ягодой, а потом настроен соответствующим образом штатным провокатором.

Хрущев всегда помнил свой страх перед Сталиным и готов был любой факт истолковывать против запугавшего его тирана. Верить домыслам Хрущева было бы опрометчивым: он сам был причастен к преступлениям сталинизма, но ни в чем так и не покаялся. Признания Ягоды тоже немногого стоят, поскольку были оглашены в целях расправы над политическими соперниками Сталина, а сам Ягода мог быть подвергнут воздействию любой степени мучительности или оказаться перед выбором между немедленной смертью и лжесвидетельством. Версия Орлова также шита белыми нитками, поскольку в ней прослеживается явный политический заказ и стремление преуспеть на литературном поприще, получив на сенсации солидный гонорар.

Мы можем сказать только, что это убийство оказалось необходимым для компартии: чтобы сохраниться, нужно было убить большевизм и уничтожить ленинский партийный «призыв». Убийство Кирова стало ритуальной жертвой истории.

Совершенное политическое преступление мистическим образом связывает между собой двух антиподов – убийцу и убитого. Леонид Николаев был прямой противоположностью Кирову: чрезвычайно хилый и малорослый человек, мрачный, раздражительный и упрямый. Его жена симпатичная латышка Мильда Драуле, соблазнилась на брак с Николаевым только в связи с его переездом в Питер к родне, где в трудном 1925 году вероятность выжить была выше, чем в провинциальной Луге. Став помощницей Кирова, Мильда не возражала против романа с любвеобильным обкомовским начальником. Эта связь была общеизвестной и не скрылась от Николаева.

К семейным проблемам у будущего убийцы добавились служебные. В апреле 1934 году его исключают из партии за мелкий проступок, и он теряет работу в Институте истории партии. Добившись восстановления в партии, Николаев месяцами обивает пороги начальства ради восстановления в должности. Главным организатором всех бед он считает любовника своей жены и начинает вынашивать план убийства. При всей своей нервозности, Николаев проявил завидное упорство в достижении цели.

Первая попытка убийства 15 октября 1934 года оказалась неудачной. Николаев был схвачен охраной Кирова и отправлен в отделение милиции как подозрительная личность с заряженным револьвером в кармане. Но Николаева отпускают, поскольку у него есть разрешение на револьвер, а также партбилет. 14 ноября Николаеву не удалось совершить замышленное и подойти к Кирову на Московском вокзале. В третий раз он ждал встречи с Кировым 1 декабря 1934 года в Таврическом дворце, где должно было пройти собрание партийного актива Ленинградской организации ВКП(б). Киров случайно оказался в Смольном, где Николаев хотел получить пригласительный билет на собрание партактива. Случайная встреча решила дело. Приотставшая охрана подоспела поздно – Киров лежал на полу с простреленным затылком.

Сталин был в Ленинграде уже на следующий день и сам прямо в Смольном допросил Николаева. Но разговора не получилось вследствие смутного состояния Николаева. Вероятно, именно в этот момент Сталин понял, что может использовать убийство для разгрома зиновьевцев, доставивших ему столько хлопот в 1926 году, когда вся ленинградская организация партии состояла сплошь из его противников. Через несколько дней у Николаева появились «соучастники».

Интригу в эту историю добавила гибель охранника Кирова, которого доставляли на допрос к Сталину на грузовике. На обратном пути охранник слетел с облучка и расшибся о фонарный столб насмерть. Впоследствии Хрущев назвал это убийством сообщника. Но в сталинской версии эта смерть могла быть истолкована прямо противоположным образом: тайные организаторы убийства Кирова просто прятали концы в воду.

29 декабря 1934 года сессия Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством Ульриха вынесла всем 14 подсудимым приговор –

высшую меру наказания. Когда же был оглашен приговор, Николаев воскликнул: «Обманули!» Ему обещали за доносы сохранить жизнь. Через час приговор был приведен в исполнение. А через несколько месяцев была расстреляна и вся семья Николаева, его жена и теща.

Всесильный Сталин и ничтожный Николаев сошлись в тот исторический момент, когда бытовому убийству из ревности нужно было придать значимость поворотного события, за которым стране и народу предписывалось другое бытие: не построение штаба мировой революции, а создание вотчины для советской бюрократии. Этот дом предстояло очистить от интернационализма.

Самое важное в этой истории состоит в том, что страна поверила, что кругом действуют «враги народа», готовые к индивидуальному террору. А как было не поверить, если во главе партии стояли люди, прославленные своей жестокостью, привыкшие к запаху крови в гражданскую войну? Страна не довоевала и без стеснения продолжила без разбора добивать истинных и мнимых врагов – уже за одно только расхождение во мнениях. Впрочем, сталинские репрессии во многом упредили сплочение его тайных и явных противников: внутрипартийная борьба могла в любой момент разгореться с новой силой и создать в партии противостоящие группировки, которые не постеснялись бы взяться за оружие. Поэтому приходится признать, что без сталинских репрессий мы не смогли бы выиграть войну с фашизмом. Просто потому, что большевики-интернационалисты в борьбе со сталинистами не пожалели бы страны даже перед лицом внешней угрозы. Они бы продолжили уповать на пожар мировой революции. Сталин, прагматически связавший свою личную судьбу с советской Россией, использовал случайное убийство Кирова для того, чтобы окончательно закрепить победу советской бюрократии над большевистским романтизмом. В конечном итоге этот выбор, несмотря на все издержки сталинизма, предопределил победу в Великой Отечественной войне.

За десять лет до войны

Рубеж 20-х и 30-х годов XX столетия стал периодом мировой истории, когда неразрешенные экономические и политические противоречия постепенно привели к смене всеобщего подъема крахом, депрессией, нестабильностью. Ведущим мировым державам пришлось отложить до времени свои экспансионистские планы и заняться внутренними проблемами.

Соединенные Штаты Америки, ставшие ведущей державой и распространившие на весь мир доктрину Монро как гарантию от революций, в 1929 году были поражены Великой Депрессией. Кризис обрушил производство более чем вдвое, разорил средний класс и часть богатейших американцев, выбросив на улицы 16 млн. безработных. В тот же период амбиции Франции, заносчивость и коррумпированность политиков подорвали ее денежную систему, лишили граждан сбережений, породили политическую нестабильность, доходящую до штурма парламента.

Великобритания, напротив, использовала кризисные явления в мире для восстановления своего пошатнувшегося могущества. После стагнации 20-х

годов английская экономика оживилась, что заставило Британию вновь повести борьбу за передел рынков – теперь против своих союзников в недавно закончившейся войне. Еще более значимые перспективы мировой кризис открыл для Германии. В 1929–1932 гг. Германия добилась снижения объема, а затем и полной отмены репараций. Под предлогом необходимости выплаты репараций Германии удалось расширить рынки сбыта для своей продукции. Внутриполитический кризис разрешился переходом власти к фашистской партии, поставившей экономику под жесткий государственный контроль и концентрировавшей силы страны для военной экспансии. Уже в 1932 году терпит крах Женевская конференция по разоружению, так как Германия настаивает на исключении отрядов штурмовиков из расчета общей численности армии. На Востоке милитаристский разворот мировой политики проявился ранее всего: бурно развивающаяся Япония нашла себе «забаву» в Китае, набросившись в 1931 году на Южную Маньчжурию, а в следующем году десантировав свои дивизии в Шанхае и провозгласив на территории Маньчжурии государство Маньчжоу-Го.

На какое-то время всем ведущим игрокам, так и не поделившим мир в Первой мировой войне, было не до Советской России. «Передышка» между войнами была использована советским руководством как шанс подготовиться к грядущим мировым катаклизмам. СССР строился как укрепленный лагерь, где наращивали военную мощь и вылавливали шпионов и внутренних врагов. В 1931 году прозвучал пророческий тезис Сталина: «Мы отстали от передовых стран на 50 – 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Инстинкт власти требовал тотальной мобилизации.

Мир был непрочен. Кризис начала 30-х годов повсюду в мире утвердил репрессивные политические режимы, видевшие смысл своей деятельности в подавлении инакомыслия внутри страны и военном обеспечении своих внешнеполитических амбиций. Советская Россия в этих условиях могла стать либо одним из мировых гигантов, либо превратиться в объект экспансии мировых держав. Поэтому советскому руководству приходилось играть ва-банк, напрягая все силы страны, чтобы встретить неизбежную войну во всеоружии. Необходимо было выбирать между догмами большевистского утопизма и русской Традицией. Невозможность отказаться от коммунистической идеологии и невозможность следовать ей на практике вынуждали власть к тотальной репрессивности как против нигилизма, так и против Традиции – особые условия предвоенной поры стали оправданием для сталинизма.

В начале 30-х годов XX века в СССР сталкивались две политические стратегии, заложенные прежними этапами политической жизни страны.

Первая стратегия продолжала нигилизм большевистского порыва к переделу всего мира. Она требовала тотального отречения от прошлого – преследования и уничтожения всех признаков Традиции. Психоаналитики называют такую установку Эдиповым комплексом отцеубийства. Большевизм нес эту психическую заразу в форме острой истерии: поражение собственного правительства в войне, самоопределение вплоть до отделения, граб

награбленное и т.д. Разрушив собственное государство, большевизм превратил его в плацдарм для мировой революции. Расчет был на всеобщую асоциальность, на элементы разложения, ассоциированные в интернационал. Всеобщая социальная демобилизация («пролетарская революция») обещала большевикам, как они думали, гибель всех государств и становление всемирной марксистской империи – «царство свободы».

Вторая стратегия отвергала нигилизм и искала новую государствостроительную версию для общества, вышедшего из гражданской войны раздираемым классовой борьбой и утопическими идеями о мировой миссии, мировой гражданской войне. Противостоять нигилистическому разложению могла только новая версия патриотизма и превращение репрессивной энергии классовой ненависти в ненависть к нигилистическому утопизму и внешнему врагу. Эдипов комплекс ослаблял страну, стоящую перед угрозой оккупации и насилия чужой государственной воле. А потому должен был быть преодолен.

Крупнейший политический мыслитель современной России Александр Сергеевич Панарин писал: «Когда Сталин выдвинул тезис об обострении классовой борьбы по мере развертывания социалистического строительства, это следовало понимать не в буквальном классово-марксистском, а, скорее, в психоаналитическом смысле. Оппонентом дисциплинарного государства-организатора индустриального прорыва были никакие не буржуазные типы и классы, а особый культурно-антропологический тип, не способный к перманентной мобилизации. “Диктатура пролетариата” формировала неумолимо суровое “Сверх-Я”, призванное подавить гедонистическую инстинктивность, “обнадеженную” в предыдущий период раскрепощающим духом модерна вообще, революционно-анархической утопией, в частности. Сталинская эпоха вытравила из этой утопии всякое гедонистическое содержание, превратив ее в чисто героический миф, адресованный пионерам социалистического строительства».

Логика событий говорила: либо нигилистическая демобилизация общества, либо патриотическая мобилизация. И то и другое очевидным образом требовало репрессивного строя. Чистки 30-х годов, сколь чудовищными они ни кажутся из сегодняшнего времени, были, с одной стороны, не более чудовищными, чем гражданские и мировые войны той эпохи или жестокости иных политических режимов, с а другой стороны, они очищали страну от «перегретых» пассионариев, готовых бросить ее в топку мировой революции, и от демобилизованных анархистов – «лишних людей» XX века, к которым советская власть отнеслась не столь лояльно, как царская.

Обе стратегии переплетались, заражая общество страстью к репрессиям. Истинные и мнимые враги подлежали уничтожению. Гражданская война продолжалась в новых формах.

В 1928 году Шахтинское дело становится публичным процессом, разоблачающим скрытый заговор. Впервые опробована специальная обработка подозреваемых, превращавшая их в послушный инструмент для театрального саморазоблачения. В 1930 году обнаруживаются организаторы голода в пищевой промышленности. В том же году – масштабный процесс Промпартии,

предваряемый митингами трудящихся с требованием смертной казни. Но уже к 1931 году позиции Сталина укрепились настолько, что репрессии пошли на спад. Причем Сталин не только провозгласил лозунг перехода от разгрома старой технической интеллигенции к политике ее привлечения к решению проблем развития хозяйства, но и лозунг заботы о ней. В 1931 году были остановлены процесс вредителей в фарфоровой промышленности и процесс против Трудовой Крестьянской партии – якобы существовавшего массового подполья, готовившего свержение диктатуры пролетариата. В первом деле обвиняемые, несмотря на ставшие уже привычными саморазоблачения, были признаны невиновными, а от второго дела осталось только осуждение небольшой группы Кондратьева-Чаянова.

Сталин говорил: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, – у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость». Новый патриотизм означал отход от марксистской догмы и ориентацию на государственное строительство и защиту Отечества (а вовсе не классовых интересов) в грядущей войне.

Будущий всплеск репрессий после убийства Кирова в конце 1934 года показал, что разгром нигилистической оппозиции не был завершен. Чтобы справиться с ней, Сталину пришлось вновь организовать волну всенародного гнева и инспирировать чрезвычайщину, которая уничтожила всех сомневающихся в верности линии Сталина внутри партийного и государственного руководства и смела в лагеря тех, кто казался элементом, ослабляющим власть. Неизбирательность репрессий – вот плата России за политическую утопию большевизма, изжить которую иным образом после победоносной для большевиков гражданской войны было невозможно.

Советский пропагандист, оценивая лукавыми цифрами достижения индустриализации, писал: «Валовая продукция машиностроения с 1913 года по 1938 год выросла в 30,6 раза; выработка электроэнергии увеличилась в 20,4 раза; энерговооруженность труда в промышленности с 1929 года по 1937 год увеличилась в 2,3 раза. Коэффициент электрификации промышленности в СССР составлял уже в 1936 году 81,6%, в то время как в капиталистических странах даже в годы расцвета он равнялся: в США - 76,5%, в Великобритании - 60%, во Франции - 60,8%. Одна Днепровская гидроэлектростанция выработала в 1938 году на 22,5% больше электроэнергии, чем все станции царской России».

При впечатляющем росте советской промышленности, она, бесспорно, не могла тягаться по производительности труда с ведущими экономическими державами. Экономическая статистика при Советской власти была продолжением пропаганды, формирующей единый военный лагерь, в котором трудящиеся должны были стать частью производственного механизма. Вместе с тем одной пропагандой поднять промышленность было невозможно.

В условиях ухудшения работы промышленности Сталин выступил 23 июня 1931 года с речью, известной под названием «Шесть условий товарища Сталина». Он констатировал, что на большинстве промышленных предприятий наблюдается «отсутствие чувства ответственности за работу, небрежное

отношение к механизмам, массовая поломка станков и отсутствие стимула к поднятию производительности труда». От уравниловки требовался переход к оплате труда в соответствии с квалификацией. Требовалось закрепление кадров, текучесть которых в течение полугода на большинстве предприятий составляла 30–40 %. Требовалось восстановить принципы хозрасчета и вновь научиться простейшей калькуляции, балансу доходов и расходов. Инстинкт подсказывал власти, что нужны не столько лозунги, сколько элементарная, традиционная для России трудовая этика.

Чтобы успешно «пробежать» десятилетний предвоенный период и стать индустриальной державой, способной вести войну моторов, советское руководство сделало ставку на развитие тяжелой промышленности. Обеспечить станками и механизмами этот сектор было возможно только с помощью иностранных производителей, вынужденных мировым кризисом отбросить идеологические предпочтения и рассматривать Россию как рынок сбыта. В годы первой пятилетки более 90% советских промышленных предприятий получили западную технику и технологии. В 1931 году состоялся пуск Харьковского тракторного завода, завершено строительство Саратовского завода комбайнов, вступил в строй Россельмаш, началось строительство Беломоро-Балтийского канала, принято постановление пленума ЦК о строительстве метрополитена в Москве.

И все же к 1931 году тупиковый характер индустриализации, основанной на продолжении большевистской атаки против прежней России, стал очевиден. Советской промышленности нужны были опытные кадры. Ссылаясь на невыполнение планов по росту промышленности, Сталин говорил. «Конечно, в основе вредительства лежит классовая борьба. Конечно, классовый враг бешено сопротивляется социалистическому наступлению. Но одного этого для объяснения такого пышного расцвета вредительства – мало». Оказалось, что надо самим овладевать техникой и основами управления производством: «Пишите сколько угодно резолюций, клянитесь какими угодно словами, но если не овладеете техникой, экономикой, финансами завода, фабрики, шахты - толку не будет, единоначалия не будет». «Большевики должны овладеть техникой. Пора большевикам самим стать специалистами. Техника в период реконструкции решает все».

Заботясь о подготовке собственных, «большевистских», кадров, в 1931 году ЦК ВКП(б) решает создать в 11 крупных городах страны промышленные академии. Подготовка новых кадров позволила в дальнейшем выкосить остатки прежней технической интеллигенции, подозреваемой в нелояльности. Советскому государству накануне войны требовалась тотальность во всем. Руководству партии необходима была уверенность в том, что в среде управленцев и инженеров не будет и тени желания обратить свои надежды на врагов советской власти. Именно поэтому репрессии добивали не только «ленинскую гвардию», но и всех, кто был своей профессией связан с русскими традициями жизни.

Неизжитый нигилизм требовал тотальных репрессий против Традиции, инстинкт власти – подготовки опытных кадров и использования некоторых элементов Традиции. Поэтому репрессии были частично «канализированы» и

направлены в большей степени против горластого и скорого на расправу нигилизма. В то же время идеология классовой борьбы извращала процесс самоочищения и национализации советской власти, обрушивая репрессии также и на массы невинных людей, порой отличавшихся только одним – стремлением к профессионализму и независимости суждений от воли малообразованной советской бюрократии.

Для создания советской промышленности, для закупки техники и технологий за рубежом требовались огромные ресурсы. Добыть их Советская власть могла только за счет сверхэксплутатации и изъятия у работника практически всех результатов труда. Прежде всего у селян – ради обеспечения экспорта сельхозпродукции, в обмен на которую промышленность получала от иностранцев станки и оборудование.

Товарность хлеба у середняков и бедняков (то есть, доля произведенного хлеба, направляемого на продажу) составляла 11,2%, а у колхозов и совхозов - 47,2%. Товарность обеспечивалась фактическим изъятием хлеба, который проще было взять у колхозов, где учет и контроль находились под надзором идеологизированных управленцев. Именно поэтому для индустриализации потребовалась коллективизация, в жестокостях которой была логика революционного разрушения основ прежней жизни и требование момента, прочувствованное инстинктом власти. В данном случае антикрестьянский нигилизм был на руку коммунистическому руководству. Ради промышленного вооружения страны на грань физического уничтожения были поставлены десятки миллионов людей, чей рабский труд обеспечил индустриальную мощь страны. Другого средства у большевиков не было; другие средства остались в другой эпохе, когда Россия знала, как мобилизоваться перед войной – без того, чтобы терзать собственный народ репрессиями и экспроприациями.

Коллективизация стала средством большевистской сверхэксплуатации. Имея в 1928 году мерее 3% кооперированного сельского пролетариата, через десять лет коммунисты отчитывались о том, что «колхозное крестьянство вместе с кооперированными кустарями и ремесленниками составляло в 1937 году 55,5% всего населения СССР». При этом был полностью ликвидирован класс зажиточных крестьян – кулаков. Даже несмотря на то, что кулаки давали значимую часть товарного хлеба в сравнении с середняками и бедняками. Их пришлось обвинить в нелояльности, чтобы опереться на сельскую бедноту, ставшую впоследствии основой Красной Армии. Впрочем, те, кому нечего терять и защищать, в первый год войны легко сдавались в плен.

Объявленная большевиками классовая война истребляла крестьянство фермерского типа (середняка) под корень, поскольку оно не отвечало задаче обеспечения дармовой сдачи хлеба государству. Это обусловило кризис сельхозпроизводства. Валовой сбор зерновых в 1930 году был 83.3 млн. т, в 1931 – 69,5, в 1932 – 69,9, в 1933 – 89,8 млн. т, каждый раз не дотягивая до плана. Безумства тотальной коллективизации подорвали экспортную программу большевиков: экспорт хлеба за год с 1927 по 1928 гг. упал с 153 млн. пудов до 27 млн. пудов, импорт черных металлов и изделий из них в 1929 году составил 381 тыс. т, в 1931 – 1703 тыс. т, в 1932 – 1040 тыс. т. Классовая

война против крестьянства разрушала основы экономического роста и одновременно разоряла село.

Если в 1913 г. урожайность зерновых составляла 7,4 центнера с гектара, то в 1938 году после внедрения на селе коллективных методов хозяйствования, снижающих, как считалось издержки, и массового распространения индустриальных методов обработки земли, средняя урожайность оценивалась лишь в 9,3 центнера с гектара. И это несмотря на тот факт, что насыщение села техникой шло фантастическими темпами: в 1929 году в СССР выпущено 35 тысяч тракторов, в 1930 – 72, в 1931 – 125, в 1932 – 148, в 1933 – 204 тысячи тракторов. В стране создавались машинно-тракторные станции, которые снабжали колхозы тракторами, молотилками, другой техникой. И все без толку!

Концентрируя в своих руках все средства для индустриализации страны, власть монополизировала рынок сельхозпродукции. В 1931 году принято решение о полной ликвидации частной торговли, кроме торговли на колхозных рынков. Те, кто не хотел сдавать государству хлеб даром, лишились возможности реализовать его. В результате блокады частного сельхозпроизводства и огромных изъятий хлеба у крестьянства в 1932–1933 гг. разразился страшный голод, выкосивший население целых губерний – прежде всего южных, где существовали подкрепленные природными условиями стойкие традиции частного земледелия.

Попытка остановить безумную политику государственного грабежа крестьян выразилась в программной статье Сталина «Головокружение от успехов», опубликованной в 1930 году. Сталин писал о необходимости учитывать местную специфику и не форсировать темпы коллективизации в тех местностях, где у крестьян не было традиции общинного уклада. После принятия постановления ЦК «О темпах дальнейшей коллективизации и задачах укрепления колхозов» с критикой «перегибов» из колхозов вышло 2/3 загнанных в них крестьян. Стало ясно, что «великий перелом», когда крупные коллективные хозяйства стали давать больше товарного зерна, чем индивидуальные хозяйства, оказался фиктивным.

В дальнейшем возвращение к «перегибам» оказалось для советской власти неизбежным: сверхэксплуатация была возможна только при тотальной коллективизации, а коллективизация – только в условиях репрессивного разрушения любой возможности жить в соответствии с вековыми традициями жизни и труда на русской земле.

Экспроприация крестьянства была прямым следствием коммунистического нигилизма, полагавшего доказанным большую эффективность коллективных форм труда при любых условиях. Для подтверждения этой идеологической установки были использованы самые живодерские методы, которые до сих пор сказываются на состоянии российского села, лишившегося на многие десятилетия какой-либо связи условий жизни с результатами собственного труда. Никакие инвестиции в село не могут покрыть страшного ущерба, которое оно понесло в период большевизма, – *утраты традиций сельского труда и индивидуальной трудовой этики.*

Рабский труд был настолько несвойственен русскому народу, что большевистским вождям пришлось повести против русского мировоззрения самое решительное наступление. Догмат марксизма, гласящий, что религия есть «опиум для народа», вылился в массовые казни священнослужителей и разрушение церквей в первые годы Советской власти. Решая задачи выживания Советов, власть в дальнейшем должна была полностью «зачистить» идеологическое поле. На XV съезде партии, в 1927 г., Сталин заговорил об ослаблении антирелигиозной работы. В начале 1929 г. был разослан секретный циркуляр «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Большевики объявляли борьбу с религией классовой, но имели в виду, прежде всего, расцерковление деревни – ради замещения традиционной общинной коллективности рабской коллективностью в колхозах.

Сталин переводил марксистские догмы на язык партийных установок: «Партия не может быть нейтральной в отношении религиозных предрассудков, и она будет вести пропаганду против этих предрассудков, потому что это есть одно из верных средств подорвать влияние реакционного духовенства, поддерживающего эксплоататорские классы и проповедующего повиновение этим классам».

Союз воинствующих безбожников выпустил и распространил за период 1922–1932 гг. десятки миллионов экземпляров антирелигиозной литературы. Тираж газеты «Безбожник» в 1931 г. достиг полумиллиона экземпляров. К ноябрю 1931 г. в рядах Союза безбожников числилось свыше 5 млн. членов с ячейками по всей стране. Планировался рост этой организации свыше 20 млн. членов. Организовывались сотни «безбожных бригад» и «безбожных колхозов». Существовал даже колхоз под названием «Смерть религии». Велась подготовка «квалифицированных безбожных кадров», был создан Рабочий антирелигиозный институт. В рамках «антипасхальных мероприятий» в городах повсюду размещались лозунги типа: «Укрепим безбожные ряды!», «На поповско-сектантские вылазки ответим ростом ударных безбожных хозрасчетных бригад!». Пропаганда велась даже в детских садах и яслях. В кружках юных безбожников к концу 1931 г. числилось 2 млн. человек. В школах детей заставляли петь: «Пионеры - Богу маловеры!»

В 1931 году в Москве взорван Храм Христа Спасителя, на месте которого предполагалось воздвигнуть Дворец Советов. Тогда же в Даниловском монастыре (ныне – резиденция Московской Патриархии) была организована колония для несовершеннолетних преступников и установлен памятник Ленину, а монастырское кладбище разорено. В том же году ранее разграбленный Исаакиевский собор в Петербурге был превращен в клуб антирелигиозной пропаганды. В качестве «опровержения» религии там был вывешен маятник Фуко, доказывающий вращение Земли.

Все это насилие над русской традицией оказалось для переделки мировоззрения русских людей почти безрезультатным. Перепись 1937 года показала, что из 30 млн. неграмотных граждан СССР старше 16 лет 84% (или 25 млн.) признали себя верующими, а из 68,5 млн. грамотных – 45% (или более 30 млн.). Таким образом, 55 миллионов взрослого населения страны не поддались

массированной обработке безбожников и имели мужество в опросных листах причислять себя к верующим!

По причине бессмысленности агрессивного безбожия, со второй половины 1930-х годов активность Союза воинствующих безбожников резко снизилась, а потом и вовсе прекратилась. В 1935 г. суммы взносов, собиравшихся в СВБ, сократились в 10 раз. Возникла даже пропагандистская «мода» на сравнение коммунизма с ранним христианством и признание их близости.

Советская власть, прочувствовав несгибаемость русского мировоззрения, начала заигрывать с ним, искать возможности поддержки у русской Традиции. Если в 1931 году коллегия ОГПУ вынесла приговор по «академическому делу» ученых-историков, обвиненных в организации монархического заговора, то через несколько лет все арестованные по этому делу были оправданы и обласканы властью.

Пролетарской мифологии приходил конец. В 30-е годы Советская власть обнаружила, что русскую аристократическую культуру вовсе нет надобности «сбрасывать с корабля истории». Напротив, эта культура создавала единство нации и требовала всяческой пропаганды. Именно поэтому в 1931 году в Москве и Ленинграде были созданы институты философии, литературы и истории (ИФЛИ), в столице основаны Московский областной педагогический институт и издательство «Просвещение», возникла система всеобщей военно-патриотической подготовки, в частности, комплекс «Готов к труду и обороне».

К трагическим событиям 1941 года Россия пришла с чудовищными потерями: из 40 тыс. православных храмов действовало около 100. Но воинствующее безбожие отошло в прошлое, а в школе преподавали Великую русскую литературу и воспитывали подрастающее поколение на героических примерах русской истории.

Советская власть на рубеже 20–30-х годов XX века сделала мучительный для нее выбор в пользу Традиции и против нигилизма, направив репрессии преимущественно на деструктивные элементы, подмывавшие единство нации накануне мировой войны. Экспроприация сельских тружеников фактически создала промышленную основу Советской власти и была для большевиков неизбежной мерой, следствием выбора 1917 года, который на целый век предопределил продовольственную скудость коммунистического режима.

Впоследствии репрессии не раз вновь обращались против Традиции, но уже никогда Традиция не третировалась так, как в 20-е годы, а антигосударственный нигилизм был подавлен на десятилетия. Шаткость власти проявилась только после того, как нигилизм воспроизвелся в новых поколениях. И тогда власть решила, что Традиция для нее опаснее нигилизма. Результатом было разрушение страны на рубеже 80-90-х годов.

Масштабные репрессии не смогли выбить из русского народа его любви к Родине-матушке, поколебав разве что большевистскую элиту. Катастрофа 1941 года была платой за расправу над Традицией: у Красной Армии в начале войны было в достатке техники, но не было подготовленных военных кадров и того стойкого народного воинства, которым веками славилась Русская земля. Перед

лицом этой катастрофы Сталин обратился к народу не только со ставшим привычным «товарищи», а и со стародавним «братья и сестры».

Большевистский нигилизм сильно подорвал, но не сломил русскую Традицию. Инстинкт власти в условиях войны вынудил ее опереться именно на Традицию. Силой русского духа, на который в конце концов оперлась Советская власть, а не «классовой чисткой», была обеспечена Великая Победа 1945 года.

Алексей Стаханов. Жизнь, загубленная пропагандой

30–31 августа 1935 года шахтер Алексей Стаханов вырубил в забое 102 тонны угля, выполнив 14 норм. Это событие на некоторое время превратилось в один из главных пропагандистских аргументов Советского государства, доказывающих возможность резкого увеличения производительности труда при социализме.

Успех Алексея Стаханова должен был воздействовать на сознание людей как чудо социалистической индустриализации. Если можно в разы превысить норму, то увеличение производительности вдвое на прежней технической базе не казалось фантастикой. Тем более что Стаханов через несколько дней установил новый рекорд, вырубив 19 сентября того же года 220 тонн угля.

Как же удалось забойщику, имевшему стаж работы всего 2 года, столь радикально повысить производительность? Не является ли его рекорд фальшивкой? Ведь в ту пору ради пропагандистского успеха трудовой подвиг можно было просто выдумать.

Вероятнее всего, выдумки не было, а было лукавство: некоторые детали поставленного рекорда были скрыты. Прежде всего, тот факт, что выработка в ту пору всегда считалась «на молоток», то есть – на всю бригаду, которая обслуживала работу Стаханова. При этом многократное превышение нормы является коллективным успехом – способностью бригады так организовать работу, чтобы существенно повысить производительность труда в сравнении с другими бригадами.

Труд забойщика чрезвычайно тяжек. Любой может представить себе, что это такое, поработав отбойным молотком хотя бы пару часов кряду. Только физически очень крепкий человек мог бессменно рубить уголь часами. Стаханов был именно таким: при установлении рекорда он не выпускал молоток из рук, что позволяло серьезно сэкономить время и всей бригаде работать без перерывов. Стаханов оказался лидером именно потому, что был самым сильным и умелым в своей бригаде.

Разумеется, повседневный труд и труд, нацеленный на рекорд – вещи разные. Понятно, почему стахановцы не устанавливали рекорды ежедневно. Угольные пласты различаются по своей структуре, и только некоторые из них – легко поддающиеся вырубке – оказываются пригодными для рекорда. Усредненные показатели той же бригады за месяц наверняка показали бы, что ежедневная выработка значительно ниже рекордной.

Рекорд Стаханова нужен был как средство стимулирования труда и использования важного для эпохи индустриализации фактора соревнования, как средство активизации «человеческого фактора» – взаимной поддержки работников, восстановления трудовой дисциплины и поиска средств рационализации.

Оборотной стороной соцсоревнования в дальнейшем стала своеобразная «коммерческая тайна», позволявшая трудовым коллективам добиваться победы и получать от властей материальное стимулирование и престиж (ордена, переходящие знамена и пр.). Другая форма перерождения идеи соревнования, открытой подвигом Стаханова, – подтасовка рекордов, подмена результатов, поиск средств фальсификации. Настрой не на рекорд и общее вслед за ним распространение передового опыта, а на регистрацию рекорда любой ценой, убивал трудовой энтузиазм, на который так рассчитывали руководители компартии и Советского государства.

Сталин умел создавать имена героям труда, но после Сталина общее бюрократическое перерождение правящей партии привело к тому, что трудовой героизм рядовых работников стал присваиваться хозяйственными и партийными «верхами». Эти же «верхи» воспринимали знаки престижа как один из ресурсов карьерного роста и борьбы за власть. К 80-м годам XX века имена героев труда имели известность лишь локально – на отдельных предприятиях, в отдельных областях и отраслях. Титанические проекты всенародных строек окончательно отодвинули личность работника на второй план, выдвинув вперед партийных функционеров.

Конечно же, сыграл свою роль и фактор усложнения труда. Ведь коллективный характер производства делает личный трудовой героизм невозможным. Либо героизм носит массовый характер, как это происходит во время войны. Стахановское движение именно во время войны сыграло свою роль. В наукоемких производствах соревнование может происходить только между национальными экономиками, каждая из которых кладет на чашу весов свой стратегический выбор и свою культуру производства и личности работника.

Социалистический подход к личности работника в достаточной мере высвечивается в судьбе Алексея Стаханова. Вслед за установлением своих рекордов он был вырван из рабочей среды и направлен партией на учебу в Промышленную академию. Коммунистическая догма требовала изготовить из него образец человека нового типа, который должен быть успешен всюду и демонстрировать реализацию коммунистической мечты: «кто был никем, тот станет всем».

Стаханову обеспечили должностной рост. После учебы он был начальником шахты, занимал другие руководящие должности в угольной промышленности. Но ему так и не удалось избавиться от роли живого экспоната. Организатором производства он не стал.

Личность мастера-забойщика была сломана посыпавшимися на Стаханова материальными благами и быстро сформировавшейся привычкой к стилю номенклатуры – жизни за счет тиражирования пустого пафоса бесконечных выступлений и стандартам быта, далеким от рабочей среды. На

волне популярности он внезапно женился на цыганке, которая вскоре ушла от него вместе с детьми. В столице Стаханов женился вторично на юной школьнице, которой сломал жизнь так же, как ему сломала жизнь компартия.

Стаханов видел, что из рабочего человека превратился в своеобразный инструмент понукания своих товарищей по классу. Горечь своего положения бывший шахтер топил в вине. Пристрастие Стаханова к алкоголю вывело его и из политической элиты. Движение стахановцев было дискредитировано, а сам его зачинатель получил оскорбительную кличку «Стаканов».

С приходом к власти Хрущева Стаханов подвергся высылке – его убрали из общественной жизни как сталинский символ, запретили жить в Москве, лишили привилегий. Семья распалась, слава сгинула, пенсии едва хватало но жизнь. Лишь в 1970 году о нем вспомнили и наградили высшей советской наградой – звездой Героя социалистического труда. И сразу снова забыли, «отработав» очередной пропагандистский сценарий к 100-летнему юбилею Ленина. После инсульта Стаханов попал в психиатрическую больницу, а умер в 1977 году на «именной кровати», о которую при падении насмерть ушибся головой.

Стахановское движение было формой стимулирования труда и особого уважения к производительному труду, который выражался в ясных показателях, пригодных для сравнения. Сложная организация производства лишает труд такой ясности и требует иных форм морального стимулирования, которые лежат чаще всего не в трудовом, а в воспитательном процессе – в родительском примере в детском возрасте и в повседневном культурном и информационном «фоне» жизни взрослого человека.

Когда у работника «воспитывается» потребительская мораль, он лишается способности как к рутинной, так и к творческой трудовой жизни. Потребительская мораль заменяет мораль производителя. Агрессивно внедряемая в сознание символика досуга и корысти убивает способность человека к труду и уважение к труду других людей.

Тот факт, что Стаханов стал игрушкой в руках пропагандистов и был ими сломлен как личность, не может означать, что уважение к труду выражается только в зарплате. Его пример лишь демонстрирует непригодность методов подхлестывания трудового энтузиазма пропагандой успехов, подобных спортивным рекордам.

Непригодной для стратегической перспективы оказалась и сверхэксплуатация труда, которая в современной России возрождается в новом виде – за счет разорения работника, который не получает за свой труд даже цены рабочей силы и оказывается перед необходимостью прекратить свой род, поскольку не имеет средств на содержание детей. Паразитическая партийная номенклатура, имевшая достаточно скромные претензии на материальные блага, сменилась олигархией, чьи претензии не имеют никаких границ. Такой смене «верхов» соответствует смена типа работника. Идеального стахановца, загоняющего себя на производстве, сменил вялый полураб, знающий, что его трудовые усилия заведомо не будут оплачены по нормативам, принятым в стабильных обществах, или спекулянт-мешочник, перепродающий готовые товары.

Вспоминая Стаханова-шатера, мы должны с уважением отнестись к его памяти и сочувственно – к его судьбе. Только уважая честный труд, мы способны вернуть ему эффективность, только сопротивляясь потребительской морали, ломающей стимулы к труду.

У истоков чеченского мятежа

Чеченский бандитизм был подавлен Российской Империей в результате победы в затяжной Кавказской войне, но глубинные его причины не были преодолены до конца. С новой силой бандитизм развернулся при большевиках, которые использовали историческую память чеченцев и их готовность вернуться к своим стародавним разбойничьим обычаям.

В 1917 году чеченцы стали одной из ударных сил большевиков на Кавказе. Среди сплошь безграмотного чеченского населения распространялись слухи о том, что солдаты убивают их соплеменников. Начались грабежи эшелонов на Владикавказской железной дороге, затем — нападения на нефтяные прииски Грозного, на которыхтрудились преимущественно русские рабочие, обеспечивая пятую часть всей нефтедобычи в стране. Интриги периода двоевластия привели к выводу из Грозного боеспособных воинских частей, разрушению трубопроводов, остановке нефтедобычи, поджогу большинства промыслов (которые горели весь 1918 год и четыре месяца 1919 года), бегству населения и осаде города чеченскими бандами. Горские банды уничтожали казачьи станицы, крушили все признаки ненавистной им государственности. Большевики расплачивались с ними конфискованными казачьими землями, государственными постами.

Бандитизм на территории Чечено-Ингушетии, не усмиренный и в последующие годы, потребовал со стороны Советской власти применения войсковых соединений. В марте–апреле 1930 года против бандитов был проведен ряд операций при поддержке артиллерии и авиации. Но окончательно изжить бандитизм в Республике не удалось.

С 1930 года в Чечено-Ингушетии действовала банда Саадулы Магомадова, которая за 10 лет совершила свыше 30 убийств военнослужащих и должностных лиц. В 1932 году произошло вооруженное восстание с участием свыше 3 тыс. человек, которое охватило все аулы Ножай-Юртовского района и ряд аулов в других районах.

Практически все 30-е годы Советской власти приходилось подавлять повстанческое движение в Чечне. Известны действия отряда Истамулова в 1931–1935 гг., восстания и выступления против властей в Ножай-Юртовском и Шалинском районах в 1932–1933 гг., В конце января 1941 года в Хильда-Харой Итумкалинского района произошло выступление против Советской власти, в котором принимали участие местные жители.

В 1937 году Хасан Исраилов (Терлоев) в создал в Галанчожском и Итумкалинском районах, а также в Борзое, Харсинове, Даги-Борзой, Ачехне и других населенных пунктах вооруженные банды и группы. Кроме групп в

Грозном, Гудермесе и Малгобеке, было организовано пять повстанческих округов общей численностью около 25 тыс. человек.

В 1941 году Хасан Терлоев подготовил восстание, написал «Временную программу организации Чечено-Ингушетии». К ноябрю 1941 году им созданы антисоветские организации в 41 ауле. Общая численность повстанческой организации ОПКБ составила более 5 тыс. человек. На учредительном собрании ОПКБ в Орджоникидзе 28 января 1942 года присутствовали представители семи соседних областей, 11 секций ОПКБ.

В тылу Красной Армии образовалась группировка, имеющая на вооружении не только стрелковое оружие, но также артиллерию и минометы. В 1942 году был создан объединенный военный штаб повстанческого правительства. Весной 1942 года советская авиация уже вынуждена была бомбить территорию Чечни.

Чеченские банды активно участвовали в диверсионных и боевых действиях в тылу Красной Армии, принимали и обслуживали десанты гитлеровцев. Повстанческие группировки общей численностью до 40 тыс. человек наносили удары в тыл Красной Армии.

Оккупация Чечни фашистами с осени 1942 года до января 1943 года показала, что чеченцы охотно и в массовом порядке сотрудничали с фашистами. Из перешедших на сторону врага чеченцев и местного населения был сформирован Северо-Кавказский легион, чечено-ингушский пехотный полк и карательные отряды.

Позднее правоохранительные органы обнаружили среди захваченных документов Терлоева списки членов повстанческой организации по 20 аулам Итум-Калинского, Галанчожского, Шатоевского и Пригородного районов ЧИ АССР, общей численностью 6540 человек. Там же найдены 35 билетов членов фашистской организации "Кавказские орлы", полученных им от гитлеровцев. Кроме того, была обнаружена карта Кавказа на немецком языке, на которой подчеркнуты населенные пункты, в которых имелись ячейки повстанческой организации.

Во время войны дезертирство со стороны чеченцев и ингушей приняло массовый характер (из одной национальной кавалерийской дивизии дезертировали сразу 850 человек). С июля 1941 г. по апрель 1942 г. из числа призванных дезертировало более 1500 чел., уклонившихся от военной службы насчитывалось свыше 2200 чел.

Учитывая массовое сотрудничество населения Чечни с противником, Государственный Комитет Обороны вынужден был принять решение о прекращении мобилизации в республике, а затем — о выселении причастных к пособничеству врагу. В феврале-марте 1944 г. на территорию Казахстана и Киргизии было переселено более 600 тыс. жителей Северного Кавказа (из них чеченцев и ингушей – около 500 тыс.). За время операции изъято огнестрельного оружия 20072 единицы, в том числе винтовок – 4868, пулеметов и автоматов – 479.

Депортация оказалась жестоким испытанием для чеченцев. Но это испытание было ничем не тяжелее испытания войной для других народов. Понеся большие потери в результате депортации, чеченцы пережили войну, не

участвуя в общем деле защиты Отечества. (Даже дудаевские источники указывают цифру 4000 погибших, включающую и естественная убыль населения, и более 2000 арестованных за незаконное хранение оружия и пособничество фашистам.) Выселение чеченцев с Северного Кавказа в значительной степени сохранило их генофонд, а за послевоенные годы благоприятные условия жизни чеченцев позволили им увеличить свою численность втрое.

В 1953 году поселены были сняты с учета и освобождены из-под административного надзора МВД. К 1956 году свыше 6 тысяч человек вернулись на Северный Кавказ. В 1957 году в республику возвратились 140 тыс. чеченцев и ингушей.

Негативные последствия депортации зачастую преувеличивают. Между тем в рамках возможностей военного времени переселение было обеспечено транспортом, продовольствием, медицинским обслуживанием. В Казахстане и Киргизии переселенцы получили в собственность отдельные дома (за счет нового строительства и покупки пустующих помещений у местного населения) либо были устроены на жительство по месту работы, каждой семье бесплатно выдан скот, отпускались долгосрочные ссуды. Все переселенцы были освобождены от обязательных поставок сельскохозяйственной продукции и от уплаты сельскохозяйственного и подоходного налогов, а задолженности по налогам и поставкам – списаны.

В период разоблачения «культа личности» сочувствие к «репрессированным народам» привело к восстановлению Чечено-Ингушской АО в 1957 г. и присоединению к ней Наурского и Шелковского районов, изъятых из Ставропольского края. На эту подготовленную для жизни и освоенную равнинную часть будущей республики чеченцы переселялись с гор и предгорий, возвращались из ссылки. Но привычка к оседлой жизни и продуктивному труду формируется медленно. Поэтому чеченцы в период создания индустрии становились чаще всего торговцами или работниками сферы услуг, формируя в этой сфере собственные этнические кланы. До 40% чеченцев проживали вне территории Чечни, занимаясь «отхожим промыслом» – временной работой на других территориях.

Память о Кавказской войне, обида за депортацию, непричастность к общей для всей страны гордости за великую Победу 1945 года, недальновидная национальная политика КПСС («фольклорная» концепция дружбы народов и курс на размывание русской культуры, концепция «выравнивания уровней» центра и окраин, курс на «воспитание национальных кадров», мифология национально-освободительных движений в царской России и т.п.) – все это создавало благодатную почву для недоверия и вражды чеченцев по отношению к другим народам России. Как только пресс советской государственности был снят, затаенная ненависть прорвалась наружу. Воспользоваться плодами этой ненависти не постеснялись некоторые российские политики, заинтересованные в переделе власти на Северном Кавказе. В 1991 году ельцинский парламент принял закон «О реабилитации репрессированных народов», подогревший дух сепаратизма и межнациональную вражду.

Распад родо-племенного строя, происходивший на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII века, высвободил могучую энергию государственного строительства, разрывающую все прежние социальные связи, порождая варварскую стихию, стремящуюся прикрыть свое зверство достоинствами одной из мировых религий – ислама. В этот период, который в прошлом проходили многие народы, возникают беспрецедентные завоевания и военные катастрофы. Нечто подобное повторилось в Чечне в конце XX века. Заторможенный силой исторических обстоятельств, процесс был запущен вновь. Как и два столетия назад, идеологической основой войны стала извращенная и примитивизированная форма ислама, основанная на лозунге борьбы против «неверных». Как и во времена имама Шамиля, основой протогосударства генерал Дудаев решил сделать систему террора, а консолидирующим символом — образ врага, который он видел в России.

Преувеличение бедствий периода депортации было использовано в конце XX века дудаевской пропагандой для разжигания ненависти к Российскому государству и русскому народу. Результатом политики «независимой Ичкерии», подкрепленной этой пропагандой, стали жертвы чеченского и русского народа, а также материальные потери, неизмеримо большие, чем в период депортации.

Русско-финская война в исторических интерпретациях

Одно из самых досадных заблуждений о военных конфликтах XX века состоит в том, что именно в России склонны осуждать Сталина за войну с Финляндией в 1939–1940 годах. Но в действительности эта превентивная война была вызвана крайней необходимостью. Мы должны ее объяснять и оправдывать примерно так же, как англичане объясняют и оправдывают операцию британского военно-морского флота, в результате которой были уничтожены французские боевые корабли в 1942 году в Тулоне, Оране и Дакаре.

Дело не только в том, что территория б. Великого княжества финляндского есть суверенная земля Российского государства, (его нераздельная часть, как записано в ст. 2 Основных законов), добровольный отказ от которых «временного рабоче-крестьянского правительства», учиненный 30 декабря 1917 года, был более чем преступлением. Посмотрим на карту. Конфигурация северо-западной окраины России отчетливо показывает, какими военно-стратегическими последствиями было чревато такое решение. Граница стала проходить в 15 км. от предместий Петрограда – в условиях, когда новоявленные власти Финляндии питали к Советской России жгучую этническую ненависть. Надо ли объяснять, что это значит?

Где искать истоки ненависти финнов и поляков, туземных жителей окраины, к России и русским? Они, конечно же, в принципиально ошибочной политике русского правительства. Прежде всего, в безграничных, унизительных для самих русских, экономических, политических и религиозных льготах, дарованных финскому и польскому населению, очевидных

привилегиях, установленных по отношению и к Русской Польше и к Княжеству Финляндскому, которые не касались собственно русского населения и русских земель, наконец – отказ от культурной русификации финнов и поляков, что является само собой разумеющейся мерой в отношении провинций с инородным населением. Но поляки и финны в этом видели не признак русской силы, а знаки русской слабости. Происхождение финского этно-сепаратизма, таким образом, не может быть сведено к несбалансированности прав и обязанностей, установленных в отношении финляндского княжества, о которых говорит. То же самое относится и к Русской Польше.

Накануне неизбежного возобновления мировой войны, в которой России вновь предстояло встретиться на поле боя с армиями центральных держав, одержимых идеей реванша за поражение 1918 года, стратегия могла предусматривать лишь две возможности. Или Финляндия должна была стать верным союзником Советской России, формально сохраняя суверенитет. Или ее территорию надо было лишить суверенитета, преобразовав в еще одну «советскую социалистическую республику». Что точно не могло произойти – так это нейтрализация Финляндии, политика которой в межвоенные годы носила прогерманский характер. Так как мирными средствами решить эту задачу было невозможно, война СССР против Финляндии была неизбежной.

О том же говорит наглое поведение финских властей в отношении СССР, превративших свою территорию в транзитный канал заброски в Россию террористов, контрабандистов и шпионов, что было характерно для 20-х и 30-х годов XX века. Безусловно провокационным было строительство «линии Маннергейма», которая предназначалась не только для решения задач обороны, но могла стать и линией развертывания войск вторжения в сторону как Ленинграда, так и всего русского Северо-запада.

Современные интерпретации русско-финской войны среди российских историков давно рассматривают факты с точки зрения финских инетерсов. С такой позиции финны – агнцы, герои, страдальцы, русские – исчадие ада. Мы не собираемся доказывать противоположное. Но трудно избавиться от впечатления, что финнам, понимавшим, что войны с СССР не избежать, было выгодно спровоцировать русских на нападение, к которому они еще не были готовы, и в тот момент, когда по климатическим условиям было практически невозможно осуществлять успешные наступательные операции. В политическом отношении провокация превращала финнов в жертв агрессии, которым помогут Европа и США, что потом и произошло, а СССР – в интервента, которого Лига Наций исключила из своего состава, а в военном – навязывало русским свою тактику боевых действий, втягивая их на Карельском перешейке во фронтальные атаки на сооружения крепостного типа, а на лесисто-болотистых участках фронта – в изнурительные маневренные фланговые операции, которые можно отразить небольшими стрелковыми подвижными группами.

Очень часто историки намеренно пропускают тот факт, что полный военный разгром финнов, преодоление «линии Маннергейма», считавшейся экспертами неприступной, взятие крепости Выборг и выход на оперативный простор были осуществлены Красной Армией за неполные три месяца в самых

неблагоприятных погодных условиях: сначала в распутицу, затем в жесточайшие морозы. Видят только потери, как будто радуясь их изобилию. Не видят с русской стороны ни героизма солдат, ни мастерства командиров, ни упорства войск, ни опыта военачальников, обеспечивших выполнение военной задачи в условиях, когда этому все препятствовало. Однако, по данным статистического исследования, проведенного военным ведомством, и опубликованного в 1993 году в книге «Гриф секретности снят», наши безвозвратные потери в русско-финской войне 1939–1940 годов составили 95,3 тыс. человек, по финским данным потери финнов убитыми составили 48,2 тыс. человек. Так как нам приходилось в этой войне наступать, а финнам – обороняться, то это соотношение потерь доказывает как раз противоположное русофобским интерпретациям итогов советско-финской войны.

Сравнительно быстрое военное поражение Финляндии, спутавшее карты и Франции с Британией, уже решивших послать финнам экспедиционный корпус и осуществить налеты бомбардировочной авиации с аэродромов ближневосточных колоний на Баку и Грозный, и Германии, предвкушавшей затяжную войну своего неожиданного союзника, на которого она планировала собственное нападение, казалось, давало возможность для реализации политических планов СССР. Государственность финнов была обречена. Но Сталин (он мог принять любое решение, поскольку победа развязала ему руки) оставил финнов в покое, лишь частично выправив границу и отодвинув ее от Ленинграда до Выборга.

Думается, что заключение советско-финского мирного договора 1940 года было одной из роковых ошибок Кремля. Сохранение враждебного России финского государства, режима, во что бы то ни стало стремящегося к реваншу, неизбежный союз финнов с немцами при нападении последних на СССР, уже завершавшаяся немецкая оккупация Норвегии – все это создавало весьма неблагоприятные для русских условия по всему северному крылу их будущего фронта. Создавалась угроза для Мурманска и Мурманской железной дороги и вероятность продвижения войск противника на линию Архангельск–Ленинград. К тому же фронт удлинялся за счет финского участка на 1200 км., и на стороне немцев оказывалась финская армия не менее чем в 500 тыс. штыков.

Ситуация была бы принципиально иной, если бы с финским государством тогда же было покончено, его территория занята Красной Армией, а власть передана новой администрации, как несколькими месяцами позже, весной и летом 1940 года, произошло в Прибалтике. Известно, каких усилий стоило немцам и финнам преодолеть в начале войны оборону островов Эзеля и Даго и полуострова Гангут, и можно не сомневаться, что если бы не он один, а все южное финляндское побережье Балтийского моря с его портами и укреплениями и Аландские острова оказались бы к 22 июня 1941 года в руках русских.

И если операция Германии, Венгрии, Болгарии и Италии на Балканах против Югославии и Греции, начатая в апреле 1941 года и завершившаяся в две недели, тем не менее заставила Гитлера перенести вторжение в Россию с середины мая на конец июня, что сыграло в нашу пользу, позволив использовать ресурсы «генерала распутицы» и «генерала зимы», то, возможно,

установление весной 1940 года русского контроля над Финляндским полуостровом (что изменяло характер театра военных действий в Европе) могло вообще принудить Берлин перенести нападение на Россию с 1941 на 1942 год. Война приобрела бы тогда иной характер, ее ход не имел бы ничего общего с тем, что произошло в действительности, а блокада Ленинграда вообще не состоялась бы. Это была бы уже гораздо более благоприятная для России ситуация. Во всяком случае, с гораздо меньшими человеческими и материальными жертвами с нашей стороны.

Начало Великой войны

22 июня 1941 года – трагическая дата для нашей истории. В этот день Советский Союз открыто вступил во Вторую мировую войну, принесшую русскому народу многомиллионные человеческие жертвы, а стране – чудовищные хозяйственные и экономические потери. Этот день стал олицетворением памяти и скорби для миллионов русских людей. В историю он навсегда вошел как день «вероломного нападения фашистской Германии». Но было ли начало войны действительно неожиданным для СССР и его руководства?

Вторая мировая война началась задолго до 22 июня 1941-го. Сперва она охватила умы европейского населения, а потом и целые страны втянулись в нее, причем некоторые из них успели почти сразу потерять свою независимость. Другие государства выжидали, но тоже готовились к войне, считая ее неизбежной.

Готовился, конечно, и Сталин, которому мировая война также представлялась неминуемой. Некоторые историки убеждены, что он и сам готовил нападение на Германию. Конечно, готовиться к войне и готовить военное нападение – это разные вещи. Кроме того, такие обвинения в адрес Сталина зачастую выглядят оскорбительно для прошлого нашей страны – того прошлого, которое было прославлено освободительной войной СССР против фашизма и в котором Германия навсегда осталась страной-агрессором.

Но также очевидно и то, что история могла бы сложиться совершенно иначе. Имеются веские основания считать, что Сталин рассматривал разные варианты развития событий. Говорят, история не знает сослагательного наклонения, но, чтобы лучше понять то, что было, должно понимать и то, что могло бы произойти и почему не произошло.

В канун Второй мировой войны обострилось идеологическое противостояние сталинского и гитлеровского режимов, которое было весьма заметно, несмотря на показные внешнеполитические маневры обоих государств. Европа готовилась к великой битве, которой было суждено перевернуть все тогдашнее устройство мира. Еще после заключения Версальского договора многим было ясно, что грядет новая война. С каждым годом политическая ситуация в Европе накалялась все больше и больше.

Выступая с докладом на XVII съезде ВКП(б) в начале 1934 года, Сталин высказал предчувствие скорой войны с Германией. Он и потом неоднократно

на секретных совещаниях озвучивал свой план «освобождения» Европы: «стянуть Европу в войну, оставаясь самому нейтральным, затем, когда противники истощат друг друга, бросить на чашу весов всю мощь Красной Армии».

Возможно, планы Сталина изменились после неудачной «зимней войны» в Финляндии. В противном случае им был бы создан отличный плацдарм для нападения на Германию с севера. Этим объясняются и настойчивые стремления советской дипломатии сохранить нейтралитет Швеции. Но помимо северного направления наверняка рассматривалась возможность удара по Германии и ее союзникам с юго-востока, через Бессарабию (которую также заняли советские войска накануне 1941 года), после чего гитлеровский Рейх попал бы в крепкие тиски.

Конечно, все эти размышления не снимают ответственности с Гитлера, но позволяют понять, что он сам, во многом, был заложником той политической ситуации, которая сложилась в Европе. Германский диктатор больше всего боялся войны на два фронта и всеми силами стремился обезопасить себя с Востока. Результатом стало заключение Пакта о ненападении, подписанного Молотовым и Риббентропом. Но очень скоро стало ясно, что Гитлер просчитался.

Зачастую попытки объективно оценить политику Сталина, в том числе накануне войны, не находят понимания у старшего поколения, которое прошло все тяготы и лишения военного времени и никогда не сможет взглянуть на него беспристрастно, глазами поколения, для которого их война давно стала историей. Они помнят победный парад 1945-го, не могут забыть боевых товарищей, сложивших головы за страну, которой больше нет. Для них Сталин – это, прежде всего, победитель. А в истории вся вина ложится обычно на побежденного.

1 сентября 1939 года, вскоре после подписания пакта Молотова-Риббентропа, части германского Вермахта и СС, согласно договоренности, вошли в Польшу. А спустя два дня Англия и Франция объявили Германии войну, официально развязав, таким образом, невиданную по жестокости кровавую бойню, в которой самые тяжелые жертвы понесли русский и немецкий народы.

Однако вплоть до апреля 1940 года Англия и Франция надеялись, что в Польше, поделенной между Германией и СССР (в чем была большая доля исторической правды), русские и немецкие интересы столкнутся и тогда западным державам не составит большого труда стравить их. Но события развивались слишком стремительно. Под ударами немецких войск за сорок дней пала Франция. Наступал черед Англии, но судьба уберегла ее от столь позорного разгрома.

Возможно, Англию спас таинственный визит Рудольфа Гесса, заместителя Гитлера по партии. Газеты писали, что он прилетел в Англию 10 мая 1941 года на одноместном самолете, но официальный Берлин почти сразу отрекся от него, как от своего посланника, а официальный Лондон воздержался от комментариев. В итоге Гесс был заключен в английскую тюрьму, а после войны был осужден Нюрнбергским трибуналом к пожизненному заключению.

В 1987 году, когда советская сторона была близка к тому, чтобы добиться амнистии Гесса, уже дряхлого старика к тому времени, он был убит в тюрьме, а его странная смерть была замаскирована под самоубийство. Понятно, что Гесс мог бы многое поведать о причинах начала войны. Не случайно гриф секретности с материалов о его пребывании в Англии не сняли до сих пор и продлили его действие до 2017 года, когда он может быть вновь продлен на неопределенный срок.

Можно предположить, что Гесс вряд ли решился бы на рискованный полет в Англию, не имея полномочий и серьезных аргументов для этого. Возможно, со стороны Германии это была последняя попытка создать вместе с Англией военную коалицию против СССР, в скорой агрессии которого Гитлер почти не сомневался. Однако германофильские настроения на Британских островах были куда слабее англофильских настроений среди немецкой интеллигенции и руководства НСДАП. Гитлер все же оказался меж двух огней, чего он больше всего боялся и что всегда приводило Германию к поражению.

Крайней мере наивным представляется мнение, что Сталин узнал о немецком нападении всего лишь за несколько часов 22 июня 1941-го, отправив в войска запоздавшую директиву, в которой приказывалось занять рубежи и привести подразделения в боеготовность. Преддверие войны полно сложных расчетов противоборствующих сторон, дипломатических уловок, ложных демаршей. Наверняка, военные приготовления всегда находились под пристальным вниманием каждого из потенциальных участников вооруженного конфликта.

Налеты германской авиации на советские города начались в полчетвертого утра, и вслед за ними части Вермахта перешли границу СССР тремя группами «Север», «Центр», «Юг», которые устремились соответственно к Ленинграду, Москве и Киеву. В войну против СССР вступили и союзники Германии – Италия, Румыния, Венгрия и Финляндия. Части Красной Армии в первые же дни войны были разрезаны немецкими танковыми клиньями и потеряли взаимодействие друг с другом.

Отступление советских войск проходило в полном беспорядке. Многие части оказались окруженными в «котлах» и остались не только без снабжения, но и без руководства. За семь первых месяцев войны в плену оказалось четыре миллиона советских военнослужащих, фактически обреченных на голодную смерть. И только под Смоленском немцы натолкнулись на более-менее организованное сопротивление.

3 июля 1941 года Сталин выступил по радио с обращением к народу. Его яркая речь подвигла сотни тысяч людей взять в руки оружие и выступить на борьбу с врагом. Предстояли долгие годы войны, впереди была битва за Москву, блокада Ленинграда, Сталинград, Курская дуга, победное шествие по Европе… Но это было далеко впереди, хотя именно в Победу, думается, верили русские солдаты, погибавшие в окопах в первые огненные месяцы войны, тогда, когда намного ближе были смерть и поражение. Иначе бы этой великой Победы просто не было.

Вторая мировая война, развязанная странами «западных демократий», была самой тяжелой и кровопролитной за всю европейскую историю. И

Советский Союз, и Германия встретили май 1945-го в руинах. «Союзники» рассчитывали на то, что русский и немецкий народы, в равной степени ненавистные мировой плутократии своим историческим величием, обескровят друг друга. И тогда можно будет одновременно покончить с обоими. Но и этого, слава Богу, не случилось.

Военная победа всколыхнула национальный дух русского народа, и его уже не смогли сломить заокеанские «союзники», почти сразу открывшие свои истинные замыслы. Запад устами Черчилля и Трумэна развязал новую войну, на этот раз уже не против немцев, а против русских. И эта война стала еще более подлой, получив название «холодной войны». Как бы ни кичились западные либералы своим «вкладом в победу над Гитлером», в их холодных сердцах навеки поселился страх перед силой русского оружия, и они не отважились на прямое и честное противоборство.

История прекрасно демонстрирует нам примеры того, что мир и благополучие в Европе возможны лишь при стратегическом сотрудничестве России с Германией. Но такое сотрудничество будет возможно лишь тогда, когда обе страны снова станут национальными государствами, не подвластными «глобальной политике».

Танк с русской душой

Все знают, что оружие без человека – груда металла. Но есть оружие, хранящее дух наших героических предков. В нем сконцентрирована память нации о победах и подвигах. Танк Т-34 вознесен на пьедесталы по всей России именно потому, что стал символом русского духа. Боевая машина была одухотворена теми, кто сражался за Родину.

Специалистами танк Т-34 назван лучшим танком Второй мировой войны. Причем речь идет не об уникальном образце, а о массовом производстве. К концу войны немцы сумели создать более совершенные модели танков и эффективные противотанковые средства, но Т-34 остался самым удачным по сочетанию эффективность/затраты. Это было не только техническое и экономическое чудо. Это было чудо русского духа, явленное по Божиему промыслу талантом русских конструкторов, беззаветностью русских инженеров и рабочих, подвигом русских солдат. Русский дух сделал из стального изделия оружие Победы.

Конструкторы М. И. Кошкин, А. А. Морозов, Н. А. Кучеренко, М. И. Таршинов и другие, собрав все лучшее в танкостроении 30-х годов, с большим трудом пробивались сквозь армейскую бюрократию, направлявшую советское танкостроение в тупик. Будущий танк разрабатывался фактически в инициативном порядке, помимо задания Наркомата обороны, делавшего ставку преимущественно на легкие колесно-гусеничные танки, либо на сверхтяжелые тихоходные машины. Конструкторы создали модель среднего танка с мощным вооружением и броней. Только после тяжелейшего демонстрационного пробега двух тридцатьчетверок в февральскую стужу 1940 года из Харькова в Москву, было дано «добро» на серийное производство.

Серийное производство Т-34 началось 31 марта 1940 года на Харьковском паровозостроительном заводе. Но план по выпуску танков на 1940 год был сорван. Ситуацию с серийным производством осложнила кончина в сентябре Генерального конструктора М.И. Кошкина, сильно простудившегося во время демонстрационного пробега. Поток рекламаций на первые образцы провоцировал усиленное производство проработанных ранее моделей легких танков. Выпуск Т-34 чуть было не остановили. В первое полугодие 1941 года новый танк только начал поступать в войска, а затем его производство пришлось возобновлять уже за Уралом.

Бюрократическая волокита и стратегический просчет в военно-технической сфере дорого стоили Советскому Союзу и нашему народу. В первые месяцы войны был потерян практически весь танковый парк, который по численности кратно превосходил танковый потенциал всей Европы. Реализованная в предвоенные годы концепция танкостроения оказалась гибельной для Красной Армии. Напротив, все еще экспериментальная модель Т-34 продемонстрировала решительное преимущество перед танками вермахта. В гитлеровских войсках шок вызвала способность Т-34 отражать артиллерийские и танковые снаряды. Танк казался неуязвимым. 45-мм бронекорпус (сначала это были бронелисты, позднее – литая броня) имел точно просчитанный угол наклона и приводил к рикошету вражеских снарядов. В конструкции танка были и другие уникальные новшества – например, мощная 76-мм пушка, какой в тот момент не имел ни один танк мира. Она позволяла пробивать 60-мм броню на дистанции 1000 м. Немалую роль сыграла и повышенная проходимость и скорость танка, обеспеченные уникальным дизелем В-2 мощностью 500 л. с.

Тридцатьчетверку в период войны не раз пришлось серьезно модернизировать. На Курской дуге Т-34 встретился с немецкими «тиграми» и «пантерами», заимствовавшими у нашего танка форму брони и мощное вооружение. Танки противника могли вести эффективный огонь по нашим танкам с дистанции 1500 метров, а наш огонь из 76-мм пушки был эффективным только с 500–600 м, а в некоторых случаях испытания прогнозировали необходимость сокращать дистанцию даже 200 м.

Уже с осени 1943 началось производство тридцатьчетверки с 85-мм пушкой, пробивавшей 100 мм броню танков противника, и утолщенной башней (90 мм). Эти и другие модернизации восстановили бесспорное преимущество Т-34 над танками противника. Всего за время войны наши танкостроители выпустили 61 тыс. танков Т-34. Причем основные элементы базовой конструкции были сохранены.

Надо сказать, что в Великую Отечественную войну мы имели дело с умным и мужественным врагом, чья инженерная мысль работала не менее эффективно, чем наша. Но это была мысль другого народа, и это было мужество другого народа. Русский интеллект и русское мужество оказались сильнее. Их воплощение – танк Т-34.

Победа на Курской дуге далась нам дорогой ценой: наши войска потеряли около 6 тыс. танков и САУ, а немцы – только 1,5 тыс. Тем не менее, даже при больших потерях Т-34 оставался более технологичной моделью, чем

противостоящие ему боевые машины, а отечественная промышленность набрала темп производства и была способна к быстрым модернизациям. Стратегические задачи с использованием Т-34 на Курской дуге были решены, потому что мы производили оружие коллективного действия. В какой-то период уступая немецким танкам в дуэльной схватке, Т-34 как модель, назначенная в массовое производство, явно превосходил все немецкие аналоги. Это был поистине русский танк.

Стремительное развитие танкостроения достаточно быстро оставило Т-34 в историческом прошлом. Использование этой модели некоторыми слаборазвитыми странами вплоть до нашего времени можно считать, скорее, анахронизмом. Но мы помним, что с этим танком никакая современная модель не может сравниться по числу уничтоженных врагов России. История дает оценку воину и его оружию именно по такому критерию.

Неправда о Войне

Русское общественное мнение в начале XXI века постепенно теряет чувство исторической правды даже в отношении самых бесспорных побед и подвигов русского народа. Возникли многочисленные слои населения, либо полностью равнодушные к этим победам и подвигам и совершенно не осведомленные в том, что обеспечило суверенитет России, либо злобно отвергающие право России и русского народа на какую-либо победу вообще. В особенности это касается Великой Отечественной войны – ее великих сражений, ее полководцев и героев.

Что произошло? Дело в том, что для многих соотечественников, воспитанных в духе нигилизма к прошлому, Россия той эпохи представлена всего лишь младшим участником «коалиции» в войне с Германией, так называемым «восточным фронтом», к тому же заведомо второстепенным. Вот их оценка России: страна отсталых методов ведения войны, варварского образа жизни населения, коварного византийства политиков, подозрительной идеологии, недопустимой в цивилизованном мире, к которому она не принадлежит.

Широко представленная и в мемуарах, и в ученых трактатах, такая точка зрения беспрепятственно распространилась по миру, а с недавних пор и в России. Несть числа игровым и документальным кинолентам, беллетристике, множеству предвзятых статей, тенденциозных комментариев, переполняющих изо дня в день печатные, электронные и сетевые СМИ, в которых от русского героизма, побед, страданий, жертв ничего не остается. Само их существование подвергается сомнению, а изображение и описание Великой Отечественной превращено в карикатуру, шансонетку; историософское истолкование низводится до обыденного, в лучшем случае художественного, вымысла, изменяющего до неузнаваемости ее смысл, цели и результаты.

Прежде всего отрицают сам факт национального героизма, без которого победа была бы просто невозможна. А ведь именно его массовость свидетельствует о нравственном превосходстве русской цивилизации над

европейским варварством, следовательно, о предопределенности ее военного превосходства. Но между Россией той эпохи и нацистской Германией ставят знак равенства. Благодаря такому подлому приему потомки победителей отчуждаются от результатов Победы. Из самой памяти нации постепенно вытесняется действительное понимание истории. Ее сменяют искусственно созданные, фальшивые, откровенно неприятные образы. В них Россия предстает страной, гордится или любить которую невозможно, а защищать с оружием в руках преступно.

Феномен русского коллаборационизма времен Второй мировой войны, который замалчивался, поскольку опровергал иллюзии «дружбы народов» времен коммунистического правления, тоже принадлежит окраинам России и заслуживает глубокого изучения. Хотя было бы неверным его преувеличивать. Ведь возвращение западных губерний России, отторгнутых в 1918 году, население которых было чуждо утвердившемуся на Востоке социально-политическому и экономическому строю, произошло за год-полтора до начала Великой Отечественной войны. Что же касается Галиции, то перед тем, как вновь стать русской, она целых пять веков была под властью католических Польши и Австрии.

Поэтому было бы странным, если бы на территориях, стремительно оккупированных немцами летом 1941 года, не было бы коллаборантов, под тем или иным предлогам вставшим на сторону агрессоров. Ведь в западнорусском населении значительна доля не только инородцев, вроде эстов, латов или литов, пропитанных по отношению к России духом этно-шовинизма, но и католиков, чья враждебность к православию, следовательно к русским, бесспорна. К тому же революционные события 1917 года, вызвавшие гражданскую войну, закончилась не в 1920, как принято считать, в связи с окончанием Гражданской войны в европейской части России, а только в 1937 году, когда победители, что неизбежно во всякой революции, свели счеты между собой.

Если в странах Европы, захваченных Германией и ее союзниками, сотрудничество с оккупантами проявлялось во всех слоях общества и практически на всех территориях, то в России оно затронуло одни лишь окраины, зоны военных действий.

Русские интересы состоят, прежде всего, в том, чтобы никто *извне* не смел вмешиваться во внутренние дела России, чтобы любые противоречия или конфликты, возникающие в русском *обществе*, в любом случае оставались его «семейным» делом. На этот счет было бы нелишним помнить «Бородинскую годовщину» и «Клеветникам России» Пушкина – стихотворения, написанные в 1831 году. Затем, русский интерес состоит в том, что любой потенциальный или реальный агрессор, так или иначе посягающий на Россию – ее самоочевидный, безусловный и безоговорочный *враг*, который должен уничтожаться без какой-либо пощады. Поэтому никакие обстоятельства, хотя бы идеологического или личного характера, не могут оправдать сотрудничества с врагом России русского гражданина. Наконец, русский интерес состоит в том, что ничто не может оправдать умаление русской государственности и суверенности; для русских это такие национальные ценности, которые носят абсолютный, высший характер.

Для некоторых историков «советская тоталитарная система» была в 1941-1945 годах гораздо более опасным врагом России, чем нацистская Германия, и поэтому борьба с «системой» оказывается достаточно веская причина, чтобы оправдать и германскую агрессию, и изменников, которые сотрудничали с агрессорами.

Представляется кощунственным утверждение, что в будущем в русском национальном сознании возможно изменение негативного отношения к «русским коллаборационистам» на позитивное. Ошибочно думать, что к врагам русской нации и русского государства, соучастников в преступном ведении войны, причинившей неисчислимые бедствия, русские могут относиться «объективно».

Как заметила Н.А. Нарочницкая, Великую Отечественную войну Советский Союз выиграл в своей ипостаси Великой России», чего не могут понять ни «советские прекраснодушные либералы», «ни ортодоксальная часть советских коммунистов», ни «эмиграция». Поэтому никак невозможно совместить оправдание власовцев и Национально-трудового союза (НТС) с русской национальной идеей. Как пишет Нарочницкая, «исторически не оправдываемы попытки развязать войну гражданскую во время войны Отечественной, в которой на своей земле против чужеземцев народ во все времена сражается только за Отечество, какие быв символы ни были на знаменах».

В любой большой войне даже победоносным армиям невозможно избежать поражений или ошибок. Не была исключением и Вторая мировая война. За время, прошедшее после ее завершения, написаны десятки тысяч работ, в которых все ее стороны и все события подвергнуты тщательному разбору. Стратегия и тактика, техника и разведка, тыл и пропаганда, планирование операций и их осуществление. Разумеется, Вторая мировая война – это не Вторая Пуническая. Еще живы участники Второй мировой, еще засекречено множество ее документов, еще многое в ней остается неясным и спорным. Поэтому для исторических исследований в ней остается множество белых пятен. Но иных историков интересуют не события, а интерпретация. Они не столько исследуют, сколько изобличают. Как своеобразное «открытие» порой подается идея о недееспособности полководцев Красной Армии, которая постоянно вела к поражениям и огромным потерям.

Ведение войны не сводится к соревнованию техники или ее количества. Искусство войны глубоко национально и зависит от множества факторов, не описываемых сухой статистикой, платежными ведомостями и разнарядками. Известно, например, что русский солдат, в отличие от солдата немецкого, в бою не всегда носил каску. Он предпочитал ей пилотку или фуражку. В результате наши потери от ранений в голову были в полтора раза выше. При чем здесь «умение воевать»? Да, многое зависит от боевого опыта. Но еще больше на ход войны влияет дух армии, национальные особенности, военные традиции.

Многие историки, пишущие о войне, завершившейся для агрессоров плачевно, умаляют военные достоинства русской армии, преувеличивая, с одной стороны, значение географии и климата, а с другой – упрекая русских в том, что они их использовали в борьбе с интервентами и агрессорами. Но

русские пространства и природа – тоже русское оружие против врагов, покушающихся на нашу независимость. И пренебрегать им с нашей стороны было бы непозволительной глупостью.

К тому же Гитлеру не удался не только блицкриг против России, но и вторжение на Британские острова. И что этому помешало? Героизм английской армии? Вряд ли. Она не воевала с вермахтом на равных и позволила себе постыдное отступление и потерю всего вооружения у Дюнкерка и Нарвика. Причина в географическом факторе, таком, как Ла-Манш, который немцы сначала не захотели, а позже не могли преодолеть. Англичане и американцы в 1941-1942 годах не защитили ни одного форпоста на Тихом океане, сдав японцам все крепости и военные базы, такие как Сингапур, Гонконг или Филиппины, и потеряв «значительные территории». Значительные людские и территориальные потери понесли китайцы, сражаясь с японцами. О чем говорят эти факты? Ни о чем, кроме превратностей войны.

Одной из самых замусоренных ложью тем Великой Отечественной являются наши якобы непомерные потери по сравнению с потерями противника. Причина появления такой версии кроется в засекреченности военной статистики СССР, которая продолжалась вплоть до 1993 года, до тех пор, пока наш Генштаб не опубликовал книгу «Гриф секретности снят», в которой были приведены все наши военные потери. Из этих данных следует, что безвозвратные людские потери нашей армии примерно равны военным потерям противника в соотношении 1 : 1,3. Общие потери Красной Армии убитыми составили примерно 8,7 млн. чел, потери стран оси на их Восточном фронте – около 7,5 млн. Казалось бы, после 1993 года спекуляции на эту тему должны были прекратиться. Но не тут-то было. Домысел о том, что русские победили немцев, завалив их горой собственных трупов, продолжает гулять по либеральным изданиям, как ни в чем не бывало.

Порой высказывается совершенно невероятная клевета на русского солдата, который якобы в окружении предпочитал сдачу в плен или разбиться на малые группы и прорываться к своим, кто как может. А вот немецкие солдат, якобы, проявляли чудеса стойкости и героизма. На самом деле никаких закономерностей на этот счет вообще не существует. Все зависит от множества обстоятельств, главным образом от наличия средств ведения боевых действий, соотношения сил, характера театра войны и общей стратегической обстановки. В Северной Африке немцы и итальянцы в 1940-1942 годах могли довольно долго выдерживать блокады англичан, но весной 1943 года, в Тунисе, прижатые к морю, они сдались довольно быстро. Если не считать котлов, в которые попадали немецкие армии в конце войны, ликвидировать которые удавалась за считанные дни, то речь может идти лишь о военных событиях на русско-германском фронте. Главное отличие здесь состояло в том, что немцы попадали в окружение на чужой территории, когда вырваться уже было невозможно и некуда, а русские – на своей, когда присоединение к основным силам было вполне вероятно. Обсуждать тему «нежелания» русских воевать в «котлах» нет необходимости, эту ложь опровергают оборона Гангута, Одессы, Севастополя, «Малой земли» под Новороссийском, Брестской крепости и, наконец, блокада Ленинграда. Иное дело – окружения и блокады в полевых

условиях. Они не свойственны маневренной войне, и всегда заканчивались, если прорыв не удавался, уничтожением и пленением окруженного противника. Это происходило и с немцами (в Сталинградской битве, под Корсунь-Шевченковским, в Белоруссии в 1944) и с русскими (под Киевом и в районе Вязьмы в 1941).

При описании Войны часто стали подменять собственную историю чужой – чаще всего заведомо несопоставимыми, преувеличенными или выдуманными примерами. Не реальный героизм гарнизона Брестской крепости, а мифическое спасение во время боев в Бретани безвестного американского пехотинца Райена. Не защита Одессы, Гангута или Севастополя, а «выдающаяся» эвакуация англичан из Дюнкерка. Не грандиозная Сталинградская битва, а «судьбоносные» бои в африканских песках под Эль-Аламейном. Не Курско-Белгородское сражение, а опоздавшая как минимум на два года высадка англо-американский войск в Нормандии. Не операция «Багратион», в результате которой Красная Армия уничтожила в 1944 году немецкую группировку между Западной Двиной и Припятью, а локальная оборонительная операция «союзников» в Арденнах.

Одновременно с этим делаются настойчивые попытки развенчать настоящих героев войны. Гастелло потому направил самолет на немецкие танки, что боялся возвратиться к своим: ведь он неудачно отбомбился. Матросов, оказывается, был штрафником и погиб, потому что был пьян — как никак 23 февраля. Космодемьянскую послали в немецкий тыл поджечь дома мирных поселян, а не немецкую конюшню. И так до бесконечности.

О том, что собой представлял глава правительства и Верховный главнокомандующий, говорить не приходится. Деятельность И. Сталина на протяжении всех лет войны якобы не обеспечивала победу, а причиняла одни лишь особо тяжкие поражения своей же стране. А победу в 1945 году удалось достичь не благодаря, но вопреки его деятельности, в том числе и в предвоенные годы. Ведь именно Сталин позволил организовать для немцев учебные авиационные и танковые центры в Липецке, Тамбове и других городах в то время, когда Германии было запрещено иметь их на собственной территории. И не важно, что сразу же после 1933 года, когда Гитлер стал канцлером, такие школы были закрыты. Главное — «фашистский меч ковался в России». Об этом не только пишут, в это предпочитают верить.

Касаясь большой политики, нас убеждают, что вместо того чтобы объединиться с Лондоном и Парижем, которые «всерьез» пытались накануне 1 сентября 1939 года создать антигитлеровский блок, Москва коварно делила с Германией сферы влияния. Вместо того чтобы ударить по Германии, Сталин заключил с Гитлером «пакт о ненападении», согласно секретным статьям которого, в качестве платы за нейтралитет в предстоящей войне СССР получал территориальную уступку в виде прибалтийских государств, Бессарабии, «отнятой» у Румынии, и прямо-таки добродетельной, патриархальной Финляндии.

При этом «забывают», как «либеральная» Европа создавала вокруг России санитарный кордон из враждебных ей государств, поощряла «страны оси» к территориальным захватам, не «вмешивалась» в испанскую

гражданскую войну, являвшуюся прологом новой Мировой войны в Европе. Ведь именно в 1937-1938 годах в Испании вооруженные части Советской России встретились на поле боя с войсками Гитлера и Муссолини. Запад же при этом соблюдал «нейтралитет». О каком «союзе» Сталина с Гитлером вообще может идти речь!

Когда дело касается русско-немецкого договора от 23 августа 1939 года, не без умысла игнорируется по крайней мере несколько важных факторов. Мюнхенский сговор 1938 года Франции и Англии с Германией и Италией, отдавших немцам Чехословакию со всеми потрохами. Закулисная дипломатия англичан и французов непосредственно перед началом войны, пытавшихся столкнуть Германию с Россией в борьбе за польские земли, а самим остаться в стороне. Но ничего из этого не вышло, и Сталину удалось дипломатическими методами переиграть Даладье и Чемберлена, оттянув вступление России в войну на 23 месяца. Откровенное нежелание Польши пойти на союз с Москвой перед неминуемым немецким вторжением, не говоря уж о более чем слепом доверии поляков к западным союзникам. Наконец, вполне легитимный характер притязаний России на ее же западные территории, незаконно отторгнутые у нее вследствие вооруженного вмешательства во внутренние дела страны государствами Четверного союза и Антанты в период революции и гражданской войны. В 1939 и 1940 годах мы вернули себе свое.

Если следовать логике критиков России, то ее правительству надо было, игнорируя национальные интересы, поступать примерно так же, как это делали правительства Праги, Лондона и Парижа времен Мюнхенского сговора. Тогда наверняка немецкое наступление было бы совершено с рубежей, примерно на 300–400 км восточнее тех, которые были достигнуты к 1941 году политикой Москвы. И при прочих равных условиях защита трех русских столиц, а значит и судьба всей войны, оказалась бы под большим вопросам.

В зависимости от того, как складывается конъюнктура в борьбе идеологий и какие факторы начинают превалировать в ней, советское предвоенное руководство критикуется за то, что оно неудовлетворительно готовило страну к войне, из-за чего в 1941 году Красная Армия терпела катастрофические поражения на полях сражений, или, наоборот, за то, что оно чрезмерно милитаризовало Россию, тем самым провоцируя на сверхвооружение Германию, и готовилась сама напасть на нее летом 41-го. В последних инсинуациях особенно преуспел некто Резун, перебежчик, служивший в КГБ, приговоренный судом к высшей мере за предательство, издающийся по-русски под псевдонимом Суворов, вся известность которого заключена в извращенном манипулировании малоизвестными для публики фактами. Понятно, что Германия, у которой общие границы с СССР появились только в 1939 году, имела собственное представление о том, каким военным потенциалом ей надо обладать. В сущности, война, начатая немцами в 1939 году, была для них продолжением Первой мировой, где главным, чисто субъективно, в том числе и для Гитлера, оставался Западный фронт.

Что же касается Польши, которая перед тем участвовала в разделе Чехословакии вместе с Германией и была «патологически» враждебна России, то нападение на нее немцев все еще остается загадкой, как и остановка

Гитлером немецкого наступления на Дюнкерк в 1940 году, позволившая эвакуировать на Британские острова более 450 тыс. войск, и подоплека полета Гесса в Англию, материалы о котором Лондон засекретил, насколько известно из сообщений прессы, навечно. Видимо, англичанам есть что скрывать.

Понятно, что Германия имела собственное представление о том, каким военным потенциалом ей надо обладать и против кого. В сущности, новая война была для немцев продолжением Первой мировой, где главным, в том числе и для Гитлера, оставался Западный фронт.

В чем особенно преуспела школа злословия, так это в описании ужасов Лубянки и ГУЛАГа, в «мрачных пропастях» которых накануне войны исчезли якобы десятки тысяч старших и средних командиров Красной Армии, и в истолковании так называемого Катынского дела. Что касается репрессий в отношении офицерских кадров, то ложь, возникшая еще при правлении Хрущева, уже достаточно основательно опровергнута, причем документально, как и вздорные фантазии о «страшном 1937-ом».

Тема Катыни более серьезна, учитывая всегда непростые русско-польские отношения. Ее сомнительная достоверность заключена не только в том, что «доказательства» расстрела польских пленных офицеров НКВД были предъявлены Геббельсом в 1943 году, а их признание было получено от властей «демократической» России 14 октября 1992 года, в смутное время «перестройки». Но ведь это «дело» так и не стало предметом следствия и суда. Не опровергнуты выводы комиссии академика Бурденко, работавшей в 1944—45 годах и определившей, что расстрелы относятся к осени 1941 года, следовательно, их совершили немцы. Вместо безупречных с точки зрения криминалистики выводов навязываются, мягко говоря, версии, во всех отношениях недостоверные.

Если же говорится о военачальниках, руководивших штабами, фронтами, армиями и флотами России, то они, согласно тем же публикациям, не умели ни воевать, ни побеждать. Если им и удавалось брать верх над немецкими генералами, то лишь из-за крайне благоприятного стечения случайных обстоятельств. Они побеждали не умением, а числом, заваливая немецкие траншеи «горой русских трупов». И вообще, согласно этим лукавым суждениям, Россия одерживала пирровы победы, которые в действительности были поражениями. При этом для доказательства используют самые фантастические по нелепости аргументы. И что самое интересное, в отличие от переводной литературы, в которой приводятся хотя бы какие-то цифры, наши источники десятилетиями либо хранили молчание, либо сообщали неконкретные сведения (см. Историю второй мировой войны в 12 томах, Воениздат, 1971—75 гг.). А точные данные о потерях впервые были опубликованы Генштабом СССР в «Военно-историческом журнале» лишь в 1991 году и в 1993 году в книге «Гриф секретности снят». Тем не менее в большинстве последующих публикаций их продолжают нарочито игнорировать.

Как бы там ни было, количество людских потерь свидетельствует не столько о сравнительно низком уровне военного искусства или о невысокой боевой подготовке нашей армии в целом, сколько о том, что Россия была

основным противников Германии и ее союзников на Европейском театре военных действий. Отнюдь не случайно более 80% всех потерь наших противников в войне приходится на их Восточный фронт. Сражаясь с русскими, «страны оси» потеряли до 5 млн. только убитыми. Ничего подобного они не испытывали ни на Западном фронте, ни в Африке, ни в Италии. При этом было бы глупо отрицать, что немецкое искусство ведения войны, тактика боя, конструкторская, инженерная и интендантская подготовка находились на высочайшем уровне и превосходили в этом отношении Красную Армию. Вот почему соотношение безвозвратных потерь (этот показатель учитывает и пленных) на советско-германском фронте в итоге все же оказалось не в нашу пользу. У нас и наших союзников они составили почти 11,5 млн, у противника – почти 8,7 млн.

Однако если разделить войну на периоды — трагический (1941), переломный (1942) и наступательный (1943—1945 годы), то картина окажется иной. Да, в 1941 году мы воевали хуже немцев, но нас спасло отчаянное сопротивление тех, кто нашел в себе силы сражаться (наши потери 3,14 млн., у врага 0,8 млн. человек). Второй год войны свидетельствует о том, что мы уже в основном научились современному ведению военных операций. И хотя Керченское и Харьковское сражения были проиграны, зато удалось полностью разгромить врага в Сталинградской битве (тем не менее соотношение потерь 3,3:1,1). Но начиная с 1943 года и до самого конца войны ситуация коренным образом изменилась: Красная Армия обрела умение воевать и побеждать (соотношение потерь 5,1:6,8 в нашу пользу).

Любимое занятие российских СМИ – отождествление коммунистической Советской России и нацистской Германии. Если «сталинский тоталитаризм» нисколько не отличается от «гитлеровского фашизма», если концентрационные лагери, созданные немецким руководством, то же самое, что и исправительно-трудовые учреждения, существовавшие в СССР, то его граждане, перешедшие на сторону врага, не уголовные преступники, а «борцы с тоталитарной коммунистической системой». Вот и власовская «Русская освободительная армия», декларировавшая борьбу со Сталиным, предстает в таких публикациях подобием «Свободной Франции» Де Голля, противостоящей коллаборационистскому режиму Пэтена.

Западные союзники считали необходимым принимать превентивные меры в отношении этнических немцев и японцев, находящихся на их территории. Эти меры оправдываются публицистами. Но такие же точно действия советских властей интерпретируют как преступные акции. Именно так характеризуют переселение (всего лишь переселение!) в восточные области страны в 1941 году немцев Поволжья, представлявших тогда реальную угрозу тылу действующей армии, и чеченцев и крымских татар в 1944 году. А ведь чеченское население неоднократно поднимало мятежи в тылу наших войск, а татары Крыма фактически сотрудничали с оккупационными властями, участвуя на их стороне в боевых действиях. Но данные такого рода не попадают ни в эфир, ни на полосы газет.

В том же ключе трактуют создание заградительных отрядов в момент отступления наших войск после Харьковского сражения к Волге и в сторону

Кавказа, а также проверки наших бывших военнопленных военно-правовыми учреждениями СССР, после которых какая-то их часть оказывалась в исправительных учреждениях. Критиков не смущает, что военнослужащие могут оказаться в плену по трусости или в результате измены и что проверки такого рода неизбежны. К тому же большая часть бывших пленных, о чем тоже умалчивают, зачислялась в состав армии на общих основаниях.

И в качестве апофеоза «русского коварства» — отношение Москвы к восстанию в Варшаве, акции, начатой по приказу иммигрантского польского правительства, находившегося в Лондоне, без согласования со Сталиным в надежде захватить польскую столицу раньше Красной Армии. Провокационный смысл восстания (при общепризнанном героизме рядовых его участников) был тогда очевиден, а использование этой темы сегодня рассчитано лишь на незнание подробностей. На самом деле у советского командования к сентябрю 1944 года были исчерпаны силы и возможности для новых операций. Кроме того, в тех условиях еще одно наступление было лишено стратегического значения, о чем, в частности, знали и в Лондоне, и в Вашингтоне. Об этом говорят мемуары Черчилля. Думается, ложь вокруг Варшавского восстания потребовалась для того, чтобы затушевать очевидность малообъяснимой бездеятельности сухопутных сил Великобритании и США на европейском театре в течение четырех лет — с лета 1941 по июль 1944 года.

Конечно же, речь здесь идет не о военной истории: споры историков, принадлежащих к разным школам, бесконечны, некоторые из них плодотворны. Вопрос в другом. Описания военной истории России, которым отдают предпочтение СМИ, настолько односторонни, предвзяты, лживы и глумливы, что лишь слепоглухонемой не увидит и не услышит в них злоупотребление предоставленной им свободой.

В большинстве *сведений*, переполняющих каналы информации, в документальных или художественных произведениях, которые выходят в свет, отсутствуют достоверность и правдивость, в них авторы умалчивают или, наоборот, извращают общественно значимые события, что не может не умалять национального достоинства страны. Самое удивительное, что подобная тенденциозность, искажающая в массовом сознании образ России, нисколько не нарушает законодательства о СМИ, а потому дает повод к олимпийскому бездействию государственных органов, которые обязаны этот образ защитить.

Надо ли понимать дело таким образом, что в нашем военном прошлом все безоблачно и благостно? Конечно же, нет. Никому и никогда не удавалось делать политику и вести войну в белых перчатках. Государственное руководство Советского Союза не состояло из ангелов или святых, и ничто человеческое, в том числе недостатки и пороки, им не было чуждо. Дело в другом. Речь идет о безусловно недопустимом в уважающем свое прошлое государстве злоупотреблении теми конституционными свободами, которые принадлежат научному, художественному или журналистскому видам творчества. По сути дела, в этих публикациях, относящихся к Великой Отечественной войне, проявляется откровенно расистская, антирусская клеветническая практика, интеллектуальное трюкачество, извращающее непреложные исторические факты, что не может не оскорблять национальные

чувства и память павших за свободу и независимость нашей родины, действия, которые представляют собой если и не своеобразную форму неонацизма и неофашизма, то их очевидную, демонстративную, провокационную реабилитацию.

Видимо, настала пора оградить священную память предков и достоинство России от подобных посягательств и обеспечить уголовно-правовое преследование всех, кто лжет и извращает героическую историю страны. Русским надо делать то же самое, что уже внедрено по инициативе всемирного еврейства в ряде государств Европы, таких как Англия, Франция, Голландия и Германия. Жертвами европейского варварства, возжелавшего в 40-е годы прошлого века покорить Россию и обратить русских в рабство, стали не менее 25 миллионов наших соотечественников, павших на фронте, погибших в оккупации, преждевременно умерших в тылу. Их пепел взывает к справедливому и неотвратимому возмездию всем клеветникам России.

Цена Победы 1945 года

Русскую историю дискредитируют и фальсифицируют не одно десятилетие. Этим занимаются наши зарубежные недоброжелатели и клеветники и их подголоски в самой России. Отчего происходит подобное, как проявляется?

Что касается Запада, то у него нет основания любить Россию. Он ее не знает, не понимает и потому страшится. Так было всегда, с тех пор, как в Европе открыли Российское государство во времена Петра Великого за пределами Польши, Австрии и Османской державы. А после того как русские ввязались в дела, конфликты и войны Европы, занимая своими войсками ее столицы, что было в Семилетнюю войну и после заграничного похода в 1813–1814 годах, этот страх постепенно перерос в неприязнь, а неприязнь – в ненависть. К началу XX века пропасть между Россией и Европой достигла предела, что теоретически было доказано Н.Я. Данилевским в трактате «Россия и Европа» за 40 лет до того, а А.С. Пушкиным – еще раньше. Название этой болезни – антирусизм или русофобия.

В Европе откровенная вражда по отношению к России была проявлена еще французскими революционерами-республиканцами, жирондистами и якобинцами, в конце XVIII столетия (фраза о России как о «колоссе на глиняных ногах» прозвучала именно в Конвенте, когда еще между Францией и Россией был мир). Затем она стала навязчивой идеей революционеров XIX века, особенно коммунистов, и их оппонентов – аристократов, буржуазии и правительственных кругов.

Появление доморощенных клеветников тоже в общем-то объяснимо. Если не обращать внимание на частности (их не счесть), то это – результат особенностей нашей истории, связанной с существующим в России образованным слоем, так называемой интеллигенции. Оказалось, что она отчужденна от народных традиций, равнодушна к духовно-нравственным идеалам, чужда национальным русским ценностям и готова при первой

возможности предать государственные интересы. Диагноз о неизлечимом недуге, поразившем русскую интеллигенцию, поставлен еще столетие назад – после кризисных событий 1904–1907 годов – в сборнике «Вехи», изданном в 1909 году. С тех пор эта болезнь сознания и мировоззрения лишь усилилась, перекинувшись на значительную часть населения, поскольку оно вынуждено потреблять изготовленную интеллигенцией духовную пищу.

Мода на клевету против России в этой среде стала чуть ли не хорошим тоном. Клевещут и врут по любому поводу. Особенно из-за того, что Россия оказалась победительницей во Второй мировой войне, назвать которую Великой Отечественной у них язык не поворачивается. Эти слова застревают у них в горле. Но именно эта победа, самое выдающееся событие истории России, не дает им покоя. Дело в том, что пока в русском сознании живы образы этого национального русского подвига, вдохновляя его воображение, русские как народ непобедимы и могут выстоять в любых испытаниях. Но как только эта победа окажется дискредитированной и будет восприниматься как поражение, и на месте Победы возникнет зловонная черная дыра, русская история прекратится сама собой.

Для фальсификации Великой Отечественной идет в дело все что угодно. Но два сюжета применяют чаще всего. Это якобы несоразмерные военные потери, понесенные Россией, и неслыханные по масштабам демографические утраты ее гражданского населения.

Как мы увидим ниже, то и другое – плод сознательной лжи. Конечно, реальные потери России, которая официально называлась Советским Союзом, были сравнительно велики. И с этим никто не спорит. Они исчисляются многими миллионами, что несопоставимо с военными людскими потерями ее союзников – Великобритании и Соединенных Штатов, соответственно 370 и 300 тысяч; что же касается потерь гражданского населения, то их у англо-саксов вообще не было.

В чем лгут либеральные авторы, комментируя русские военные потери? Главным образом они преувеличивают в разы наши потери по сравнению с потерями противника. «Русские заваливали немецкие окопы горами своих трупов», «на каждого погибшего немца приходится двадцать солдат Красной Армии» и. т. п. в том же духе. Вывод очевиден. Русские не умели воевать. Русские офицеры не умели командовать. Русские военачальники были бездарны. Разгром России был бы неизбежен, если бы не материальная помощь союзников и «второй фронт». Вообще же настоящими победителями являются «американцы».

Спекуляции вокруг русских военных потерь имеют свои причины. Основная – в засекреченности этой темы. А там, где нет точных данных, неизбежны домыслы. Но в 1993 году Генштаб на основании материалов военных архивов и учетных документов издал книгу «Гриф секретности снят». В ней военные потери России в войнах XX века были опубликованы в самом развернутом и подробном виде. Вот уже 10 лет каждый может сопоставить, насколько эффективно воевала русская армия (тогда ее назвали Рабоче-Крестьянской Красной Армией, а с 1946 – «Советской Армией»).

В общем виде потери сторон приведены в таблице 1.

Таблица 1
Военные людские потери на русско-германском фронте с 22.06.1941 по 9.05.1945 (млн. чел.)

Виды потерь	Германия и ее союзники	Россия и ее союзники	Соотношение
Безвозвратные потери всего	8649,2	11520,0	1 : 1,33
Из них пленные	4376,3	4100,0	1,07 : 1
Безвозвратные потери, исключая пленных	4272,9	7420,0	1 : 1,74
Вернулось из плена	3950,0	2000,0	1,98 : 1
Погибло в плену	420,0	2100,0	1 : 5,0
Безвозвратные потери, включая погибших в плену	4692,9	9520,0	1 : 2,3

Прежде всего, эти данные показывают гигантский масштаб битвы, которую вели между собой Россия и Германия. Ничего подобного не было на других театрах военных действий, как, впрочем, и в каких бы то ни было войнах прошлого. Затем, они разоблачают лицемерные причитания о несопоставимо высоких русских потерях по сравнению с немецкими. Да, они больше. Что же – мы плохо воевали? Нет. Армия могла проиграть отдельные сражения, отступить на сотни километров, но в конечном счете она одерживала верх в каждой кампании, даже в 1941 и 1942 годах. Победоносная русская армия 1945 года в Берлине, Праге, Будапеште, Вене – вот решающий аргумент в этом споре.

Отчего тогда наши потери (не только в живой силе, но и в технике) оказались значительно выше? Очевидно, что Германия лучше подготовилась для войны, она была более сильным и опытным противником. Враг создал великолепно организованную, дисциплинированную, обученную, оснащенную армию. А у нас с 1921 по 1 сентября 1939 года, день нападения немцев на Польшу, вообще не было всеобщей воинской обязанности. Армия долгие годы имела милиционную, территориальную систему организации, не превышая 500 тыс. И хотя к 22 июню 1941 года ее общая штатная численность выросла до 4,8 миллионов, по-настоящему подготовленных кадров, особенно резервов, в том числе младших и средних командиров, артиллеристов, водителей, механиков для большой войны Россия не имела. По количеству танков и боевых самолетов мы опередили немцев, но общий технико-экономический уровень у Германии был существенно выше того, что имела Россия к 1941 году.

Русским солдатам, офицерам, полководцам пришлось учиться воинскому мастерству в боевых условиях, расплачиваясь за свою неопытность относительно более высокими потерями. Однако мы сражались за правое дело, морально-психологическое состояние и стойкость русских войск, мобилизационный потенциал русского тыла превосходили стойкость немецких войск и потенциал германского тыла, а стратегическое русское военное

искусство переигрывало германский штаб, и это решающим образом определило ход и конечный результат войны.

Изменение характера войны, которая началась для России крайне неудачно, раскрывает динамика безвозвратных военных людских потерь сторон по периодам войны (таблица 2):

Таблица 2

Безвозвратные людские потери по периодам войны (млн. чел.)

Период	Потери Германии и ее союзников	Потери России и ее союзников	Соотношение
1941 год (5 мес)	0,80	3,14	1 : 3,93
1942 г. (12 мес)	1,10	3,26	1 : 2,96
1943–1945 гг. (28 мес)	6,75	5,12	1,32 : 1
Всего (45 мес)	8,65	11,52	1 : 1,33

Если посмотреть число пленных, то они примерно одинаковы у обеих сторон; мы взяли во время войны, не считая сдавшихся после капитуляции, даже на 276 тыс. больше. Значит, потеряв в котлах и при отступлении 1941 года и при неудачных сражениях под Харьковом и в Крыму в 1942 году до 3 млн. пленными, мы в дальнейшем взяли реванш.

Что поражает, так это совершенно несопоставимое количество погибших в немецком плену. При равенстве общего числа пленных в немецких лагерях наших пало в пять раз больше. Красноречивая картина для немногочисленных русских недоумков, чтобы избавить их от симпатий к «третьему рейху», и для гораздо большего числа доверчивых потребителей либеральных антирусских россказней, чтобы они увидели принципиальную разницу, существовавшую между сталинским «тоталитарным» режимом в России и гитлеровским «тоталитарным» в Германии.

Итак, если наши безвозвратные потери составили 11,5 млн. чел, фронтовые потери – 7,0 млн. чел, то военные демографические потери – 9,5 млн. Последняя цифра нам потребуется, чтобы выяснить общие демографические потери России. Здесь фальсификаторы тоже не скромничают. 30–40–60 миллионов – такими числами оперируют они в недобросовестных публикациях и телекомментариях. Но объективные исследования содержат иные данные.

Помимо фальсификации относительно людских потерь на войне в русскоязычной прессе известного сорта время от времени появляются и публикации о том, что Россия воевала чуть ли не голыми руками, что решающее значение в обеспечении фронта оружием играли поставки США и Британской империи по ленд-лизу, наконец, что потери в вооружении, которого, оказывается, было у русских в избытке, тоже не идут ни в какое сравнение с аналогичными немецкими потерями. Разумеется, и здесь не обходится без лжи, хотя наши потери этого рода, конечно же, существенно больше потерь противника. И хотя анализ и сравнение потерь в вооружении

выходит за рамки настоящей работы, приведем данные о ресурсах и потерях боевой техники русской армии (РККА) за весь период войны (таблица 3).

Таблица 3
Ресурсы и потери боевой техники РККА

Наименование	Наличие на 22.06.1941	1941		1942		1943-1945		Всего	
		поступило	потери	поступило	потери	поступило	потери	поступило	потери
Стрелковое оружие, млн.	9,33	1,87	6,29	6,26	3,31	11,62	5,87	29,18	15,47
Танки и САУ. тыс.	20,6	5,60	20,50	28,0	15,10	75,50	60,90	109,10	96,50
Орудия и минометы, тыс.	112,8	58,4	101,1	287,7	107,6	180,1	108,8	639,0	317,5
Боевые самолеты, тыс.	20,0	9,9	17,9	22,0	12,1	83,7	58,3	135,6	88,3

Что касается поставок по ленд-лизу, с данными о которых можно познакомиться во множестве работ, посвященных этой теме, то они, к примеру, составляли за весь период войны 9,4 тыс. танков и САУ (8,6% к общему ресурсу), 18,3 тыс. самолетов (10,7% к общему числу боевых и небоевых самолетов), 0,15 млн. ед. стрелкового оружия (0,5%), 5 тыс. БТР (6,9%), 520 боевых кораблей разных классов (14,9%).

Если величина наших *военных* потерь опирается на более или менее точные данные поименного воинского учета, то *демографические* потери России – результат приблизительных экспертных оценок.

При этом статистика оперирует следующими показателями: численность населения на 22.06.1941 г. – 196,7 млн., на 31.12.1945 г. – 170,5 млн. в т.ч. родившиеся до 22.06.1941 г. – 159,5 млн. Общая убыль населения из числа живших на 22.06.1941 г. (196,7 млн. — 159,5 млн.), следовательно, 37,2 млн. чел. Количество умерших детей из-за повышенной смертности (кто родился в годы войны) – 1,3 млн. Умерло бы в мирное время, исходя из уровня смертности 1940 г., – 11,9 млн. Стало быть, общие людские потери (37,2 + 1,3 – 11,9) составляют 26,6 млн. чел. При этом общие демографические потери Германии и ее союзников равны 11,9 миллионам, за минусом военных потерь – 7,2 млн.

Но достаточно ли точны эти числа наших потерь? Вычтем из 26,6 млн. военные демографические потери (9,5 млн.). Остается 17,1 млн. – это потери гражданского населения, как находившегося на временно оккупированной территории, так и в своем тылу. Смущают, однако, два обстоятельства.

Во-первых, неточность данных о численности населения Советской России на 22 июня 1941 года. Разумеется, есть официальные результаты переписи 17 января 1939 года. Но чуть ли не все последние 10–15 лет все те же либеральные публицисты нас старательно убеждают, что верить им нельзя, что они искажены из-за резко снизившейся численности населения СССР после коллективизации, голода 1933 года и «массовых репрессий». Нет точных данных и о населении возвращенных в 1939-1940 годах в состав России прежде отторгнутых русских земель – Прибалтики, Полесья, Галиции, Бессарабии, Буковины и т.д.

Во-вторых, в приведенных расчетах не учтена та часть населения России, которая, оказавшись во время войны вне пределов России, после ее окончания осталась за границей. Конечно, по законам демографии они – «безвозвратные потери», но приплюсовывать их к тем, кто действительно пал за Отечество, по сути неправильно. Сколько их было? Произносятся различные цифры: 1,3 млн., 1,5 млн., 2 млн. эмигрантов. А в самое последнее время русскоязычные либеральные СМИ, привычно исходя злобой к «сталинизму» перед очередным 5 марта, договорились до того, что из стран Европы после 9 мая 1945 года не возвратилось почти 10 млн. человек.

Между тем этот фактор, иначе интерпретирующий характер изменения численности населения России. Он не только весьма чувствителен к величине наших потерь, а также общей оценке демографической ситуации, но и иначе характеризует некоторые важные события русской истории XX века. Во всяком случае фальшь клеветников, то из конъюнктурных соображений списывающая на предвоенные «репрессии» десятки миллионов жизней, и тем уменьшающая наши потери времен войны, то доводящая до неправдоподобия потери во время войны, и тем самым опровергающая свои же россказни о бесчеловечности «тоталитаризма», становится более чем очевидной.

Конечно, и здесь мы имеем дело с неточными числами. Но если пренебречь понятными сомнениями и принять в расчет указанные выше оценки, даже если они преувеличивают число эмигрантов, то за минусом «невозвращенцев» общие потери гражданского населения России за время Великой Отечественной войны составят примерно 7,1 млн. человек.

Эти потери делятся на прямые, связанные с различными формами насилия, и косвенные, непосредственно с насилием не связанные. До последнего времени не было возможности определить долю каждой их указанных причин. Однако теперь такая возможность, увы, появилась. Известно, что ныне страна (в границах советской России, т.е. СССР) теряет ежегодно около 2 млн. человек. Это и есть косвенная форма демографических потерь. Если их экстраполировать, учитывая, что 60 лет назад жителей России было на 100 млн. меньше, чем теперь, то тогда косвенные потери гражданского населения составят около 4,5 млн. человек и прямые потери – 2,6 млн. чел. Разумеется, и эти цифры нуждаются в уточнении. Но за их порядок можно ручаться.

В любом случае Победа в 1945 году обошлась России ценой величайших человеческих страданий и утрат. На прямые потери приходится приблизительно 12,1 млн. человек (9,5 млн. потери вооруженных сил и 2,6 млн.

– прямые потери гражданского населения) и на косвенные потери – 4,5 млн. человек.

Триумф победы и трагедия, связанная с ее ценой, идут в истории рука об руку. Как поется в известной песне, «мы за ценой не постоим». За великую Победу выплачена и великая цена. Торговаться с историей бессмысленно. Из истории надо извлекать уроки. Русские победы часто добывались малой кровью. Но ни в коем случае русские не собирались отказываться от победы, если победа не давалась дешево. Именно поэтому Россия в истории человечества остается одним из величайших явлений государственной мощи и силы народного духа.

Нюрнбергская ловушка

В конце войны правительства СССР, США, Великобритании и Франции решили сразу же после ее окончания провести процесс над главными немецкими военными преступниками. В августе 1945 г. был учрежден Трибунал. С 20 октября 1945 г. до 1 октября 1946 г. в городе Нюрнберге состоялся суд, который в итоге приговорил 12 подсудимых к повешению и семерых к тюремному заключению. Больше этот Трибунал никогда не собирался.

В 1954 году был издан двухтомник материалов процесса объемом в 2000 страниц тиражом в 15 тыс. экз., а в 1987 г. – сборник из 8 томов тиражом 3 тыс. экз., содержащий 6000 стр. И это при том, что стенограмма заседаний насчитывает 16 тыс. страниц и в его архиве более чем 5,5 тыс. документов и десятки тысяч фотографий и кинопленок. Однако полностью его материалы на русском языке никогда не публиковались. Видимо, что-то получилось «не так», а потому в СССР о процессе вспоминали редко, ограничиваясь при этом лишь его славословием.

Среди подсудимых было 10 гитлеровских министров, 4 высших военных руководителя, 2 президента Рейхсбанка, 2 наместника оккупированных территорий. Никто из них не уличался в обычных убийствах, грабежах или мародерстве. Их обвиняли в заговоре с целью захвата власти, в преступлениях против мира и человечности, в пренебрежении правилами и обычаями войны.

Казалось бы, все очевидно. Вину подсудимых не надо было доказывать, доказательствами были их деяния. Миллионы павших, замученных и обездоленных взывали к отмщению. У русских, в частности, не могло быть ни грана сомнения в необходимости наказания военных и политических деятелей Германии, причастных к преступлениям против России и ее граждан. К истреблению населения оккупированных территорий и его грабежу, к разрушению гражданских сооружений, не оправданному военной необходимостью. Враг разрушил в России 1710 городов и 70 тыс. сел и деревень, сжег более 6 млн. зданий, 40 тыс. больниц, 84 тыс. школ, вузов и институтов, 43 тыс. библиотек, около 3 тыс. церквей. В немецком плену погибло почти 2,1 млн. русских солдат, а на оккупированной территории было

убито от 2,5 до 5 млн. гражданских лиц (точных данных нет). Можно ли такое забыть, простить, оставить без возмездия?

Но дело осложнялось тем, что победители решили наказать поверженного противника не на основании военных традиций. Они предпочли формальности судопроизводства. Их не устроил римский принцип «горе побежденным», предрекавший Германии и немцам судьбу Карфагена. Они решили сыграть в гуманность. Они не захотели использовать нормы национального уголовного закона. Им было нужно растоптать, заклеймить, вывалить в грязи Третий рейх в духе международного права – этакой квинтэссенции ханжества, благих пожеланий и фарисейства. Вряд ли Москва просчитала до конца все последствия таких решений.

Нельзя приобрести капитал, тем более политический, не утратив невинности. И беззаконие состоялось. Вместо настоящего суда с его ритуалами и делопроизводством, доказательствами обвинения и контраргументами защиты, прениями сторон, правами и преимуществами обвиняемых, презумпцией невиновности и множеством других тонкостей, из которых скроено правосудие, получился судебный фарс, в лицемерии которого справедливость могла лишь утонуть.

Огромный масштаб работы Трибунала, который должен быть охватить политическую жизнь Европы на протяжении четверти века, с 1919 по 1945 год, не сопрягался с требованием закончить суд «быстро». Три месяца на предварительное следствие, одиннадцать - на судебные заседания. Если процесс идет с курьерской скоростью, если в течение месяца проходит 30 и более заседаний, то кем бы ни были обвиняемые, пусть даже монстрами и садистами, это скорее карикатура на правосудие, чем суд.

Понятно, отчего в Москве, Лондоне и Вашингтоне торопились. Процесс должен был отвлечь мировое общественное мнение, возбужденное страданиями и страхом. Ему предстояло доказать, что во всех бедах, обрушившихся на Европу во время войны, виновна лишь Германия и правившая ею клика, и, стало быть, нет основания для претензий к правительствам победивших государств. Быстрый суд, приговор которого был ясен заранее, к тому же устранял нежелательных свидетелей. Они слишком много знали и могли разоблачить неприглядную роль стран-победительниц в приготовлении к войне, да и в процессе ее ведения.

Не выдерживают критики обвинительный акт и речи главных обвинителей. В них есть и политическая публицистика, и исторические экскурсы, и ораторские приемы. Вот только фактов, конкретных событий, чисел, дат и фамилий, всего, что составляет подлинный анализ, в них почти нет. И даже там, где возникает подобие улик, непонятно их происхождение, а факты нередко противоречат законам техники, физики, химии. Не все, но многие формулы обвинения выглядят несостоятельными, во всяком случае небесспорными.

Можно ли считать преступлением борьбу партии за власть в государстве? Является ли война преступлением? Допустимо ли было вести войну моторов на основе традиций, рожденных войнами мушкетов, тотальную войну наций по обычаям, возникшим из войн королей? Разве ограничивают суверенитет

государства договор, конвенция или трактат и неужели они остаются в силе даже тогда, когда заключившие их государства оказываются в состоянии войны? Допустимо ли строить обвинение на том лишь основании, что мировоззрение, идеология и традиции обвиняемых, принадлежащих к одной цивилизации, несовместимы и противоречат мировоззрению, идеологии и традиции, которыми руководствуется обвинение, принадлежащее другой цивилизации? По этим пунктам, на которые, если не лгать и не лицемерить, следовало бы ответить отрицательно, Трибунал дал положительные ответы. Видимо, для его членов инструкции начальства были выше принципов права.

Ущербность Нюрнбергского процесса состоит и в том, что, стремясь унизить германское руководство и отомстить ему за свои неудачи, ошибки, провалы и поражения первых лет войны, державы, в конечном счете победившие в ней, использовали правосудие. Но оно имеет свои незыблемые основы, пренебрежение которыми лишает его смысла, превращая в «позитивные санкции беззакония». Нельзя преследовать кого бы то ни было, даже врагов, за мысли, идеи или намерения. Ответственность наступает лишь за действия. Недопустимо объективное вменение, наказание одних за деяния других. Ненаказуемо исполнение приказа начальника в военных условиях, даже когда приказ сам по себе противоречит законности.

И еще одна грань этого процесса. Многое, что было вменено в качестве преступных деяний «преступному сборищу, представленному на скамье подсудимых», с полным основанием можно было бы предъявить и стороне обвинения.

Германия была обвинена в агрессивных войнах. Но разве сразу же после 1946 года Франция в Индокитае, США сначала в Корее и Вьетнаме, а совсем недавно в Югославии, Афганистане и Ираке не совершала того же самого? Германию обвинили в применении бесчеловечных методов ведения войны. Значит ли это, что атомные бомбардировки японских городов или ковровая бомбардировка Дрездена, предпринятые американцами без какой-либо военной необходимости, являлись гуманитарными акциями? Германию обвинили в преследовании евреев по расовым мотивам. А какими мотивами, кроме расовых, руководствовались США, дискриминируя негров и уничтожая коренное население Америки? Германию обвинили в гонении на церковь. А разве в СССР с этим было все в порядке? Германию обвинили в том, что она создала концентрационные лагеря и произвольно помещала в них людей. Но ведь и США, как только началась война с Японией, создали у себя такие же «учреждения», бросив за колючую проволоку несколько сотен тысяч – всех своих граждан японского происхождения. Им, значит, было можно?

Германию обвинили в использовании принудительного труда. А как быть с СССР, который делал во время войны то же самое? Германию обвинили в том, что ее политика разорвала Версальский мирный договор. Но что это был за мир? Он оскорбил немцев, создал в Европе нежизнеспособные государственные образования с уродливыми границами и, заново поделив мир, провозгласил, что его пересмотр – преступление. Вот что сделало неизбежным новый военный конфликт. Фош, французский главнокомандующий, увидев его текст, сразу же заявил: это не мир, а перемирие на 20 лет.

Нюрнбергский процесс, таким образом, был еще и актом реабилитации «версальской системы», связанной с именами Клемансо, Ллойд Джорджа и Вильсона, ее авторами. В то же время, в очередной раз переделив мир в результате Второй мировой войны, державы-победительницы попытались в Нюрнберге, теперь уже в форме судебного прецедента, поставить вне закона какую-либо ревизию их решений. Из этого тоже ничего не получилось.

Многим государствам навязаны ныне пакты и трактаты, не уступающие по своей алчности, бесцеремонности и несправедливости Версальскому договору. Нетрудно предвидеть, что нации, униженные и разоряемые такими договорами, рано или поздно сделают все возможное, чтобы превратить их в клочок бумаги. И никакие Нюрнбергские процессы не в силах этому помешать.

Опыт учит: войны не стоят того, чтобы их бояться. Но их надо всегда помнить и к ним готовиться, понимая, что над побежденными не будет праведного суда.

Потсдам: попытка «демократического» передела мира

Завершение войны требует от победителя устроения отношений с поверженной державой и своими союзниками, завершение мировой войны – изменения карты мира. Потсдамская конференция, прошедшая в июле 1945 года была попыткой победителей договориться о том, как будет выглядеть Европа в ближайшие десятилетия.

Главным результатом Конференции было спасение Германии от расчленения, что задумывалось США и Великобританией, которым мнилось собственное господство в Европе. Сталин делал ставку не единство Германии: гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается. Сталин, как в прошлом Ленин, надеялся на немецкий пролетариат и чаял приобщить Германию к коммунистической империи.

Союзники сошлись только в том, что инструмент агрессии побежденной Германии должен был быть сломан – экономика децентрализована, государственный аппарат очищен от нацистов, жизнь немцев демилитаризована. Если СССР провел все эти меры последовательно, то бывшие союзники в дальнейшем создали в своей зоне оккупации плацдарм для военной угрозы и широко использовали нацистские кадры для военных приготовлений против Советского Союза.

Державы, завершившие совместный разгром врага, не особенно готовы были слушать друг друга. Когда Сталин напомнил, что СССР необходимо передать его долю захваченного германского флота, Черчилль объявил, что флот в его руках и он намерен его затопить. Сталин возражал, чтобы ко дну пошла советская часть трофеев. После препирательств решили уничтожить только фашистские подводные лодки.

Аналогичным образом, союзники пытались уговорить Сталина начать рассмотрение будущего Германии с ситуации 1937 года, надеясь противостоять польскому захвату немецких территорий. Сталин возразил, что отсутствие на этих территориях немецкой администрации было восполнено стихийным

формированием польского управления, что помогло Красной Армии. Вопрос о восточной границе Польши пришлось отложить, и он в дальнейшем решился так, как считал нужным Сталин.

По прошествии времени очевидна ошибка Сталина в польском вопросе. Уступив настырным полякам значительную территорию Германии, Сталин не разыграл эту «карту» для получения от союзников уступок по другим направлениям. Например, в вопросе о черноморских проливах. Сталин требовал дать СССР возможность организовать военные базы в проливах наравне с турками. Но этот вопрос был отложен и позднее решился в пользу статус-кво, невыгодного СССР.

Вопрос о судьбе Кенигсберга также волновал союзников. Сталин отрезал: если в Кенигсберге появится немецкая администрация, мы ее прогоним. Он знал, какими жертвами в конце войны достался нам этот город-крепость. После войны немцев в нем практически не было. И не должно было быть: слишком чувствительна для СССР была память о милитаристской угрозе, не раз исходящей от Восточной Пруссии.

Кенигсберг достался Сталину по праву победителя. Но союзники не отдали ему Испании, не согласились на антииспанскую коалицию. Все намеки на то, что это государство создано не волей народа, а усилиями ставленников Гитлера, союзники пропустили мимо ушей.

На Конференции стороны пытались договориться о признании новых правительств, которые должны были создаваться на демократической основе. Но никто толком не собирался выполнять взятых обязательств. Оккупированные территории денацифицировались, все признаки прежних политических режимов уничтожались, а на их месте возникали режимы марионеточного типа. Если Сталин и заявлял на Потсдамской конференции, что не собирается советизировать Восточную Европу, это не означало, что освобожденные Красной Армией страны получат возможность без участия СССР формировать свои правительства. То же самое можно сказать и о роли США и Великобритании в тех странах, куда они ввели свои войска.

Самым несправедливым в послевоенном переделе было положение Югославии, перемоловшей неизмеримо больше фашистских войск, чем Польша и Франция вместе взятые. Попытки представить Югославию зоной, вокруг которой ведутся споры о контроле со стороны союзных держав, в конце концов, провалились. Героический народ Югославии не потерпел никакого диктата и сам выбрал свою судьбу. Увы, эта судьба в итоге оказалась печальной – через полвека от Югославии не осталось ничего. Запад сделал свое дело – уничтожил непокорную страну. А наследники коммунистического режима в России предали ее.

Послевоенное будущее было предопределено не столько принятыми на Потсдамской конференции решениями, сколько появившимся у США ядерным «аргументом», который президент Трумэн тут же попытался предъявить Сталину. Сталин отнесся к взволнованности Трумэна равнодушно. И это укрепило последнего в решимости провести боевое испытание атомной бомбы: через несколько дней после конференции американцы сбросили свои смертоносные «игрушки» на разгромленную и молившую о пощаде Японию.

Враги России сегодня пытаются представить появление атомной бомбы чуть ли не Божьей помощью Западу, которому нужно было остановить коммунистическое наступление. На деле же атомный шантаж стал на многие десятилетия средством для экспансии США, а непосредственно в послевоенное время – фактором американской стратегии, планирующей уничтожение СССР. Лукавство союзников на Потсдамской конференции было связано с тем зудом, который возник после удачных испытаний атомной бомбы. Реальная политика началась уже после атомной бомбардировки Японии. Все договоренности на Потсдамской конференции приобрели совершенно иное значение, когда стало ясно, что США готовы применить ядерное оружие и против СССР. Мир распался на два враждебных лагеря, еще не успев похоронить погибших в самой страшной войне.

Справедливый и прочный мир, о котором говорилось в документах Конференции, не состоялся. Это был мир, грозящий новой войной, мир противостояния севрхдержав, мир бесконечной лжи и фальши в международных отношениях и во внутренних делах. В этом мире политика оставалась формой холодной войны, чреватой ядерной вспышкой.

От разоблачения Сталина до разоблачения Хрущева

14-25 февраля 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, ставший поворотным пунктом в развитии советского общества и в корне изменив ситуацию положение во властных кругах СССР и открыв период, который историки называют «хрущевской оттепелью».

Главный событием съезда стал доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», который был заслушан делегатами съезда на утреннем закрытом заседании 25 февраля 1956 г. В целях сохранения секретности заседание не стенографировалось, но текст доклада попал в руки зарубежных журналистов и был широко опубликован. После окончания доклада было решено прений по нему не проводить, но все советское общество обсуждало разоблачение «культа личности» Сталина.

«Секретный доклад» строился на последовательном изложении фактов, демонстрирующих процесс формирования и проявления «культа личности». Бесспорный авторитет Сталина в партийных кругах мог быть поколеблен только противопоставлением его авторитету Ленина как основателя партии и советского государства. Чрезвычайное напряжение сил в предвоенные годы, во время войны, в период послевоенного восстановления должно было рано или поздно ослабнуть. Угадывая это настроение в партии и в обществе, Хрущев сделал ставку на критику авторитарного стиля сталинского руководства и противопоставление его принципам демократического централизма. Особый акцент в своем докладе Хрущев сделал на ленинской приверженности коллегиальности в партийной работе. Формирование «культа» подавалось как результат последовательного предательства Сталиным политического наследия Ленина, начиная с сокрытия его политического «завещания», где фигура Сталина была оценена крайне нелицеприятно. Опровергался вбитый

пропагандой в головы людей постулат о Сталине как о «продолжателе дела Ленина» («Сталин – это Ленин сегодня!», — гласил партийный лозунг). Рисовался образ палача, виновного в уничтожении «ленинской гвардии», организовавшего убийство Кирова, практиковавшего выбивание ложных показаний и самооговоров из честных коммунистов, репрессировавшего множество честных и верных партии партийных, хозяйственных и военных руководителей.

По мнению Хрущева, Сталин допустил грубое попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства. Он массово выселял из родных мест целые народы – калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев. Сталину вменялась в вину ответственность за разрыв с Югославией. «Ленинградское дело», «дело врачей», «мингрельское дело» — всю ответственность за эти политические процессы Хрущев возлагал лично на Сталина. Была поставлена под сомнение и выдающаяся роль Сталина как Верховного главнокомандующего во время Великой Отечественной войны, а также он был обвинен в отрыве от жизни, незнании действительного положения дел на местах, которое наглядно было продемонстрировано на примере руководства сельским хозяйством.

Поступок Хрущева, рискнувшего выступить на партийном съезде, в составе которого были наверняка одни сторонники Сталина, долгие годы подавался исторической литературой как «факт его личного мужества», как главная его заслуга перед страной. Вместе с тем, романтический взгляд на историю, свойственный переходным этапам в судьбе страны (к которым можно отнести также и рубеж XX и XXI века), должен быть рано или поздно преодолен.

В этой связи возникает ряд вопросов. Соответствовала ли хрущевская оценка Сталина исторической действительности? Существовали ли скрытые мотивы у Н.С. Хрущева для столь резких нападок? К чему привела, и была ли оправдана такая политическая откровенность?

Любому, кто возьмется искать ответы на эти вопросы, не стоит верить Хрущеву на слово и превращать фигуру Сталина чуть ли не в карикатуру. Сталин не был так глуп и «кровожаден», как представлял его Хрущев. Несмотря на всю его жестокость и тоталитаризм, нельзя не признать того, что он, приняв страну разрушенной гражданской войной, преимущественно крестьянской, оставил ее своим последователям сверхдержавой, вооруженной ядерным оружием и мощным промышленным потенциалом. Сталин прекрасно понимал, что в условиях, когда необходимо было обеспечивать высокие темпы развития промышленности, «иной жертвы», кроме сельского труженика, Советская власть найти не могла. Все силы были брошены на развитие тяжелой индустрии, которая впоследствии спасла Советский Союз, насытив Красную Армию самой совершенной по тому времени военной техникой, обеспечив победу в Великой Отечественной войне. Сталинские репрессии подавили все истинные и мнимые силы, которые могли бы остановить или затормозить процесс превращения страны из аграрной в индустриальную. Сталин «прописал» стране жесточайшую «терапию», которая могла убить ее, но все же спасла.

Главная вина Сталина, с точки зрения Хрущева, состояла в преступлениях против партии, которая становилась основной жертвой «культа личности». Это позволяло полностью обойти вопрос о вине самой партии перед народом, о причастности к репрессивной политике ближайших соратников «вождя народов», включая самого Хрущева.

В своем докладе съезду он четко установил границы допустимой дискуссии по поводу репрессий. Еще до начала работы XX съезда была создана специальная комиссия во главе с секретарем ЦК академиком П.Н.Поспеловым для детального изучения всех материалов о репрессивной политике. Комиссия представила в Президиум ЦК доклад о репрессиях, коснувшихся партийно-политического руководства и связанных с обвинениями в антисоветской деятельности. Партийному руководству впервые открылся масштаб кадровой катастрофы партии, история тысяч сломанных судеб. Многие смогли понять, в какой игре они принимали участие и какой приговор им может вынести история. Предпочтительно было самим вынести приговор, отведя большинство обвинений от действующего партийного руководства.

Последовавшее среди членов Президиума ЦК обсуждение свелось к вопросу, надо ли говорить о результатах работы Комиссии на съезде и в какой форме это допустимо. Хрущев пытался найти, прежде всего, личное решение. К 8 февраля был подготовлен вариант выступления, его не устроивший. Была приглашена стенографистка, которой был продиктован другой вариант. Хрущев сконцентрировал содержание доклада на главной для него задаче, состоящей в возложении всей полноты ответственности за репрессии на Сталина и Берию, реабилитируя тем самым и партию, и самого себя.

Обвиняя Сталина, Хрущев умалчивал о своей собственной роли в репрессивной политике. Многие историки полагают, что именно Хрущевым после января 1938 года была организована последняя волна террора на Украине. Например, историк В. Наумов утверждает, что лично Хрущевым были санкционированы репрессии против нескольких сотен человек, подозреваемых в организации против него террористических актов. При этом Никита Сергеевич старался быть первым в выполнении всех указаний по борьбе с «врагами народа», часто перевыполняя полученные из центра разнарядки по проведению арестов и «чисток».

Сохранилась записка Хрущева, направленная из Киева на имя Сталина. Спустя полгода после избрания первым секретарем Украинской парторганизации, датированная июнем 1938 года*: «*Дорогой Иосиф Виссарионович! Украина ежемесячно посылает 17–18 тысяч репрессированных, а Москва утверждает не более 2–3 тысяч. Прошу Вас принять срочные меры. Любящий Вас Н.Хрущев*»*.

В своих мемуарах Хрущев с возмущением говорит о репрессиях в Московской парторганизации, однако он сам принимал в них активное участие. Ростислав Ульяновский (ученый-востоковед, работник ЦК КПСС) вспоминал: «Ордер на арест был подписан заместителем народного комиссара внутренних дел Прокофьевым… Но внизу ордера стояла весьма знакомая подпись “Н. Хрущев”. Мой арест был согласован с Московским комитетом партии… это меня удивило: Хрущев меня знал».

В «Вестнике Архива Президента Российской Федерации» за 1995 год опубликован документ, свидетельствовавший: «С января 1938 года Хрущёв возглавлял партийную организацию Украины… Всего за 1938–1940 годы было арестовано 167 тысяч 565 человек».

Усилиями Хрущева была ликвидирована прежняя система ГУЛАГа, были реабилитированы многие видные партийные деятели, военачальники. Однако реабилитация не коснулась ни лидеров и участников многочисленных партийных «оппозиций», ни раскулаченных. Проводя реабилитацию, не извинялись перед безвинно пострадавшими людьми. Им не было возвращено незаконно изъятое имущество, не восстанавливался прерванный арестом трудовой стаж.

Проводя политику «терпимости» по отношению к своим поверженным противникам и превратив прежде запуганные репрессиями партийные «верхи» в правящую элиту, в класс «номенклатуры», Хрущев тем самым хотел обезопасить свое собственное будущее. С разоблачением «культа личности», чиновник любого уровня приобретал уверенность, что ему не грозит не только попасть в мясорубку НКВД, но и политическая опала, если он будет соблюдать ряд простых правил поведения. Из положения раба, всегда подверженного опасности физического уничтожения, чиновник превращался в «винтик» разветвленной корпорации с высоким уровнем жизни и постоянными знаками почета и уважения от общества. Это привело к обособлению номенклатуры от народа, а в конечном итоге - к разрыву между правящей элитой и основной массой населения СССР.

Хрущев, дискредитировав своего предшественника, быстро приобрел непререкаемый авторитет. Но непререкаемость была чисто внешней. Критичная позиция по отношению к новому руководителю партии могла развиваться не только в силу деклараций о коллегиальном руководстве, но и вследствие продемонстрированной самим Хрущевым возможности разоблачения культа партийного вождя. Культ Хрущева мог быть разоблачен проще, чем культ Сталина.

Триумф Хрущева был кратковременным. Когда произойдет Карибский кризис, чуть не поставивший мир на грань ядерного конфликта, когда разразится экологическая катастрофа из-за эрозии почв на Целине, когда состоится расстрел новочеркасских рабочих (в июне 1962-го), Хрущев утратит доверие своих ближайших соратников и получит от тайных и явных сторонников сталинизма позорную отставку. Разоблачитель Сталина окажется не в состоянии эффективно руководить страной в достаточно сложный период социально-политических трансформаций.

Бесспорно, «культ личности» Сталина нуждался в критике, а его модель социализма, по крайней мере, в корректировке. Но в условиях враждебности Запада, в условиях нарастания противостояния сверхдержав из сталинской эпохи нужно было выходить очень осторожно и обдуманно. Коммунистические догматы не могли быть разом отброшены без распада общества. Несомненно, уже сам Сталин существенно отошел от этих догматов, сохраняя им верность преимущественно в лозунгах. Благодаря именно этому коммунизм из утопии превратился в реальность – в советское государство. Хрущев же, напротив,

попытался вернуть людям веру в лозунговые догмы и вновь превратил коммунизм из реальности в утопию, не имеющую перспектив. И даже в объект насмешек, в анекдот.

«Коммунизм к 1980 году» – хрущевский лозунг. Он был подкреплен в послевоенный период лишь рывком научно-технического прогресса, носящим характер изменений всемирного масштаба. Как только потенциал НТР стал исчерпываться, вздорный характер планирования жизни страны с помощью лозунгов стал очевиден всем. Общество, избавленное от повседневного страха репрессий, уже не собиралось делать вид, что не замечает, что «король голый». Не могли этого не замечать те, кто создавал промышленный и научный потенциал страны – выдающиеся хозяйственники и ученые. Не могли терпеть на партийном троне «голого короля» и партийные вожди.

Пытаясь за счет критики Сталина увеличить свой личный политический авторитет и власть, Хрущев способствовал не укреплению светского общества, а его ослаблению. Он подорвал доверие к власти, поскольку в мироощущении советских людей сталкивались несовместимые идеи, исходящие, с одной стороны, из окостенелой коммунистической доктрины, а с другой, из прагматической (и разрешенной коммунистической властью) установки на личный успех и стяжание «материального стимулирования» – элементов уже чисто либеральной догматики.

Каждый руководитель великой страны, приходя к власти, неизбежно испытывает некоторое опьянение величием задач, возложенных на него историей. У деятельного и волевого человека появляется стремление показать себя с лучшей стороны, реализовать задуманные реформы, воплотить свои идеалы. Дискредитация Сталина стала для Хрущева попыткой разом вознести себя на пьедестал, который ранее занимал его великий предшественник. Хрущевская «оттепель» создала вокруг личности нового лидера более живое и человечное отношение к главе государства, чем это было при Сталине. Но это же отношение показало, что глава государства вовсе не идеал – он способен ошибаться, быть несправедливым и жестоким. Ореол величия вокруг личности Сталина стирал все эти нюансы, которые не были известны почти никому. Хрущев уже своим докладом на XX съезде партии продемонстрировал, что власть может осуществляться людьми, богоподобие которых является всего лишь страшным спектаклем, во время которого зрители обязаны бурно аплодировать под страхом смерти.

Хрущеву продолжали аплодировать по инерции. Когда инерция сталинизма исчерпалась, Хрущев неизбежно должен был уйти.

Оружие космического века: от искусственного спутника к ядерному щиту

Возникновение новых средств ведения войны, нового оружия в истории человечества всегда приводило к масштабным историческим катаклизмам: стирались в пыль некогда могущественные государства, разрушались цветущие города, исчезали целые народы и цивилизации. Арийские боевые колесницы во

II тыс. до н.э. прокатились по всей Евразии, сметая все на своем пути. Скифские конные армии, оснащенные короткими луками, в I тыс. до н.э. разорили сильнейшие державы Ближнего Востока. Гуннские орды, получившие преимущество за счет использования жесткого седла, истерзали Империю готов и Римскую Империю в первой половине I тыс. н.э. Тюркские конные полчища, впервые широко использовавшие стремена, казались непобедимыми. Железный доспех франков создал империю Карла Великого. Русская пищаль, а потом трехлинейка далеко раздвинули пределы Российской Империи. Наполеоновской артиллерии и гитлеровским танковым клиньям покорялась вся Европа. Русское оружие и русское мужество освобождали Европу в XIX и XX вв.

Мир не живет без войн. XX век отличается от предыдущих двумя мировыми войнами и хрупким балансом на грани ядерной катастрофы, который передан по эстафете веку XXI.

Урок истории ясен: отставание в вооружениях не может быть компенсировано героизмом солдат. Только самое современное оружие, врученное мужественному и стойкому солдату, использованное с тактической сметкой офицера и стратегическим талантом генерала, может принести нации Победу.

Современность уточняет этот урок. Современные вооружения концентрируют в себе не отдельные технические находки, а всю научную культуру нации. Гонка вооружений, которая не прекращалась в мире никогда, сегодня требует особой чуткости к соотношению сил в сравнении с потенциальным противником: даже незначительное отставание может обернуться неминуемым началом войны и позором поражения. Героизм солдата сегодня не может компенсировать отставание в технологиях, в науке.

Не успел мир оправиться от страшной войны с гитлеровским фашизмом, как американский фашизм сбросил две смертоносные бомбы на уже поверженную на суше и на море Японию. В декабре 1945 году президент США Трумэн заявил, что берет на себя ответственность за руководство всем миром и тотальную войну с коммунизмом. При этом план Пентагона предполагал обрушить на города Советского Союза все имеющиеся у американцев 196 атомных бомб. Лишь недостаточные гарантии в средствах доставки приостановили эти планы. В 1948 году в Великобританию были направлены 90 атомных бомбардировщиков, готовых к нанесению атомных ударов по русским городам и многократному умножению жуткого опыта Хиросимы и Нагасаки.

В 1949 году был разработан план «Дропшот», согласно которому ядерная война против СССР должна была начаться в 1957 году (рассекречен в 1977 году) и в течение 30 суток сломить сопротивление противника взрывами 300 атомных бомб. В США считали, что у них в запасе не менее четверти века абсолютного ядерного монополизма. Но уже в том же году СССР изумил мир испытанием собственной ядерной бомбы.

Через несколько лет СССР снова посрамил соперника по гонке вооружений. Советская ракета с первым искусственным спутником Земли стартовала 4 октября 1957 г. Спутник совершил 1440 оборотов вокруг Земли и прекратил существование 4 января 1958 году. 3 ноября 1957 года на орбите был

уже второй спутник с собакой Лайкой на борту. Американцам пришлось вновь отложить свои планы и отчаянно устремиться к поиску новых военных преимуществ, сулящих мировое господство.

Противостояние сверхдержав США и СССР с неизбежностью вывело их в космос. Только баланс сил, ядерный паритет сохранил мир. Даже кратковременное господство в космосе лишь одной из сторон могло бы кончиться роковыми последствиями.

Шумные торжества по поводу первого шага в освоении космического пространства не могли скрыть военную составляющую события. Американский журнал «Ньюсуик» писал в те дни: «Это – величайшая техническая победа, достигнутая человеком после первого взрыва атомной бомбы в американской пустыне».

Задача запуска искусственного спутника была поставлена в официальных решениях Совмина СССР еще в 1953 году. Освоение межпланетного пространства, очевидно, считалось, скорее, элементом прикрытия военных целей проекта. Бороздить просторы вселенной в условиях явной угрозы войны в случае технологического отставания от США в средствах доставки было бы нелепой роскошью. При планировании работ С.П.Королев предлагал учитывать опыт американцев, ведущих соответствующие работы с предельной интенсивностью.

Искусственный спутник земли (ИСЗ) планировался не ради забавы или удовлетворения научного любопытства. Он должен был стать первым этапом в длинной цепи совершенствования космической техники вплоть до создания пилотируемых станций с длительным пребыванием человека на орбите, а также осуществления сборки больших космических конструкций на орбите.

Планирование полета первого ИСЗ как демонстративного и имеющего важное политическое значение (превосходство советской техники) определенным образом покрывало разработки военного характера. В Положении о деятельности ОКБ во главе с С.П. Королевым говорилось: «Основной целью деятельности ОКБ является создание баллистических ракет дальнего действия, как для вооружения Советской Армии, так и для исследований верхних слоев атмосферы по тематике АН СССР и в первую очередь создание объекта Д (искусственного спутника Земли)».

Запуск советского ИСЗ был болезненно воспринят американцами, заявлявшими еще в 1955 году о предстоящем запуске собственного околоземного аппарата. Попытки немедленно догнать СССР в освоении космоса и военном использовании космического пространства поначалу были для США неудачными. Первый экспериментальный запуск в 1957 году закончился неудачей. В следующем году только на 15 пуске ракета «Атлас» достигла расчетной дальности 10200 км. В декабре 1957 года не удалась попытка вывести на орбиту даже спутник весом 1,5 кг. Ракетоноситель «Авангард» рухнул на стартовый стол на глазах 200 журналистов. Только 31 января 1958 года американский спутник массой 8 кг оказался на орбите. Но это был сомнительный успех. До декабря 1958 года из семи запусков ракеты «Авангард» был лишь один успешный, из шести запусков ракеты «Юпитер» - лишь три успешных. В 1959 году в своем послании Конгрессу президент США

Эйзенхауэр, опираясь на мнение специалистов, заявил об отставании от СССР в космических исследованиях на 12–18 месяцев.

Хотя существующие у США ракетоносители долгое время не имели достаточной тяги, чтобы разогнаться до первой космической скорости, американцы развернули в Великобритании и Италии баллистические ядерные ракеты средней дальности «Тор», способные нести термоядерный боеприпас массой 900 кг на расстояние 2400 км, а в Турции ракеты «Юпитер» такого же класса. В 1958–1959 гг. вокруг СССР впервые образовался пояс ядерной опасности.

Кроме того, вновь выйти вперед в гонке вооружений американцам удалось за счет создания самолетов, высота полетов которых была недоступна советским истребителям. С 1956 по 1960 год американцы провели над территорией СССР более 20 полетов, пока советские ПВО не сбили на 20-километровой высоте над своей территорией доселе неуязвимый американский самолет U-2, пилотируемый майором Г. Пауэрсом. Следующим ударом по престижу США был вывод на орбиту советского пилотируемого космического корабля с Ю.А.Гагариным на борту. В том же году американцы дважды пытались повторить пилотируемый полет, но осуществили лишь выход на суборбитальную баллистическую траекторию.

В течение полувека до конца тысячелетия США стремились стереть с лица земли другие цивилизации, способные затруднить удовлетоворение невероятной алчности «денежных мешков». Даже в условиях, когда СССР обрел атомное оружие и мог ответить агрессору, вместо взаимных уступок началось наращивание ядерных потенциалов и обострилась конкуренция систем наступательных вооружений. Две системы вцепились в достижения современной науки ради нанесения противной стороне разоружающего удара.

Ответом СССР на временное американское опережение в ядерных технологиях было создание межконтинентальной баллистической ракеты, неуязвимой для обычных средств противовоздушной обороны.

США отчаянно искали средства качественно обойти СССР в гонке вооружений. Даже считанные месяцы опережения могли дать решающее преимущество одной из сторон, и мир рухнул бы в пропасть ядерной войны.

Политическое значение достижений в области космических технологий было также высоко, поскольку противостоящим военным системам необходимо было убедить народы в целесообразности своих действий и оправдании их перед народными представительствами, которые должны были одобрить авантюрные планы высшей власти. Финансовым воротилам и авантюристам в погонах необходим был миф о советской военной угрозе, а советским руководителям – миф об американской агрессии, чтобы выжимать все силы из народа.

В 1979 году президент США Картер провозгласил Директиву №59, ставящую целью обеспечение первого ядерного удара по СССР и ведение ограниченной ядерной войны в Европе. Америка собиралась бросить в топку войны всю европейскую цивилизацию и остаться вне зоны сплошного бедствия и гибели.

Расчеты экспертов показывали, что даже если США удалось бы нанести удар по всем советским пусковым установкам баллистических ракет, расположенных в шахтах, незначительной части этих ракет хватило бы, чтобы нанести США столь колоссальный ущерб, что начало войны было бы для американцев добровольным самоубийством. Именно поэтому правительство Рейгана приступило к разработке принципиально новых технологий противовоздушной обороны, получивших название Стратегической оборонной инициативы (СОИ). Изыскания ученых определили, что средства космической разведки и управления позволяют гарантированно уничтожить шахтные установки противника. Но при этом все равно оставалась возможность ответного удара с помощью мобильных ядерных ракетных комплексов и оснащенных ядерным оружием подводных лодок. Именно поэтому американцы сделали ставку на разработку систем, которые гарантированно сбивали бы все стартовавшие баллистические ракеты противника.

Расчеты показали, что в случае масштабной ядерной войны Земле грозит глобальная экологическая катастрофа. Именно поэтому американская военная машина сменила доктрину ядерной войны, предпочитая готовить локальные столкновения, а также подготовилась к нанесению самого коварного удара – удара по самосознанию народов СССР. Укрывшись за ядерным щитом, советские руководители пропустили этот удар. Горбачевские игры в «асимметричные меры» лишь закрепили коматозное состояние высшего политического руководства страны и открыли эпоху разрушения военной мощи России и развал ВПК. Советский приоритет в разработке и испытании неядерных противоракет, обретенный еще в 1961 году (была успешно проведена серия экспериментальных пусков), был прочно забыт.

Последующие действия, связанные со снижением ядерного противостояния, были явно в пользу американской идеи локальной ядерной войны. Именно этот «аргумент» США намерены использовать, как только будут уверены в безнаказанности своих действий. Примеры Югославии, Афганистана и Ирака показали, что американская политическая «культура» готова оправдать любую агрессию, если она устранит с мировой арены опасного конкурента или поставит под контроль глобальной клики потерявших всякую совесть дельцов источники богатства, топливные ресурсы человечества.

Первенство России (СССР) в космосе к концу 80-х годов XX века было неоспоримым. Реформы в экономике и политике превратили космическую отрасль в объект расхищения и уничтожения. Российские ракетные двигатели стали поступать в США и использоваться в том числе и в военных целях. Программа «Энергия-Буран», серьезно превосходящая американский проект многоразовых космических систем «Шаттл», была свернута, а космический челнок превращен в экспонат. Околоземная станция «Мир» была затоплена, несмотря на то что могла работать еще много лет. Российские технологии перешли в пользование Международной космической станции, где служат отработке американских космических технологий.

Традиционная миротворческая позиция в международных делах сыграла негативную роль в условиях кризиса государственности. Превратившись из подсобного элемента обеспечения безопасности страны в идеологию,

миротворчество привело к целому ряду уступок стратегическому сопернику. Наиболее опасной из них было уничтожение самых совершенных на тот период ракет средней дальности и значительной части шахтных пусковых установок баллистических ракет.

Ядерная стратегия продолжает быть ключевым фактором мировой политики. Совершенствование систем ядерных вооружений и ракетных средств доставки – гарантия безопасности страны. Ослабление российской ракетно-ядерной группировки равнозначно прямой измене российским интересам и опасно развязыванием войны с использованием новых средств высокоточного оружия, которыми Россия на сегодня не располагает.

Милитаризация космоса была и остается неизбежным следствием совершенствования оружия. Размещение в космосе спутников, снабженных ядерными ракетами, а также средствами слежения за ракетно-ядерными силами противника, может создать решающее преимущество – сократить подлетное время к объектам ядерного поражения до нескольких минут. Надежда на разоружающий ядерный удар, после которого остается только иными средствами утвердить свое господство в мире, остается главной целью стратегического планирования США. Альтернативная концепция оборонительного характера исходит из стремления обеспечить нанесение противнику неприемлемого ущерба, знание о котором останавливает авантюристов. Но при этом совершенствование ракетной и космической техники имеет ту же направленность и требует не допустить опасного отставания от потенциального противника.

Крупнейший военный теоретик Карл фон Клаузевиц предрекал, что иноземцам не оккупировать Россию наземными войсками, но она может быть побеждена собственной слабостью и раздорами. Россия может быть побеждена только космическими технологиями, если слабость и раздоры лишат ее способности достойно ответить угрозой на угрозу. С другой стороны, космические технологии гарантируют российский суверенитет, независимое развитие. Только под сенью этих технологий, под защитой самого совершенного оружия может существовать самобытная русская Традиция.

Августовский «путч» и распад советского государства

Большинство ученых связывают суверенитет государства с его способностью объявлять чрезвычайное положение. В этом смысле выступление ГКЧП 19–21 августа 1991 года, называемое в исторической литературе «августовским путчем», «государственным переворотом» в действительности было попыткой подтвердить суверенитет СССР, размытый суверенизацией республик, руководство которых фактически попирало основной закон страны – Конституцию. В то же время действия ГКЧП также носили произвольный характер, ибо не были основаны на законных полномочиях, которые к тому моменту уже не могли быть использованы каким-либо легитимным органом в целях защиты суверенитета. Формально имевший высшую власть в государстве М.С. Горбачев больше всего был озабочен своим местом в грядущей

конфедерации, в которую вырождался СССР, и не собирался исполнять свои обязанности президента как гаранта суверенитета и верховного главнокомандующего. Таким образом, ГКЧП предпринимал действия, которые должны были учредить новую форму суверенитета СССР, утверждаемую той группой, которая посмела взять на себя ответственность за обеспечение суверенитета ввиду явной опасности его утраты.

Сегодня на основе многочисленного фактического материала доказано, что чрезвычайные меры обсуждались и разрабатывались, в том числе и с участием Горбачева, задолго до августа 1991.

Выступление ГКЧП именно 19 августа было связано с тем, что на 20 августа намечалось подписание документов нового Союзного договора – т. е. фактической ликвидации государства в прежнем его виде. Текст Договора и условия его подписания в этой связи носят второстепенный характер, ибо разрушение государства происходило по факту, а символический акт подписания мог лишь обозначить момент такого разрушения – вне зависимости от юридических формулировок.

Нет сомнений и в том, что членами ГКЧП двигали и соображения, связанные с борьбой за власть. Их присутствие в высших органах власти оказывалось неуместным в случае подписания Союзного договора, в котором союзные органы носили скорее совещательный характер, чем были реальным инструментом власти. Подтолкнуть организаторов ГКЧП к действию могла информацию о беседе Горбачева, Ельцина и Назарбаева 29–30 июля 1991 года о кадровых перестановках.

Однако были и другие веские причины для решительных действий.

Важнейшим звеном реформирования национально-государственного устройства Горбачев считал заключение нового Союзного договора. На начальном этапе работы форма и содержание проекта этого документа соответствовали существующей законодательной базе. В декабре 1990 г. IV Съезд народных депутатов СССР одобрил проект, в основу которого была положена идея о федеративном устройстве будущего государства. Итоги всенародного референдума о сохранении Союза 17 марта 1991 года должны были закрепить эту тенденцию. Но в 1991 году решающую роль играло противостояние союзного Центра и республик, и судьба Договора полностью определялась этой борьбой. Спустя месяц после референдума в совместном заявлении Президента СССР и руководителей 9 республик (Заявление "9+1") появились первые отступления от решений всенародного голосования. М.С. Горбачев был вынужден идти дальше на уступки рвущимся к власти республиканским элитам, результатом чего становится изменение формы государственного устройства с федеративной на конфедеративную. В таком виде договор и был подготовлен к августу 1991 года.

Не было проведено широкого всенародного обсуждения проекта нового договора, он готовился узким кругом властных лиц, без участия народа. 2 августа 1991 года Горбачев выступил по телевидению с сообщением о подготовке Договора, но и тогда о содержании упомянул лишь вскользь. С текстом Договора были знакомы только лидеры республик. До 15 августа 1991 года проект Договора оставался неизвестным широкой общественности, пока

его не опубликовала газета «Московские новости», отметив, что публикуемый документ до сих пор хранится в секрете. При этом подчеркивалось, что «общественное обсуждение определяющего судьбу миллионов людей документа должно начаться как можно раньше». В.Крючков, В.Павлов утверждают, что Горбачев в связи с публикацией «метал громы и молнии». В чем же была причина такой секретности?

Закрытость проекта Договора можно объяснить только физической невозможностью учета всех мнений, которые могли поступить и от которых нельзя было бы отмахнуться. Горбачев мечтал вынести на открытое обсуждение такой текст, который уже не вызывал бы сомнений у руководителей республик. При этом Советы, которым формально принадлежала власть, и общественное мнение были бы поставлены перед фактом: новый Союзный договор фактически состоялся и его остается только ратифицировать и признать как реальность.

В интересах Горбачева было также блокирование возможного конфликта между представителями органов власти союзного и республиканского уровней. Президент СССР пытался представить дело так, будто союзные органы дают свои предложения, что руководители палат Верховного Совета СССР Н.Лукьянов и Р.Нишанов уже представили свои замечания, но в действительности реального учета этих предложений не было. Горбачев делал ставку на свою миссию посредника между республиканскими органами, а союзные уже рассматривал как служебные.

На это указывает следующее обстоятельство. Позиция ВС СССР определена в его постановлении от 12 июля 1991 года. В нем поддерживается необходимость подписания Союзного договора, но при соблюдении следующих условий: «соответствующая доработка» проекта и подписание Договора на Съезде народных депутатов СССР полномочной союзной делегацией в составе руководителей союзных органов власти (пп. 1, 2 постановления). Это постановление было проигнорировано Горбачевым. Подписание Договора планировалось осуществить в два этапа, привлекая к подписанию делегации по мере готовности республик, состав же союзной делегации так и не был сформирован.

В Постановлении утверждалась необходимость учета итогов референдума 17 марта 1991 года о сохранении СССР, а также усиления федеративных начал. Но целый ряд положений проекта Договора свидетельствовал о том, что о федеративном характере будущего государства говорить не приходилось. Из предмета ведения Союза изымались вопросы принятия федеральной конституции (ст.9), часть функций в военной сфере. Вразрез с результатами референдума 17 марта 1991 года из названия нового Союза исчезало слово «социалистический». Прямым указанием на конфедеративный характер Союза выглядела формулировка о том, что образующие Союз государства обладают «всей полнотой политической власти». Остается открытым вопрос о полномочиях союзных органов. Конфедеративный принцип содержался и в норме Договора, согласно которой «государства, образующие Союз, являются полноправными членами международного сообщества». Оговорка Горбачева, что речь идет об

установлении республиками не дипломатических отношений, а дипломатических связей с другими государствами в сложившихся условиях, конечно, не имела никакого значения. Но самой главной тайной проекта Договора был пункт о добровольном членстве в Союзе, которым легко могли воспользоваться те республиканские лидеры, которым по каким-то причинам не захотелось бы вступать в конфедеративный Союз.

Федеративные принципы нарушались и во втором разделе Договора о разграничении полномочий Союза и республик. Так, вопреки мировой практике, в сферу их совместного ведения попадала военная политика. Статья 8 относила землю, недра, воды и другие природные ресурсы к исключительному ведению республик, фактически лишая Союз пространственного единства. Статья 9 ставила под сомнение наличие у Союза собственной налоговой системы, т.к. процент налоговых отчислений в союзный бюджет определялся по согласованию с каждой республикой. (Есть сведения, что даже такой вариант статьи 9 был изменен по требованию Б.Ельцина на встрече 29–30 июля 1991 г.: слова об уплате налогов республиками в бюджет Союза были вовсе убраны, а Горбачев пообещал после подписания Договора передать в собственность России союзные предприятия, находящиеся на ее территории.) Контроль за расходованием союзного бюджета должен был осуществлялся участниками Договора, т.е. теми же республиками.

Несмотря на то что Договор согласно ст. 23 должен был получить одобрение высших органов власти государств-участников, в той же статье говорилось о вступлении его в силу с момента подписания. Этим предполагал воспользоваться, в частности, Ельцин, заявивший, что после 20 августа никакие союзные органы действовать не будут и заседание Совета Федерации, намеченное Горбачевым на 21 августа, состояться не может. Это ставило под вопрос не только реализацию Договора, но даже подписание его рядом республик.

Таким образом, сокрытие текста договора от публикации было связано с конфликтом, неизбежно возникающим между двумя концепциями государства: концепцией государства-суверена и концепцией государства-конфедерации, которая к тому же наверняка потеряет ряд обособившихся от конфедерации территорий.

Политики союзного уровня критиковали проект. Так, председатель КГБ СССР В.Крючков не одобрял положения о приоритете норм международных документов о правах человека и общепризнанных норм международного права над внутренним законодательством. Такой подход в современной конституционной практике являлся общепринятым, но шел вразрез с исключаемыми из практики государственной жизни принципами суверенитета, которые полагают любые международные соглашения действующим до момента, пока не изменятся обстоятельства. Иными словами, международное право может верховенствовать лишь до тех пор, пока суверенное государство считает это выгодным для себя. Лукавость формулировок положений Договора, копирующих европейские нормы права, явно могла удовлетворять тех, кто интуитивно или профессиональным чутьем понимал, что «приоритет международного права» становится покушением на союзный суверенитет.

В письме председателя Совета министров СССР В.Павлова президенту М.Горбачеву от 10 августа 1991 года и в решении президиума Совета министров от 17 августа также высказан целый ряд сходных замечаний. Эксперты-юристы Совета министров и Министерства юстиции отметили даже, что данные замечания «ставят под сомнение правовую значимость самого Договора. Речь, по мнению экспертов, не идет даже о конфедерации, а сам Договор предполагает уничтожение СССР». Сходную оценку проекта дала в своем Заявлении и группа ученых-экономистов, историков, юристов, изучавших текст проекта в июле 1991 г.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что содержание проекта Союзного договора противоречило итогам референдума 17 марта 1991 года, имевшим юридическую силу, а также предполагало фактическую ликвидацию государственного суверенитета, что вполне можно было расценить как подготовку государственного переворота. Ввиду возможности (или даже реальности) такого оборота дел в высшем руководстве СССР сложилась группа лиц, настроенных решительно против Договора. Возможно, в ряде случаев ими могли двигать мотивы личного, корыстного характера. Но нельзя не видеть и того, что эти мотивы не шли вразрез с задачей сохранения государственного суверенитета.

Лишь убедившись в том, что Президент СССР далек от желания сохранить Союз, будущие участники ГКЧП 17–18 августа 1991 года активизировались с целью противодействия осуществлению государственного переворота.

Нельзя полностью согласиться с инициаторами ГКЧП, которые впоследствии утверждали, что Президент СССР сознательно вел дело к развалу государства и полностью солидаризировался в этом с Ельциным. Нельзя обвинить Горбачева и в непонимании смысла Договора. Горбачев скорее использовал привычную тактику лавирования между крайними позициями, стараясь быть незаменимым посредником между ними. Например, он упорно боролся с позицией Ельцина, не желавшего сохранять в тексте Договора статью о союзных налогах. То есть, мысленно поставив крест на прежней форме Союза, Горбачев стремился оставить от него хоть что-то, сохранить какие-то единые для страны институты политического и экономического характера. У Президента СССР оставался выбор между Договором, фактически ликвидирующим единое государство, и отказом от любого договора вообще. Горбачев выбрал первое.

Принятое в современной историографии событий августа 1991 года исключение анализа проекта Союзного договора из причин, вызвавших действия ГКЧП, превращают их в путч, переворот, мятеж. Подобные оценки перемещаются из одной книги в другую. Складывается впечатление, что единственной источниковой базой в этом случае являются указы Президента РСФСР Б.Н.Ельцина от 19 августа 1991 г., принятые в совершенно особых условиях.

Учет действий Горбачева и республиканских лидеров при формировании облика будущего Союза дают возможность сделать альтернативные оценки. Заговор, путч предполагают тайные действия. Однако сам факт поездки

«заговорщиков» в Форос 18 августа 1991 года к Горбачеву с предложением ввести чрезвычайное положение опровергает наличие тайного умысла: глава государства поставлен в известность о возможных последствиях Договора и намерениях будущих участников ГКЧП.

Заговор и путч предполагают захват власти. В случае событий августа 1991 речь может идти только об удержании власти и сохранении статуса законных органов власти.

В ходе заговора или путча обязательно смещаются высшие лица. Но достаточно изучить документы ГКЧП, например Заявление советского руководства, чтобы убедиться в приверженности его авторов Конституции СССР и законам СССР. Эта приверженность подчеркивалась членами ГКЧП и неофициально.

Многие юристы уже 19 августа 1991 года обвиняли ГКЧП в смещении Президента СССР, в отстранении его от должности и даже в его фактическом аресте. Но в указе Г.Янаева от 19 августа речь шла лишь об исполнении обязанностей Президента СССР (в дальнейшем он подписывался – и.о. Президента СССР), что является общепринятой практикой при отсутствии непосредственного руководителя. Следует подчеркнуть, что вопрос об отставке М.С.Горбачева с поста президента даже не обсуждался, о чем говорят материалы следствия по делу ГКЧП.

Наконец, и заговор, и путч по тогдашнему советскому законодательству – опаснейшее государственное преступление, за которое наступала уголовная ответственность вплоть до смертной казни. Называя события путчем, мы, по сути, объявляем (еще с августа 1991-го) членов ГКЧП преступниками, что в правовом государстве может сделать только суд. Но, как известно, суд по данному делу доведен до конца лишь в отношении генерала В.И.Варенникова, причем по его просьбе, несмотря на объявленную Государственной Думой амнистию. И что показательно: Варенников был оправдан, хотя известны его активность и решительность в те дни.

Необоснованными представляются обвинения членов ГКЧП в отсутствии у них законных полномочий на введение чрезвычайного положения. По ст. 2 Закона СССР о правовом режиме чрезвычайного положения последнее вводится Верховным Советом, но может устанавливаться и президентом с незамедлительным внесением данного предложения на утверждение в ВС СССР. О лице, временно исполняющем президентские обязанности, в Законе не говорится, что можно трактовать по-разному.

Вместе с тем и в позиции членов ГКЧП есть уязвимые места. Важнейшим из них представляется факт неправомерности создания ГКЧП как органа, не предусмотренного Конституцией. Юристы обращали внимание: одно беззаконие (подготовка к подписанию Союзного договора) неизбежно влечет и отчасти оправдывает другое. Недостаточно доказанным остается и факт болезни Горбачева, ставший основанием для перехода обязанностей к Г.Янаеву. Представляется, что такое решение не было должным образом обеспечено с юридической точки зрения.

Действия ГКЧП неоднозначно оцениваются в различных источниках. Утром 19 августа 1991 г. в обращении российского президента Б.Н.Ельцина «К

гражданам России» они объявлены антиконституционным переворотом. Другие определяют действия ГКЧП как путч, третьи – как заговор, четвертые – как измену Родине. Все эти определения не были доказаны в судебном порядке. Пока не имеется по ним и всесторонних исследований специалистов-юристов. Нет единства в оценке ГКЧП и среди историков.

Ключевым в оценке действий ГКЧП является вопрос о том, был ли арестован или насильственно задержан Горбачев на своей даче в Форосе? По этому поводу до сих пор существуют противоположные версии. Сам Михаил Сергеевич, члены его семьи и команда твердо отстаивают факт такого заключения. Сторонники ГКЧП, не отрицая, что связь с Форосом была отключена в интересах самого президента, настаивают на факте самоизоляции нерешительного лидера. Однако нигде не упоминается о требованиях Горбачева немедленно предоставить возможность вылета в Москву. Особенно на встрече 18 августа 1991, на которой Горбачев, по его же словам, назвал будущих гэкачепистов авантюристами. И тем не менее он не предпринимает попытки своим возвращением в Москву сорвать авантюру. Если Горбачев был действительно насильственно отстранен от исполнения своих обязанностей Президента СССР, то налицо преступное деяние. В то же время в действиях самого Горбачева достаточно признаков преступления – посягательства на суверенитет СССР и вступление по этому поводу в сговор с республиканскими лидерами.

Одним из главных пунктов обвинения ГКЧП является ввод в Москву 19 августа 1991 года подразделений армии. В то же время приказ этим подразделениям состоял в том, чтобы взять под охрану государственные учреждения. Никаких признаков силовых действий против законных органов власти и государственных деятелей не последовало (в отличие, скажем, от событий октября 1993 года, когда Ельцин применил силу к своим политическим оппонентам и пошел на многочисленные жертвы ради удержания власти). При этом арест российских лидеров и штурм Дома Советов силами армии и КГБ с технической точки зрения не представлял собой сложной проблемы. Это признавали и члены ГКЧП, и противостоявшие им политики. Более того, нет никаких сомнений в том, что часть армейских подразделений действовала в полном согласии с российскими лидерами и охраняла Дом Советов.

Зачастую поверхностными являются оценки причин поражения ГКЧП. Так, авторы 3-томной «Истории России XX века» утверждают, что главной причиной является позиция большинства народа. Но, обращаясь к свидетельствам участников событий, нетрудно заметить, что в них представлена ничтожная доля населения Москвы, которая не могла сопротивляться силовому воздействию, если бы ГКЧП решился его применить. Большинство населения столицы не успело за три дня разобраться в сути происходящего, массовых народных выступлений за пределами ближайших окрестностей Дома Советов. Даже в сообщениях российского руководства о реакции в провинции говорилось, в лучшем случае, лишь о поддержке со стороны местных властей и нигде не упоминалось о митингах и шествиях или иных массовых выступлениях.

Таким образом, исход событий решился в Москве и главным фактором, определившим итог, стала позиция силовых структур. Руководство ГКЧП не пошло на использование армии и КГБ, вероятно, ощущая непрочность свой политической и правовой позиции. Председатель КГБ СССР В.Крючков объяснил решимостью остановить свою акцию при первой же опасности кровопролития. Имела место и попытка договориться с Ельциным, но он довольно быстро занял непримиримую позицию. Неожиданностью для членов ГКЧП стала позиция офицеров спецслужб, которые не торопились выполнять приказы. Умелую тактику выбрало российское руководство. Оно пообещало военнослужащим освобождение от юридической ответственности в случае уведомления российского руководства о приказах ГКЧП. Таким образом, корни неудачи ГКЧП надо искать в предшествующих событиях, и ввод войск в Москву, действительно, стал ошибкой, что впоследствии признавали сами его члены ГКЧП.

Конечно, к моменту выступления ГКЧП механизмы власти в СССР были серьезно подорваны. Но едва ли стоит критиковать ГКЧП за то, что его члены фактически своими руками уничтожили «спасительное лекарство» – Союзный договор. Ведь члены ГКЧП как раз и пытались предотвратить развал государства, но не имели достаточно времени, чтобы проработать все аспекты своих действий.

В любом случае долгом государственных деятелей и должностных, столкнувшихся с угрозой суверенитету, были решительные действия. С одной стороны, именно такой мотив имел место в действиях ГКЧП, с другой – в действиях Ельцина и его сторонников. Оценить адекватность этих действий в защиту суверенитета мы можем по предыстории и последствиям. Члены ГКЧП не стремились к разрушению суверенитета СССР, но своими действиями (возможно, по ряду признаков – противозаконными) не смогли спасти Советский Союз. Ельцин, судя по дебатам вокруг проекта Союзного договора, стремился к разрушению СССР и довел свои планы до конца. Таким образом, мы не можем полностью проследить намерения ГКЧП, но по поводу намерений Ельцина не должны строить никаких иллюзий.

ГКЧП не удалось продлить жизнь единому государству, но одну свою задачу он выполнил – подписание разрушительного Союзного договора 20 августа было сорвано. Но вместо восстановления полноты суверенитета Ельцин и его сторонники использовали момент, чтобы отбросить все прежние договоренности с Горбачевым и завершить уничтожение СССР и КПСС.

Исход августовского противостояния мог показаться Президенту СССР вполне успешным: его имя стало одним из козырей в борьбе с ГКЧП. Все, включая Ельцина, беспокоились о его судьбе. Но Горбачев был нужен Ельцину только как символ законности его действий – на период подавления ГКЧП. В дальнейшем Ельцин предпочел не считаться ни с Президентом СССР, ни с системой государственной власти СССР в целом. Подписание Ельциным не имеющих правовой основы Беловежских соглашений было действием, завершающим перестройку общенациональной катастрофой – ликвидацией СССР. Позорно завершил свою работу ВС СССР, не принявший никакого

решения и безвольно прекративший свое существование. После ареста членов ГКЧП в СССР не осталось лиц и сил, способных пресечь эти деяния.

Что касается Президента СССР, то его жизненная установка в тот период оказалась дезинтегрирующим фактором – преследовала лишь личные цели. Попытка ГКЧП выступить в защиту суверенитета СССР и предотвратить подписание нового Союзного договора, превращавшего Советский Союз в конфедерацию, не увенчалась успехом прежде всего в связи с отказом Горбачева исполнять свои обязанности. При всей незначительности сил, намеренных сокрушить СССР изнутри, политика Горбачева блокировала все защитные механизмы государства, лишив его того огромного потенциала, малой доли которого хватило бы, чтобы отстоять суверенитет и не допустить вступления страны в многолетний период бедствий.

V. В защиту русской истории

Русофобские эксперименты с историей

Эксперименты с историей России, затеянные в начале XX века народовольцем Н.Морозовым и продолженные в наше время математическим академиком А.Фоменко, имеют отношение не столько к науке, сколько к игре ума, заводящей общество в тупик. На это указывают, например, выводы, содержащиеся в книгах изменника Резуна-Суворова, чьи интерпретации исторических фактов нацелены против нашей страны, против гражданского самосознания русских.

Как только ревизия русской истории была допущена, она заполнила массовые издания и приобрела новую жизнь в писаниях новоявленных «историков». К резуно-фоменковским «открытиям» начали добавляться новые и новые домыслы. Так, к ревизионистам русской истории подключился некий «король русского боевика» А.Бушков, взявший себе в помощники и соавторы историка А.Буровского. На пару они выпустили двухтомник «Россия которой не было» (первый том в 1997, второй – в 2000 году). Первый автор рекомендовался как «провозвестник самых новых методов исторического исследования» (включая «модельные» измышления о том, что было бы, если бы Россия приняла ислам), второй – как член некоей Академии науковедения и президент регионального отделения Международной академии ноосферы (и лишь во вторую очередь – как кандидат исторических наук). Авторитетами для интерпретаторов истории являются не только Резун-Суворов и Фоменко, но и известный русофоб А.Янов, создатели литературно-конспирологических версий истории В.Пикуль и И.Бунич, а также израильский журналист А.Эскин.

Проведенный в двухтомнике исторический эксперимент («эталон добросовестного исторического исследования», «для тех, кто не чурается дерзкого полета фантазии», как пишут о себе авторы) исходит из принципа: «современный ученый знает, что всякое знание условно, относительно». Из этого принципа творится русофобский и антиправославный вариант истории – общедоступный сборник «дней минувших анекдотов» с рассуждениями о подлинности и смысле Повести временных лет (Нестор – «поганый русофоб», «своим глумливым пером»…), истинных крестителях Руси (коими оказываются не византийцы, а римляне – то есть, католики), причинах нашего «выламывания из европейской истории» (якобы, по причине византийских «метастаз язычества», в противовес которому «католицизм лишь способствовал национально-духовному процветанию принявших его народов») и исторической роли большевизма («большевики – логичное завершение длившегося несколько сот лет гнилостного процесса»).

Особой темой для авторов двухтомника является иудаизм на Руси. Здесь есть все - от анекдота про русские селения, исповедующие «классический иудаизм», до легенды о хазарах, которые будто бы были славянами (по мнению авторов хазары=казаки), писали на арабском, а исповедовали все тот же иудаизм. Симптоматична и такая запись: «За последние 2000 лет иудеи нигде, ни в одной стране не захватывали власть и не становились правящей верхушкой».

Второй том, написанный преимущественно А.Буровским, показывает, на чем сошлись авторы: на полонизме и католицизме. По словам авторов, история «Русской Европы» (западной Руси) была «трагически прервана». После чего «православие, марксизм, государственная идеология» насаждали «нелепые представления, чтобы обосновать преимущества России-Московии перед тлетворным Западом». Поставив задачу «разоблачения Большого московского мифа», авторы объявляют, что русским нет надобности в едином государстве и общем подданстве. А чтобы у читателя не было сомнения в отношении авторов к русским, они объявляют «Слово о полку Игореве» описанием «разбойничьего похода».

Хотя авторы и посмеиваются над фоменковской идеей будто бы существовавшего симбиоза Руси и Орды, но вместо нее подсовывают свою – идею польско-литовского пути Руси, на который рекомендуется поворачивать, чтобы стать поближе к Западу.

Тот же поворот на Запад обнаружился в тематическом номере исторического иллюстрированного журнала «Родина» (№1–2, 2001), который предоставил свои страницы не только исследователям истории славянства, но и откровенным русофобам. Здесь прямо пишут, что вопросы этногенеза малых народов «приобретают особое значение, позволяя удерживать безопасную дистанцию с “большими народами”» (В.Лобач, Белоруссия).

Прямой политический и идеологический смысл можно без труда видеть в статьях о «тысячелетнем историческом пути белорусов», размещенных в глянцевом журнале. Главная задача – доказать несостоятельность великорусско-белорусского единства и невозможность государственного воссоединения. Более того, звучит прямой призыв к романтической мифологизации истории Белоруссии в противовес «официальной белорусской историографии», которая «по-прежнему нередко пытается опираться на традиционные имперские ценности» (В.Орлов, Белоруссия).

Нам говорят, что версия происхождения восточных славян из единого корня – это всего лишь «плод творчества русских ученых XVIII-XIX веков». Вместо этого предлагается рассматривать историю Полоцкого княжества, Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Речи Посполитой настоящей традицией белорусской государственности. Мол, белорусы уже в X веке составляли особую этническую общность, Полоцкое княжество было типичным европейским государством и вместе с Новгородом, Ростовом, Суздалем и Рязанью противостояло «Руси».

Русь становится для русофобов историческим кошмаром – особенно ее московский период, который они называют «настоящей трагедией восточных славян». В противовес вымышленному азиатскому образу Москвы, ВКЛ называется «восточным форпостом единого европейского мира» - чтобы не возникло надежд на превращение Белоруссии в западный форпост Русского мира. Поскольку «разговоры об интеграции с Россией влекут за собой еще более чудовищное насилие над белорусской историей, чем это было при советской власти».

Ужасна для историков-русофобов и Российская Империя, «которую Ленин совершенно справедливо окрестил “тюрьмой народов”». Мол,

«белорусы вместе с остальными народами империи стали пушечным мясом для захватнических войн и гибли за чужие интересы».

Дело доходит до совершенно кощунственных утверждений: «Беларусь фактически стала колонией империи. Не удивительно, что для многих ее жителей война 1812 года была отнюдь не Отечественной» – якобы в обеих сторонах этой войны участвовало равное количество жителей ВКЛ. Автор этой выдумки, правда не делит этих «жителей» на поляков и белорусов. А мы делим. Потому и знаем, кто и на чьей стороне сражался.

Не в меньшей степени прославляется раскол Русского мира и со стороны украинских «историков». В частности, украинский академик И.Дзюба основой для выработки своих концепций берет лозунги Кирилло-Мефодиевского товарищества, которое полтораста лет назад призывало славян к восстанию против России и созданию союза славянских республик: «И Украина сделается Речью Посполитою в союзе славянском».

Не случайна конфессиональная ориентация академика: он говорит о том, что идею славянской взаимности «подверстывают под идею православия, исключают из нее славян-католиков и славян-протестантов (а поляков просто злобно третируют)», что опрометчиво «связывают судьбу славян с миссией российской монархии, сакрализуют ее экспансию» и планируют «снова впрячь “братьев” в старую имперскую упряжку».

Чтобы выглядеть законченным русофобом, академик цитирует чеха Г.Масарика: «Российский шовинизм естественным образом воплощает себя в культурный синтез (…) Таким образом, мессианизм и универсализм трансформируются в российский империализм». Это в ответ на идею воссоединения русских народов, которую проповедуют некие “политики-реваншисты”.

Не отстают от близкозарубежных русофобов и некоторые российские историки. Так, завкафедрой южных и западных славян истфака МГУ и координатор славянского выпуска «Родины» профессор Г.Матвеев утверждает: «На уровне народного самосознания, бытовой культуры, многочисленных этнопсихологических особенностей – расхождения между славянскими этносами остаются весьма существенными». Это заведомая неправда, опровергнуть которую может любой, кто был на Украине или в Белоруссии, кто беседовал с простыми болгарами или общался с сербами.

Таков же и уровень достоверности в другом утверждении г-на Матвеева: «Советская Украина и Советская Белоруссия – это не элементы государственности, а государства, существовавшие как интегрированные части более крупного государственного образования». Потому, мол, и нет ничего особенного в раздельном проживании русских, украинцев и белорусов.

Русским профессор советует «изживать комплекс доминирования». Более того, «реальность административного разграничения наших государств должна быть подкреплена осознанием реальности нашего культурного и политического равенства». Иначе говоря, нет у нас впереди единой судьбы и единой культуры – есть только «эксцессы неприязни», которые надо лишь заменить «равенством». Ведь «всякий раз, как только мы оказываемся рядом, мы ненавидим друг друга любой ненавистью».

Это о славянах! Да кто что-либо подобное видел? Может быть, профессор свой личный опыт – свою собственную неуживчивость – возводит в абсолют?

Резуно-фоменковский вирус в исторической науке проявляется не только в постановке политической задачи раскалывания славянства, и прежде всего Русского мира. Замечательна методология этих «исследователей»: они берут какую-нибудь частность, обмолвку, литературный или публицистический анекдот и тотчас объявляют все это настолько показательным, что нет сил не объявить об открытии новой закономерности.

Удивительно, но свои глянцевые страницы и замечательные иллюстрации для русофобов предоставляет финансируемый государством журнал «Родина» (учредители – правительство и администрация президента РФ, тематический номер о славянах выпущен в соответствии с распоряжением президента). Наряду с умными и интересными статьями о славянах, в спецвыпуске журнала звучит явная фальшь – злобный навет на русскую историю и русских. Нет, это не творческий эксперимент, не поиск новых подходов и не разнообразие мнений. Это слепота перед явной профанацией и тенденциозными измышлениями, наносящими ущерб национальным интересам России.

Один из ярких примеров наукообразного «разоблачения» русской истории – книжка Л.А.Андреевой «Религия и власть в России». Автор с отчаянно русофобских и антиправославных позиций постаралась перепачкать каждую страницу русского государства и Русской Церкви.

Андреева пытается доказать исконную неприемлемость христианства для славян: «Суть социального и политического опыта, нашедшего отражение в славянской мифологии, в корне отличается от соответствующего опыта, сформировавшего христианскую мифологию». Христианство выставляется в сравнении со славянским язычеством как мракобесие: «Вольнолюбие, презрение к рабству, народоправство, радостное земное жизнестроительство, реализм – такова суть мировоззрения и миропонимания восточных славян». Но главное – отсутствие веры в божественное происхождение княжеской власти. Можно с уверенностью сказать, что последний вывод противоречит всей истории человечества, самой сути власти, которая от века всегда была связана с таинством и присутствием потусторонних сил.

Научная недобросовестность приводит Л.А.Андрееву к выдаче легендарной истории за достоверную. Причем касается это только идеализированного славянского язычества. Именно поэтому превозносится системность славянской мифологии, в то время как системность как раз свидетельствует о кризисе – это без труда можно проследить по хорошо известной греческой мифологии периода послегомеровской систематизации. Отсюда и неверная квалификация крещения Руси как навязывания – всего лишь на основании того факта, что князь Владимир однажды насильно загнал в Днепр киевскую голытьбу и скинул в реку идолов тогдашних «диссидентов». Налицо был как раз мифологический кризис у славян, разрешенный христианством.

Андреева не понимает, что, прославляя пантеизм, она идеализирует расколотость этноса на племенные группы, идеализирует безгосударственное существование. Как следствие – отрицание истины за религией, явившей в

истории консолидирующую силу. А также представление христианства в качестве источника деспотии, а дохристианских обычаев – как образца демократии (вечевой порядок). Невежество автора простирается и в богословскую сферу, где христианам преподносится рецепт, кого нужно канонизировать, а кого нет.

Методика пропагандистской работы, которой упивается Андреева, представляет собой предвзятую выборку из исторических данных всего кажущегося сегодня нелепым или безнравственным и отнесение всего этого вместе с соответствующими домыслами к христианству и России. Византийский обычай насаживать голову преступника на кол становится особенно мерзким, когда представляется как нечто уникальное. Когда же вспомнишь, что такого же рода обычай задержался среди мусульман на несколько сот лет дольше, а чеченские бандиты услаждают себя отрезанием голов «неверных» до сих пор, понимаешь, что сочинение Андреевой более всего похоже на исполнение русофобского политического заказа.

Возбудить противохристианские эмоции в писании Андреевой призваны такие элементы, как противопоставление русов-варваров и греческих святых, ратников Олега и защитников Константинополя, святого Дмитрия Донского и святого митрополита Киприана и т.п. Темный племенной этницизм должен в этом противопоставлении обращаться против святых – ведь в рамках такого мировоззрения русы не могут осуждаться христианами, не могут совершать ничего безнравственного. Одновременно сегодняшнее деление Европы и Азии по культурному основанию переносится в прошлое – мол, христианство следует считать вполне азиатским явлением, иначе говоря, дикостью, а многие его элементы – прямо заимствованными из дикого, деспотического Египта. Автор только «забывает» упомянуть, что просвещенные греки ездили в Египет и Азию за мудростью, а Европа периода упадка Рима и позднее может вполне считаться глухой культурной периферией «цивилизованного мира» того времени. К тому же русский князь Святослав, которого Андреева представляет европейцем, по свидетельству более осведомленных историков, в личном качестве имел куда больше азиатских черт, чем европейских – европейский лоск тогда был бы тождественен самой отъявленной дикости.

Постыдным изобретением опуса Андреевой является представление Петра Великого этаким неоязычником, будто бы поставившим государство выше веры и преодолевшим христианское возвышение монарха над государством: «политические реформы Петра I имели архаико-русофильские корни»; «была начата государственная кампания по искоренению клерикализма»; «создавалось впечатление, что ожила дохристианская Русь». При всей экстравагантности своих отношений с церковными иерархами, Петр почел бы такую оценку надругательством, а любой добросовестный историк – наглым искажением действительных обстоятельств того времени. Это искажение красной нитью проходит в андреевской оценке буквально каждого российского самодержца.

Чудовищным бредом выглядит следующая историческая сумятица: «Христианство с такими атрибутами, как культ святых и мучеников, содержавшими в себе набор поощряемых властью нравственно-поведенческих

установок, для населения стало выступать в роли грандиозной системы пропаганды и политического имиджемейкерства».

Такого рода абсурд, обильно сдобренный анекдотами минувших дней, может пошатнуть некрепкий ум отечественного образованца, на рассудочные способности которого рассчитывают фальсификаторы русской истории, идеи которых скрупулезно собраны мадам Андреевой. Например, здесь присутствует прославление ересей, сект и даже масонства – этакого всенародного (или же светски-элитарного) обсуждения вопросов веры в духе современной либеральной практики забалтывания любой проблемы. Но главное – ненависть к русскому государству и его православным традициям, выраженная, прежде всего, в нападках на самодержавную власть – «православие переродилось в цареславие», констатирует автор. Взамен «цареславию» предлагается еще большая мерзость.

В своем сочинении Андреева дает почти буквальное повторение большевистской агитки против Церкви: «На пути реформ встала консолидированная дворянско-бюрократическая сила, жившая за счет всего остального населения страны, прикрывавшая свой паразитизм догматами государственного Православия». Причем «государственное православие» Андреева практически отождествляет с иудаизмом, ставя в пример православным европейское христианство, будто бы демонстрирующее действительную приверженность Христу как богу любви и сострадания. (Тут звучит показательный термин – «социальное христианство»). Антиправославная русофобия, таким образом, полностью тождественна либеральным измышлениям.

Ненависть к России доходит у Андреевой до прямого оправдания цареубийц, которые «были избраны народом» (имеется в виду Уралсовет). А уж о Николае II и его правлении каких только небылиц не нагородила горе-историк мадам Андреева! Обсуждать их не хватит никакой бумаги. Только конспективно: *к войне не подготовили оружия* (как тогда потом четыре года этим оружием воевала вся страна в Гражданскую?); *распустив Думу царь совершил государственный переворот* (такой пассаж мог состряпать только патологический либерал, лишенный каких бы то ни было исторических знаний); *царь виноват в войне с Японией* (Андреева не знает о прямой агрессии японцев против российского флота и против Китая – тогдашнего союзника России); *царь виноват в развязывании Первой мировой войны* (это подлый и безосновательный поклеп на Государя и Россию!); *арест большевистской фракции Думы был прямым нарушением закона* (с точки зрения либерального невежи, предосудительно брать за ворот преступника даже в период военного времени).

Нам эти пассажи стоит заметить лишь для того, чтобы предупредить очередной пропагандистский ход русоненавистников и фальсификаторов русской истории.

Граненая ложь

Предательство памяти о Великой Отечественной войне ветеранами – самое изощренное предательство. Предательство, осуществленное рядом писателей-фронтовиков ужасно его «тиражностью», образцовым характером в качестве некоего «примера для юношества». Основная масса ветеранов не имеет возможности ответить на это предательство. Тем временем личные переживания писателя, сильно искаженные временем и частными впечатлениями, превращаются в документальные свидетельства, принимаемые на веру теми, кто формирует у граждан образ войны и всего поколения победителей.

Мы коснемся лишь одного «произведения» – речи писателя Даниила Гранина перед немецкими историками в Карлсхорсте, на месте подписания акта о капитуляции гитлеровских войск. Текст выступления был опубликован «Международной еврейской газетой» (июнь 2003, №23–24).

С чего начинает писатель свою речь о войне? С подтверждения распространенного мифа о безоружности Красной Армии. Будущий писатель ехал на войну без оружия. Он рассказывает, как выменял за пачку «Беломора» две гранаты и саперную лопатку. Потом, правда, писатель не обмолвился, довелось ли ему воевать без оружия. Скорее всего, нет. Просто ополченцев не успевали вооружить при отправке. Писатель же создает миф о безоружности Красной Армии и тут же обрывает повествование, переходя к другим сюжетам. Этот же сюжет считается оконченным и свидетельствующим: СССР воевал «голыми руками» против немецких танков.

Следующая нелепость – эпизод с выговором, который Гранин получил за несанкционированный выстрел из 122-мм орудия (оружие, оказывается, было!). Через полвека писателю кажется, что не было снарядов – вот ему и досталось. Но выволочка от начальства была связана, скорее всего, с другим – с преждевременным обнаружением огневой точки. Что касается снарядов, то никакой командир орудия не дал бы стрелять из пушки «для пробы», если боеприпасов действительно не хватало. Это вопрос жизни и смерти в бою. Странно было бы считать, что такого простого понимания ситуации на войне не было. Скорее всего, за давностью лет и под влиянием русофобской моды писатель стал придумывать действительность, вместо того чтобы ее отражать.

Трагедию первых месяцев войны Гранин преподносит в соответствии со своим личным опытом: мол, защищали страну только грудью, больше ничего у армии не было. Потом сравниваются рационы солдат блокированного Ленинграда и окруживших его фашистов – здесь баланда, там – коньяк к Рождеству. Оттого якобы и потери – нечем было воевать, нечего было есть. Все просто. Немецким историкам это должно сильно облегчить работу: не надо знать ни о стратегических просчетах Сталина, ни о высокой боевой готовности войск вермахта, ни о таланте гитлеровских генералов, ни о массовом предательстве прибалтов и западных украинцев, ни о всеевропейской экономической поддержке фашистской армии. Все просто: русским нечем было воевать! Так сказал крупнейший русский писатель и очевидец!

Что больше всего привлекло внимание писателя на войне? Кофе, захваченный еще горячим в одной из немецких землянок, и рулон туалетной бумаги. «Мы понятия не имели, что такое туалетная бумага, –- мы и газетами-то не могли подтираться, потому что газеты нужны были для самокруток». Это говорится, напомним, перед историками.

Потрясение от признаков чужого достатка писатель пронес через всю свою жизнь, к концу которой мысли «о жратве» вытеснили все остальные. Приведя подробные данные о рационе фашистов, Гранин затем говорит: «С первого дня войны мы испытывали унижение от своей нищеты. Нам лгали начальники, газеты, сводки. Мы воевали с фашистами, как тогда их называли. Но злость наша была обращена и к бездарному нашему командованию, и к тому многолетнему обману, который постепенно раскрывался перед нами».

Обратим внимание на это «как тогда их называли». Надо полагать, что через полвека после войны Гранин фашистов так не называл, а знал какое-то другое имя для солдат, противостоящих русским в той войне. Сразу за этим оборотом следует разоблачительная тирада в адрес своей страны, которая отражает, скорее, не обстановку войны, а обстановку в голове запутанного либеральной пропагандой человека, который уже готов считать свой народ источником всех бед людских – по крайне мере, не меньшим, чем фашисты. Примерно в тех же выражениях поносят Россию иные «правозащитники». Писатель здесь не оригинален. Предел подлости и лжи им достигнут, как и многими другими клеветниками величайшей русской Победы.

По ходу своего выступления Гранин, будто опомнившись, вспоминает об уверенности в победе, которая была у советских людей с первых дней войны и никогда не пропадала. Эта уверенность каким-то образом сочетается в «картинке», рисуемой писателем, со злобой на свою страну. Откуда же взялась эта уверенность? Писатель будто не знает. И делает осторожное предположение о некоем «чувстве высшей справедливости».

Тут Гранин профессиональным чутьем (оно у него вырабатывалось десятилетиями в советский период) угадывая важное, приводит поразительный пример из своей боевой жизни. Один из его командиров-ополченцев остался в окопе, когда все бежали. Он сказал: «Больше не могу отступать. Стыдно». И бился до смерти. А Гранин сотоварищи, как выходит, бросили командира. Им было не стыдно. Они бежали, оставив за спиной «чувство высшей справедливости». Может в этом-то и есть причина катастрофы первых месяцев войны – многим было не стыдно бежать? А измотали фашистов в отчаянных боях те, кому *было стыдно*? Да так оно и есть, иначе и быть не могло!

Победа не могла быть обеспечена злобой на свою страну и абстрактной «справедливостью». И это знают не только писатели, не только ветераны. В этом уверены и те, кто имеет внутреннее чувство правоты русской Победы, как бы ни была она тяжела, как бы ни довлели над нами «разоблачения» сталинского режима и «окопная правда».

Писателю можно было бы простить саморазоблачительный эпизод, признав его запоздалым актом покаяния. Но этому мешают последующие слова: «Наша война вначале была чистой. Это потом, когда мы вступили в Германию, она стала грязной. Любая война, в конце концов, вырождается в

грязную. Любая война с народом, в сущности, обречена, и это мы тоже узнали на своей шкуре – в Афганистане и Чечне».

Приведенный фрагмент выступления пред немецкими историками представляет собой навет на Россию и русских, предательство памяти павших, освобождавших Европу от фашистской чумы. Это и предательство наших солдат, воевавших в Афганистане и Чечне. Им и всей России брошено обвинение в «грязной войне». И не в сердцах в кухонной беседе, а публично. И не перед своими, которые поймут и простят горечь русской трагедии, а перед теми, кому Гранин, как заказ на блюде, принес «разоблачение» собственного народа, будто бы участвовавшего в «грязной войне» на территории Германии (вспомним, фашистской Германии!), Афганистана, Чечни.

Дальше – больше. Оказывается, нам Победа помешала «понять свою вину перед народами Прибалтики, перед народами, которых высылали, перед узниками наших концлагерей». Все в одну корзину ссыпал писатель – все претензии к своему народу, все басни и байки о его «вине». И тем предал Победу, означив ее как невыгодную в сравнении с поражением Германии, которая потом каялась в грехах и замаливала их всеми средствами (так ли уж добровольно?). Русским Гранин вменяет нетерпимость – неусвоенность того урока, который, будто бы, пришелся ко двору у немцев. Мы, мол, нетерпимы! Потому что победили…

И чем попрекает нас Гранин? Тем, что у нас кладбища воинов безымянны, а главная могила – Неизвестного солдата! В противовес – пример ухоженных немецких кладбищ. Будто не знает писатель, как «безымянными на штурмах мерли наши», будто не ведает о безымянных немецких могилах в наших просторах. Ради чего этот упрек? Ради оправдания размножающихся аккуратных немецких обелисков на нашей земле, исподволь растлевающих подрастающее поколение «в нужном духе» – это уже не могилы врагов, а всего лишь могилы «жертв фашизма».

Небольшое выступление Гранина тотально лживо, оно противоестественно для фронтовика. В нем выражена болезнь духа, заплутавшего в чужой лжи и сделавшего эту ложь своей. Слышали бы все это ветераны… Да они бы вышвырнули писателя вон, поднявшись против него на своих костылях! Они бы плюнули ему в лицо, если не смогли бы встать на ослабшие ноги. Но они уже не смогут – Гранин выступал далеко, в Карлсхорсте. Он живет не той жизнью, что несчастные русские старики, у которых отняли Родину, а теперь отнимают и Победу.

Вступиться за нашу Победу, за наших павших, за наших стариков должны мы – послевоенные поколения. Мы не можем отдать нашу Победу на поругание переживших свой талант писателей (не один Гранин «раскрылся» в этой теме на исходе жизни, были и другие писатели – самые славные в советскую эпоху). Вопреки обуявшему некоторых писателей маразму мы должны сделать отношение к войне и Победе критерием оценки гражданской зрелости и нравственной полноценности. Победа – наше национальное достояние.

Защищая Победу от наветов, мы защищаем Россию и чаем новых побед в национальном возрождении.

Навет на русскую историю

А.Н. Яковлев, многолетний председатель комиссии «по реабилитации жертв политических репрессий» при Президенте РФ, как-то заявил: «В ходе политический репрессий с 1917 года и во время Великой Отечественной войны в СССР погибло порядка 62 миллионов человек. Жертвами политических репрессий стали около 32 миллионов человек, в том числе 13 миллионов - в период гражданской войны». С учетом «неродившихся детей», полагает главный реабилитатор, «начиная с 1917 года, народы СССР только по политическим мотивам, стало быть – за минусом военных потерь, лишились более 100 миллионов человек».

Бывший член Политбюро ЦК КПСС мог бы назвать и более страшную для обывательского воображения цифру. Он забыл жертвы технического прогресса, погибших в результате несчастных случаев на производстве, под колесами всех видов транспорта, от последствий пьянства и алкоголизма и иных насильственных причин, которых в обыденной жизни набирается более чем достаточно. За столетие таких бедолаг наберется в России не менее 30 млн. Но и это еще не предел. Если учитывать вообще всех умерших жителей страны, то общее число *репрессированных жизнью* превысило бы 350 миллионов.

Понятно, что еще одно появление на публике самого известного старожила российской политики можно было бы вообще не заметить. Но СМИ опять стали охотно муссировать тему «сталинских» и «ленинских» репрессий, повторяя вымыслы, появившиеся еще в начале «перестройки». Дело доходит до требований реабилитировать предателя Власова, генерала, сдавшегося в плен в 1942 году и возглавившего под контролем Гиммлера так называемую «Русскую освободительную армию», набранную из оказавшихся в плену военнослужащих-граждан СССР и входившую в состав германских вооруженных сил.

Верховный суд РФ нашел серьезные основания для того, чтобы рассмотреть апелляцию в отношении приговора 1947 года, в котором Власов был уличен в измене. На этот раз Власов и его сообщники не были признаны «жертвами политических репрессий» и в отношении этих лиц суд не принял решения о пересмотре приговора. Тем не менее, одно из обвинений было отменено – относительно ведения «антисоветской агитации» Известно, что уголовное право СССР под таким бессодержательным эвфемизмом подразумевало агитацию, направленную против государства. Реабилитируя Власова по этому обвинению, Верховный Суд в действительности дает «зеленый свет» любой агитации и пропаганде, враждебной России.

Реабилитируя, хотя бы и частично, изменника Власова, российская юстиция придерживается диаметрально иной точки зрения в отношении другой категории «репрессированных», которая ей антипатична. Яковлев, например, заявляет: «До тех пор, пока я жив, я не буду вносить предложения по реабилитации» Берии и Ежова, хотя «с точки зрения юриспруденции они реабилитации подлежат». И в отношении генерала Судоплатова, одного из

руководителей советской разведки, ныне покойного, Яковлев столь же категоричен: «Я был бы против его реабилитации» (НГ от 26.10.2001).

Хотя нет оснований для иллюзий в отношении многих поступков Берии, Ежова или Судоплатова, которые в полной мере были «героями своего времени», стоит все же обратить особое внимание на то, как охотно комиссия по реабилитации готова выдавать посмертные индульгенции изменникам и предателям, подобным Власову, и как она непреклонна к тем, кого прямо предписывает реабилитировать закон, к тем, кто боролся с изменниками и предателями. А ведь в составе комиссии, помимо самого Яковлева и «двух бывших заключенных»(?), состоят еще семь членов: «генеральный прокурор, руководитель ФСБ, министр обороны, директор внешней разведки, министр внутренних дел, министр иностранных дел, представитель Москвы (?)».

Вернемся к статистике. В 1900 году в Российской Империи проживало 135 миллионов человек. В 1989 году в пределах СССР уже было 286 миллионов, к 2000 году, при сохранении темпов прироста, население должно было составить 320–325 миллионов. Таким образом, за XX столетие, на протяжении которого, как полагает Яковлев, в России погибло 62 миллиона (с неродившимися – 100 миллионов), численность ее жителей более чем удвоилась. Если поверить Яковлеву, население России в исторических границах должно было бы составить к концу XX столетия не 320, а никак не меньше 500–550 миллионов, следовательно, ее потери составили не меньше 180 миллионов.

Посмотрим для сравнения на демографию тех стран Европы, где этот век был более или менее благополучным. Население Великобритании, Бельгии и Швеции, насчитывавшее в начале века соответственно 37,0, 9,0 и 5,5 миллионов, через столетие составило 58,0, 10,1 и 8,8 миллионов. Даже если взять Германию, имевшую не менее масштабные, чем в России, демографические потери, обусловленные двумя мировыми войнами и революцией 1918 года, то обнаружится разительная картина. В 1900 году там проживало 56,4 миллиона жителей, а в конце прошлого столетия 80 миллионов. Увеличение на 42%. У нас рост численности составил 137%. Разве эти данные не говорят сами за себя?

Таким образом, в демографических суждениях г-на Яковлева есть достаточно веские основания усматривать не статистическую точность, а исторические галлюцинации. Его предвзятость и тенденциозность к русской истории времен власти КПСС, в рядах которой он сделал блестящую карьеру, так велика, что цифры ему необходимы лишь для того, чтобы ими манипулировать. Смешиваются в одну кучу и потери белых, воевавших с красными, и потери красных, воевавших с белыми, и демографические потери, связанные с деятельностью правоохранительных органов, и потери от рук агрессоров, вторгавшихся на территорию России. Нет никакой разницы между военными потерями на фронте и потерями гражданского населения на оккупированной территории, между теми, кто сражался с врагом, и теми, кто бежал с поля боя, между реальными потерями и потерями косвенными, например вследствие эмиграции. Все зачислено в жертвы репрессий, все списано на «тоталитарный режим».

Но что такое репрессия? Если с юридической точки зрения это любое наказание, выносимое органом государственной власти по отношению к физическому лицу, то для Яковлева и его комиссии она трактуется лишь как неправомерная, незаконная карательная мера, произвольно и немотивированно примененная в отношении безвинных лиц. И здесь к фантазиям чисел присоединяются фантазии психики, повторение трагикомического мифа о сталинском злодействе. (При этом нет необходимости обелять или смягчать историю. Так например, за период с 1937 по 1953 год в СССР было вынесено почти 736 тыс. смертных приговоров, из них в 1937–1938 годах - 681,7 тыс.). Не суды и особые совещания выносили в СССР приговоры, судил и отправлял в тюрьмы Сталин. Миллионы военнопленных оказались «в лагерях Гитлера» потому что их туда «бросил Сталин». «Было около 300 тысяч расстрелянных священников». «Армию нашу начали уничтожать, начиная еще с Кронштадта, а не только перед войной». «Сталин особенно ненавидел армию и боялся ее». «К началу войны обезглавили армию полностью», потому что искали в ней «всяких «врагов народа», «шпионов», «террористов». Однако по данным Г.И. Герасимова, в 1937 году было репрессировано 11034 чел. или 8% списочной численности начальствующего состава, в 1938 году – 4523 чел. или 2,5%. Если в 1936 г. академическое образование имело 13 тыс. лиц начсостава, то в 1941 году - 28 тыс. («Российский исторический журнал», 1999, № 1). По данным В.М. Земского, с 1921 по 1953 год по политическим мотивам было осуждено 3,8 млн. чел. («Социологические исследования», 1991, № 6, 7).

Надо ли удивляться тому, что шпионы, террористы, вредители так вольно ведут себя в пределах современной России, если даже теоретически не допускается вероятность подобных деяний? Конечно, нелепые, спекулятивные измышления не заслуживают опровержения. Тем более что действительная картина драматической и героической русской истории прошлого века уже известна по добросовестным, объективным исследованиям, где приводится и нефальсифицированная демография. По этим данным, в Первую мировую войну (1914–1918) все людские потери России составили 4,5 млн. чел.; в гражданскую войну (1918–1922) – 8 млн.; во Второй мировой войне (1941–1945) – 26,6 млн.

Извращенное отношение к прошлому, приобретая ранг официальной политики, поскольку исходит от лиц, приближенных к главе государства, проникая в СМИ и в школьные учебники, в конечном счете приводит общество к атомизации и распаду. *Надо ли доказывать, что неизбежным следствием такого процесса будет разрушение национальной идентичности, появление целых генераций циников и нигилистов, которые, подобно дикарям, упразднят возможность и даже формальные права России на существование?*

Правовые манипуляции и селективное сострадание

Среди принятых в 1991 году законов можно отметить два - о «репрессированных народах» от 26 апреля и о «реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября.

Если посмотреть ретроспективно на то, что было осуществлено благодаря этим актам, то по своим разрушительным последствиям упомянутые законы могут быть поставлены вслед за Декларацией о государственном суверенитете РСФСР и перед законами о разгосударствлении и приватизации основных производственных фондов национального хозяйства. Декларация посягала на территориальную целостность Российского государства, законы о реабилитации покушались на национальное единство его граждан, а имущественные законы должны были разрушить или парализовать систему экономических отношений. То, другое и третье удалось.

Декларация, в сущности говоря, размагнитила политический центр страны, вокруг которого на протяжении 17-20 веков сложились ее окраины. Как только эта сила исчезла, они совершенно естественно отпали, благо, к тому времени уже сформировались искусственно выращенные компартией этношовинистические группировки, которым одряхлевший «центр», впавший в маразм, передал всю полноту власти в обмен на обещание личной лояльности.

Законы о собственности и приватизации позволили сначала незаметно расчленить единый «народнохозяйственный» комплекс страны, передав права распоряжения региональной и «республиканской» бюрократии, чтобы затем, уже наплевав на законы, она практически «за так», за пачки ничего не значащих ваучеров, раздала «по своим» его самые жирные куски.

Указанные акты оказали одноразовое действие - они взорвали государство и экономику, разнеся их буквально в клочья. Что же касается законов о реабилитации, то их действие, подобно многим изощренным интеллектуальным преступлениям, носит длящийся характер, поскольку невозможно разрушить одномоментно сложившееся мировоззрение.

Политическая реабилитация пособников врага, а именно этот смысл имеет данный акт, совершилась в форме нелепого, постыдного и провокационного закона, принятого собранием депутатов со всеми признаками исторической невменяемости. Но закон не был результатом спешки. Ему предшествовало постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 11 декабря 1990 года «О жертвах политических репрессий в РСФСР», в котором Верховному Совету было предписано «принять законодательные акты о реабилитации и полном восстановлении прав репрессированных народов и граждан РСФСР». Чем обуславливалось такое поручение? В преамбуле утверждалось:

«В течение десятилетий произвола и беззакония по идеологическим и политическим мотивам, национальным признакам подвергались репрессиям многие граждане Российской Федерации и целые народы. Репрессии исковеркали судьбы миллионов граждан, ряд народов был лишен государственности и депортирован. Осуждая многолетний террор и массовые преследования против собственного народа, закладывая основы правового государства Съезд народных депутатов выражает твердое убеждение, что подобная трагедия народов и граждан России никогда не повторится».

Произвол, беззаконие, террор, преследования – слова, слова, слова, не имеющие под собой никаких юридически значимых доказательств, безупречных документов, научно обоснованных аргументов, кроме блатных

легенд и лагерных мифов, пристрастно подобранных и изданных А. Солженицыным, который сам находился в заключении, под названием «Архипелаг ГУЛАГ». Что же касается гипотетического убеждения народных депутатов, что «подобная трагедия народов и граждан России никогда не повторится», то теперь, по прошествии десятилетия, ее можно рассматривать лишь как злое и коварное пророчество. Примерно 8 миллионов насильственно и преждевременно умерших, десятки миллионов беженцев, миллионы «неграждан», сотни миллионов униженных, оскорбленных и обнищавших. Такова плата за некомпетентность, верхоглядство, безответственность, беспамятство тех, кто избирал в парламент, и тех, кого избрали в него.

Отказ от экономической реабилитации, наоборот, происходит в форме невнятных бесед с прессой, которые проводятся либо полуофициальными советниками, либо высокопоставленными чиновниками. Распространено заявление Председателя Счетной палаты о том, что 90 процентов российских предприятий приватизировано с нарушением законодательства. Причины проведенной поспешно приватизации являлись политическими, так как «стояла задача создания в стране среднего класса» в условиях отсутствия многих необходимых законодательных актов. Однако пересмотр итогов приватизации, по его мнению, приведет к подрыву российской экономики. Как же иначе, ведь «приватизация – отказ власти от управления капиталом».

Получается так: приватизация с нарушением всех мыслимых экономических и юридических законов нисколько не подрывает экономику страны, а восстановление законности обязательно ее подорвет. Первый подрыв, совершенный в форме массового хищения, тем самым реабилитирован, но восстановить разрушенные отношения и таким образом восстановить законность - невозможно. Разве это не пример извращенного сознания?

С одной стороны, имеет место реабилитация «репрессированных» народов, превращенная в перманентное оправдание всего того, что было основанием для переселения некоторых народов во время войны из зоны боевых действий в глубокий тыл страны, предвзятое, тенденциозное переписывание отечественной истории задним числом, чтобы обвинить все остальные народы, которые не сотрудничали с оккупантами и агрессорами, а сражались с ними, прежде всего русских, во всех смертных грехах. С другой – одновременный отказ от реабилитации населения страны, репрессированного экономически, под видом приватизации, осуществлявшейся в угоду ничтожного меньшинства, которых приватизационные реформы обогатили.

Искажение и извращение истории может совершаться лишь со стороны извращенцев. А извращение прошлого неизбежно приводит к созданию извращенного будущего. В извращенном сознании, с которым приходится иметь дело, Сталин безусловно кровожаднее Гитлера, НКВД страшнее Гестапо, а Вермахт и СС несравнимо благороднее, чем варварская РККА. В лучшем случае их можно разве что ставить на одну доску. Цель такого уподобления очевидна – «дезинтеграция общества», его «разрушение, ослабление и атомизация».

До 1991 года было известно, что законы могут претендовать лишь на то, чтобы определять *будущее*. В 1991 году произошел переворот. Законы стали,

прямо по Оруэллу, претендовать на то, чтобы влиять на *прошлое*. Разумеется, все это пустое и недобросовестное ребячество. Прошлое изменить невозможно. Но таким образом удается в той или иной мере оправдывать настоящие безобразия в глазах современников.

Статья 1 закона о реабилитации гласит: «Реабилитировать все репрессированные народы РСФСР, признав незаконными и преступными репрессивные акты против этих народов».

Репрессивные народы появились, следовательно, после принятия репрессивных актов. Эти акты признаются незаконными и преступными. Какие акты имеются в виду - об этом ничего не сказано. Это нераскрытая тайна или невежество законодателей? Поскольку все документы на этот счет сохранились, возможно лишь законодательное невежество. А раз так, то перед нами не закон, а газетная статья. Поэтому отнесемся к этому закону как к публицистической статье. В этом смысле все ее положения – воплощенная предвзятость и тенденциозность.

История Советской России знает лишь один вид репрессий, объектом которых были народы: их принудительное переселение во внутренние районы страны, что было вызвано нелояльным поведением этих народов в период войны, сотрудничеством с врагом, совершением массовых преступлений с применением оружия в тылу. Это касалось живших в то время крымских татар, чеченов, ингушей, балкарцев, калмыков, а также поволжских немцев.

Но помимо откровенной идеологической ангажированности отличительной чертой Закона о реабилитации репрессированных народов является его вульгарный, пошлый стиль изложения. Он написан не на правовом, а на публицистическом языке, и уже по одному этому основанию не может считаться законом в собственном смысле слова.

Чего, например, стоят такие газетно-плакатные, чисто пропагандистские пассажи:

«Обновление советского общества в процессе его демократизации и формирования правового государства в стране требует очищения всех сфер общественной жизни от деформации и искажения общечеловеческих ценностей. Оно создало благоприятные возможности по реабилитации репрессированных в годы советской власти народов, которые подвергались геноциду и клеветническим нападкам.

Политика произвола и беззакония, практиковавшаяся на государственном уровне по отношению к этим народам, являлась противоправной, оскорбляла достоинство не только репрессированных, но и всех других народов страны. Ее трагические последствия до сих пор сказываются на состоянии межнациональных отношений и создают опасные очаги межнациональных конфликтов».

Где теперь это общество? К чему привело его обновление? Чем завершился процесс демократизации? Вопросы излишни: мы живем на его дымящихся, смердящих руинах.

Как бы там ни было, из этих чисто идеологических положений, которые неуместны в законе, последовали следующие юридические суждения:

«Опираясь на международные акты, Декларацию Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», постановления съездов народных депутатов РСФСР, а также действующее законодательство РСФСР и СССР, закрепляющее равноправие советских народов, и, стремясь к восстановлению исторической справедливости, Верховный Совет РСФСР провозглашает отмену всех незаконных актов, принятых в отношении репрессированных народов и принимает настоящий Закон об их реабилитации».

Отмена всех «незаконных актов» произведена в данном случае так же, так коммунисты произвели отмену всех законов Государства Российского после государственного переворота 25 октября 1917 года. Они их отменили, не удосуживаясь даже перечислить.

Нет необходимости опровергать очевидную неправду, содержащуюся обильно в различных эпитетах закона, или его неграмотность, нарушающую грамматическую логику русского языка. Но доказано ли здесь главное положение, которое является фундаментом закона - незаконность актов, принятых государственной властью в 1944 году? Конечно же, нет. В действительности беззакония тогда не было. В этом не было никакой необходимости. Переселение народов производилось Госкомитетом обороны СССР в точном соответствии с законами СССР, которые наделяли этот орган власти на время войны чрезвычайными полномочиями. Поэтому вполне законны все акты ГКО по обеспечению государственной независимости, территориальной целостности и внутреннего единства страны.

Объявляя незаконными акты ГКО времен войны, законодатели 1991 года сами себя ставили в нелепое положение, ибо принимали точно такие же незаконные, антиконституционные решения, одним из главных среди них было постановление Съезда народных депутатов от 1 ноября 1991 года. В нем президент РСФСР, вопреки Конституции, наделялся – «на период радикальных экономических реформ» – правом вето на принятие законов о банковской, финансовой, налоговой, внешнеэкономической деятельности, по вопросам отношений собственности, о деятельности органов государственного управления и правом издания указов, «находящихся в противоречии с действующими законами».

Если указы Ельцина 1991–1992 годов законны и их отмена не планируется, даже если они нанесли ущерб народу России, подобный геноциду (С. Глазьев издал монографию «Геноцид», которая это доказывает), то точно так же надо относиться и к решениям ГКО 1941–1945 годов. Их никому не позволено отменять. Но если решения ГКО могут быть объявлены «незаконными» и отменены, во имя «очищения всех сфер общественной жизни от деформации и искажения общечеловеческих ценностей», то такая же судьба должна быть и у этих ельцинских решений. Ведь они носят репрессивный характер.

Если согласиться с сущностью данного закона, то это будет означать следующее: правомерно как массовое дезертирство из армии, так и сотрудничество с врагом, переход на его сторону, служба в вооруженных силах

противника, совершение актов вооруженного насилия в тылу собственной страны. А то, что указанные народы занимались именно такими деяниями, доказывают документы прошлого.

В 1939 году на полуострове было 218 тыс. *крымских татар*. В начале войны практически все крымско-татарское население призывного возраста – их почему-то оказалось всего 20 тыс., было мобилизовано и зачислено в 51-ю армию. В том же году все они дезертировали. И, как свидетельствуют исторические исследования, в подразделениях немецкой армии, дислоцировавшейся в Крыму, состояло, по приблизительным данным, более 20 тыс. крымских татар.

Были и исключения из общего правила. На 1 июня 1943 г. в крымских партизанских отрядах было 262 человека, из них 212 русских и 6 татар. На 15 января 1944 г., по данным крымских архивов, в Крыму насчитывалось 3733 партизана, из них русских – 2292, татар – 598, а на апрель 1944 года среди партизан было: русских – 2502, татар – 391, прочих – 754. Получается, что соотношение татар в немецкой армии и в партизанах было примерно как 30:1.

Весьма показательно обращение Президиума Мусульманского комитета от 10.04.1942 г. в газете «Азат Крым» («Освобожденный Крым»), издававшейся в оккупированном Крыму с 1942 по 1944 год: «Освободителю угнетенных народов, сыну германского народа Адольфу Гитлеру. Мы, мусульмане, с приходом в Крым доблестных сынов Великой Германии с Вашего благословения и в память долголетней дружбы стали плечом к плечу с германским народом, взяли в руки оружие и начали до последней капли крови сражаться за выдвинутые Вами великие общечеловеческие идеи – уничтожение красной жидовско-большевистской чумы до конца и без остатка. Наши предки пришли с Востока, и мы ждали освобождения оттуда, сегодня же мы являемся свидетелями того, что освобождение нам идет с запада. Может быть, первый и единственный раз в истории случилось так, что солнце свободы взошло с запада. Это солнце – Вы, наш великий друг и вождь, со своим могучим германским народом».

После того как Крым был освобожден от оккупации, у арестованных агентов, изменников и пособников оккупантов общим числом 5381 человек было изъято: 5995 винтовок, 337 пулеметов, 250 автоматов, 31 миномет и большое количество гранат и патронов. В ходе самого выселения татар было обнаружено: 49 минометов, 716 пулеметов, 724 автоматов, 9888 винтовок и 5 млн. штук боеприпасов. Оружия, таким образом, хватило бы на две дивизии по штатам военного времени.

Что касается выселения с территории Крыма в другие районы страны лиц болгарского, греческого и армянского происхождения, то и к ним у властей были свои претензии. Вот что писалось в записке НКВД Верховному главнокомандующему в мае 1944 года:

«В период немецкой оккупации значительная часть болгарского населения активно участвовала в проводимых немцами мероприятиях по заготовке хлеба и продуктов питания для германской армии, содействовала германским военным властям в выявлении и задержании военнослужащих Красной Армии и советских партизан, получала “охранные свидетельства” от

германского командования. Немцами организовывались полицейские отряды из болгар, а также проводилась среди болгарского населения вербовка для посылки на работу в Германию.

Значительная часть греков, особенно в приморских городах, с приходом оккупантов и при их содействии занялась торговлей, перевозками и мелкой промышленностью.

Организованный немцами Армянский комитет активно сотрудничал с немцами и проводил большую антисоветскую работу. В Симферополе существовала немецкая разведывательная организация "Дромедар", возглавляемая бывшим дашнакским генералом Дро, который руководил разведывательной работой против Красной Армии и в этих целях создал несколько армянских комитетов для шпионской и подрывной работы в тылу Красной Армии и для содействия организации добровольческих армянских легионов. Армянские национальные комитеты при активном участии прибывших из Берлина и Стамбула эмигрантов проводили работу по пропаганде "независимой Армении". Существовали так называемые "армянские религиозные общины", которые… оказывали немцам помощь, особенно "путем сбора средств" на военные нужды Германии».

Несколько иначе складывались события на Кавказе. Во время гражданской войны чеченцы были ударным отрядом коммунистов на Кавказе. Но в дальнейшем их пути разошлись, и с 20-х годов чеченцы встали на привычный путь бандитизма, причем его размах приобрел такие масштабы, что в марте–апреле 1930 года против бандитов был проведен ряд операций при поддержке артиллерии и авиации, а в 1937 году в ряде населенных пунктов вооруженные банды и группы имели общую численность около 25 тыс. человек. После начала войны в 1941 году и вплоть до 1944 года вооруженные выступления не прекратились. Наоборот, действия мятежников усилились. Нападение на органы власти, на воинские команды, сопровождавшиеся массовыми убийствами красноармейцев, разграбление имущества сельских хозяйств - приобрели массовый характер.

Нелояльность чеченцев и ингушей к государству наглядно проявилась в их дезертирстве и уклонении от мобилизации. В августе 1941 г. из 8000, подлежащих призыву, дезертировало 719. В октябре 1941 г. из 4733 уклонилось от призыва 362. В январе 1942 года при комплектовании национальной дивизии удалось призвать лишь 50% личного состава. В марте 1942 года из 14576 призванных на войну дезертировало и уклонилось от службы уже 13560 человек, которые перешли на нелегальное положение, ушли в горы и присоединились к бандам. То есть доля изменников доходила до 93%.

В тылу Красной Армии образовалась группировка, имеющая на вооружении не только стрелковое оружие, но также артиллерию и минометы. В 1942 году был создан объединенный военный штаб повстанческого правительства. Весной 1942 года армейская авиация уже вынуждена была бомбить территорию Чечни. Чеченские банды (до 40 тыс. человек) активно участвовали в диверсионных и боевых действиях в тылу Красной Армии, принимали и обслуживали немецкие десанты. Оккупация Чечни германскими войсками с осени 1942 года до января 1943 года показала, что чеченцы охотно и

в массовом порядке сотрудничали с немцами. Из перешедших на сторону врага чеченцев и местного населения был сформирован Северо-Кавказский легион, чечено-ингушский пехотный полк и карательные отряды.

Накануне войны в республике проживало примерно 460 тысяч чеченцев и ингушей, что при мобилизации должно было бы дать 40–50 тысяч военнослужащих (из 200 тысяч крымских татар, как было сказано выше, было мобилизовано в начале войны 20 тысяч). Но когда чеченцев и ингушей отзывали с фронта, возвратилось: офицеров – 710, сержантов – 1696, рядового состава – 6488. При операции по выселению было изъято 20072 единицы огнестрельного оружия, в том числе винтовок 4868, пулеметов и автоматов – 479.

Следовательно, говорить о том, что в годы войны органы власти СССР занимались переселением нескольких этносов из одного лишь чувства ненависти, что не было никаких оснований для таких акций, не приходится. И основания были, и законы исполнялись.

Если не врать, не замалчивать того, что происходило в действительности, то и причин для переселения было более чем достаточно, и на новом месте жительства их сравнительно неплохо (по условиям того периода) обустраивали. Они работали и учились, плодились и размножались. Как ни странно, численность всех народов, которых переселяла Советская власть, увеличилась многократно. Да и в личном плане судьба переселенцев складывалась неплохо. Чеченец Хасбулатов, к примеру, стал профессором и членом-корреспондентом Академии наук, был даже председателем парламента России, а немец Раушенбах, наш выдающийся ракетчик и мыслитель, – академиком. И все равно у клеветников руки чешутся. Наших сограждан – чеченцев, калмыков, балкарцев, немцев, потомков тех, кого переселяли, – пропаганда убеждает, что недопустимо прощать обиды (предположим, принятые тогда властями решения были чрезмерными) и надо без срока давности мстить России и русским «по законам гор».

Один из аргументов такой пропаганды – смертность среди переселенцев при их переезде. Но мало кто знает, что когда из блокадного Ленинграда и других мест, которым угрожала оккупация, в 1941–1942 годах вывозили в тыл гражданское население, многие эвакуированные не выдерживали даже трех-четырех дней пути. Когда в 1944 году происходило выселение в восточные районы некоторых народов Кавказа, сотрудничавших с оккупантами, происходило то же самое. Понятно, что причиной смерти во время таких переездов была не преднамеренная жестокость, а стресс, психологическое переживание, хронические болезни и просто старость. Относительно утверждений о чрезмерной смертности переселяемых: за время транспортировки огромной массы людей умерло 1272 человек, 50 человек были убиты при сопротивлении или попытках к бегству.

Однако тем же русским, белорусам, украинцам, другим народам, территории постоянного проживания которых были захвачены врагом, наоборот, та же пропаганда преподносит прямо противоположное: эти народы должны предать забвению деяния немцев и их союзников во время войны, из-за чего погибло более 20 миллионов гражданских лиц, не считая военных потерь,

а пострадало, наверное, не менее 50 миллионов, которые оказались в зоне военных действий? Нас убеждают в том, что нам надо примириться. С кем? С агрессорами и убийцами женщин, детей и стариков?

Коварный смысл закона в том, что его положения поделили единую российскую нацию, состоящую из многих этнических групп, на две части. Тех, *кого* репрессировали, и тех, *кто* репрессировал. Причем нейтрально-оценочное понятие репрессии было сужено до общепринятых, обычных уголовных преступлений, отождествлено с ними. В законе оно звучит так:

«Статья 2. Репрессированными признаются народы (нации, народности или этнические группы и иные исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей, например казачество – *прим.*), в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения».

Раскрывая понятие «репрессия», авторы закона определили его в трех формах: информационной, включающей в себя официальную *клевету;* государственно-правовой, состоящей из насильственного *переселения,* упразднения национально-государственных *образований* и перекраивания национально-территориальных *границ;* и уголовно-правовой, включающей *геноцид*, а также режим *террора и насилия* в местах спецпоселения.

Если бы не знать исторический контекст, то можно было бы предположить, что объективное вменение эпохи Второй мировой войны в отношении целых этносов или этнических групп было чем-то исключительным, а меры, принятые государственной властью Советской России, являлись исключением из общепринятых правил поведения. Ничуть не бывало. Вот лишь два примера.19 февраля 1942 года, спустя два месяца после начала войны на Тихом океане с Японией, президент США Рузвельт подписал указ о выселении из западных штатов всех без исключения лиц японской национальности и размещении их в лагерях в центральной части страны. Было интернировано около 120 тысяч человек, из которых две трети являлись гражданами США, а остальные проживали там легально. Одновременно с депортацией этнических японцев, из действующей армии США были уволены военнослужащие японского происхождения. Согласно решению четырех союзных держав, принятому в 1945 году, все немецкое население территорий, передаваемых под суверенитет Советской России, Польши и Чехословакии, а также немецкое население Трансильвании, передаваемой из-под юрисдикции Венгрии под суверенитет Румынии, подлежали выселению на территорию Германии. Когда Германия безоговорочно капитулировала, это решение было исполнено.

Есть странные явления, которые начинаешь понимать лишь после того, как они совмещаются на какой-нибудь одной линии наблюдения. Чаще всего такую возможность дает телевидение. Вот, например, многие годы в СМИ ученые, политики, журналисты внушали: в 30-е годы был разгул репрессий, когда не щадили никого. Причем без какого-либо соблюдения законов. Арестовывали произвольно, пытали, убивали, расстреливали целыми семьями.

Причем особенно досталось ни в чем не повинной «ленинской гвардии». От нее якобы не осталось никого. Характер этой пропаганды был ясен: он должен возбудить в обществе сострадание к безвинно пострадавшим. И что же? Оказалось, большая часть этой гвардии выжила. Откуда это стало известно? Из передачи «Большие родители», которую показывал телеканал НТВ. Дети «репрессированных» и их потомки по большей части весьма неплохо устроились в этой жизни и «этой стране», сделали карьеру, добившись кандидатских и профессорских званий. Живы и благоденствуют дети и внуки Бухарина, Рыкова, Троцкого, Розенгольца, Радека, Пятницкого и многих других «неистовых революционеров». То есть, репрессированный «малый народ» сохранился и требует особого отношения, как и прочие народы.

Давний спор о том, как относится революция к тем, кто ее делает, начавшийся еще в эпоху Французской революции, разрешился во время великой Русской революции: ошибался и жирондист Вернье, считавший, что «революция подобна Сатурну, ибо она пожирает собственных детей», и якобинец Сен-Жюст, который говорил, что «революция пожирает не своих детей, а своих врагов». В России и враги революции, и ее дети в целом не очень-то и пострадали, но те, кто до сих пор жив - испытывают к ней ненависть. К примеру, профессор из Тарту М. Лауристин, дочь довоенного лидера эстонской компартии, погибшего в боях с немцами при обороне Ревеля (Таллина) в 1941 году, бывшая в начале 90-х народным депутатом СССР, призналась, что познала это чувство с 10-летнего возраста.

18 октября 1991 года появился еще один законодательный акт, который должен был внести смуту в общественное сознание. Это был закон о *реабилитации жертв политических репрессий*, в который четыре раза вносились изменения и дополнения. Даже резкое обострение отношений между Съездом и президентом осенью 1993 года не остановило Верховный совет РФ от дальнейшего «совершенствования» этого закона. Его уточнили законом от 3 сентября, за две недели до ельцинского погромного указа № 1400 и расстрела парламента.

Политическими репрессиями закон признал: «Различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами».

Если абстрагироваться от перечисления конкретных примеров, указанных в статье, то окажется, что политические репрессии, жертвы которых данный закон реабилитировал, – это «меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам в виде лишения или ограничения прав и свобод».

Иначе говоря, логика закона сводится к простому уподоблению – политическими репрессиями признаются меры принуждения.

Законодатели, по-видимому, весьма оригинально понимая термин «политика», придали ему исключительно негативный смысл. Все, что имеет политический оттенок, заведомо негативно и преступно. Им неизвестно то, что было ясно 2500 лет тому назад. Аристотель, определяя человека, назвал его политическим животным. Политика – это не синоним деспотизма, тирании, психопатии и прочих физиологических аномалий, а «искусство управления государством». Политические мотивы не могут быть криминальными, поскольку никакой закон и никакое административное решение государственных властей не может не быть обусловлено политическими мотивами. Полагать, что государственная власть, обеспечивая защиту национальных интересов в условиях войны за независимость и суверенитет страны, не должна была при этом опираться на политические мотивы или игнорировать их, – значит абсолютно извращенно представлять себе сущность политики как таковой.

Какая история нужна государству Российскому?

С давних времен у России было много советчиков, считавших, что они вправе указывать, что должно делать великое государство. Среди них были и откровенные враги России, и интриганы-неудачники, сбежавшие из страны, и просто философствующие интеллигенты. Все они упрекали русский народ в том, что он не желает воспринимать «критику со стороны» и внимать «разумным советам». В то же время почти никто из многочисленных «доброжелателей» не имел даже малейшего представления о том, в каких условиях издревле жили русские, совершая героические подвиги в беспрестанных войнах и в упорном труде в суровых условиях. Казалось бы, только общеизвестных исторических фактов может хватить для того, чтобы подтвердить *самостоятельную* жизнеспособность России. Между тем, русские всегда были готовы прислушиваться к мнению своих соседей, хотя вековая историческая практика подсказывала, что, в первую очередь, нужно было надеяться на себя.

В последние годы участились попытки воздействовать из-за рубежа на российское образование и, главным образом, на историческое преподавание и историческую науку. Причем мощное давление происходит на всех уровнях, что позволяет сделать вывод об определенной заинтересованности западных кругов этой темой. А тема является не менее стратегически важной, чем вопросы безопасности и целостности державы, так как именно история призвана формировать государственную идеологию.

Одновременно на Россию обрушился целый шквал «учебной» литературы, зачастую не отвечающей ни интересам российской государственной политики, ни обычным нормам, предъявляемым к образовательным пособиям, но изданной при этом на средства солидных иностранных фондов. На фоне определенного упадка российской

академической науки, связанного прежде всего с недостаточным финансированием со стороны государства, появилось множество зарубежных «специалистов», претендующих на объяснение русской истории. Россия и раньше сталкивалась с похожей ситуацией, и уважаемый читатель должен помнить, чем это обернулось для страны, например во времена правления регента Бирона.

История повторяется… Но никто как будто не собирается вспоминать опыт прошлого.

3 февраля 2004 г. Совет Европы в Страсбурге выступил с предложением к многонациональным государствам, к каковым, по мнению этой титулованной международной организации, относится и Россия, пересмотреть принципы преподавания истории. Руководитель проекта «Реформа исторического образования в странах Центральной и Восточной Европы» Т. Минкина в интервью Интерфаксу заявила следующее: «Фактически, до сегодняшнего дня история везде подавалась таким образом, что она разделяла людей. В каждой стране акцент делался на титульной нации, при этом ее тесная взаимосвязь с соседями, как правило, учитывалась явно недостаточно. Идея же Совета Европы состоит в том, чтобы история не разделяла, а объединяла… Особенно ярким примером здесь является Россия, где ситуация еще усугубляется разностью подходов в изложении истории федеральным центром и регионами».

Действительно, некоторые регионы России претендуют на самостоятельное освещение исторических событий. Такие попытки известны в Татарстане, где местные историки, например, иначе интерпретируют события монголо-татарского нашествия на Русь. Конечно, разные оценки одних и тех же фактов наносят в целом урон исторической концепции Российского государства. Сразу оговоримся, что речь идет об официальной исторической доктрине, которая должна быть монолитной идеологической основой государственной политики, а не о сугубо научных дискуссиях, о которых обычный гражданин имеет полное право не знать. Историческая концепция России должна представлять собой четкую систему изложения и однозначной интерпретации событий прошлого. Причем именно официальная историческая система должна преобладать не только на федеральном, но и на местном уровне во всех регионах страны. Если, конечно, мы заинтересованы в ее стабильности и неделимости.

Очевидно, что многие региональные исторические концепции, являясь откровенно антирусскими, стремятся обосновать местный национальный сепаратизм и прямо угрожают национальной безопасности государства. В таких случаях история явно выходит за рамки научного исследования и становится политическим орудием. Причем таким орудием, скрытую мощь которого принято не замечать.

Политические оппоненты, нападавшие в разные времена на историческую концепцию Российской империи, как правило, упорно твердили о том, что Россия унаследовала все худшее (по их, разумеется, мнению) от Московского царства. Главным упреком, конечно, был «империализм», которым якобы всегда руководствовались московские политики. В данном случае уместно вспомнить замечание выдающегося историка А.Г. Кузьмина,

неоднократно повторявшего: колонизаторы Америки, дойдя до Тихого океана, уничтожили все коренные народы, а Россия, проделав тот же путь, не уничтожила ни одного народа. Зачастую во всех «обвинениях» зарубежных советчиков больше идеологического запала, нежели реальных доказательств.

Официальная историческая доктрина Российского государства, конечно, не должна «разъединять людей». Но она не может также действовать и в ущерб государственной идеологии в стране, где 80% населения считают себя русскими. То объединение, о котором говорит Т. Минкина, будет возможно прежде всего на основе уважения к *русской истории*. Той истории, которая не придумана для нас на Западе или на Востоке, а опирается на русские традиции, реальность и на задачи русского народа в будущем.